

ПРЕДИСЛОВИЕ

В современном многополярном мире каждое государство проводит внешнюю политику, направленную на защиту своих национальных интересов. Главным средством осуществления внешней политики является дипломатия. Умение вести переговоры, добиваться компромиссов, заключать договора — таковы основные функции дипломатов, проводников внешней политики государств. История международных отношений государств тесно связана с дипломатической историей. Однако, в то время, как история международных отношений ряда стран освещает главным образом текущие события, дипломатическая история главное внимание уделяет внешней политике одного государства и больше связана с историей дипломатии.

История дипломатии давно и плодотворно изучается как в отечественной, так и зарубежной историографии. За последние годы появились новые подходы к исследованию проблем, связанных с историей дипломатии и в их числе т.н. «новая дипломатическая история». Указанный термин впервые ввел в научный оборот американский ученый Джон Уоткинс¹. К числу

¹ Watkins J. Toward a New Diplomatic History of Medieval and Early Modern Europe// *Journal of Medieval and Early Modern Studies*. Duke University Press, 2008. Vol. 38, № 1. P.1–14. <https://doi.org/10.1215/10829636-2007-016>

последователей данного направления можно отнести исследователей Дж. Блека, Т. Соуверби и др.² Характеристики основных методологических принципов новейшего направления изучения «новой дипломатической истории» осветил доцент Национальной академии наук Беларуси Д.В. Мазарчук³. Как утверждает автор, в отличие от классических трудов по истории дипломатии в современных работах меньше внимания стали уделять «различным рубежным событиям, договорам и войнам, а также «высокой политике» в целом». Современные ученые предпочитают акцентировать внимание на «индивидуальном акторе и на культуре как поле активности». Предметом их исследований, продолжал историк, «становится как материальный, так и ментальный миры дипломатов». Он соглашается с мнением британского ученого Д. Гехринга, утверждавшего, что в результате подобного изучения истории дипломатии происходит «инкорпорация аспектов социальной и культурной истории в историю дипломатии»⁴. Таким образом, можно заключить, что «новая дипломатическая история» позволяет больше внимания уделять не только профессиональной деятельности, но также личности и внутреннему миру самих дипломатов.

В предлагаемой книге авторы обращаются к истории взаимодействия российских и зарубежных дипломатов в процессе различных переговоров на протяжении длительного хронологического периода, от XVI века до современности. Опираясь на солидный источниковый задел, включающий в себя архивные материалы, многие из

² Black J. *British Diplomats and Diplomacy. 1688–1800*/Exeter: Univ. of Exeter Press, 2001; Sowerby T.A. *Early Modern Diplomatic History*// *History Compass*, 2016. Vol.14, y// *History Compass*, 2016. Vol.14, №9. P. 441–456. <https://doi.org/10.1111/hic3.12329>.

³ Мазарчук Д.В. «Новая дипломатическая история»: Становление, направления, исследования и перспективы развития// *Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук*. 2021. Т. 66, № 3. С. 283–292. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-3-283-292>.

⁴ Мазарчук Д.В. *Указ. соч.* С. 288.

которых вводятся в научный оборот в исторической науке впервые, исследователи освещают не только стратегию и тактику российской и зарубежной дипломатии, но также жизнь и деятельность дипломатов в стране пребывания. Затрагивают они также и далекую от их профессиональной — разведывательную деятельность.

Структурно монография делится на две части. Первая часть содержит материалы, связанные с историей российской дипломатии. Вторая — объединяет главы, посвященные жизни и деятельности западных дипломатов.

Первую часть монографии открывает глава к.и.н. А.А. Киселева о поездке русского посланника О.Г. Непеи в Англию в 1556–1557 гг. На основе анализа широкого комплекса источников автор выявил причины и возможности военно-политического сближения Англии, Испании и Московской Руси в середине XVI в., что являлось наиболее вероятной целью путешествия О.Г. Непеи в Англию. Исследователь приходит к заключению, что в этой сфере переговоры в Лондоне оказались успешными лишь отчасти, поскольку правители Испании и Англии могли оказать военную поддержку царю Ивану Грозному, но не были заинтересованы в военно-политическом союзе с Московским государством и военных действиях против Османской империи. В то же время главным результатом поездки О.Г. Непеи стало установление официальных равноправных отношений между Англией и Россией на высшем уровне, а также получение торговых привилегий для русских купцов, что позволяет считать первую русскую дипломатическую миссию в Лондоне успешной.

Большая часть первой части объединяет главы, посвященные истории дипломатии и дипломатов России в период XIX века. Так, к.и.н. Л.М. Троицкая освещает деятельность русского дипломата А.Г. Евстафьева в Великобритании и США в первой половине XIX в. Русский дипломат обладал аналитическим умом, большими

знаниями и опытом, литературными и музыкальными способностями, а также полемическим даром. Все это способствовало тому, что он сыграл важную роль в становлении и развитии межкультурных связей России с США и Великобританией. Семейные узы расширяли возможности и распространяли эти связи на другие европейские страны, в частности на Италию.

Глава к.и.н. Н.С. Иванова посвящена изучению политических взглядов и деятельности посла в Болгарии, Бразилии, Аргентине, Уругвае, Швейцарии Александра Семеновича Ионина (1837–1900). Он являлся известным славянофилом, автором первого крупного исследования в российской историографии по истории, политике и экономике Латинской Америки — четырехтомника «По Южной Америке». Главное внимание в главе уделяется деятельности Ионина на Балканах, а также панславизме и борьбе против прозападного курса в российской внешней политике.

В центре внимания главы д.и.н. И.Р. Чикаловой освещение деятельности незаурядной для своего времени женщины — Ольги Алексеевны Новиковой (1840–1925), с 1875 г. проживавшей в Лондоне, имевшей там популярный в интеллектуальных кругах салон и быстро сумевшей приобрести репутацию у английской публики как «негласной представительницы России», у политических оппонентов — «члена парламента от России» (Б. Дизраэли), у открытых недругов — «неофициального агента русского правительства в Лондоне» (К. Маркс) и даже — «платного агента русского царизма» (Ф. Энгельс). В главе показана роль О.А. Новиковой в противодействии русофобским настроениям в Лондоне, в нейтрализации угрозы для России со стороны одной из могущественных стран-соперниц и в улучшении имиджа самой России в Англии. Ее успех в продвижении российских интересов в Англии во многом был предопределен личным влиянием на У.

Гладстона. Как представительница «слабого пола», не занимая никаких официальных постов в соответствии с устоявшимся паттерном в отношении женщин, самим фактом своего присутствия в общественном пространстве двух стран и своей способностью привлекать к себе лучшие умы времени О.А. Новикова бросала вызов традиционным представлениям о невозможности для женщин влиять на политическую мысль и практику.

В совместной главе д.и.н. А.А. Орлова и бывшего сотрудника Историко-документального департамента МИД РФ С.Л. Туриловой по неопубликованным документам Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) МИД РФ восстановлены основные вехи биографии российского дипломата Ивана Яковлевича Коростовца (1862–1933) — видного представителя имперской дипломатии конца XIX — начала XX вв. Глава дополняется публикацией отрывка из мемуаров И.Я. Коростовца «Моя командировка из Киева в Яссы в 1918 году» с рассказом о попытке сближения гетмана П.П. Скоропадского со странами Антанты и об отношении к этому дипломатов Франции, Великобритании и США, находившихся в Румынии.

Глава д.и.н. Е.Ю. Сергеева посвящена рассмотрению особенностей дипломатического противостояния советской (под руководством Чичерина) и британской делегаций (под руководством Ллойд-Джорджа) на международной конференции в Генуе, столетие проведения которой отмечается мировой научной общественностью в 2022 г. В центре внимания автора — рассмотрение попыток участников форума достичь поставленных целей, используя различные подходы к разрешению накопившихся проблем в политической и экономической областях с учетом мнений не только различных общественных сил внутри Советской России и Соединенного Королевства, но и других ключевых акторов на международной арене первой половины 1920-х гг.

В главе д.и.н. А.С. Соколова рассматриваются основные этапы биографии известного государственного деятеля, российского дипломата Г.Я. Сокольникова. Автор останавливается на освещении его работы в народном комиссариате иностранных дел. Особое внимание уделяется участию Сокольникова в развитии советско-английских отношений в период его деятельности на посту полпреда СССР в Великобритании с 1929 по 1932 гг.

Завершает первый раздел книги глава к.и.н. И.Ю. Хрулевой, посвященная деятельности советской военной миссии в Соединенных Штатах Америки в начальный период Великой Отечественной войны. Указанная проблема впервые становится предметом исследования как в отечественной, так и в зарубежной историографии. На основе материалов российских и американских архивов, а также публикации американских средств массовой информации, автор делает выводы о первых результатах переговоров, которые вели высокопоставленные советские военные с политическим руководством США. Хотя масштаб американской помощи Советскому Союзу в период с июля 1941 г. по февраль 1942 г. был ограничен, и осуществлялся главным образом через предоставление США кредитов Советскому Союзу на закупки вооружения, тем не менее, именно в первые месяцы Великой Отечественной войны были заложены основы союзнических отношений между СССР и США и определены основные параметры американской экономической помощи, выработана логистика доставки грузов в Советский Союз, финансовая составляющая программы и произведена оценка возможностей американской оборонной промышленности. Материалы американской периодической печати дают важную информацию о развернувшейся летом 1941 г. борьбе как в средствах массовой информации, так и в политических и военных кругах США по вопросу о необходимости оказания помощи СССР и о формировании нового образа

советского государства — союзника по совместной борьбе, а не идеологического оппонента. Особое внимание в главе автор уделил визиту главы советской военной миссии в США А.К. Репина в феврале 1942 г., характеру его переговоров с президентом США и последовавшим решениям, которые способствовали реализации программы ленд-лиза в отношении Советского Союза.

Вторую часть книги открывает глава к.и.н. М.В. Третьяковой, посвященная исследованию значения поста байло в Константинополе в иерархии рангов исполнителей дипломатических поручений Венеции. Автор рассматривает структуру хаусхолда венецианского байло, социальную принадлежность лиц, занимавших этот пост в Константинополе, показывает судьбы некоторых из них и приходит к выводу, что венецианский нобилитет неоднозначно относился к замещению указанного поста, полагая, что исполнение обязанностей байло в Константинополе способно привести, как к взлету общественно-политической карьеры, так и принести значительные риски в карьере дипломата, а порой и в его жизни. Пост дипломата, исполнявшего свои обязанности при дворе турецкого султана, был связан со сложностями не только для венецианских нобилей, но и для посланников других европейских государств, включая Россию, что показала судьба стольника П. А. Толстого, первого русского посла-резидента в Константинополе в начале XVIII века.

Историю дипломатии и дипломатов XVIII века продолжает глава д.и.н. Т.Л.Лабутиной, в которой речь идет о дипломатической миссии британского посланника и разведчика Клавдия Рондо при дворе российской императрицы Анны Иоанновны. Деятельность Рондо в России слабо освещена не только в отечественной, но и зарубежной историографии, хотя именно этот дипломат внес большой вклад в восстановление в 1731 г. англо-русских дипломатических отношений, прерванных Петром Первым;

подготовку Торгового договора 1734 г., оборонительного договора между государствами 1741 года. Впервые в историографии автор освещает разведывательную деятельность британского дипломата, которую тот вел на территории России по заданию короля Великобритании Георга II Ганновера.

В главе д.и.н. М.А. Филимоновой исследуется дипломатическая деятельность американского дипломата Руфуса Кинга (1755–1827), а также его взгляды на международные отношения 1790-х гг. Президент Вашингтон в своем Прощальном послании на десятилетия заложил основной принцип внешней политики США: никаких связывающих союзов с другими державами. Дипломат Р. Кинг оказался в ряду тех, кто обеспечивал соблюдение данного принципа на практике. Будучи послом в Великобритании, он сдерживал напряженность в англо-американских отношениях и, возможно, на несколько лет отсрочил войну между двумя странами.

Американскую тему продолжает д.и.н. Т.В. Алентьева. Ее глава посвящена изучению деятельности одного из государственных секретарей США XIX века — Гамильтона Фиша (1808–1893). Он считался одним из лучших американских государственных секретарей. Фиш урегулировал спорные «претензии Алабамы» с Великобританией, разработав концепцию международного арбитража и вошел в историю как талантливый дипломат, стремящийся решать проблемы не с позиции силы, а путем переговоров. Фиш также сыграл ключевую роль в предотвращении войны с Испанией из-за восстания на Кубе и инцидента с «Вирджинией». Способствовал урегулированию спорных проблем во взаимоотношениях с Канадой. Был организатором ряда мирных конференций в Вашингтоне и заключения важных международных договоров.

В главе д.и.н. И.Ю. Смирновой прослеживается конфессиональный вектор деятельности британских дипломатов

в Османской империи в 1840-е — 1850-е гг., когда политическое проникновение великих держав в Ближневосточный регион осуществлялось по церковным и миссионерским каналам. На материалах русских и британских архивов исследуется роль британского посла в Константинополе лорда Стрэтфорда де Рэдклиффа в распространении миссионерского присутствия Великобритании на Ближнем Востоке. На примерах дипломатической поддержки христиан Османской империи и миссионеров англо-прусской епископии, влияния на дела Константинопольского престола показаны механизмы работы британских дипломатов в условиях внешнеполитической конкуренции с Россией.

Глава д.и.н. Т.Н. Гелла посвящена египетскому направлению колониальной политики Великобритании в начале 80-х годов XIX в. В центре внимания автора — освещение российскими дипломатами и военными агентами, аккредитованными в Великобритании, политических и военных событий англо-египетской войны и оккупации Египта английскими войсками в 1882 г. Главный акцент автор делает на оценках российских дипломатов отношения лидеров правящей либеральной партии и британского общества к войне и ее последствиям, как для самой Англии, так и для Египта.

В главе к.и.н. М.В. Жолудова анализируется деятельность одного из наиболее известных британских государственных деятелей и дипломатов XIX века — лорда Пальмерстона. Будучи министром иностранных дел, он оказал значительное влияние на формирование внешнеполитического курса Великобритании в Европе в 30-х годах XIX века. Автор обращает внимание на то, что именно в этот период были сформированы основы антирусской внешнеполитической доктрины Британии. Пальмерстон считал непримиримыми англо-русские геополитические противоречия на европейском континенте, защищая интересы торгово-промышленных кругов Великобритании.

Глава к.и.н. Д.И. Портнягина и к.и.н. Н.А. Портнягиной посвящена деятельности в России британского посла Артура Николсона в период революции 1905–1907 гг. Опираясь на архивные документы, большая часть которых впервые вводится в научный оборот, авторы показывают, с какими проблемами дипломату пришлось столкнуться в России в период революции, и какую оценку он им давал в своих донесениях в Форин Офис. Авторы пришли к выводу, что в начале своего пребывания в стране либерал А. Николсон оценивал русские события, деятельность новых институтов (парламента и политических партий), исходя из британского опыта. Однако ожесточённая партийная борьба, нежелание левых и либеральных партий идти на компромиссы с властью в Думе привели его к мысли о том, что преодоление революции в России следует связывать скорее с деятельностью правительства, нежели политических партий и парламента. Особое влияние на оценку А. Николсоном событий в России оказал П. А. Столыпин. Британский посол, имевший либеральные взгляды, весьма высоко оценил политику П. А. Столыпина периода 1906–1907 гг. и смог наладить с ним конструктивные отношения, что, в конечном итоге, способствовало заключению англо-русского соглашения 1907 г.

Глава д.и.н. С.О. Буранка посвящена анализу визуальной пропаганды, используемой дипломатией США в международных отношениях в период 1941–1943 гг. Как отмечает автор, в современных исследованиях, посвященных истории международных отношений, достаточно востребованным направлением является изучение специфики информационного дискурса. А особую роль в данном дискурсе играет пропаганда через кинематограф, который использует образы, исторические символы и устойчивые метафоры, обращение к которым может сформировать определённую общественную реакцию. Фильмы США периода 1941–1943 гг. — одно из главных направлений визуальной пропаганды.

В главе к.и.н. Д.И. Портнягина рассматриваются взгляды видного британского дипломата Ф. Робертса на внешнюю политику Советского Союза в первые годы после Второй мировой войны. Автор приходит к выводу, что отношение Ф. Робертса к политике СССР за время его нахождения в британском посольстве в Москве в 1945–1947 гг. претерпело некоторую эволюцию, которая затронула главным образом риторику британского поверенного в делах. По мере развития «холодной войны» выражения Ф. Робертса становятся жестче и более решительными. Неизменной оставалась изначально негативная оценка советского режима, а также весьма односторонний подход к оценке его действий на международной арене, при котором вся ответственность за обострение послевоенной ситуации в мире возлагалась на СССР. Что отличало Ф. Робертса от многих коллег по министерству иностранных дел, так это стремление найти некий *modus vivendi* в сложившейся ситуации, избегая по возможности ненужных обострений. Он постоянно подчеркивал стремление СССР к сохранению мира, прежде всего по экономическим соображениям. На определенном этапе такой прагматичный подход, по-видимому, находил понимание у Э. Бевина, о чем свидетельствует назначение Ф. Робертса на должность главного личного секретаря министра иностранных дел в 1947 г. Между тем, в самом Форин офис преобладала более нетерпимая и агрессивная позиция в отношении СССР, олицетворением которой стали К. Уорнер и А. Киркпатрик. В итоге и сам Э. Бевин согласился с тем, что Советский Союз должен стать объектом более решительной оборонительно-наступательной политики, предлагавшейся высшими должностными лицами Форин офис.

Завершает монографию глава к.и.н. Р.Р. Валеевой-Хакимовой, посвященная проблеме культурной дипломатии Великобритании, ее направлениям и общей тенденции

развития. Автор изучает характерные особенности британских институтов культуры, их характер, каналы финансирования. Обращается внимание на дискуссионные проблемы культурного сотрудничества России и Великобритании в конце XX — начале XXI вв.

Завершая свой труд, авторы выражают надежду, что он будет востребован как специалистами, так и читателями, которые интересуются историей дипломатии и дипломатов стран Запада и России.

Редколлегия

ЧАСТЬ I

РОССИЙСКИЕ ДИПЛОМАТЫ

Глава 1.

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ПОСЛАННИК В АНГЛИИ: БЫЛА ЛИ УСПЕШНОЙ МИССИЯ ОСИПА НЕПЕИ (1556–1557 гг.)?

А.А. Киселев

Зарождение англо-русских отношений традиционно датируется 1553 годом, когда к берегам Двины причалил английский корабль «Эдвард Благое предприятие». Его капитан Ричард Ченслер в феврале 1554 г. получил аудиенцию царя Ивана IV, разрешившего жителям Туманного Альбиона вести торговлю в русских землях. Однако «корабельные гости» Ченслера, согласно грамоте короля Эдварда VI Тюдора, не были уполномочены устанавливать межгосударственные отношения, а только «искать в оных [неведомых странах] то, чего мы не имеем, и привезти им из земель наших то, чего они не имеют»¹. На это намекнул в ответном послании Иван IV, попросив направить к нему «одного из членов Совета Вашего Величества договориться с нами»². Но в 1555 г. из Лондона снова прибыли только купцы учрежденной Московской торговой компании Р. Ченслер, Дж. Киллингворт и Р. Грей. Тогда в 1556 г. вместе с англичанами из Москвы к Тюдорам царем был направлен первый русский посланник Осип Григорьевич Непея. Именно его визит в Лондон, завершившийся получением торговых привилегий для русских купцов,

¹ The copie of the letters missive, which the right noble Prince Edward the sixt sent to the Kings, Princes, and other Potentates, inhabiting the Northeast partes of the worlde, toward the mighty Empire of Cathay, at such time as Sir Hugh Willoughby knight, and Richard Chancelor, with their company, attempted their voyage thither in the yeere of Christ 1553, and the seventh and last yeere of his raigne // Hakluyt R. The principal Navigations Voyages Traffiques and Discoveries of the English Nation. Vol. I. London, 1599, p.231.

² “Privileges granted by Ivan Vassileviche, Emperor of all Russia, to the English Merchants”. British Library, Lansdowne MS 141/54, f.342.

можно считать началом официальных межгосударственных англо-русских отношений.

К сожалению, за исключением упоминания в летописях материалы данной поездки на русском языке не сохранились. В то же время визит представителя Московского государства в Лондон в 1556–1557 гг. нашел отражение в английских, французских, венецианских, голландских и польских источниках, благодаря которым можно уточнить некоторые детали пребывания москвитов в английской столице, а также пересмотреть общепринятые оценки миссии О.Г. Непеи. В свете современных представлений это событие требует более тщательного исследования.

Поездка О.Г. Непеи в Англию неоднократно становилась предметом изучения отечественных и зарубежных историков. Однако из-за отсутствия подробной информации об этом в отечественных источниках XVI столетия путешествие в Англию первого московского посланника традиционно рассматривалось лишь как незначительный эпизод в контексте общих обзоров двусторонних отношений, преимущественно сосредоточенных в торгово-экономической сфере³. Но даже в этом направлении никто из исследователей не смог дать оценку деловым результатам визита русской делегации в Лондон, поскольку это требует анализа торговой политики Англии середины 1550-х гг. по отношению к московскому, ганзейскому и итальянскому купечеству.

Основываясь на многочисленных иностранных источниках, историки Я.С. Лурье, Х. Граля и Дж. Эванс обращали

³ Гамель И. Англичане в России в XVI и XVII столетия. Ст.1. Приложение к VIII-му тому Записок Императорской Академии наук. СПб., 1856. С.56–67; Толстой Ю.В. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией, 1553–1593. Грамоты, собранные, переписанные и изданные Юрием Толстым. СПб., 1875. С.9–11; Любименко И.И. История торговых сношений России с Англией. Вып. I. XVI в. Юрьев, 1912. С.67; Willan T.S. The Early History of Russia Company, 1553–1603. Manchester, 1956. P.15–18; Baron S.H. Osip Nepea and the Opening of English-Russian Commercial relations // Oxford Slavonic Papers. New Series, 1978. Vol. XI. P.42–63; Соколов А.Б. Навстречу друг другу: Россия и Англия в XVI–XVIII вв. Ярославль, 1992. С.28–29; Лабутина Т.Л. Англичане в допетровской России. СПб., 2011. С.23–24.

внимание на военно-политическую цель миссии О.Г. Непеи⁴. Однако они не углублялись в международную ситуацию середины XVI в. и не анализировали причины и возможности военно-политического сближения Англии, Испании и Московской Руси, что не позволяет объяснить эту ситуацию в полной мере и требует её исследования в широком международном контексте, основываясь на системном подходе.

Источниковая база о поездке О.Г. Непеи в Англию на русском языке крайне скудна и содержит только небольшие упоминания об этом событии в летописях⁵. Гораздо более детальными источниками являются отчеты о визите московского посланника в Лондон, написанные протонотарием (главным секретарем) английского королевского двора Джоном Инсентом⁶ и анонимным польским агентом⁷, а также дневник лондонского торговца-суконщика Генри Мэчина⁸. Важное значение для нашего исследования также имеют письма венецианского посла в Англии Микеля Суриана⁹, французского дипломата Франсуа де Ноайя¹⁰ и секретаря польского короля Траянуса Провано¹¹.

⁴ Лурье Я.С. Русско-английские отношения и международная политика второй половины XVI в. // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С.426–429; Граля Х. Россия–Англия–Польско-Литовское государство: Посольство Осипа Непеи в Лондон и ягеллонская дипломатия (1557 г.) // Россия–Великобритания: пять веков культурных связей. СПб., 2015. С.256–264; Evans J. Merchant Adventurers. The Voyage of Discovery that transformed Tudor England. L., 2013. P.291–298.

⁵ Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению археографической комиссией. Т. XIII. Ч. VIII. СПб., 1904. С. 270, 285–286; Двинской летописец // Полное собрание русских летописей. Т. XXXIII. Л., 1977. С.150.

⁶ Incent J. A Discourse of the Honourable receiving into England of the first Ambassador from the Emperor of Russia, in the yeere of Christ 1556, and in the third yeere of the raigne of Queene Marie, serving for the third voyage to Moscovie. Registered by Master John Incent Protonotarie // Hakluyt R. The principal Navigations Voyages Traffiques and Discoveries of the English Nation. Vol. I. L., 1599. P.285–290.

⁷ Граля Х. Указ.соч. С.264–266.

⁸ Machyn H. The Diary of Henry Machyn. British Library, MS Cotton Vitellius F.v. 162 p.

⁹ Calendar of State Papers relating to English Affairs in the Archives of Venice. Vol. 6. 1555–1558. L., 1877. P.1005, 1022.

¹⁰ Charriere E. Negotiations de la France dans le Levant ou correspondences, memoires et actes diplomatiques des ambassadeurs de France. Vol. II. Paris, 1850. P. 449–450.

¹¹ Provano T. Traianus Provano, secretarius regius, Alberto in Prussia duci. Vilnae, 22.VIII.1557 // Elementa ad Fontium Editiones. Vol. L: Documenta ex Archivis Regimontano ad Poloniam spectantia. XX Pars. 1549–1568. Roma, 1980. P.105–107.

Прежде всего, следует обратить внимание на официальный статус первого представителя Московского государства в Англии. Из-за того, что во всех иностранных источниках О.Г. Непея назван «послом» (*ambassador*), а в русских — «посланником», в историографии нет единого мнения о его статусе. Однако в Московском государстве XVI в. четко определяли разницу между дипломатическими рангами того времени. Более того, в зависимости от характера миссии, русского царя в зарубежных странах представляли не только послы, но и посланники, гонцы и посланцы¹². Поэтому, когда Иван Грозный писал английской королеве о Непее как о «посланнике нашем»¹³, он имел ввиду статус своего представителя.

Почему выбор Ивана IV пал именно на О.Г. Непею? Кем был этот человек? С.Б. Веселовский восстановил его биографию, выяснив, что с 1558 г. Непея являлся дьяком, в полномочия которого входили в том числе и внешнеполитические вопросы¹⁴. Вероятно, это назначение могло быть награждением за успешно выполненную миссию. Но чем занимался Непея в 1556 г., когда был направлен в Англию? В «Никоновской летописи» он сухо назван «посланником Непеей Вологжаниным»¹⁵, что породило разногласия среди историков. Так, И. Гамель считал его «вологодским дворянином»¹⁶, Ю.В. Толстой и Дж. Эванс — «вологодским наместником»¹⁷, Х. Граля и С. Барон — «купцом»¹⁸. Но О.Г. Непея не мог быть купцом, поскольку, как будет показано далее, он направлялся к королевскому двору для обсуждения с английскими монархами не только коммерческих, но и военно-политических

¹² «Око всей великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI — XVII веков. М., 1989. С.16.

¹³ Послания Ивана Грозного. М. — Л., 1951. С.139.

¹⁴ Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV — XVII вв. М., 1975. С.135.

¹⁵ Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению археографической комиссией. Т. XIII. Ч. VIII. СПб., 1904. С.270.

¹⁶ Гамель И. Указ.соч. С.56.

¹⁷ Толстой Ю.В. Указ.соч. С.9; Evans J. Op.cit. P.282.

¹⁸ Граля Х. Указ.соч. С.257; Baron S.H. Op.cit. P.45.

вопросов. Отечественный исследователь Я.С. Лурье справедливо заметил, что «миссия Непеи... носила уже определенно политический характер»¹⁹. К тому же, в XVI в. купцы крайне редко лично встречались с государями, поскольку считались людьми низкого происхождения (по словам русского царя Ивана IV, «мужиками торговыми»²⁰). Более того, в «Трактате о почетном приеме в Англии первого посла императора России в лето Господне 1556», составленным протонотарием королевского двора Дж. Инсентом, царский посланник назван «высокопоставленным должностным лицом [*high officer*] в городе и провинции Вологда»²¹. Очевидно, что О.Г. Непея являлся дворянином, и, скорее всего, возглавлял Вологду, в которой в тот период действовало земское управление²².

Вместе с О.Г. Непеей в Лондон отправились 16 русских купцов, представлявших холмогорскую землю. «Двинской летописец» сообщает о личностях только двоих из них: Феофане Макарове и Михаиле Косицыне²³. В середине XVI в. Макаровы и Косицыны являлись одними из крупнейших соле- и рыбопромышленников Русского Севера. А Ф. Макаров занимал пост выборного головы Двинской земли и земского судьи²⁴. Именно ему выпало в августе 1553 г. первым встречать «аглинские карабли с Акияна моря»²⁵.

О.Г. Непея было поручено доставить царские подарки и письмо, в котором излагались предложения русского государя. Текст письма, судя по всему, не сохранился, поскольку

¹⁹ Лурье Я.С. Указ.соч. С.427.

²⁰ Толстой Ю.В. Указ.соч. С.109.

²¹ Incent J. Op.cit. P.285.

²² Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI века. М., 1960. С.423.

²³ Двинской летописец // Полное собрание русских летописей. Т. XXXIII. Л., 1977. С.150.

²⁴ Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. С.258, 282; Голикова Н.Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI–первой четверти XVIII в. Т.1. М., 1998. С.35.

²⁵ Двинской летописец // Полное собрание русских летописей. Т. XXXIII. Л., 1977. С.150.

до настоящего времени не найден. «Несмотря на все поиски, я не мог найти этой грамоты ни в оригинале, ни в списке или в переводе», — сообщал российский историк И. Гамель²⁶. Из «Никоновской летописи» известно только, что Иван IV «писал х королю о любви и ссылке»²⁷. В связи с этим об официальных и неофициальных целях визита первого русского посланника в Англию исследователям остается только догадываться.

Экспедиция из четырех кораблей отправилась в путь из устья Двины 2 августа 1556 г. Обогнув Скандинавский полуостров, флотилия оказалась разделенной сильным штормом в Северном море. Суда «Бона Конфиденция» и «Бона Эсперанца», участвовавшие еще в самом первом плавании Р. Ченслера в 1553 г., разбились о камни и затонули у берегов Норвегии. На борту «Боны Эсперанцы» находились несколько русских купцов, среди которых были упоминавшиеся Ф. Макаров и М. Кошцын. Никто из них не выжил. Корабль «Филипп и Мария» укрылся в норвежском Тронхейме и смог вернуться в Лондон только следующей весной. А «Эдвард Благое предприятие» буря вынесла к берегам Восточной Шотландии, где корабль также разбился недалеко от замка Питслиго. Среди погибших был знаменитый капитан Р. Ченслер.

По счастливой случайности О.Г. Непее удалось выжить в кораблекрушении, как и еще девяти русским, чьи имена запечатлел в своем трактате протонотарий Дж. Инсент: Исааку, Дмитрию, Ермолаю, Семену, Ерофею, Степану, Луке, Андрею и Фоме²⁸.

Кучка выживших пассажиров судна «Эдвард Благое предприятие» высадилась в Восточной Шотландии. Месяц спустя в Лондон пришло письмо о том, что «не только разбился упомянутый корабль, но и весь груз, находившийся на нем, был разграблен и украден грубыми и хищными людьми

²⁶ Гамель И. Указ.соч. С.61.

²⁷ Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению археографической комиссией. Т. XIII. Ч. VIII. СПб., 1904. С.270.

²⁸ Incent J. Op.cit. P.290.

ми графства [Абердиншир]»²⁹. Помимо имущества и груза Московской торговой компании, шотландцы похитили и драгоценные подарки царя Ивана IV, которые О.Г. Непея вез королю и королеве. Согласно составленной описи, утраченными оказались прекрасные шкуры и меха, в том числе «двадцать целых соболей, превосходных по красоте, с зубами, ушами и когтями», и шкуры, настолько богатые и редкие, что их «носил только император». Среди других пропавших подарков были четыре живых соболя, каждый с собственным ошейником и цепью, и охотничий белый кречет — редкая и драгоценная птица³⁰.

Выжившие в кораблекрушении русский посланник О.Г. Непея и его спутники добрались до Эдинбурга, где остались дожидаться помощи из Англии. Тем временем Московская торговая компания, получив сопроводительное письмо королевы Марии Тюдор к шотландской правительнице Марии де Гиз с просьбой о поддержке, направила из Лондона в Эдинбург своих юристов — Лоуренса Хассея, сына губернатора компании, и Джорджа Джилпина, будущего елизаветинского дипломата. Два месяца английские юристы безуспешно пытались добиться возвращения потерянных товаров, даже несмотря на активную поддержку шотландской королевы. В феврале 1557 г. русская делегация в сопровождении англичан покинула Эдинбург и направилась на юг.

Через две недели путники достигли Лондона. Еще на подъезде к городу делегацию встречали многочисленные купцы Московской торговой компании (И. Гамель писал о 140 чел.³¹) и олдермены во главе с королевским фаворитом Энтони Брауном, виконтом Монтэгю, и лорд-мэром Лондона Томасом Оффлеем. Торжественный въезд этой процессии в английскую столицу был запечатлен в дневнике торговца-суконщика Генри Мэчина, который в силу профессионального интереса

²⁹ Ibid. P.286.

³⁰ Ibid. P.289.

³¹ Гамель И. Указ.соч. С.59.

уделял много внимания описанию нарядов. «В двадцать седьмой день февраля прибыл в Лондон из Шотландии в качестве посла герцог Московии и множество купцов Англии и других народов», — записал Мэчин. — «И они встретили его за Шордичем в бархатных накидках и накидках из прекрасной ткани, отороченных бархатом и шелковой бахромой, с золотыми цепями. А затем въехали лорд Монтэгю и различные лорды, рыцари и джентльмены в великолепных одеждах. Потом появились лорд-мэр и олдермены в алых нарядах, и посол, чье шелковое платье расшито жемчугом и камнями, и его люди в грубой золотой одежде, доходящей до голени (словно мантии), и высоких накидках. И так до самого дома м-ра Даймока, купца, на Фенчерч-стрит. А его [Непеи] накидка и колпак украшены жемчугом и камнями»³².

Среди очевидцев въезда русского посланника в Лондон был и неизвестный польский агент, направивший через некоторое время в Краков «Содержательное и короткое описание великолепия с каким московский посол въехал и был введен в Лондон, а также какими поминками был одарен и чествован самой королевой и лондонскими купцами». Данный автор обращал отдельное внимание на тот факт, что встречавшим пришлось находиться более двух часов на февральском морозе, а среди участников торжественного въезда был и основатель Московской компании Себастьян Кабот. Интересно, что, в отличие от английского купца Г. Мэчина, видевшего русских людей впервые, польский информатор знал об особенностях одежды московитов, указав, что они были одеты «по русскому обычаю» — в длинных платьях, красных сапогах и белых колпаках³³.

Пышная встреча посланца из далекой страны ввела многих лондонцев в заблуждение относительно персоны московита. Так, Г. Мэчин назвал его «герцогом Московии», а известный

³² Machyn H. The Diary of Henry Machyn. British Library, MS Cotton Vitellius F.v. f.67r.

³³ Граля Х. Указ.соч. С.261.

хронист Р. Холинshed полагал, что в Англию приехал посол «императора Китая, Московии и Руссланда»³⁴. Учитывая, что почти все вещи московитов утонули при кораблекрушении или были украдены жителями шотландского побережья Питслиго, О. Непея прибыл в Лондон, можно сказать, с пустыми руками. Однако англичане, включая королеву Марию Тюдор, преподнесли гостям различные подарки: лошадей, дорогие ткани и богатую одежду³⁵.

Русского посланника вместе с делегацией разместили в доме купца-суконщика Джона Даймока, находившемся в восточной части лондонского Сити. Здание было удачно расположено: на соседних улицах находились офис Московской компании, представительства итальянских фирм, старинный рынок Лиденхолл. Московитам выделили «две комнаты, богато обставленные и украшенные более чем прекрасной мебелью, включая шкаф, наполненный посудой всех сортов», — сообщал в отчете Дж. Инсент, — «На протяжении всего времени (пребывания Непеи в Лондоне — А.К.) его ежедневно посещали различные олдермены и самые значимые представители [Московской] компании, предоставляя всевозможную провизию ему и его слугам, а также разнообразных сотрудников для обеспечения ему хороших условий, какие положены почетному послу»³⁶. Руководство Московской компании обращало внимание своих агентов на то, что «подобного [отношения] здесь уже давно не видели и не демонстрировали ни одному послу»³⁷. Венецианский посол М. Суриан отмечал, что «лондонские купцы очень благосклонны к московиту, поскольку желают

³⁴ Holinshed R. Holinshed's Chronicles. England, Scotland and Ireland: in 6 vol. Vol. 6. New York, 1976. P.1132.

³⁵ Гамель И. Указ.соч. С.59; Граля Х. Указ.соч. С.260; Evans J. Op.cit. P.292.

³⁶ Incent J. Op.cit. P.287.

³⁷ A letter of the Company of the Marchants adventurers to Russia unto George Killingworth, Richard Gray, and Henry Lane their Agents there, to be delivered in Colmogoro or els where: sent in the John Evangelist // Hakluyt R. The principal Navigations Voyages Traffiques and Discoveries of the English Nation. Vol. I. L., 1599. P.297.

через его посредничество обогатиться, торгуя в его землях. Он заявил им самые добрые намерения, и они оказывают ему так много почестей, сколько не может быть оказано и самому великому из государей»³⁸.

Из-за отсутствия испанского супруга английской королевы О. Непее удалось попасть на аудиенцию к монархам только спустя месяц после прибытия в Лондон. 23 марта 1557 г. король и королева торжественно въехали в английскую столицу в сопровождении всех знатных вельмож, лорд-мэра и глав гильдий, а уже 25 марта московский посланник был приглашен во дворец. Здесь нужно отметить, что оба монарха в тот момент испытывали недомогание (у Марии была сильная простуда и зубная боль, а Филипп II заболел еще до своего приезда в Англию), из-за чего к ним на прием не мог попасть венецианский посол М. Суриан³⁹, однако, видимо, они сделали исключение для представителя Московского государства.

Согласно Г. Мэчину, русский посланник, чья «одежда была из дорогой шелковой ткани («турецкая... длинная до земли», описывал очевидец из Нидерландов⁴⁰), а его шляпа с колпаком украшены самым крупным жемчугом и самыми драгоценными камнями, какие я только видел», направился на королевскую аудиенцию в сопровождении десяти олдерменов и многочисленных купцов Московской компании⁴¹. Во дворце его встретили государственный канцлер Н. Хит, государственный казначей У. Полет, хранитель королевской печати У. Педжет, лорд-адмирал У. Ховард, епископ Т. Тирлби и другие члены Тайного совета, после общения с которым О.

³⁸ Michiel Surian, Venetian Ambassador in England, to the Doge and Senate, 3rd April 1557 // Calendar of State Papers relating to English Affairs in the Archives of Venice. Vol. 6. 1555–1558. L., 1877. P.1005.

³⁹ Ibid. P.1005.

⁴⁰ Courtwille J. Josse de Courtwille au president Viglius, Londres, 25 mars, 1557 // Relations Politiques des Pays-Bas et de L'Angleterre, sous le regne de Philippe II. T.1. Bruxelles, 1882. P.61.

⁴¹ Machyn H. The Diary of Henry Machyn. British Library, MS Cotton Vitellius F.v. f.68v.

Непея был приглашен на личную встречу к английским монархам.

Из имеющихся кратких описаний данной аудиенции, сделанных очевидцами, протонотарием Дж. Инсентом и секретарем Государственного и Тайного Совета Нидерландов Ж. де Куртвилем, можно сделать вывод, что встреча соответствовала традиционной протокольной практике. Московский посланник О. Непея поднес королю Филиппу II и королеве Марии «исполненную любви и дружбы» грамоту царя Ивана IV, зачитал её текст, предварительно переведенный на английский и испанский языки, а затем вручил дары — два сорока собольих мехов. Учитывая, что Непея ранее был ограблен в Шотландии, вероятнее всего подарки были предоставлены из запасов Московской компании. Можно сделать вывод, что встреча прошла в дружественной обстановке, поскольку, как сообщал Дж. Инсент, московский посланник «был в самой любезной манере обнят» монархами в конце аудиенции⁴².

Из текста ответного письма монаршей четы к царю Ивану IV известно, что его предложения были внимательно изучены: «Мы не только в собственном своем присутствии выслушали, как он [Непея] подробно изложил те предметы, которые, по имевшимся наставлениям, он должен был нам представить и лично объяснить; но еще приказали, чтобы то, что он предложит от вашего имени, было пространно и прилежно обсуждено некоторыми нашими советниками, коим мы поручили, чтобы они с ним вели переговоры»⁴³. Этими людьми оказались епископ-дипломат Т. Тирлби и государственный секретарь У. Петер, формировавшие внешнеполитический курс Англии. Они вели с О. Непеей «секретные» (по утверждению Дж. Инсента) переговоры, после которых «мы охотно согласились на все, что относилось до ваших ожиданий и просьб»⁴⁴.

⁴² Incent J. Op.cit. P.287.

⁴³ 'Philip and Mary, to czar Wassilie in favour of mutual commercial intercourse'. British Library, Cotton MS Nero B VIII, f.3; Толстой Ю.В. Указ.соч. С.15.

⁴⁴ Ibid. f.3; Там же. С.15.

Согласно тексту письма монархов Филиппа II и Марии, русским купцам предоставлялась возможность «свободно приезжать в наше королевство Англию и вести свои дела во всех его частях, ... беспрепятственно продавать свои товары, привезенные из ваших стран и владений», для чего предлагалось открыть по всей стране торговые дома. Негоцианты из Московии освобождались «от уплаты сборов и привозных пошлин наравне с подданными других христианских государей, ведущими торговлю внутри вышесказанного нашего королевства», а сама англо-русская коммерция объявлялась охраняемой местным законодательством и Канцлерским судом⁴⁵.

Такое благоприятное отношение Филиппа II и Марии к России и её купцам можно было бы считать только симметричным ответом на привилегии, данные Иваном IV английским торговцам (как монархи сами сообщали в ответном письме, «в воздаяние за сие, дабы явить знамение нашей воли мы учинили то же для ваших торговых людей и подданных»⁴⁶). Однако за благими намерениями «братской любви и крепкой дружбы» стояли также и прагматичные политические намерения.

Нужно отметить, что привилегии свободной беспошлинной торговли, данные москвитам, являлись вызовом монополии Ганзейского союза. Ранее в 1553 г. в целях поддержки растущей английской торговли король Эдвард VI Тюдор отменил привилегии Ганзы. Воцарившаяся через несколько месяцев Мария Тюдор вернула их, чтобы укрепить отношения с Габсбургами, но столкнулась с мощным сопротивлением лондонского Сити. Даже брак Марии с Филиппом II не изменил отношений Англии и Ганзы, ведь по этому вопросу мнения супругов разошлись: Филипп II поддерживал германских купцов, а Мария — английских⁴⁷. На-

⁴⁵ 'Philip and Mary, to czar Wassilie in favour of mutual commercial intercourse'. British Library, Cotton MS Nero B VIII, f.3; Толстой Ю.В. Указ.соч. С.16.

⁴⁶ Ibid. f.3; Там же. С.16.

⁴⁷ Rider C.M. Our City and Chamber of London: The relationship between the City of London and the Crown in the reigns of Edward VI and Mary, 1547–1558. PhD Thesis, University of Wales, 1992. P.151–153.

чина с 1555 г. ганзейская торговля в Англии постепенно облагалась пошлинами и запретами, что было окончательно закреплено парламентским актом 1558 г., от которого пострадали и итальянские купцы⁴⁸. Король Филипп не смог помешать этому.

Русская делегация приехала в Лондон в самый разгар противоречий между Ганзой и Англией. Особенность ситуации заключалась в том, что в ноябре 1556 г. съезд ганзейских городов в Любеке признал прямую англо-русскую торговлю угрозой коммерции на Северном и Балтийском морях, и обратился за поддержкой к главам Польши, Швеции и Пруссии⁴⁹. Польский и шведский монархи направили своих посланников в Лондон с призывом прекратить эту торговлю⁵⁰. Исследователь Г.В. Форстен был убежден, что именно англо-русская коммерция стала главной причиной шведско-русской войны 1555 — 1557 гг., инициированной Густавом I⁵¹. Поэтому торговые привилегии, предоставленные московским купцам в Англии, не только являлись успехом дипломатической миссии О.Г. Непеи, но и подчеркивали ярко выраженный курс лондонского Сити на независимость от посредников в международной торговле.

Еще одним результатом поездки русской делегации стало королевское разрешение «чтобы и купцы, и ремесленники наши, если которые из них захотят, отправлялись в города

⁴⁸ Lloyd T.H. England and the German Hanse, 1157–1611. A study of their trade and commercial diplomacy. Cambridge, 2002. P.292–301; Fusaro M. Political Economies of Empire in the Early Modern Mediterranean. The Decline of Venice and the Rise of England, 1450–1700. Cambridge, 2015. P.39.

⁴⁹ Kölner Inventar. Inventare Hansischer Archive des sechzehnten Jahrhunderts. Bd.1. Leipzig, 1896. S.424; Danziger Inventar, 1531–1591. Munchen, Leipzig, 1913. S.213–220.

⁵⁰ Giovanni Michiel, Venetian Ambassador in England, to the Doge and Senate, 29 July 1555 // Calendar of State Papers relating to English Affairs in the Archives of Venice. Vol. 6. 1555–1558. L., 1877. P.141; Dalin O von. Geschichte des Reiches Schweden. Bd. III. Rostock und Greifswald, 1763. S.360–361; Киселев А.А. Зарождение англо-русских отношений и дипломатия Швеции в середине XVI века // Британские исследования. №96. 2020. С.40–63.

⁵¹ Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. Т.I. СПб, 1893. С.17–18.

и селения вашей державы»⁵². Найм иностранных специалистов был одной из целей внешней политики Московского государства в XVI в. Известны многие мастера из Италии и Германии, трудившиеся в то время в России.

В течение последующих двух месяцев, пока продолжались переговоры, московский посланник знакомился с жизнью английской столицы. Он был почетным гостем на званых обедах и ужинах, регулярно даваемых в его честь лорд-мэром Лондона, олдерменами и купцами Московской компании. 20 апреля 1557 г. Непея посетил возрожденный королевой Марией бенедиктинский монастырь Вестминстерского аббатства, где присутствовал на католической мессе, обедал с аббатом и увидел усыпальницу короля Эдуарда Исповедника, а через три дня он был участником религиозных торжеств по случаю Дня Св. Георга⁵³. Посланник русского царя и его спутники могли наблюдать особенности политики английской королевы-католички — от массового празднования Пасхи, в котором принимали участие около 20 000 чел., до казни протестантов за городскими стенами в Смитфилде⁵⁴.

Тогда же москвиты стали свидетелями неудавшегося бунта. В конце апреля 1557 г. вооруженный отряд дворянина-изгнанника Томаса Стаффорда при поддержке французских кораблей захватил замок Скарборо в Йоркшире, намереваясь поднять восстание против королевы. Однако уже через три дня повстанцы были арестованы и в начале мая заключены в лондонский Тауэр⁵⁵. Это событие вызвало широкий общественный резонанс и вскоре стало поводом для начала англо-французской войны.

29 апреля купеческое сообщество Лондона дало торжественный прощальный ужин в честь О.Г. Непеи. Меропри-

⁵² 'Philip and Mary, to czar Wassilie in favour of mutual commercial intercourse'. British Library, Cotton MS Nero B VIII, f.3; Толстой Ю.В. Указ.соч. С.17.

⁵³ Machyn H. The Diary of Henry Machyn. British Library, MS Cotton Vitellius F.v. f.70r–71r.

⁵⁴ Ibid. f.69r.

⁵⁵ Ibid. f.71v.

ятие состоялось в здании Зала Суконщиков, которое ранее принадлежало знаменитому канцлеру Томасу Кромвелю. Торговцы объявили русскому посланнику, что Московская компания покроет все расходы, которые он понес в Шотландии и Англии, что, по словам Дж. Инсента, было «свидетельством и доказательством их добрых сердец, рвения и нежности по отношению к нему и его стране»⁵⁶. Впрочем, как известно из письма руководства компании своим агентам, к этому времени О.Г. Непея разочаровал английских торговцев. «Мы уже не считаем посла таким доступным убеждению, как мы полагали. Он очень недоверчив, и думает, что каждый его обманывает», — сообщали Э. Джадд, Дж. Барн и другие ведущие купцы компании. — «Они [москвиты] — хитрый народ, не всегда говорят правду, и думают, что другие люди такие же, как они»⁵⁷.

1 мая 1557 г. О. Непею посетили Т. Тирлби и У. Петер, которые вручили царскому посланнику официальный ответ английских монархов и подарки для Ивана IV — «лва да лвицу живы, да король прислал доспех свой полной да скорлаты и отласы многие»⁵⁸. Согласно более детальному отчету анонимного польского информатора, чей источник «мог происходить прямо из английской королевской канцелярии», доспех являлся дорогостоящей миланской бригадиной, сделанной по заказу прежнего короля Генриха VIII (а не Филиппа II, как полагал русский летописец), а львов назвали в честь ближайших родственников правящей королевы Эдвардом и Елизаветой⁵⁹.

⁵⁶ Incent J. Op.cit. P.288.

⁵⁷ A letter of the Company of the Marchants adventurers to Russia unto George Killingworth, Richard Gray, and Henry Lane their Agents there, to be delivered in Colmogoro or els where: sent in the John Evangelist // Hakluyt R. The principal Navigations Voyages Traffiques and Discoveries of the English Nation. Vol. I. L., 1599. P.301.

⁵⁸ Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению археографическою комиссиею. Т. XIII. Ч. VIII. СПб., 1904. С.286.

⁵⁹ Граля X. Указ.соч. С.264.

3 мая 1557 г. русская делегация во главе с О. Г. Непеей и в сопровождении купцов Московской компании оставила Лондон, чтобы погрузиться на эскадру из 4-х судов и покинуть Англию. Возглавил экспедицию молодой, но уже опытный путешественник Энтони Дженкинсон. В инструкциях шкиперам руководство компании обращало особое внимание на датский порт Вардехус, где могли произойти «измены, нападения или опасности» со стороны «королей, государей или компаний, которым не нравится наша новооткрытая торговля с Россией и которые хотят помешать или препятствовать ей... Если ветер и погода будут благоприятны, то лучше объехать мимо Вардехуса, чем входить в него и бросать там якорь»⁶⁰. После двухмесячного плавания корабли достигли России.

«Никоновская летопись» кратко информирует читателя о результатах поездки: «А писали с ним [Непеей] король Филип и королева Марья с великой любовью и почестию... и царя и великого князя гостем путь чист учинили и двор им в болшем своем городе в Луньском дали и безо всяких пошлин торговати велели. Да отпустил с Непеею мастеров многих докторов и злату и серебру искателей и делателей и иных многих мастеров, и пришли с Непеею вместе»⁶¹. Поездка первого русского посланника в Лондон описывается как безусловный успех царской дипломатии в торговых отношениях с Англией.

Однако московский летописец не знал или намеренно умолчал о том, что миссия О.Г. Непеи носила также военно-политический характер, о чем известно из иностранных источников.

⁶⁰ Instructions given to the Masters and Mariners to be observed in and about this Fleete, passing this yeere 1557 toward the Bay of S. Nicholas in Russia, for this present Race to be made and returne of the same by Gods grace to the port of London, the place of their right discharge, as in the Articles ensuing is deduced // Hakluyt R. The principal Navigations Voyages Traffiques and Discoveries of the English Nation. Vol. I. L., 1599. P.296.

⁶¹ Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению археографической комиссией. Т. XIII. Ч. VIII. СПб., 1904. С.286.

Первую зацепку можно найти в донесении венецианского посла М. Суриана от 3 апреля 1557 г., где сообщалось, что «здесь сейчас посол московитов, который просит в долг амуницию и артиллерию. Его господин сейчас воюет. Также приехал посол от короля Швеции, чтобы помешать удовлетворению требований [московита]. Он угрожает, что это вызовет разрыв отношений между его королем и здешней короной... Но их Величества [Филипп II и Мария] еще не приняли никакого решения»⁶². Из этого важного сообщения становится понятно, что О.Г. Непея был направлен в Англию не только ради торгового соглашения и набора гражданских специалистов.

Действительно, в 1554 — 1557 гг. между Швецией и Россией велись военные действия в Финляндии и на Балтике, которые закончились полной победой Московского государства. В марте 1557 г. между двумя государствами был заключен мирный договор, хотя в Лондоне об этом еще не знали. Англия, как и другие государства Европы, занимала по отношению к шведско-русской войне нейтральное положение, однако ранее в 1555 г. король Филип и королева Мария обещали послу Польши, что «будет запрещена под угрозой строжайшего наказания доставка в те земли [Россию] любого вида вооружений, чтобы князь Московии, который постоянно воюет с его королем [Сигизмундом II Августом], не смог воспользоваться этим оружием против него и нанести ему ущерб»⁶³.

Тем не менее, в августе 1557 г. секретарь польского короля Траянус Провано сообщил герцогу Альбрехту Прусскому, что русский посланник отправился из Лондона домой не только с английской артиллерией, но и вместе с мастерами

⁶² Michiel Surian, Venetian Ambassador in England, to the Doge and Senate, 3rd April 1557 // Calendar of State Papers relating to English Affairs in the Archives of Venice. Vol. 6. 1555–1558. L., 1877. P.1005.

⁶³ Giovanni Michiel, Venetian Ambassador in England, to the Doge and Senate, 29 July 1555 // Calendar of State Papers relating to English Affairs in the Archives of Venice. Vol. 6. 1555–1558. L., 1877. P.141.

артиллерийского дела («*bombardarum magistris et pixidum*»)⁶⁴. В апреле 1558 г. в Польше был арестован английский торговый агент Томас Алкок, которому предъявлялись обвинения в том, что Англия поставила в Россию (вопреки данному польскому королю обещанию) «тысячи доспехов, мечей и другого военного снаряжения, вместе с мастерами, медью и многими другими вещами»⁶⁵. А в мае того же года французский дипломат Франсуа де Ноай вспоминал, что «когда я был послом в Англии, туда прибыл посол короля московитов... и король Филипп... снабдил его всякого рода оружием..., чтобы одержать верх над землею султана»⁶⁶.

Итак, согласно нескольким источникам, О.Г. Непея от имени царя Ивана IV просил у английских монархов Филиппа и Марии вооружение и военных специалистов, получил их (хотя об этом ни слова не сказано в русской летописи), а предназначалось это оружие для войны с Османской империей. Зачем Ивану Грозному и Филиппу II нужна была война с султаном?

Хотя Московское государство в середине XVI в. не стремилось к прямому конфликту с Турцией, отношения между двумя странами были довольно напряженными. Подчинение России Казанского и Астраханского ханств привело царя к мнению о необходимости закрепления достигнутых успехов и решения вопроса безопасности южных границ («крымского дела»). В 1555 г. московские дипломаты по поручению Ивана IV начали прорабатывать вопрос о «посаждении» на крымский престол астраханского царевича Янтемира, сына

⁶⁴ Provano T. Traianus Provano, secretarius regius, Alberto in Prussia duci. Vilnae, 22.VIII.1557 // Elementa ad Fontium Editiones. Vol. L: Documenta ex Archivo Regimontano ad Poloniam spectantia. XX Pars. 1549–1568. Roma, 1980. P.106.

⁶⁵ Alcocke T. A Letter of Thomas Alcocke to the worshipfull Richard Gray and Henrie Lane Agents in Moscovia from Tirwill in Polonia, written in Tirwill the 26 of April 1558 // Hakluyt R. The principal Navigations Voyages Traffiques and Discoveries of the English Nation. Vol. I. L., 1599. P.304.

⁶⁶ Charriere E. Negotiations de la France dans le Levant ou correspondences, memoires et actes diplomatiques des ambassadeurs de France. Vol. II. Paris, 1850. P. 449–450.

вассального правителя Астрахани Дервиш-Али⁶⁷. Однако Крымское ханство было вассалом Османской империи, и, следовательно, задуманный Иваном IV переворот неизбежно означал военное столкновение с Турцией.

Для такой масштабной акции Московскому государству были необходимы союзники на международной арене. В это время царь не решался на самостоятельную войну с Крымским ханством, ограничиваясь только набегами на отдельные улусы и подготовкой опорных пунктов на Дону и на Днепре. В 1556–1559 гг. русские дипломаты вели долгие переговоры с польским королем Сигизмундом II Августом, чтобы «на бурсурман за один стояти»⁶⁸. Вероятно, О.Г. Непея и в Лондоне обсуждал перспективы вхождения в антитурецкую коалицию Англии, Испании и Священной Римской империи германской нации.

В тот момент Филипп II уже находился в состоянии войны с султаном. В 1555 — 1556 гг. папа Римский Павел IV сформировал антигабсбургскую коалицию для освобождения Неаполя. Понтифику удалось привлечь несколько итальянских государств, Францию и её союзника Османскую империю. В январе 1557 г. французские войска атаковали Нидерланды и вошли на территорию Италии, нарушив Восельское перемирие. Филипп II, который являлся правителем Испании, Нидерландов, Милана, Неаполя и Сицилии, должен был защищаться. Собирая войска по всем владениям Габсбургов, он вернулся в марте 1557 г. в Англию, надеясь вовлечь королевство своей супруги в этот международный конфликт.

А в апреле 1557 г. английский двор достигли новости о турецкой угрозе владениям и влиянию Филиппа II в Северной Африке. «Турки в Берберии заняли несколько территорий и направляются в сторону Туниса, где у них есть определенная

⁶⁷ Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI–30-е годы XVII века). М., 1963. С. 197–198.

⁶⁸ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Ч. 2 (годы с 1533 по 1560) // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т.59. СПб., 1887. С.521.

поддержка, и они думают об оккупации этого королевства, которое здесь [в Англии] считается важным, поскольку король Туниса является вассалом короля Англии», — сообщал венецианский посол М. Суриан. — «Поэтому потеря этой провинции может легко привести к тому, что все христианские владения в этих землях попадут в руки турок и, следовательно, к [их] преобладанию в Средиземноморье»⁶⁹.

Очевидно, что предложение царя далекой Московии о войне против Турции, если таковое было, оказалось очень своевременным. Боевые действия в тылу Османской империи отвлекли бы султана от противостояния с Габсбургами, поэтому Филипп II, несмотря на данные им ранее польскому королю обещания, охотно передал О.Г. Непее необходимое вооружение и специалистов, как сообщал французский дипломат Ф. де Ноай. В этом контексте не кажется странной фраза из письма английских монархов царю Ивану IV о том, что «воздерживаемся писать вам более пространную грамоту и просим, чтобы вы дали веру в остальном тому, что скажет тот ваш посланник»⁷⁰. Самую важную информацию О.Г. Непея должен был передать русскому царю устно.

Однако, скорее всего, в военном союзе против Турции Ивану IV было отказано. Много лет спустя русский царь напишет королеве Елизавете I, что «испанской корол Филип и сестра твоя Мария посланника нашего приняли с честью и к нам отпустили, а дела с ним никоторого не приказали»⁷¹. Несмотря на то, что миссия Непеи фактически открывала русским купцам дорогу на английские рынки, царь Иван IV «делом» это достижение не считал и рассчитывал на иной результат от поездки. Да и, судя по информации арестованного в 1558 г. в Польше английского купца Т. Алкока, пере-

⁶⁹ Michiel Surian, Venetian Ambassador in the Doge and Senate, 22 April 1557 // Calendar of State Papers relating to English Affairs in the Archives of Venice. Vol. 6. 1555–1558. L., 1877. P.1022.

⁷⁰ 'Philip and Mary, to czar Wassilie in favour of mutual commercial intercourse'. British Library, Cotton MS Nero B VIII, f.3; Толстой Ю.В. Указ.соч. С.17.

⁷¹ Послания Ивана Грозного. М. — Л., 1951. С.139.

данное О.Г. Непее английское вооружение и припасы могли оказаться устаревшей рухлядью со старых складов. «Мы привезли туда [в Россию] около ста кольчуг, таких старых, что ни один человек в Англии не станет их носить», — рассказывал полякам Т. Алкок⁷².

В планы Филиппа II в тот период не входила полномасштабная война с Османской империей. К счастью для него «в решающий год войны, 1557, турки не устроили даже... мелкой диверсии»⁷³. В августе 1557 г. в битве при Сен-Кантене французские войска потерпели сокрушительное поражение и война против Габсбургов завершилась. А на востоке Европы в марте 1559 г. польский король Сигизмунд II Август отверг предложения царя Ивана IV о совместной борьбе против Турции и Крыма⁷⁴. Да и внешнеполитические интересы Москвы в тот момент уже сместились в Прибалтику. Проект международной антитурецкой коалиции пришлось отложить на много лет.

Обращение к иностранным источникам позволяет пролить свет на военно-политическую цель поездки О.Г. Непеи в Лондон, которая, по-видимому, была достигнута им лишь частично. К сожалению, имеющийся комплекс источников не дает более точного ответа на этот вопрос. В то же время анализ международной ситуации в Западной и Восточной Европе середины XVI в. приводит к выводу о возможности военной поддержки англичанами Ивана IV, но отсутствии интереса английской (как и испанской) стороны в военно-политическом союзе и большой войне против Османской империи.

⁷² Alcocke T. A Letter of Thomas Alcocke to the worshipfull Richard Gray and Henrie Lane Agents in Moscovia from Tirwill in Polonia, written in Tirwill the 26 of April 1558 // Hakluyt R. The principal Navigations Voyages Traffiques and Discoveries of the English Nation. Vol. I. L., 1599. P.304.

⁷³ Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Т.3. М., 2004. С.60.

⁷⁴ Флоря Б.Н. Проект антитурецкой коалиции середины XVI века // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979. С.71–86.

Тем не менее, главным результатом визита московского посланника в Лондон в 1556–1557 гг. стало установление официальных отношений между Англией и Россией на высшем уровне, которые, что было важно в ту эпоху, являлись равноправными. Русским купцам открывались английские рынки и предоставлялись торговые привилегии, каких были лишены в этой стране ведущие торговцы Европы — немцы и итальянцы. Поездка О.Г. Непеи в Англию безусловно стала успехом дипломатии Московского государства на западном направлении в середине XVI в.

Глава 2.

РОЛЬ РУССКОГО ДИПЛОМАТА А.Г. ЕВСТАФЬЕВА В РАЗВИТИИ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ РОССИИ С США И ЕВРОПОЙ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

Л.М. Трошцкая

В газете «Virginia Citizen» (г. Ирвингтон, штат Виргиния) 31 января 1908 г. была опубликована небольшая заметка с броским заголовком «Разрушило бы Великобританию. Женщина из Нью-Йорка выставила претензии английскому правительству на выплату нескольких октиллионов¹»². В ней говорилось, что жительница Нью-Йорка мисс Сесилия Дж. Евстафьева предъявила необычное требование к британскому правительству, на удовлетворение которого не хватило бы сегодня никаких богатств Индии. Объяснялось это якобы унаследованной истицей половины доли векселя к Великобритании, долг которой якобы с XIII в. вырос до 93 799 400 620 — 100 000 000 000 000 долл. США³. Другой наследницей являлась также американка, графиня ди Перуцци ди Медичи⁴, сестра Джулиана Стори⁵, до недавнего времени супруга Эммы Имес⁶.

¹ Один октиллион равен 1⁸ млн, т.е. один миллион в восьмой степени.

² Would Ruin Great Britain. New York Woman Has a Claim for Some Octillions Against English Government // Virginia Citizen. 1908. January 31. Vol. XVIII. No. 18.

³ Вероятно, что речь идет о невыплаченном банкирским домам Перуцци и Барди английским королем Эдуардом III колоссального долга в размере 1 365 000 золотых флоринов, что потрясло всю торговую и кредитную систему Флоренции и привело к краху упомянутых банкиров в середине XIV в. См.: Trollope T.A. A History of the Commonwealth of Florence, from Earliest Independence of the Commune to the Fall of the Republic in 1531: in 4 vols. L., 1865. Vol. II. P. 81.

⁴ Вероятно, речь идет о жене итальянского маркиза Симоне Перуцци ди Медичи (1832–1900), американке Эдит Марион (урожд. Стори), маркизе Перуцци ди Медичи.

⁵ Стори, Джулиан Рассел (1857–1919) — американский художник.

⁶ Имес, Эмма (1865–1952) — американская певица-сопрано, развелась с Дж. Строй в 1907 г.

В заметке говорилось, что мисс Евстафьева была праправнучкой назначенного царем генеральным консулом в Америке Алексиса (Алексея) Евстафьева, «члена знатной семьи из Грузии, расположенной на юге России», который занимал «с честью» свой пост в течение 49 лет. Далее утверждалось: «Его сын женился на дочери итальянского посланника, графа ди Перуцци, и мисс Евстафьева их внучка. Таким образом, она является прямым потомком великого дома флорентийских банкиров Перуцци, который в XIII в. в годы Столетней войны⁷ с Францией финансировал английскому королю Эдуарду III приобретение провинции Турень». С тех пор семья Перуцци будто бы каждые десять лет предьявляла британскому правительству счет процентов на долг, от которого оно никогда не отказывалось, но им «пренебрегало» как и очень многими другими британскими долгами. И теперь анонимный автор заявил, что на перевозку гигантской суммы якобы причитающихся истицам накопившихся процентов не хватило бы всех кораблей всех военно-морских флотов мира!

Эта газетная информация могла произвести сильное впечатление на прагматичный менталитет американского читателя невероятным размером старого долга Великобритании, его вероятной юридической сомнительностью. Кроме того, к содержащимся в ней некоторым биографическим фактам следовало относиться осторожно, поскольку они не соответствовали действительности, о чем будет сказано ниже. Но важно отметить, что упоминались российский дипломат, бывший многолетний генеральный консул России в г. Нью-Йорке А.Г. Евстафьев и некоторые члены его семьи.

Этот многогранный человек, его необычная судьба давно, особенно в последние десятилетия, привлекали внимание отечественных, американский и британских исследователей. В XIX в. в силу ряда причин о нем писали мало. Так, автор одной из первых заметок библиограф и библиофил С.Д. Полто-

⁷ В действительности так называемая Столетняя война между Англией и Францией длилась с 1337 по 1453 г.

рацкий в 1858 г. назвал дипломата А.Г. Евстафьева русским писателем в Америке, заявив, что «мы не имеем биографических сведений» об этом человеке, кроме отрывочной официальной информации в адрес-календарях и месяцесловах о должностях и послужном росте. В 1847 г. Евстафьев дослужился до чина статского советника. Полторацкий кратко перечислил основные опубликованные в Англии и США труды дипломата, включая пьесы, поэму, перевод и т.д.⁸ В 1903 г. несколько писем Евстафьева важному сановнику Н.С. Мордвинову и главе морского ведомства А.С. Меншикову были опубликованы в многотомном издании «Архива графов Мордвиновых»⁹. Довольно подробную статью, посвященную Евстафьеву, опубликовал в США в начале XX в. американский историк Л. Винер¹⁰.

Однако еще в середине XX в. советский литературовед М.П. Алексеев называл его «ранним и забытым деятелем русско-американского культурного сближения»¹¹. Постепенно исследователи обнаруживали новые важные, в том числе архивные¹², сведения о жизни Евстафьева, собирая их подчас по крупицам. К настоящему времени разные аспекты его дипломатической деятельности и усилий на поприще налаживания культурных и научных связей между Россией,

⁸ [Полторацкий]. А.Г. Евстафьев, русский писатель в Америке, из заметок С.Д. Полторацкого // Библиографические записки, периодическое издание. 1858. Т. 1. С. 212–215.

⁹ Архив графов Мордвиновых: в 10 т.; Т. 7 / предисл. и примеч. В.А. Бильбасова. СПб., 1903. С. 294–303, 569–579, 638–646.

¹⁰ Wiener L. The First Russian Consul at Boston // The Russian Review. 1916. Vol. 1. April. P. 131–140.

¹¹ Алексеев М.П. А.Г. Евстафьев — русско-американский писатель начала XIX века // Научный бюллетень ЛГУ. 1946. № 8. С. 23.

¹² Документы, касающиеся служебной деятельности А.Г. Евстафьева, хранятся в фондах Архива внешней политики Российской империи МИД России (Москва), Российском государственном историческом архиве (С.-Петербург) и др. Кроме того, массив документов А.Г. Евстафьева и членов его семьи находится в его фонде в Нью-Йоркской публичной библиотеки в Отделе редких книг и рукописей (New York Public Library. MSS and Archives Section. A.G. Yevstafiev Papers). Подробнее см.: Пономарев В.Н. Полвека за океаном: российский дипломат и литератор Алексей Евстафьев // Американский ежегодник 1990. М., 1991. С. 191–205.

с одной стороны, и Англией и США — другой стороны, довольно подробно рассмотрены отечественными и зарубежными исследователями¹³. Интерес к личности А.Г. Евстафьева вполне оправдан. Историк Н.Н. Болховитинов справедливо высоко оценил роль дипломата в развитии культурно-научных связей между Россией и Соединенными Штатами, ставя его в один ряд с такими выдающимися российскими дипломатами в США первой половины XIX в., как А.Я. Дашков, П.И. Полетика, Ю.А. Валенштейн и др.¹⁴

В действительности Алексей Григорьевич Евстафьев (1783–1857) не имел никакого отношения к Грузии, а являлся уроженцем Земли Войска Донского¹⁵, учился в Харьковской духовной семинарии. Был церковником православной церкви при посольстве России в Лондоне (1798–1807). В 1807 г. он получил чин чиновника 14-го класса и причислен в качестве актуариуса в ведомство коллегии иностранных дел, т. е. стал профессиональным дипломатом, получил назначение в США, где сначала служил российским консулом в Бостоне (1808–1826), позднее — в течение долгих лет генеральным консулом России в Нью-Йорке.

¹³ Подробнее см.: Пономарев В.Н. Указ. соч.; Алексеев М.П. Указ соч. С. 22–27; Болховитинов Н.Н. Становление русско-американских отношений, 1775–1815. М., 1966; Его же. Русско-американские отношения, 1815–1832. М., 1975; Винницкий И. «Человек рассеянный». Alexis Eustaphie (1779–1857) как национальный проект // Новое литературное обозрение. 2014. № 6 (130). URL: nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/130_nlo_6_2014/article/11209; Курилла И.И. Заклятые друзья. История мнений, фантазий, контактов, взаимо(не)понимания России и США. М., 2018; Его же. Российско-американские сюжеты. URL: <https://volistob.ru/post/rossijsko-amerikanskije-syuzhety-o->; Николюкин А.Н. Литературные связи России и США. Становление литературных связей. М., 1981; Троицкая Л.М. Русский дипломат А.Г. Евстафьев и историко-культурный диалог России и США в первой трети XIX в. // Россия между Западом и Востоком: традиции и перспективы развития диалога культур / Отв. ред. Т.Л. Лабутина. М., 2021. С. 89–100; Saul N.E. Distant Friends. The United States & Russia, 1763–1867. Lawrence (Kansas), 1991; Tolstyakov A. Russian Diplomat and American Writer // Soviet Life. 1970. December. P. 62–63; и др.

¹⁴ Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения, 1815–1832. С. 530.

¹⁵ По некоторым сведениям А.Г. Евстафьев «родился в 1779 г. в области Войска Донского, по всей видимости, в казачьем селе Приволье Славянского уезда...» в семье настоятеля местного храма Михаила Архангела. Подробнее см.: Винницкий И. Указ. соч.

А.Г. Евстафьев провел большую часть жизни в заокеанской республике, где скончался и был похоронен. Один из ведущих американских художников конца XVIII — первой половины XIX вв. Гилберт Чарлз Стюарт написал портреты дипломата и его супруги-англичанки Сары Сесилии (урожд. Гилл), на которой он женился еще в Лондоне¹⁶.

Гилберт Ч. Стюарт (1755–1828)
Портрет А.Г. Евстафьева

Гилберт Ч. Стюарт (1755–1828)
Портрет С.С. Евстафьевой
(урожд. Гилл)

Церковное, а затем дипломатическое служение Евстафьева начиналось и проходило в очень сложный период Наполеоновских войн, в которых участвовали крупнейшие европейские державы — Франция, Великобритания, Россия, Пруссия, Австрия. Косвенно или напрямую Соединенные Штаты тоже были вовлечены в этот водоворот, хотя молодая республика находилась на другом берегу Атлантического океана, недавно

¹⁶ Mason G.C. The Life and Works of Gilbert Stuart. Master Portrait Painter of the Revolutionary Era. N.Y., 1894. P. 179. По сведениям автора книги, А.Г. Евстафьев умер в Нью-Йорке примерно в возрасте 82 лет, а его супруга скончалась там же в возрасте 64 лет. Говорилось, что портреты были восхитительны, в прекрасном состоянии и находились у сына А.Г. Евстафьева Александра Алексиса Алексеевича (1812–1879) в г. Буффало (штат Нью-Йорк).

завоевала независимость, делала первые шаги в развитии собственной экономики, участия в международной торговле, установлении дипломатических отношений с рядом европейских государствами, в том числе и с Россией.

Волею обстоятельств и по собственному желанию А.Г. Евстафьев стал на рубеже XVIII–XIX вв. одним из активных защитников России, разъясняя англоязычной аудитории в Англии¹⁷, а позднее в США ее интересы, возможности, знакомя с русской историей и литературой. В Лондоне он изучил английский язык и в 1806 г. перевел трагедию А.П. Сумарокова «Дмитрий Самозванец»¹⁸. Британский исследователь А.Г. Кросс установил, что Евстафьев являлся переводчиком биографии М.В. Ломоносова, которая была опубликована в 1807 г. журнале «Литературная панорама» под названием «Жизнь Ломоносова, прославленного поэта России»¹⁹.

Находясь в Англии, помимо переводов Евстафьев опубликовал свою брошюру «A Key to the Recent Conduct of the Emperor of Russia» (London, 1807) о Тильзитском мире между Россией и Францией и присоединении первой к Континентальной блокаде, объясняя политику Российской империи. В 1807–1808 гг. в английском журнале «The Literary Panorama» под псевдонимами «Русский путешественник» и «Рус-

¹⁷ Соколова Н.В. Краткий обзор английской литературы XVIII–XIX вв. о М.В. Ломоносове. URL: lomonosov.niv.ru/lomonosov/kritika/sokolova-obraz-anglijskoi-literatury.htm

¹⁸ Soumarokove A.P. Demetrius, the Impostor; a tragedy. Translated from Russian. L., 1806. По утверждению Е.М. Масленниковой, выбор для перевода данной трагедии вызывали не только ее значимость для истории России событий Смутного времени, «но и многочисленные антикатолические и антипапские высказывания некоторых героев, которые были бы близки и понятны протестантской Англии». См.: Масленникова Е.М. «Чужая» действительность в реалиях (по материалам первых англоязычных переводов русской литературы) // Вестник Московской международной академии. 2016. № 1. С. 96. См. также: Трахтенберг. Ода М.В. Ломоносова и трагедия А.П. Сумарокова в английских переводах первой трети XIX века // Логический анализ языка. Перевод художественных текстов в разные эпохи. М., 2012. С. 272–286.

¹⁹ Кросс А.Г. Русское посольство в Лондоне и знакомство англичан с русской литературой в начале XIX в. // Сравнительное изучение литератур. Сб. статей к 80-летию акад. М.П. Алексеева. Л., 1976. С. 106.

ский джентльмен» в форме шести писем Евстафьев подробно изложил собственный взгляд на историю Малороссии и Украины, запорожского и донского казачества, роль Российской империи; весьма благожелательно писал о жизни и чертах характера украинцев, объяснял их неприязнь к великороссам страхом обмана со стороны последних²⁰.

Евстафьев был человеком не только склонным к поэзии и сочинительству, интересующимся театром, но и музыкальным. Так, в пятом письме в журнале «The Literary Panorama» он восхищался прекрасными украинскими песнями, сообщал, что собирает их, чтобы позднее послать коллекцию воображаемому другу в С.-Петербург, и даже опубликовал приложение ноты и слова (вероятно, в собственном переводе) одной такой песни²¹.

После получения назначения 15 июня 1808 г. на должность консула в Бостоне и ряда злосключений, Евстафьев прибыл туда вместе с женой и дочерью Элизой (род. 1808 г.) летом 1809 г. Республиканские США и монархическая Российская империя были далеки друг от друга в прямом и переносном смысле слова, несмотря на некоторое внешнее сходство, проявлявшееся в обладании огромными территориями и богатыми природными ресурсами. Исследователь Дж. Шулим отмечал, что на рубеже XVIII–XIX вв. мнения американцев о России были очень скудными и основывались на ее значимости прежде всего сквозь призму отношений России с западноевропейскими державами, особенно с Францией и Великобританией²². В сложной международной обстановке того периода Соединенные Штаты и Российская империя проявили готовность налаживать взаимовыгодные двусторонние связи. У истоков

²⁰ Description of the Ukraine, by a Russian Traveller, to His Friend at St. Petersburg, in a Series of Letters // The Literary Panorama. 1807. Vol. II. September. Col. 129–135, 377–383; 558–564, 801–806, 1243–1250; 1808. Vol. III. March. Col. 331–338.

²¹ Letters on the Ukraine, by a Russian Gentleman. Letter V // The Literary Panorama. 1807. Vol. II. September. Col. 1248–1250.

²² Shulim J.I. The United States Views Russia in the Napoleonic Age // Proceedings of the American Philosophical Society. 1958. Vol. 102. No. 2. P. 148.

официальных дипломатических отношений стояли русский император Александр I и президент США, один из отцов-основателей Т. Джефферсон.

Становление этих отношений проходили не без трудностей, вмешательства третьих сил, которые приходилось преодолевать. Важное значение приобретали такие социокультурные факторы, как расширение в России и США знаний друг о друге, используя при этом знакомство с культурой, историей, наукой и техническими достижениями, налаживание межличностных контактов и т.д. Начало дипломатической карьеры Евстафьева в США совпало с англо-американской войной 1812–1815 гг., нашествием Наполеона на Россию в 1812 г. и заграничными походами русской армии.

Уже в Америке в семье Евстафьева родились еще одна дочь Сесилия (род. 1811 г.) и сын Александр Алексис (род. 1812 г.). Побывавший в Бостоне в канун войны США с Англией П.П. Свиньин писал российскому генеральному консулу в Филадельфии Н.Я. Козлову: «Рекомендательные письма, мною привезенные из Филадельфии, и содействие г. Евстафьева, нашего консула, открыли мне вход во все лучшие дома бостонские и познакомили меня как с первыми богачами здешними, так и литераторами. <...> должен безпристрастно сказать, что <...> г. Евстафьев по своим талантам и поведению пользуется всеобщим уважением, достойным российского чиновника»²³. Примерно такие же оценки деятельности Алексея Григорьевича, в том числе на литературном поприще, давал в начале 1812 г. и российский посланник в США А.Я. Дашков. Он сообщал канцлеру и министру иностранных дел графу Н.П. Румянцеву о том, что Евстафьев сочинил и опубликовал трагедию «с приложением к ней сборника анекдотов о Петре Великом»²⁴. Пусть та драма не

²³ Свиньин П.П. Американские дневники и письма (1811–1813). М., 2005. С. 255–256. Сохранена орфография оригинала.

²⁴ См.: Reflections, Notes, and Original Anecdotes, Illustrating the Character of Peter the Great. To Which is Added A Tragedy in Five Acts, Entitled Alexis, the Czarewitz. Boston, 1812.

свидетельствует о том, что г-н Евстафьев — любимец Мельпомены; пусть к выбору анекдотов можно было подойти более обдуманно, а фантазия моего соотечественника могла найти в русской истории более удачный сюжет; тем не менее очевидно, что он желал опровергнуть клевету, намереваясь оказать таким образом услугу своей родине. Потому соблаговолите, в с-во, усмотреть в его произведении лишь проявление патриотизма и рвенія»²⁵.

Эти патриотизм и рвение А.Г. Евстафьев в полной мере проявил в годы англо-американской войны (попытка посредничества России в примирении США и Великобритании потерпела неудачу) и Отечественной войны в России в 1812 г. В целом в период Наполеоновских войн зачастую отрывочные и противоречивые представления и сообщения американцев о русских основывались прежде всего на материалах прессы Англии и Франции. В США существовало множество газет, которые вели полемику друг с другом, а также с европейскими изданиями по разным внутри- и внешнеполитическим проблемам в зависимости от своих партийных пристрастий. Споры выливались иногда в «боевые действия», в частности в англо-американскую «газетную» («бумажную») войну²⁶. Во Франции по мере ухудшения русско-французских отношений и во время нашествия на Россию резко активизировалась антироссийская пропаганда²⁷. Американская пресса следила за событиями в России. Профранцузские и проправительственные издания джефферсоновских республиканцев, такие как «Eastern Argus», «Independent Chronicle» были уверены в победе Наполеона; после захвата императором французов Московской газета «Аурога» «злорадно констатировала, что Россия

²⁵ А.Я. Дашков — Н.П. Румянцеву, Филадельфия, 26 февраля / 8 марта 1812 г. // Россия и США: становление отношений 1765–1815 / Редкол.: С.Л. Тихвинский, Л.И. Панин, Н.Н. Болховитинов, Д.Ф. Траск и др. М., 1980. С. 511.

²⁶ Seaton J. The Anglo-American Paper War. Debates about the New Republic, 1800–1825. Basingstoke, 2012.

²⁷ Подробнее см.: Промыслов Н.В. Французское общественное мнение о России накануне и во время войны 1812 года. М., 2016.

разгромлена и, следовательно, Великобритания безнадежно увязнет в европейской войне. <...> Оппозиционные власти федералисты были уверены в неизбежном поражении Наполеона в России»²⁸.

Оплотом Партии федералистов была Новая Англия. Большая часть населения и местной элиты, в том числе и в Бостоне, не хотела войны США с Великобританией. А.Г. Евстафьев²⁹ активно включился в развернувшуюся полемику, публикуя в американской печати (зачастую анонимно) свои заметки, защищавшие российские позиции³⁰. Подробно об этой деятельности уже много сказано в отечественной и американской историографии. 25 марта 1813 г. в Бостоне пышно отпраздновали победу «российского воинства» над Наполеоном, а участие в нем А.Г. Евстафьева вызвало резкое недовольство правительства США. Защищая консула, Н.Я. Козлов писал Н.П. Румянцеву, что виной такому отношению к представителю России были его «весьма удачные опровержения французских бюллетенов и отражал многие нелепые и оскорбитель-

²⁸ Алентьева Т.В., Тимченко А.Н. *Англо-американская война 1812–1815 гг. и американское общество*. СПб., 2018. С. 144–145. Об отношении в США к Отечественной войне 1812 г. Подробнее см.: Болховитинов Н.Н. *Соединенные Штаты Америки и Отечественная война 1812 г.* // Бессмертная эпопея. К 175-летию Отечественной войны 1812 г. и Освободительной войны 1813 г. в Германии / Под ред. А.Л. Нарочницкого. М., 1988. С. 187–198.

²⁹ По утверждению историка из США У. Нагенгаста, в Новой Англии не было более популярного человека, «твердыни Партии федералистов, чем русский консул в Бостоне Алексис Евстафьев». См.: Nagengast W.E. *The Stalingrad of 1812: American Reaction toward Napoleon's Retreat from Russia* // *The Russian Review*. 1949. Vol. 8. No. 4. Oct. P. 304. Подробнее о сходстве и различии идей Партии федералистов и А.Г. Евстафьева см.: Smith-Peter S. *The Russian Federalist Papers: Evstafev, the War of 1812, and Russian-American Relations* // *New Perceptions on Russian-American Relations* / Ed. by W.B. Whisen, N.E. Saul. N.Y.; L., 2016. P. 20–35. Американский автор назвала русского дипломата консервативным мыслителем и увидела сходство его мыслей с постулатами федералистов в «большой любви к Великобритании, вере в необходимость сильной власти, сложном отношении к республикам и скептицизме касательно равенства и радикальной революции». Евстафьев на склоне лет прератился в «сурового критика Америки». См.: *Ibid.* P. 20.

³⁰ Курилла И.И. «Великая республика, проверяемая прикосновением истины»: Алексей Евстафьев и первый опыт российской контрпропаганды в США // *Americana*. Вып. 14. Страны Северной Америки и война. Волгоград, 2014. С. 313–325.

ные параграфы демократической газеты “*Aurora*”, издаваемой в Филадельфии... Г-н Евстафьев почитается здесь федералистом, но сколь скоро нельзя доказать, чтоб он брал в здешних делах участие, то, какие бы ни были политические его мнения, не подлежат они розыску здешнего правительства, которое не только иностранного консула, но ни одного из своих подданных не имеет ни малейшего права понудить к перемене мыслей. Напротив того, мы имеем многие поводы жаловаться на наглость издателей здешних ведомостей, которые нередко наполнены клеветами насчет России и ее правительства»³¹. Козлов уверял, что нападки упомянутой филадельфийской газеты и ее редактора осуществлялись не без согласия федеральных властей, и советовал Евстафьеву быть осторожнее.

Во введении в своей книге «*Memorable Predictions of the Late Events in Europe. Extracted from the Writings of Alexis Eustaphie, Esquire*», опубликованной в Бостоне в 1814 г., российский консул, учитывая уже имевшийся собственный британский и американский опыт, объяснял причину своих действий против многочисленных «бесчестных людей, как здесь в Америке, так и в Англии», постоянно участвовавших «в умалении и унижении репутации русского человека и богатств России. Я отважился в одиночку выступить против этих современных голиафов; <...> хорошо знаю: они говорят так не столько по невежеству, сколько преднамеренно — по ложным сведениям, получаемым от чужеземных писателей, из коих самые благорасположенные к русским судят о них до известной степени несправедливо»³².

³¹ Н.Я. Козлов — Н.П. Румянцеву, Филадельфия, [19 апреля] 1 мая 1814 г. // *Россия и США: становление отношений 1765–1815*. С. 590. Подробнее о «русских празднествах» и политической борьбе в США в 1813 г. см.: Kurilla I. «*Russian Celebrations*» and American Debates about Russia in 1813 // *The Journal of Nationalism and Ethnicity*. 2016. Vol. 44. Iss. 1. P. 114–123; Курилла И.И. «Русские праздники» и американские споры о России в 1813 г. // *Россия и США: Познавая друг друга. Сб. памяти акад. Александра Александровича Фурсенко* / Редкол.: В.В. Носков (отв. ред.) и др. СПб., 2015. С. 168–179.

³² Взгляд в историю — взгляд в будущее. Русские и советские писатели, ученые, деятели культуры о США / Сост., послесл., коммент. А.Н. Николюкин. М., 1987. С. 97.

Евстафьев был хорошо знаком с английской поэзией XVIII в., творчеством Байрона, эпическими поэмами американских «хартфордских остроумцев», такими как Дж. Трамбл, Т. Дуайт, Дж. Барло и другие³³. Находясь в США, он продолжал знакомить публику, прежде всего американцев, по обе стороны Атлантики на родном для нее английском языке с историей России не только как публицист, но и как драматург и поэт. В Бостоне была поставлена его трагедия «Царевич Алексей», «утверждающая роль Петра I в развитии российской государственности»³⁴.

В 1818 г. там же была опубликована первая часть эпической поэмы А.Г. Евстафьева «Demetrius, Hero of Don» («Дмитрий, герой Дона», «Дмитрий Донской»), посвященная великому князю Владимирскому и Московскому Дмитрию Донскому (1350–1389). В этом произведении автор попытался представить исторические события, конструируя их в рамках дихотомии «Свой»/«Чужой» («Иной»). При этом в западноевропейском, в том числе англосаксонском, восприятии Россия олицетворяла собой скорее «Север», который сложно соотносился с культурными типами «Запада» и «Востока». Отечественный литературовед и культуролог Ю.М. Лотман утверждал, что этот «Север», с одной стороны, противостоял им обоим, а с другой — выступал как «Запад» для «Востока» и как «Восток» для «Запада»³⁵, т.е. был промежуточком между «Западом» и «Востоком». Евстафьев стремился обратить внимание читателей на экзотический для американцев ориенталистский аспект истории средневекового княжества Московского, его весьма сложных отношений и борьбе с Золотой Ордой и Казанским ханством. Можно предположить, что выбор темы диктовался не только обращением к героическим страницам средневековой русской истории (в поэме реальность и художе-

³³ Подробнее см.: Николюкин А.Н. Указ. соч. С. 132.

³⁴ Взгляд в историю — взгляд в будущее. С. 639.

³⁵ Лотман Ю.М. Проблема Востока и Запада в творчестве позднего Лермонтова // Лермонтовский сборник. Л., 1985. С. 5.

ственный вымысел сильно переплетаются)³⁶, но и событиями Отечественной войны 1812 г., пожаром Москвы, а, возможно, и надеждой на историческую память американцев, которые в 1775–1783 г. с оружием в руках завоевали независимость от Великобритании и во второй раз сражались с ней в 1812–1815 гг., пережили захват англичанами и пожар столицы г. Вашингтона в 1814 г., сумев все же сохранить независимость США.

Один из самых авторитетных на тот момент в США бостонский литературно-критический журнал «The North American Review», который был известен и в Европе опубликовал в целом благосклонную рецензию³⁷, тогда как рецензент из нью-йоркского журнала «The American Monthly Magazine, Critical Review»³⁸ раскритиковал поэму, просил дипломата побережь здоровье и не сочинять вторую часть. Возможно, такая критика повлияла на Алексея Григорьевича, но так или иначе продолжение не последовало. Дамский журнал из Филадельфии «Ladies Literary Museum; or, Weekly Repository» (February 21, 1818) похвалил поэму и ее автора за морализм³⁹.

Важно также обратить внимание на то, что на полках в некоторых американских библиотеках имелись экземпляры этого поэтического произведения А.Г. Евстафьева. Кроме того, по свидетельству отечественного исследователя А.Н. Николюкина, он «щедро дарил в России» эту свою поэму, многие ее экземпляры сохранились в Москве, С.-Петербурге, Одессе,

³⁶ Подробнее см.: Троицкая Л.М. История «Другого» в художественных образах и реалиях (на примере поэмы русского консула в Бостоне А.Г. Евстафьева «Demetrius, Hero of Don», 1818) // Новейшие исследования в области истории и педагогики / матер. Всерос. науч. конференции, 11 ноября 2021 г. / Орловск. гос. ун-т имени И.С. Тургенева; [редкол. И.Е. Воронкова и др.]. Орёл, 2022. С. 5–14

³⁷ The North American Review. 1818. Vol. 7. No. 20. July. P. 258–268. Установлено, что автором ее был одаренный литератор, священник Унитарной церкви, а в тот момент преподаватель математики в Гарвардском университете С. Гилмен.

³⁸ The American Monthly Magazine, Critical Review. 1818. Vol. III. No. III. July. P. 201–206; No. IV. August. P. 241–251.

³⁹ Подробнее см.: Symons G. For the General Diffusion of Knowledge: Social, Juvenile and Mercantile / Mechanic Libraries in Colonial America and the Early Republic // Senior Independent Study Theses. 2013. Paper 3785. The College of Wooster Libraries. P. 97. URL: <https://openworks.wooster.edu/independentstudy/3785>

причем некоторые имели дарственные надписи «Императорской публичной библиотеке от сочинителя», датированные 13 сентября 1817 г.⁴⁰

Честно исполняя свои служебные обязанности, Евстафьев проявлял большой интерес к различным американским техническим достижениям и изобретениям. Так, в 1817 г. он привез в С.-Петербург весы для взвешивания драгоценных металлов, подобие безмена для взвешивания тяжелых грузов, модель машины для подъема кирпича при строительстве зданий, модель нового ткацкого станка, рекомендовал правительству России использовать новую машину для судоходства по каналам. В целом дипломат считал, что «из Америки можно доставлять самые лучшие <...> и полезнейшие изобретения, которыми она во многих случаях превышает Англию», так как «там нет запрещения на вывоз машин и мастеров»⁴¹. А.Г. Евстафьев обращал внимание на американские достижения в области кораблестроения и был сильно раздосадован в начале 1840-х гг., что его, уже к тому времени генконсула в Нью-Йорке, отстранили от участия от постройки на городской верфи военного парохода и покупки корвета «Кенсингтон»⁴².

Исследователи отметили большие заслуги Евстафьева в налаживании российско-американских контактов в сфере медицины; он «стал одним из первых энтузиастов гомеопатии», даже опубликовал специальную работу на эту тему⁴³.

Будучи истинным сыном Отечества, защищавшим его за границей всеми доступными средствами, А.Г. Евстафьев, тем не менее, не скрывал своих критических взглядов относительно увиденного в России. Побывав в родных местах в конце 1820-х гг., он был очень разочарован упадком Украины,

⁴⁰ Николокин А.Н. Указ. соч. С. 133. В 1817 г. А.Г. Евстафьев приезжал в Россию.

⁴¹ Цит. по: Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения, 1815–1832. С. 529.

⁴² Подробнее см.: Пономарев В.Н. Указ. соч. С. 201.

⁴³ Там же. С. 204; Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения, 1815–1832. С. 532. См. также: Eustaphie A. Homœopathia Revealed: a Brief Exposition of the Whole System Adapted to General Comprehension: with a Notice of Psora and Dr. Düring's Objections. N.Y., 1837. (2nd ed. — N.Y., 1846.)

когда-то житницы Российской империи, земли, где якобы текли «молочные реки с кисельными берегами». Теперь же он наблюдал на берегу реки Донец недалеко от места своего рождения жизнь военного поселения («военной колонии»), назвав ее смертельной болезнью, которая требует быстрого хирургического вмешательства со стороны «великодушного, мудрого и справедливого горячо любимого монарха». Дипломат пишет, что хорошо помнил Чугуев как пристанище благородных героев, а чугуевцы были раньше цветом донского казачества; ныне он призывает Н.С. Мордвинова помочь изменить «неестественную колониальную систему» и «уничтожить монстра»⁴⁴. Это было искреннее желание Евстафьева способствовать изменению к лучшему положение земляков.

Н.С. Мордвинов высоко оценил природные дарования и заслуги Евстафьева, «которые он оказал России, как оправдание Тильзитского мира и пророчество его на великие успехи, произведенные в 1812 г. Александром I, прославившим его царствование, также сочинение поэм его, на английском языке, “Петр Великий” и “Дмитрий”»⁴⁵. Н.С. Мордвинов сожалел, что Россия обладает еще недостаточными сведениями о США и что торговые сношения между двумя странами тоже могли бы развиваться активнее. Причиной этому он считал «великий недостаток в избрании людей, способных занимать места, посредством коих могли бы получать точнейшие сведения о внутренних устройствах ее (Америки. — Л.Т.) и о внешних ее связях»⁴⁶. Исходя из этого, он считал деятельность Евстафьева положительным примером. С такой высокой оценкой работы Алексея Григорьевича согласился управляющий коллегией иностранных дел России К.В. Нессельроде, назвав его образованным, опытным, знающим чиновником министерства⁴⁷.

⁴⁴ См.: А.Г. Евстафьев — Н.С. Мордвинову, 10 мая 1829 г., Нью-Йорк // Архив графов Мордвиновых. Т. 7. С. 294–303. Письмо написано на английском языке.

⁴⁵ Н.С. Мордвинов — К.В. Нессельроде, 25 июня (ст.ст.) 1841 г. // Там же. С. 635.

⁴⁶ Там же. С. 636.

⁴⁷ К.В. Нессельроде — Н.С. Мордвинов — 5 июля (ст.ст.) 1841 г. // Архив графов Мордвиновых. Т. 7. С. 636.

В качестве консула России в Бостоне А.Г. Евстафьеву пришлось не только выполнять свои служебные обязанности и использовать свои разносторонние таланты для налаживания научных и культурных контактов между Россией и США, но в 1824 г. даже отстаивать в суде свою честь и достоинство. Он обвинил редактора журнала «New England Galaxu» Дж.Т. Бакнигхэма в публикации клеветнических статей. В одной из них Евстафьев усмотрел насмешку над собой, хотя его имя не упоминалось, а говорилось о «представителе императора России» как о «грубом русском медведе»; в другой статье утверждалось, что Алексей Григорьевич якобы плохо обращается со своей дочерью⁴⁸.

Речь идет о старшей дочери дипломата Элизе, которая с детства была очень музыкальной и участвовала в музыкальных вечерах в Бостоне, восхищая своим мастерством публику. Вероятно, склонность к музыке передалась ей от отца, который сам хорошо играл на скрипке, аккомпанировал во время нескольких первых концертов бостонского музыкального Общества Генделя и Гайдна и 13 января 1816 г. стал его почетным членом⁴⁹. Дж.Т. Бакнигхэм слышал игру Элизы, восторгался беглостью виртуозного исполнения, но полагал, что само по себе это будто бы не было проявлением таланта девочки. Он обвинял ее отца в излишней строгости в бесконечных занятиях музыкой в ущерб здоровью; лучше бы Элиза научилась играть простую мелодию «с действительным вкусом, чувством и экспрессией»⁵⁰. Однако некоторые бостонские любители музыки даже сравнивали ее с юным Моцартом.

⁴⁸ Подробнее см.: Reports of Criminal Cases, Tried in the Municipal Courts of the City of Boston before Peter Oxenbridge Thacher, Judge of that Court from 1823 to 1843 / Ed. by H. Woodman. Boston, 1845. P. 29–47, 51–62.

⁴⁹ Jones T.S. The Relationship Between Lowell Mason and the Boston Handel and Haydn Society, 1815–1827. Theses and Dissertations — Music. 2017. University of Kentucky. P. 64. URL: <https://doi.org/10.13023/ETD.2017.133>

⁵⁰ Tawa N.E. From Psalm to Symphony: A History of Music in New England. Boston, 2001. P. 104–105. См. также: Tawa N. Buckingham's Musical Commentaries in Boston // The New England Quarterly. 1978. Vol. 51. No. 3. September. P. 333–347.

Вероятно, не случайно, находясь в Европе, ей довелось познакомиться с самым великим польским композитором Фредериком Шопеном. Она встретила с ним в Париже в доме американского банкира С. Уэллеса. По словам самой Элизы, ее близкое знакомство с Шопеном состоялось уже после замужества⁵¹. Композитору очень понравился муж Элизы, он часто обедал в доме посла, а потом мадам Перуцци и Шопен музицировали дуэтом на двух фортепиано. Она также вспоминала, что была знакома с великим Н. Паганини и однажды супруги пригласили его послушать игру Шопена⁵². В связи с началом в ряде стран революций 1848–1849 гг. чета Перуцци вернулась в Тоскану.

Через свою среднюю дочь Сесилию (1811–1843) А.Г. Евстафьев породнился с состоятельным купеческим семейством Тарди из г. Нью-Йорка. Ее мужем стал Джон Альфонсо, сын главы семейства Джона Г. Тарди, имевшего швейцарское происхождение⁵³.

Сын А.Г. Евстафьева Александр Алексис, как отмечает историк В.Н. Пономарев, сначала тоже был дипломатом и в 1828 г. причислен сверх штата к генеральному консульству России в г. Нью-Йорке. После самовольного получения гражданства США его исключили «из службы» и лишили в России всех прав состояния⁵⁴. В 1832 г. А.А.Евстафьев переехал в г. Буффало (штат Нью-Йорк), затем некоторое время работал в городах Детройт и Нью-Йорк, занимаясь банковской и брокерской деятельностью. В 1848 г. он вернулся в Буффало и стал

⁵¹ Мужем Элизы Евстафьевой (1808–1892) стал в 1833 г. посол Великого герцогства Тосканского во Франции граф Симоне Луиджи Перуцци (1782–1870), который был потомком знаменитого в конце XIII — середине XIV в. флорентийского семейного банкирского дома Перуцци. Его матерью была представительница рода Медичи — Анна Мария Луиза ди Перуцци ди Медичи (1756–1797). Упомянутая в начале данной главы графиня ди Перуцци ди Медичи являлась супругой племянника этого итальянского дипломата, которого тоже звали Симоне. Опираясь на вышесказанное, очевидно, что не соответствовало действительности утверждение газеты «Virginia Citizen» о женитьбе сына А.Г. Евстафьева Александра Алексиса (1812–1879).

⁵² Nicks F. Frederick Chopin as a Man and Musician: in 2 vol. L., 1902. Vol. 2. Appendix VIII. URL: <http://www.audacter.it/AudChopinp05e-A5.html>

⁵³ Barrett W. The Old Merchants of New York City. N.Y., 1864. P. 144–145.

⁵⁴ Пономарев В.Н. Указ. соч. С. 195.

работать в сфере страхового бизнеса, особенно в области страхования судов. Нельзя не отметить, что в середине 1860-х гг. на Великих озерах в районе Чикаго один из буксиров водоизмещением 23 тонны, построенных компанией братьев Джона, Уильяма и Дэвида Дональдсон, был назван «А.А. Евстафьев» (позднее переименованный в «МакКормик»)⁵⁵.

Его первой женой была уроженка Лондона, переехавшая в США в 14-летнем возрасте, Эмили Уилсон (1819–1872). В этом браке родились два сына и четыре дочери. Второй женой А.А. Евстафьева стала американка Сара У. Карпентер (1836–1892); в 1877 г. у супругов родился сын. Долгие годы А.А. Евстафьев являлся прихожанином Епископальной церкви.

В заключение следует отметить, что деятельность российского дипломата А.Г. Евстафьева в Англии, и особенно в США, в первой половине XIX в. была многогранной. Работая в годы Наполеоновских войн и позднее, он приложил много усилий в развитие разнообразных межгосударственных культурных и научных связей, защиту интересов России и добивался несомненных успехов. Несмотря на возникавшие подчас трудности, А.Г. Евстафьев снискал уважение не только со стороны властей, но и самых разных людей по обе стороны Атлантики. Обстоятельства сложились так, что большую часть жизни дипломат провел за границей, но старался по мере сил познакомиться британцев и американцев с историей России и современным состоянием дел, разрушал сложившиеся стереотипы, помнил о своей малой родине. Можно также предположить, что благодаря своей дочери, графине Перуцци, семья А.Г. Евстафьева была связана с Италией, а вторая дочь и сын уже практически стали американцами. В целом думается, что следует продолжать изучать деятельность этого замечательного человека и его потомков, по возможности расширяя поиск новых архивных документов и вводя их в научный оборот.

⁵⁵ URL: <https://www.maritimehistoryofthegreatlakes.ca//documents/hgl/default.asp?ID=s103>; <https://www.maritimehistoryofthegreatlakes.ca/GreatLakes/Documents/HGL2/default.asp?ID=s301>. См. также: Sixteenth Annual Report of the Trade and Commerce of Chicago? For the year Ending December 31, 1873, Compiled for the Board of Trade, by Chas. Randolph, Secretary. Chicago, 1874. P. 142.

Глава 3

ДИПЛОМАТ-СЛАВЯНОФИЛ АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ ИОНИН

Н.С. Иванов

В российской историографии творчеству посла в Болгарии, Бразилии, Аргентине, Уругвае, Швейцарии, действительного тайного советника Александра Семеновича Ионина (1837–1900) уделено немало внимания¹. Однако, главным образом ученые анализировали его «латиноамериканский» этап деятельности, итогом которой стал четырехтомник «По Южной Америке», изданный в 1892–1902 гг. Книга пользовалась большой популярностью у русских читателей, была переведена полностью на немецкий язык и частично, в виде отдельных глав — на французский и испанский языки. В 1897 г. четырехтомник, ставший фундаментом зарождавшейся российской латиноамериканистики, удостоился премии Российской Академии наук. В данной главе акцент делается на освещении деятельности А.С. Ионина на Балканах, а также его политических взглядов.

А.С. Ионин родился в небогатой дворянской семье в деревне Варваровка Воронежской губернии. В 1854 г. окончил Лазаревский институт восточных языков, затем особое «учебное отделение» Азиатского департамента Министерства иностранных дел, куда допускались только

¹ Казаков В.П. «Мир, выходящий на мировую арену...» (А.С. Ионин) // История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI–XIX веков / Отв. ред. Е.А. Ларин. М.: Наука, 2010. С. 632–656; Шур Л.А. Материалы русского путешественника и дипломата А.С. Ионина как источник по истории и этнографии стран Латинской Америки // От Аляски до Огненной Земли. М., 1967. С. 267–273; Филимонова Е.В. Первый российский посланник // Латинская Америка. 1991. № 8. С. 79–85; Она же. Российский дипломат А.С. Ионин (1837–1900) // Новая и новейшая история, 1992. № 6. С. 111–131; Зверева С.Н. Историческое знание об Аргентине в России в сочинениях А.С. Ионина // Взаимодействие культур в историческом контексте. М., 2005. С. 110–130.

выпускники по первому разряду специальных классов Лазаревского института.

В 1856 г. он отбыл по месту своей службы в русскую миссию в Константинополе, а на следующий год был назначен драгоманом (переводчиком с дипломатическими функциями) российского консульства в Сараеве. С 1864 г. служил консулом в Янине, в 1869–1875 гг. работал консулом, а в 1875–1878 гг. генеральным консулом в Рагузе (ныне Дубровник)².

Александр Семенович Ионин (1837–1900)

Как и многие русские интеллигенты, Ионин с сочувствием и горячей симпатией относился к освободительному движению южных славян против турецкого ига. Русские

² Соловов В.Г. Дипломаты Российской Империи // <http://www.rusdiplomats.parod.ru/index.html>

дипломаты на Балканах, прежде всего российский посол в Константинополе, будущий министр внутренних дел граф Н.П. Игнатъев и консул Ионин видели главную причину волнений в турецком гнете. Они и их сторонники в МИДе, выступавшие с консервативно-славянофильских позиций, сталкивались с яростным противодействием «западников» — Н.К. Гирса, В.Н. Ламздорфа, П.П. Убри и др., стремившихся уступить роль «монополиста» в балканских делах Австро-Венгрии.

Вместе с другими дипломатами-славянофилами А.С. Ионин обсуждал планы организации помощи братским народам задолго до начала активных действий. В 1867 г. будущий герой-доброволец освободительной войны Н.Н. Раевский подал на имя директора Азиатского департамента МИД России записку «О необходимости посылки русских офицеров в Турцию для помощи славянам в борьбе против турок», а позже подготовил для Н.П. Игнатъева «Проект организации восстания на Балканском полуострове», который активно обсуждался с Иониным и другими доверенными лицами посла³.

Активная фаза борьбы началась в Герцеговине в 1875 г., и многие считали, что зачинщиком восстания был именно А.С. Ионин⁴. К нему, по свидетельству современников, относились как к главному «политическому агитатору, разжигавшему славянские страсти». В Петербурге даже распевали шуточные куплеты на мотив модной тогда оперетки Ш. Лекока «Дочь мадам Анго»:

Ah, c'est donc toi, Monsieur Ionine
Qu'as inventé l'Herzegovine
(Ах, это вы, мсье Ионин,
Изобрели Герцеговин)⁵

³ Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878. Документы. М., 2008.

⁴ Головин К.Ф. Мои воспоминания. Т.1., СПб, 1908. С. 302.

⁵ Там же. С. 308.

В 1876 г. император Александр II подписал указ, разрешивший отставным офицерам отправляться на Балканы, и вскоре количество русских добровольцев достигло 8 тыс. человек. Вслед за выступлением в Герцеговине, прокатились восстания в Боснии, Болгарии, война Сербии и Черногории против Турции в 1876 г. и Русско-турецкая война 1877–1878 гг.

В эти годы по всей России были созданы Славянские комитеты, которые занимались сбором средств для борьбы братьев-славян, оказания помощи беженцам, больным и раненым. В их работе активно участвовали такие выдающиеся русские деятели как И.С. Аксаков, Ф.М. Достоевский, Н.Ф. и Д.Ф. Самарины, С.М. Третьяков, С.М. Степняк-Кравчинский и др.⁶

В 1878–1883 гг. А.С. Ионин был министром-резидентом в Черногории и фактически управлял страной. За содействие освободительной борьбе балканских народов против турецкого владычества он был награжден черногорским орденом. На Балканах Ионин обрел и семейное счастье, женившись на представительнице аристократического черногорского рода Негушей. Современники отмечали красоту, ум, открытый и веселый нрав Марины Павловны. Как вспоминал известный писатель-славянофил и общественный деятель К.Ф. Головин, «стоило ей улыбнуться, да пристально взглянуть на собеседника — и мороз пробегал по спине»⁷. (От этого брака в 1880 г. родился сын Борис, который с 1902 г. служил в конвое Его Императорского Величества, затем работал в российских консульствах в Бухаресте, Белграде, Гааге, Париже, Лондоне и Вашингтоне. В 1925 г. оказался в эмиграции во Франции, работал шофером такси, и там следы его затерялись).

⁶ Клисун С. Русские добровольцы в Сербской войне 1876 г. и взгляды представителей консервативной мысли русского общества на развитие Восточного кризиса и на роль России в его разрешении // http://epistema.ucoz.ru/OPERA/Klisunov-SerbskVoyna.htm#_ftnref50

⁷ Головин К.Ф. Мои воспоминания. Т. 2 (1881–1894) СПб., 1910. С. 181.

М.П. Ионина

Несмотря на радикальный панславизм Ионина, он довольно успешно продвигался по карьерной лестнице, в отличие от своего младшего брата Владимира Семеновича (1838–1886), который вначале шел по стопам А.С. Ионина. Он также окончил курс в Лазаревском институте, учебное отделение восточных языков при Азиатском Департаменте МИДа. Служил в Константинополе, в Мостаре, Белграде, в 1867 г. был назначен секретарем консульства в Рагузе. Но Владимир настолько явно и открыто пропагандировал идею освобождения славян, что у него возник конфликт с начальством, приведший к увольнению со службы в 1869 г. В документах указывалось, что «страстность, порывистость в вопросах, касавшихся славян, которую он всегда выказывал, не соответствовала тогдашним политическим обстоятельствам и не вязалась с его официальным положением»⁸.

⁸ Русский биографический словарь в 25-ти т. Т. 8. Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцева. Санкт-Петербург: Тип. И.Н. Скороходова, 1897. С. 320–321.

После кратковременной службы в министерстве финансов Владимир одним из первых в 1875 г. уехал добровольцем на Балканы, стал председателем болгарского революционного комитета в Бухаресте, затем перенес свою деятельность в Боснию и в 1877 г. был избран председателем боснийского народного временного правительства. Однако вскоре на здание правительства напали враги, и, спасаясь от них, он спрыгнул с верхнего этажа, сломал ногу, но сумел скрыться, избежав смерти. После череды военных приключений вернулся в Петербург, где продолжал всячески поддерживать босняков и герцеговинцев вплоть до своей смерти от паралича сердца на 48-м году жизни. Как указывалось в некрологах, «если он и ошибался, то во всяком случае действовал всегда с полнейшею искренностью и имел в виду только интересы славян, как он их понимал»⁹.

Таким же, «в высшей степени порядочным и хорошим человеком»¹⁰ был и Александр Семенович. Его сослуживец по Министерству иностранных дел Г.А. де Воллан, который во время событий на Балканах активно сотрудничал с петербургским Славянским комитетом (а позже, в 1906–1910 гг. стал российским послом в Мексике), познакомился с Иониным, когда тот был генеральным консулом в Рагузе. Он отмечал своеобразную внешность Ионина: «Наружность его была необыкновенная, — на шее торчала как бы мертвая голова, обтянутая, конечно, кожей. Но при разговоре с ним вы забывали о его наружности и находились под обаянием интересной личности»¹¹.

Де Воллан пишет, что «около государя было два течения»¹², и многие карьеристы сделали ставку на поражение славянских восстаний и писали в этом духе свои донесения. Один из них, некий Шатохин, «карьерист до мозга ко-

⁹ Там же. С. 321.

¹⁰ Де Воллан Г.А. Очерки прошлого // Русская старина. СПб., 1916. Т. 165. Январь, февраль, март 1916. С. 524.

¹¹ Там же, С. 515.

¹² Там же. С. 525

стей», считал (как и проавстрийское руководство МИДа), что «восстание вот-вот закончится катастрофой» и, «вероятно, думал про себя (относительно честного Ионина — *Н.И.*), глуп ты, братец, ты не пойдешь далеко»¹³. Он дезавуировал объективные сведения Ионина, и «зная настроение министерства, телеграфировал, что сербы трусы, что турки победят»¹⁴.

Даже известному славянофилу Е.П. Новикову (послу России в Австро-Венгрии в 1870–1874 гг., а затем в годы войны чрезвычайному и полномочному послу в Османской империи — *Н.И.*), сообщая о начале войны, этот «молчалин» конца XIX века высказал фразу: «Сербы будут побиты, но так им и надо, по крайней мере, они успокоятся». И государь, которому ложились на стол эти документы, на полях делал пометы: «Странно, что это противоречит донесениям Ионина»¹⁵. Однако честная и благородная позиция Ионина в данном (весьма редком) случае одержала верх над Шатохиным, который, «несмотря на свой оппортунизм так и не сделал карьеры»¹⁶. Когда, пишет Де Воллан, «государю императору Александру II доложили, что восстание торжествует, он сказал: их успех меня радует»¹⁷.

Героические события Русско-турецкой войны нашли отражение во многих произведениях (одно из лучших — роман В.С. Пикуля «Баязет»). Тем не менее плодами победы благодаря «пятой колонне» в российских верхах, как это нередко бывало в российской истории, воспользовалась Австро-Венгерская империя. В 1878 г. представители России — канцлер А.М. Горчаков, П.А. Шувалов, П.П. Убри подписали Берлинский трактат (наряду с политиками Австро-Венгрии, Германии, Великобритании, Франции, Италии и Османской империи), который радикально изменил в пользу Австрии подписанный ранее Сан-Стефанский мирный договор.

¹³ Там же. С. 517.

¹⁴ Там же. С. 525.

¹⁵ Там же. С. 518

¹⁶ Там же. С. 517.

¹⁷ Там же.

В ущерб славянам были в три раза сокращены размеры Болгарии, получившей независимость от Турции, а Босния и Герцеговина стали частью Австро-Венгрии. Более того, прозападная позиция руководства российского МИДа заложила «мины замедленного действия», которые привели впоследствии к Первой мировой войне.

Друг и единомышленник Ионина, И.С. Аксаков с горечью писал, что после подписания Берлинского трактата «галлюцинацией кажется все то, чем мы утешались и славились еще менее полугодом назад — и плененные турецкие армии под Плевной, Шипкой и на Кавказе, и зимний переход русских войск через Балканы, и геройские подвиги наших солдат, потрясшие мир изумлением, и торжественное шествие их до Царьграда — необычайные победы, купленные десятками тысяч русских жизней, эти несметные жертвы, принесенные русским народом»¹⁸.

Настоящем воплем отчаяния прозвучали слова Аксакова: «Ты ли это, Русь-победительница, сама добровольно разжаловавшая себя в побежденную? Ты ли на скамье подсудимых как преступница, каешься в святых, подъятых тобою трудах, молишь простить тебе твои победы?.... Западные державы, с Германией впереди, нагло срывают с тебя победный венец, преподносят тебе взамен шутовскую с погремушками шапку, а ты послушно, чуть ли не с выражением чувствительнейшей признательности, склоняешь под нее свою многострадальную голову!»¹⁹

Многие историки советского и постсоветского периода с иронией, а порой и с открытым глумлением описывали тогдашнюю позицию славянофилов в Балканском вопросе. Так, один из крупнейших исследователей С.Д. Сказкин с издевкой резюмировал: «Эта трогательная тирада, являющая многострадальную Россию с шутовским колпаком на голове

¹⁸ Речь И.С. Аксакова, произнесенная 22 июня 1878 г. в Московском славянском благотворительном обществе. Berlin: R. Behr's Buchhandlung, 1878. С. 6.

¹⁹ Там же. С. 8.

на потеху Европе, в гораздо большей степени подходит к самому И. Аксакову и к роли славянофильства в этот период. Попробовав единственный раз спуститься с заоблачных высот идеальных построений в гущу практической политики, славянофильство в лице его наилучшего из поздних представителей расписалось в своей полной несостоятельности»²⁰.

Большинство промахов и дипломатических поражений царского правительства списывались и списываются до сих пор на «бездумное и наивное» увлечение славянофильством и панславизмом. Более того, именно панславизм, якобы, несет ответственность за развязывание Балканских войн, за резкое обострение отношений между Россией и западноевропейскими державами (Германией, Австрией, Англией и Францией) и «полную политическую изоляцию», в которой Россия оказалась после Русско-турецкой войны²¹. Внутри же страны влияние славянофилов привело к «затхлому и лапотному» «московитизму», вдохновителем которого стали при Александре III М.Н. Катков и К.П. Победоносцев²². Неким «пророком» представляют графа П.А. Валуева (известного либерала, занимавшего в 1879–1881 гг. пост председателя Комитета министров), который в 1882 г. записал в своем дневнике: «Мне стыдно перед иностранцами, стыдно перед своими и стыдно за своих. Дикая допетровская стихия взяла верх. Разложение императорской России предвещает ее распадение»²³.

Господство «китайгородских элементов», «Аксакова и Ко» в подобном изложении ответственно за Первую мировую войну, Октябрьскую революцию, и даже за нынешние проблемы России. Как пишут современные блоггеры: «Идеи славянофилов, осев в «высших эшелонах власти», были ими

²⁰ Сказкин С.Д. Конец австро-русско-германского союза. Исследование по истории русско-германских и русско-австрийских отношений в связи с восточным вопросом в 80-е годы XIX столетия. М.: Наука, 1974 (Первое изд. в 1928 г.). С. 87.

²¹ Там же. С. 207.

²² Там же. С. 198.

²³ Валуев П.А. Дневник 1877–1884. Петроград, 1919. С. 186.

переварены и превращены на выходе в тот скрепно-ватный ура-патриотизм, который и поныне является причиной всех российских бед»²⁴.

И все это говорится о сравнительно небольшой группе русских патриотов-интеллектуалов, мечтавших о благе русского народа, всеславянском единстве, которых никогда не подпускали к власти, травили слева (либералы и социалисты) и справа (прозападные политики, занимавшие важнейшие посты в царском правительстве)!

С.Д. Сказкин считал О. фон Бисмарка «эталоном» государственного деятеля, открыто восхищался его деятельностью²⁵, выставляя «радетелем», пытавшимся исправлять неуклюжие промахи российского правительства: «Все попытки Бисмарка замазать трещину в русско-австрийских отношениях, вызванную русскими неудачами в Болгарии, остались втуне. Его расчеты не оправдались, и значительная часть его работы, направленной к поддержке обветшавшего здания монархической солидарности, пропала даром»²⁶.

То, что вся его деятельность по «собираанию» немецких земель в единое государство, а также установление и поддержание союза с Австрией шли в рамках пангерманизма (в идейном отношении аналога нашего панславизма, но многократно усиленного реальной государственной властью) никак не комментируется Сказкиным и рядом других российских славяноведов. А ведь именно постоянная поддержка «родственных» австрийцев в противовес российским интересам привела к ослаблению и краху «союза трех императоров». Слепое следование пангерманизму привело к тому, что именно Бисмарк сколотил европейскую коалицию, чтобы воспрепятствовать созданию федерации славянских независимых государств по итогам победоносной войны России с Османской империей.

²⁴ <https://pierrett-a.livejournal.com/67998.html>

²⁵ Сказкин С.Д. Указ. соч. С. 224, 246, 247–249, 262.

²⁶ Там же. С. 239.

Именно Берлинский трактат, навязанный России Бисмарком и британским премьером Б. Дизраэли, сделал главным бенефициаром Австро-Венгрии и привел к целой серии кровавых бунтов и восстаний, войн (сербо-болгарская война 1885 г., болгарское восстание 1885 г. за объединение страны и др.), созданию обстановки хаоса и нестабильности на Балканах, которая в итоге и стала «запалом» в Первой мировой войне.

Таким образом, расчеты и политика «мудрого» Бисмарка громыхнули в XX веке в виде двух мировых войн, повергших его родину в руины. А «глупый, шутовской и примитивный» анализ славянофилов оказался на самом деле самым верным, хотя к нему никто из «власть имущих» в России не прислушался.

Тогдашняя «пятая колонна», прозападные российские политики фактически подыграли Бисмарку, превратив победу России в поражение. Именно об этом и говорил Аксаков в своей речи: «Весь Берлинский конгресс — ничто иное как открытый заговор против Русского народа. Заговор с участием самих представителей России!!»²⁷. Западным державам не потребовалось никакие боев, чтобы развернуть на 180° итоги войны: «Только притопнул лорд Биконсфильд (Дизраэли — *Н.И.*), да Австрия пригрозила пальцем, и от этого могла испугаться только русская дипломатия и никто больше»²⁸. Эти «представители России» оказались «самыми злейшими врагами», хуже нигилистов. «И те, и другие — иностранцы в России и поют с чужого европейского голоса; и те, и другие чужды своему народу, презирают его органические, духовные начала, стараются сдвинуть его с пути, заповеданного ему историей и направлять насильственно на путь противоестественный»²⁹. (Хотя Аксаков прямо не называет царя главным виновником,

²⁷ Речь И.С. Аксакова. С. 16.

²⁸ Там же. С. 12–13.

²⁹ Там же. С. 20–21.

однако не случайно его речь смогла быть опубликована только за рубежом — *Н.И.*)

И, наконец, в отличие от западников и либералов, которые с подачи Бисмарка и Дизраэли с восторгом приняли итоги Берлинского конгресса как «залог долговременной стабильности и мира в Европе», Аксаков дал совершенно точный прогноз будущих событий на Балканах. По сути, заявил он, Россия предала своих единственных союзников в Европе — славян³⁰: «Бедный русский солдат, тебе стыдно будет и глаза поднять на этих твоих „братушек“... За что же, благодаря русской дипломатии, будешь ты заклеямен в памяти Болгарского народа независтным названием предателя!»³¹...

Записки и донесения А.С. Ионина, ставшего к тому времени полномочным министром-резидентом в Цетине (административном центре Черногории, вошедшей благодаря Берлинскому трактату в зону влияния Австро-Венгрии — *Н.И.*) по своему духу мало чем отличались от общей позиции славянофилов и панславистов. И начальство в МИДе решило отправить бескомпромиссного и «неумного» дипломата «от греха подальше» на другой конец света, в Латинскую Америку.

Однако в 1883 г. он был возвращен из Бразилии как лучший эксперт по балканским делам для того, чтобы «разрулить» критическую ситуацию, возникшую в Болгарии. Там русским царем, по согласованию с Германией и Австрией, у власти был поставлен князь Александр I Баттенберг, сын принца Александра Гессен-Дармштадского и племянник царя Александра II. Занявший проавстрийскую позицию князь плел интриги против русских министров в болгарском правительстве Л.Н. Соболева и А.В. Каульбарса, которые были назначены Россией, а также против русского военного контингента. Благодаря козням Германии и Австрии, а также общему антироссийскому настроению болгарской оппо-

³⁰ Там же. С. 19

³¹ Там же. С. 12.

зиции (как правой, так и левой), о причинах которого говорил Аксаков, положение там сделалось неуправляемым.

Ионин получил четкие инструкции от МИДа: в его задачи входило поддержание авторитета России, сохранение, хотя бы на время, на своих постах Соболева и Каульбарса, а также желательно — восстановление князем Конституции, действие которой было приостановлено Баттенбергом на три года. Русский посол четко и добросовестно выполнял свои задачи. О его высочайшей квалификации говорили не только современники, но и поздние исследователи.

Британский дипломат в Черногории писал о своем коллеге, что Ионин был «одним из самых умных в шайке славянофилов»³². Непосредственный начальник русского посла, либерал и прозападник, министр иностранных дел Н.К. Гирс, невзирая на идейные противоречия с Иониным отзывался о нем как о «благоразумном и уравновешенном дипломате»³³. Посол Австро-Венгрии в России А. фон Фолькенштейн в переписке с министром иностранных дел Г. Калноки назвал Ионина «умным и весьма полезным дипломатом, который, будучи горячим русским патриотом, не принадлежит к фанатичным панславистским агитаторам»³⁴. «Высокопрофессиональным и компетентным дипломатом» охарактеризовал его «архитектор» Холодной войны (относительно не отличавшийся доброжелательностью по отношению к России) американский посол Дж. Кеннан, написавший в 1981 г. книгу о падении «европейского порядка», созданного Бисмарком³⁵. О несомненных достоинствах Ионина в качестве дипломата пишут известные западные исследователи Ч. Джелавич (профессор университета в Блумингтоне),

³² Green to Pauncefoote, FO, 102/23, pvt. Letter, Scutari, Aug. 15, 1883 / Jelavich C. Tsarist Russia and Balkan nationalism: Russian Influence in the Internal Affairs of Bulgaria and Serbia, 1879–1886. Oakland: California University Press, 1962. P. 124.

³³ Jelavich C. Tsarist Russia and Balkan Nationalism, P. 124.

³⁴ Ibidem.

³⁵ Kennan G.F. The Decline of Bismarck's European Order: Franco-Russian Relations 1875–1890. N.Y., 1981. P. 116–117.

М.С. Рекун (профессор Бостонского университета)³⁶. К ним, невзирая на ярую антипатию к славянофильству, примкнул даже Сказкин: «Ионин был умный человек, хороший, хотя и несколько склонный к нервозности, дипломат (одним словом, экземпляр очень редкий среди агентов, посылавшихся в 80-е годы на Восток)»³⁷. Российский славяновед В.И. Косик отмечал, что в посланиях Ионина из Софии содержался «блестящий анализ положения дел»³⁸.

По приезде в Софию русский посол быстро разобрался в ситуации и отправил записку Гирсу, в которой в мягкой форме обозначил те же болевые точки, которые были отмечены в выступлении И.С. Аксакова, совершенно верно вскрыв причины провалов российской политики: «Мы сами не могли определить себе той цели, которую нам нужно было бы преследовать в Болгарии. В связи с этим запутывались мы и в выборе средств, так что каждый наш агент составлял свой особый план действий и разрушал работу своего предшественника...Со времени Берлинского трактата Россия не вполне оправдала те ожидания, которые возлагали на нее болгары. Беспрестанная перемена взглядов, людей и систем, переход от Тырновской конституции к едва замаскированному деспотизму, — смутили умы и поколебали наш нравственный кредит. После переворота князь не имел ни опоры в стране, ни почвы под ногами...Вместе с тем, и чтобы еще более скомпрометировать нас, клика князя сделал вид, будто бы совсем отдается в руки России, и добилась назначения в Болгарию русских министров, которые таким образом стали невольными сообщниками придворной камарильи»³⁹. Несмотря на приверженность Ионина принципам монархизма и антипатию к парламентскому строю, он, анализируя предательский курс Баттенберга, совершенно объективно заклю-

³⁶ Jelavich С. *Tsarist Russia and Balkan Nationalism*, P. 124; Rekun M.S. *How Russia Lost Bulgaria, 1878–1886: Empire Unguided*. L., 2018. P. 129.

³⁷ Сказкин С.Д. Указ. соч., С. 231.

³⁸ Косик В.И. *Русская политика в Болгарии, 1879–1886*. М., 1991. С. 70.

³⁹ Там же. С. 72–73.

чил: «Никогда Тырновская конституция не довела бы нас до настоящего и именно для России прискорбного кризиса, а главное, при ней мы никогда бы не могли столь сильно скомпрометировать наше влияние и наш престиж»⁴⁰.

Для князя Баттенберга приезд Ионина был весьма неприятной неожиданностью (он ожидал назначения на пост российского посла в Болгарии своего приятеля и такого же западника и германофила К.Г. Эрнрота). Он не преминул высказать свое недовольство при встрече с Иониным, однако получил жесткий и решительный отпор.

Русский посол решительно и хладнокровно провел переговоры с Баттенбергом (стенограмма хранится в архивах российского МИДа — *Н.И.*), требуя, в соответствии с данными ему полномочиями, гарантий сохранения русских генералов в правительстве, а также (в будущем) возвращения страны к Тырновской конституции.

Князь пытался свалить на русских ответственность за проведенный переворот и приостановление действия конституции: «Вы сами, русские помогли мне сделать этот переворот».

— Ионин: «Что же нам было делать, когда вы нас приперли к стене и сказали нам: «Я или конституция». Мы думали, что вы нужны, хотели мира и принуждены были вас поддерживать, хотя вы нас и не известили о ваших намерениях ... и ради бога не говорите нам: «Я или генерал Соболев!»».

— Князь: «Но, наконец, полномочия все-таки существуют».

— Ионин: «Да, но должны прекратить свое существование ... единоличная власть ваша не опирается на страну, она приобретена чужим влиянием, хотя бы и нашим, и имеет опору только малое число лиц».

— Князь: «Но у меня уже готова новая конституция ... теперь происходит слияние партий, и я намерен воспользоваться им для упорядочения страны. Только в этом случае болгары захотят управляться сами собой, и тогда русских министров не будет им нужно».

⁴⁰ Там же.

— Ионин: «Это может быть и случится, если помимо возбуждения страстей, страна спокойно рассудит о своем положении, но до тех пор они все-таки необходимы».

— Князь: «Нет, это невозможно, мы будем вынуждены обратиться за помощью к Европе».

— Ионин: «Будьте уверены, что Европа желает прежде всего того же, что и мы: порядка и мира... Не думайте, чтобы Европа, если вы сделаетесь здесь невозможным, поставивши себя против русских, — возбудила только из-за вашей личности европейский вопрос... Мы не в состоянии более уступать и не боимся последствий»⁴¹.

По словам пастора князя, А. Коха, который посетил Баттенберга сразу же после визита Ионина, тот был вне себя от «наглого поведения российского государственно-го сановника»⁴². По словам князя, «Ионин давал оскорбительные и дерзкие ответы на все мои возражения, а когда я сделал ему замечание за это неподобающее поведение, он сказал мне: «Как герр Ионин, я прошу у вас прощения за выражения, которые я использую; но как посланник Его Величества я вынужден повторить их, поскольку я получил приказ от царя использовать именно этот язык...И это награда за мое послушное поведение в течение четырех лет!... Все, с меня хватит!»⁴³.

Тем не менее резкий тон посла и полная уверенность в своих словах заставили князя согласиться (по крайней мере на словах) с Иониным. Он обещал создать особую комиссию для пересмотра конституции, после чего созвать Великое народное собрание для внесения поправок в Тырновскую конституцию с целью прекращения «особых полномочий» князя. Затем, с восстановлением порядка русские генералы должны были выйти из состава правительства.

⁴¹ А.С.Ионин — Н. К. Гирсу, 21 августа 1883 г // Косик В.И. Ук. соч., С. 74.

⁴² Koch A. Prince Alexander of Battenberg; reminiscences of his reign in Bulgaria, from authentic sources. London, 1887. P. 144.

⁴³ Ibid., P. 148–149.

После проведенных Иониным встреч с лидерами либералов и консерваторов, прорусски настроенными политиками, он убедился в том, что существует реальная опасность захвата полной власти в стране консервативно-княжеским блоком и оттеснения ими либералов в парламенте. В условиях, когда князь продолжал занимать проавстрийскую позицию, да и доказал полную неспособность управлять Болгарией, это сулило множеством проблем для российского правительства. Ионин попытался в жесткой форме «поставить князя на место», однако он не знал, что с подачи Австро-Венгрии уже готовилась очередная антирусская интрига.

Вопреки всем договоренностям с российским послом и совершенно неожиданно для своего правительства Баттенберг в сентябре 1883 г. подписал манифест, в котором объявил о полном прекращении своих полномочий и восстановлении Тырновской конституции. Под свист и улюлюканье депутатов генералы Соболев и Каульбарс вышли из парламента и были вынуждены написать прошение об отставке и покинуть страну.

Хотя Ионин не смог добиться постепенного перехода к конституционному режиму из-за вероломства князя и его австрийских «спонсоров», но стараниями русского посла царскому правительству удалось «сохранить лицо» — русские генералы покинули свои посты не вследствие приказа Баттенберга или выражения недоверия со стороны Народного собрания, а по разрешению царя. Для исправления сложившегося положения Ионин предлагал различные меры, в том числе подготовку необходимых условий для «прекращения правления князя после демонстрации военной силы»⁴⁴. Однако прозападные круги в России пытались всеми силами сохранить князя с его антироссийскими интригами «на плаву» вплоть до переворота 1886 г. (который был организован русскими офицерами и в своих основных

⁴⁴ Косик В.И. Указ. соч. С. 78.

чертах соответствовал плану Ионина, однако был уже слишком запоздалой мерой — *Н.И.*)

И.С. Аксаков, описывая события 1883 г. сделал вывод: «Теперь несомненно, что интрига была — австрийская, что обе болгарские партии, «консерваторы» и «либералы», равно и сам князь Александр, сделались вольными или невольными, сознательными или бессознательными ее орудиями, и что эти «последние события» знаменуют собою победу австрийской политики, или проще: вторжение Австрийцев в Болгарию»⁴⁵

Несмотря на чувствительный удар по самолюбию российского царя, его племяннику удалось удержаться на монаршем престоле. Тем не менее, благодаря решительной позиции русского посла удалось прекратить поползновения Баттенберга в отношении российского воинского контингента (планов сокращения его численности и увольнения офицеров, не желавших слепо исполнять приказы князя). Ионин даже издал собственное письменное распоряжение, запрещавшее российскому офицерству исполнять княжеский указ о реорганизации военного министерства.

В октябре 1883 г. Ионин отправил в Россию 50-страничный меморандум, в котором детально объяснил причины болгарского кризиса и его возможные последствия. Прочитав отчет, царь Александр III, который в 1881 г. одобрил переворот Баттенберга и приостановление действия Тырновской конституции, вынужден был лаконично прокомментировать: «Все здесь очень подробно, четко изложено и справедливо»⁴⁶.

Несмотря на то, что Ионину не удалось до конца выполнить свою миссию и без потерь выйти из болгарского кризиса, царь благосклонно отнесся к нему, написав: «Я очень доволен всеми энергичными действиями Ионина и особенно ценю его решительность, твердость, а также то, что он взял

на себя ответственность и не просил каждый раз указаний из Петербурга, тем самым еще раз продемонстрировав свои способности и находчивость»⁴⁷. Конечно, в последней фразе содержался скрытый намек на то, что посол несколько «заврался» в своем жестком отношении к князю, однако это не привело к окончанию карьеры Ионина.

Сославшись на потоки клеветы и ругательств в адрес Ионина, посыпавшихся в Петербург от князя и его окружения, российский МИД в феврале 1884 г. сменил его на посту посла А.И. Кояндером. В итоге, отказавшись от свержения Баттенберга по плану Ионина, российская прозападная клика плыла по течению, пока ход событий не привел в 1886 г. к разрыву дипломатических отношений с Болгарией на долгие десять лет.

Ионину же было предписано вернуться в Латинскую Америку. До отъезда он довольно часто посещал светские рауты в Санкт-Петербурге, и его «симпатичный образ» отразил в своих воспоминаниях К.Ф. Головин⁴⁸. Как писал Головин, Александр Семенович славян «любил искренне, но не делал себе на их счет никаких иллюзий. А черногорцев он выделял из прочих, потому что с ними сжился и полюбил их. Да и нельзя было артистической натуре Ионана, отворачивавшейся от всего заурядного, от всего мещанского, не полюбить такой самобытный народец, как черногорцев»⁴⁹.

Описывая интеллектуальные и моральные качества Ионина, Головин (в своих мемуарах весьма сдержанный на эмоции) не скупился на похвалы: «Это был глубоко-добрый человек и очень зоркий в то же время. Людская низость не оставалась для него тайной, но относиться мягко к людям он оттого не разучался. А для него самого совершить что-нибудь дурное или пожелать другому зла было просто невозможностью.

⁴⁵ «Русь». 1.10.1883.

⁴⁶ Делеша Ионина N 20 от 24.10.1883 — О. А., Sofia, 1, лл. 823–830 // Jelavich S. Tsarist Russia and Balkan Nationalism. P. 137.

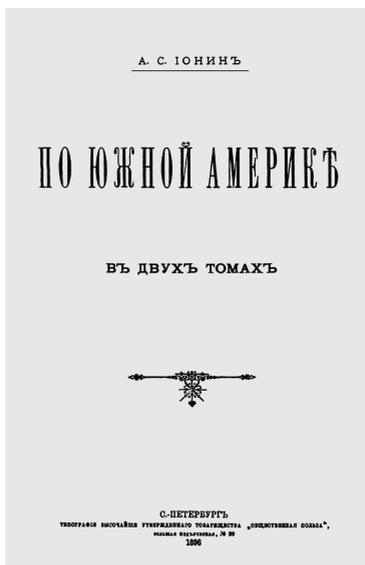
⁴⁷ Ibidem.

⁴⁸ Головин К.Ф. Мои воспоминания. Т.1, Санкт-Петербург, 1908,. С. 307–309.

⁴⁹ Там же. С. 308.

Нельзя было не полюбить этого сердечного, высокоблагородного человека»⁵⁰.

Приехав по месту своей службы, Ионин отнюдь не воспринимал свое назначение как ссылку. Его исключительные качества в профессии дипломата не могли не обратить внимания государственных деятелей Латинской Америки. Итогом стало то, что в 1883–1892 гг. он был не только чрезвычайным послом в Бразилии, но и совмещал эту должность с посольскими функциями в Аргентине и Уругвае, сыграл немалую роль в восстановлении в 1890 г. отношений с Мексикой. Совершил длительное путешествие вдоль восточного побережья континента, от эстуария Амазонки до Магелланова пролива, а также западного берега, вдоль Чили и Перу, закончив маршрут в порте Кальяо рядом со столицей Перу — Лимой. Творческим итогом стало написание, как отмечало выше, 4-томного труда «По Южной Америке»⁵¹.

⁵⁰ Там же. С. 309; Головин К.Ф. Мои воспоминания. Т. 2 (1881–1894). СПб., 1910. С. 112.

⁵¹ Ионин А.С. По Южной Америке. Т. 1 — 4, СПб., 1892–1902.

Это интереснейшее описание истории, политической и экономической жизни, экзотической природы, быта континента стало, при всех достоинствах, «прикрытием» упорных поисков русского патриота новых возможностей для расширения геополитического влияния России. Он разыскивал и встречался с немногочисленными в то время русскими эмигрантами, спланировал их с помощью благотворительности и поощрения религиозной общности. Ионин сыграл важнейшую роль в открытии первой православной церкви в Буэнос-Айресе в 1888 г. (при участии обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева)⁵². Ратовал за расширение географии российских морских путей в Южной Атлантике и Тихом океане. Им были фактически заложены основы для создания баз ВМФ в Аргентине и Чили — в то время они представляли собой склады с углем и провиантом для российской торговых судов и военных кораблей.

Вернувшись из Латинской Америки, Ионин продолжал свою публицистическую деятельность, печатал очерки и заметки о Балканах, статьи в журнале «Русский Вестник» и «Русское обозрение» под псевдонимом Spectator (по словам его друга, известного русского философа К.Н. Леонтьева)⁵³. Совмещал публицистику с основной профессией дипломата, исполнял обязанности временного комиссара от Российской империи в «Кассе египетского долга» (международной комиссии, осуществлявшей контроль за финансами Египта после объявления его банкротом в 1876–1878). На этом посту он смог добиться от Великобритании возврата денег, взятых для колониальных военных экспедиций в Судан. Затем в качестве представителя от России участвовал в международных конференциях по принятию мер против

⁵² Правоторов Б.А. Становление и деятельность православной церкви в Латинской Америке (1887–1917) // <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-deyatelnost-pravoslavnoy-tserkvi-v-yuzhnoy-amerike-1887-1917/viewer>

⁵³ Русский вестник. Санкт-Петербург, 1895. Т. 236. № 1. С. 55–80; Русский вестник. Т. 237. № 4. С. 3–51; Леонтьев К. Избранные письма. Санкт-Петербург: Пушкинский фонд, 1993. С. 525

холеры в Венеции (1891) и Дрездене (1892), в 1894 г. — в международной конференции в Венеции по принятию мер против чумы. В 1897–1900 гг. служил послом в Швейцарии, где также успешно продвигал интересы России во всех направлениях. Так, в частности, по его инициативе на Сен-Готардском перевале был установлен в 1899 г. памятник Александру Васильевичу Суворову. Скончался А.С. Ионин в Санкт-Петербурге в 1900 г. на 63-м году жизни.

Любопытно, что даже недоброжелатели Ионина из стана «западников» и либералов отмечали его глубокий ум и высочайший профессионализм. Так, например, В.Н. Ламздорф (министр иностранных дел России в 1900–1906 гг., которого, кстати, царь, намекая на нетрадиционную ориентацию, называл «мадам») писал в своих дневниках за 1889 г. (естественно, не без лицемерия): «Мы вспоминаем несколько оригинальных черт этого прекрасного Ионина, всегда деятельного и предприимчивого. Его донесения об Аргентинской Республике в высшей степени интересны, и на извлечении из них, представленном государю, Его Величество начертал: «Весьма интересно»»⁵⁴.

Генерал от инфантерии А.Ф. Редигер (военный министр России в 1905–1909 гг.) в своих мемуарах так описывал Ионина, с которым встречался в Болгарии в 1883 г.: «Александр Семенович Ионин был чрезвычайно умный и добрый человек, много выдавший на своем веку. Он был не очень стар (пятьдесят лет?), но казался совсем стариком, страдал нервными подергиваниями в лице и в руке и вообще был слабого здоровья. Я не думаю, чтобы он был большим дипломатом, хотя бы потому, что никогда не мог скрывать своих мыслей — они у него ясно видны были по лицу»⁵⁵. Не правда ли — весьма характерное замечание: «честный

⁵⁴ Ламздорф В.Н. Дневник. 1886 — 1890. Москва–Ленинград: Государственное издательство, 1926. С. 106.

⁵⁵ Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2 тт. М., 1999. Т. 1. С. 142.

вояка» упрекает Ионина в том, что он не лжет, не кривит истинной, не лицемерит!

И это действительно было уникальным явлением среди чиновничества в целом, и особенно — среди дипломатов. Коллега Ионина по МИДу (также славянофил) Ю.С. Карцов в своих мемуарах дал прекрасную картину пестования в дипломатической среде двуличия, фальши, покорности и конформизма в отношении начальства и преклонения перед Западом (прежде всего Германией и Австро-Венгрией): «Цель дипломатической дрессировки — сгладить углы индивидуальности, погасить в человеке душевную искру; *bon ventre — mauvais coeur* (хорошо желудку — плохо душе) — классический девиз дипломатической карьеры»⁵⁶. Начальство поощряло «развязное отношение к своему отечеству, которое у нас считается признаком светского *bon ton*»⁵⁷.

В Пруссии, пишет Карцов, подобное немислимо. Бисмарк отмечал, что «в решительную минуту не остановится перед тяжелой ответственностью единственно человек, до мозга костей проникнутый сознанием народности»⁵⁸. И Карцов добавлял: «Ошибочность либерального взгляда, в силу которого иностранцы допускаются на государственную службу, заключается в неверной посылке: иностранцы простые исполнители и спрячутся под стол, когда это будет нужно... Все громкие имена нашей дипломатии все чисто русские — Бестужев-Рюмин, Безбородко, Панин, Румянцев и проч.»⁵⁹.

Послы, назначаемые из Петербурга, писал Карцов, считали своей главной задачей «пресечение патриотической агитации, а также поддержание добрых отношений с державами Запада и, конечно, на первом плане с Австро-Венгрией и Германией»⁶⁰. «Для большинства российских дипломатов,

⁵⁶ Карцов Ю. С. Семь лет на Ближнем Востоке. 1879–1886. Воспоминания политические и личные. СПб., 1906. С. 29.

⁵⁷ Там же. С. 17.

⁵⁸ Там же. С. 17–18.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. С. 12.

враги России были не англичане и немцы, а славянофилы и военные, которые толкают Россию в пропасть»⁶¹.

Карцов часто упоминал Ионина, и почти всегда писал о его повышенной нервозности: «Лицо поминутно подергивалось тиком; большие глаза выскакивали из орбит; в общем — он производил впечатление человека, только что выпущенного из психиатрической лечебницы»⁶². Так после встречи с князем, ставшей «притчей во языцех» в российском МИДе как эталон «неподобающего поведения», состоялась встреча посла с министром-президентом Болгарии, российским генералом Л.Н. Соболевым. И там Ионин, наконец, позволил себе откровенно, без дипломатического этикета высказаться по поводу князя-предателя. Присутствовавший на встрече Карцов так описывал этот разговор: «„Гоните князя вон!“ — кричал в иступлении Ионин. „А есть ли у вас на то полномочия?“ — спрашивал Соболев. — „У меня есть телеграмма“. — „Дайте эту телеграмму или, по крайней мере, ее покажите“. Но, существовала ли эта телеграмма или нет, предъявить ее Ионин не решился»⁶³. Таким образом, в нарушение полученных инструкций, руководствуясь своим патриотическим долгом, Ионин был готов взять на себя ответственность за низложение Баттенберга! Однако Соболев отказался от этого (мотивируя прежде всего наличием большого числа подкупленных князем офицеров в российском гарнизоне). А далее ситуация пошла по плану, разработанному интриганами-австрийцами...

Де Воллан также писал о повышенной раздражительности Ионина: «Он очень нервный, впечатлительный и резок в разговоре, не терпит противоречия, вообще *mauvais coucheur*, как говорят французы. Все его лицо во время разговора подергивается судорогой и чем больше вос-

⁶¹ Там же. С. 30.

⁶² Там же. С. 146.

⁶³ Там же. С. 154.

пламеняется, тем больше строит гримасы самого комического свойства»⁶⁴.

Конечно, трудно представить, чтобы в условиях травли славянофилов в «верхах», постоянного ожидания подвохов со стороны либералов и прозападников можно было сохранять спокойствие и уравновешенность. Некоторые из патриотов-славянофилов кончали жизнь самоубийством. Маргинальное положение славянофилов, отсутствие государственной поддержки порождали постоянные трения и ссоры в их собственной среде. Так, негативные высказывания Карцова в отношении Ионина можно объяснить тем, что как-то (в присутствии Де Воллана) их спор перерос в драку, и «Ионин при мне отделал раз бедного Карцова»⁶⁵. «У Ионина психика не в порядке. Да у кого она в порядке? — философски заметил Де Воллан — В наше время здоровых, нормальных людей слишком мало. Здоровы лишь казнокрады, бездарности и карьеристы»⁶⁶.

После гибели Александра II в марте 1881 г. правительственные верхи охватило беспокойство, стремление до упора усилить репрессивные меры. Однако во внешней политике продолжалось слепое следование в фарватере Германии и Австро-Венгрии. Де Воллан в общих чертах передает взгляд Ионина на российскую политику, состоявшей в благотворности изоляции от внешних связей: «Больна у нас психика, и с Россией надо обращаться как с умалишенным человеком, то есть посадить его в темную комнату. Конечно, Ионин против всяких конституций и Земских Соборов. Он находит, что надо излечить Россию тишиной и спокойствием. *La Russie se n'est pas un peuple, c'est un monde* (Россия это не народ, это мир). Он даже предсказывает распадение России»⁶⁷.

⁶⁴ Де Воллан Г.А. Очерки прошлого. Дневник за 1882 год. / «Голос минувшего». №6, июнь 1914. С. 145.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же.

Поистине пророческими стали мысли, высказанные тогда, в 1882 году: «Славянство со своим коммунизмом явятся на смену Европы, а после славянства не появится ли Китай, и не захватит ли он всю цивилизацию, как варвары Рим. Вот она грозная сила будущего. Конечно, цивилизованный Китай будет страшен только этнографически, тем, что поглотит в себя Европу — с нецивилизованным, конечно, справятся, но все равно, опасность великая для человечества. Туранская раса изменит и склонности, и способности индо-германцев, и, может быть, лишит человечество гения»⁶⁸.

Главной опорной точкой в системе ценностей Ионина была вера в высокое предназначение русского народа и славян в целом. Он, как и Н.Я. Данилевский, верил в то, что именно в славянской цивилизации реализуются все четыре основы — религиозная, культурная и языковая, политическая и общественно-экономическая.

Будучи сторонником консервативных взглядов, он (как и его друг и коллега по дипломатической работе К.Н. Лентьев), был ярким противником «прав человека», «равенства», демократии, либерализма, считая, что эта идеология основана на лжи, вере в то, что «свободная конкуренция» сделает всех людей счастливыми. В книге «По Южной Америке» один из самых запоминающихся эпизодов — беседа на пароходе, где один из бразильцев восхваляет «принципы 89 года», равенство и «права человека», сетуя на то, что не Бразилия провозгласила их (она могла сделать это «гораздо лучше») — и при этом забывая, что в то время его страна была империей, открыто практикующей работорговлю и рабовладение⁶⁹.

«В Бразилии, — писал он, — жизнь в сущности так проста, и нет никакой борьбы с какими бы то ни было традициями и принципами; внешней политики в настоящем смысле слова нет, а внутреннюю нужно рассматривать в микроскоп,

⁶⁸ Там же. С. 141–142.

⁶⁹ Ионин А.С. По Южной Америке. Т. 1–2. СПб., 1896. Т. 1. С. 31–32.

чтобы отыскать существенное различие, например, между консерваторами и либералами, и только благодаря необыкновенной способности к фразеологии ораторов той и другой партии, удастся находить повод к неистовым, вечно до пафоса доходящим филиппикам друг против друга. Конечно, при такой политической жизни, теплые места и титулы составляют суть дела»⁷⁰.

Ионин не терпел торгашей и торгашество — и высказывал в своей книге отрицательные взгляды на народы, преуспевшие в ростовщичестве и торгашестве — евреев, португальцев и бразильцев, которых описывал в качестве некоего «корявого» подвида евреев. Он с любовью изображал нравы испанцев (их отвагу и рыцарство), индейцев, дикую волю гаучо (которых сравнивал с русскими казаками). Однако его пессимистический взгляд на будущее рисовал ему скорый конец этой самобытной культуры, которая «замолкнет перед нахальными, как сама жидовская натура, мотивами Оффенбаха»⁷¹. Пророческие слова. Как будто дипломат предвидел и нынешнее засилье массовой культуры и «попсы».

Однако главным врагом Ионин считал все же англо-саксонскую расу. «Она составляет чуть ли не единственное исключение по своему характеру между всеми расами, игравшими историческую роль на земном шаре, по своей невообразимой, единственной на свете жесткости и эгоистической исключительности. Только англо-саксонское племя, явившись в Британию, уничтожило, а la lettre (буквально) вырезало поголовно местное население и устроилось не в его среде, но на его пустых развалинах, на его костях. Такого способа завоевания не представляет ни один пункт земного шара; англо-саксонское племя вырезывало все живое до тех пор, пока леса и болота галлийских местностей на западе, острова и горы на севере не представили этому ужасному беспощадному завоеванию

⁷⁰ Там же. С. 189.

⁷¹ Там же. С. 231.

земли естественные преграды... История представляет такие сцены жестокости, как например, те, которые ознаменовали войны Кромвеля в Ирландии. Там резня прекратилась только потому, что резать устали»⁷².

Идеи Ионина весьма близки к взглядам Леонтьева. Оба презирали и ненавидели капитализм (при этом, не веря в победу над ним), оба с любовью относились к исчезающему миру высокой эстетики, традиционализма, сильных страстей и нравов. В романе Леонтьева «Одиссей Полихроннадес» главный герой, «идеальный человек», консул Благов — истинный патриот России, решительно проводит антитурецкую и антизападную политику на Балканах, пользуясь огромной популярностью среди местного славянского населения. Когда знаменитого философа и писателя спросили, кто же является прототипом Благова, он лаконично ответил: «Образ составлен из Ионина, и, разумеется, меня самого»⁷³.

⁷² Там же. Т.2. С. 204–206.

⁷³ Леонтьев К.Н. Моя литературная судьба. Автобиография Константина Леонтьева // Литературное наследство. Т. 22–24. М., 1935. С. 473.

Глава 4

КОЛОНИАЛЬНАЯ И ИМПЕРСКАЯ ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ДОНЕСЕНИЯХ РОССИЙСКИХ ДИПЛОМАТОВ В 80-е ГОДЫ XIX в.

Т.Н.Гелла

Эпоха «нового империализма» характеризовалась растущим в Англии интересом к Африке. Деловые и торговые круги Великобритании с конца 70-х гг. стали рассматривать Африканский континент как наиболее выгодный источник восстановления стабильности в британской экономике. Учреждение протектората над стратегически важными пунктами Африки позволяло Англии препятствовать продвижению вглубь нее представителей других европейских стран, ограничивать их сферы влияния и, что самое главное, способствовало удержанию под контролем реальные и возможные пути в Индию. Наглядно это прослеживается на проведении вторым кабинетом У.Гладстона (1880–1885 гг.) имперской политики в отношении Египта.

В конце 70-х гг. Египет переживал сложные времена: в стране наблюдался рост оппозиционных настроений среди различных слоев населения, которые вылились в мощное национальное движение, направленное как против правящих кругов страны, так и против засилья иностранцев и финансового закабаления Египта. К концу 1881 г. положение в стране крайне осложнилось⁷⁴.

Египетские события были в центре внимания европейских стран, особенно Англии и Франции. Россия также

⁷⁴ Более подробно см.: Луцкий В.Б. Новая история Арабских стран. М., 1966. С. 175–200; Нерсесов Г.А. Дипломатическая история египетского кризиса 1881–1882 гг. (В свете русских архивных материалов). М.: Наука. 1979; его же. К истории британской интервенции в Египте в 1882 г. // Проблемы истории Африки. М.: Наука. 1966. С. 173–211; Ротштейн Ф.А. Захват и закабаление Египта. М.: Изд-во вост. лит., 1959.

не оставалась в стороне. Уже с открытием Суэцкого канала в 1869 г. Египет стал одним из объектов пристального внимания российских правительственных и деловых кругов. Коммерческая значимость канала для российской торговли очень хорошо была обоснована в работе К. Скальковского, представителя «Общества развития промышленности и русской торговли», который побывал на церемонии его открытия и написал затем книгу. Как он указывал, для русских купцов открывались далекие рынки, и они теперь получали возможность торговать экзотическими товарами без посредников⁷⁵. Однако, помимо чисто коммерческих интересов, немаловажную роль играли и внешнеполитические интересы царской России в восточном Средиземноморье. В частности, в конце 70-начале 80-х гг. внимание российского правительства и дипломатов было приковано к Балканам, поэтому они, с одной стороны, в определенной степени были заинтересованы в том, чтобы Англия увязла в спорах с Францией в Египте, но, с другой, ее присутствие в этой стране усиливало британские позиции в восточном Средиземноморье, что шло вразрез с российскими внешнеполитическими планами в этом регионе. В связи с этим, аккредитованные в Лондоне представители российских дипломатических и военных ведомств стремились подробно освещать политические дискуссии по египетскому вопросу, разгорающиеся как среди членов либерального кабинета У. Гладстона (с 1880 г. у власти) и противостоящей ему консервативной партии, так и в стенах британского парламента, а также представленных в материалах прессы.

В начале 80-х гг. Российскую империю в Лондоне представляли яркие дипломаты. Так, с конца 1879 г. до 1882 г. чрезвычайным и полномочным послом России в Великобритании был князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский (1824–1896), дипломат и историк,

⁷⁵ Скальковский К. Суэцкий канал и его значение для русской торговли. СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1870. С. 225

А. Б. Лобанов-Ростовский
(1824–1896)

А. П. Давыдов
(1838–1885)

А. П. Моренгейм
(1824–1907)

А. Б. Лобанов-Ростовский (1824–1896), дипломат и историк, крупнейший коллекционер монет, предметов старины, картин и гравюр, портретов российских государственных деятелей, занимался собиранием и изданием исторических документов⁷⁶. Во время его представительства советником Российского посольства был назначен действительный статский советник (с 1878), камергер Александр Петрович Давыдов (1838–1885), который в 1882 г. после отъезда Лобанова в качестве посла в Вену некоторое время управлял им как поверенный в делах. Он находился в Лондоне до 1883 г., поскольку затем был назначен чрезвычайным посланником и полномочным послом в Японию. В Лондоне его сменил барон Артур Павлович Моренгейм (1824–1907), который исполнял обязанности чрезвычайного и полномочного посла России с 1882 по 1884 гг., а затем был послом в Париже⁷⁷. Донесения российских дипломатов, в которых освещались различные стороны внутривнутриполитической жизни британской партийной элиты и общества в целом,

⁷⁶ Рыбаченок И. С. Министр иностранных дел России А. Б. Лобанов-Ростовский // Новая и новейшая история. 1992. № 3. С. 95–113.

⁷⁷ Алексей Петрович Давыдов. Артур Павлович Моренгейм // Дипломаты Российской империи Электронные текстовые данные — Режим доступа: // <http://www.rusdiplomats.narod.ru/>

а также давались оценки внешнеполитическим актам Вестминстера, являются важнейшими источниками в изучении имперской политики «Туманного Альбиона» в рассматриваемый период.

Свою лепту в освещении колониальных планов и их реализации по защите интересов Британской империи вносили также и аккредитованные в Англии российские военные агенты. Военные агенты не только должны были собирать сведения о состоянии военных и морских сил Великобритании, но и хорошо разбираться в политической обстановке в стране. Отечественный исследователь А.Томилин приводит высказывание генерального штаба генерал-лейтенант А.А. Свечина, сделанное им в 1908 г. относительно деятельности военного агента: «В процессе изучения мирной и вооружённой борьбы с соседом тайная разведка составляет только небольшую часть работы. Агентурные данные об армии, технике и крепостях соседа недостаточны для уверенной работы в мирное и военное время. Нужно прислушаться к биению пульса государственной и общественной жизни; нужен определённый ответ: колосс ли он на глиняных ногах? Какую поправку нужно вводить при оценке цифровых данных о противнике? В чём его сила?»⁷⁸

Одним из военных агентов, представлявшим интересы России в Лондоне, был генерал-майор Александр Павлович Горлов (1830—1905).

Назначенный на этот пост в 1873 г., он оставался на нем вплоть до 1882 г. А.Томилин отмечал, что: «В его донесениях сообщалось про оружие и технику, политику, подготовку и организацию войск, шифрование, финансы и собственно

⁷⁸ Томилин А. Русская разведка о британском империализме (1875–1885) [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные — Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/2657195.html>

разведку»⁷⁹. По данным самого Горлова, он получал сведения из следующих источников: «личное посещение арсеналов, заводов, казарм, артиллерийских и инженерных опытов, чтение газет, журналов и брошюр по специальным вопросам, сношения с частными лицами». Однако, по словам самого генерала, основные данные ему поступали от агентуры⁸⁰.

В марте 1882 г. представителем военного ведомства России в Лондоне становится Карл Карлович Ланц (1837—1884). Как военный агент, он несколько скептически относился к вопросам о достоверности агентурных данных, считая, что секреты британскими чиновниками и административными и государственными деятелями хранятся строго и получение их через агентуры «обходится дорого» и «редко ведут к практическим результатам»⁸¹. Именно поэтому он предпочитал получать сведения напрямую: участие в парадах и маневрах позволяли ему лучше познакомиться с различными сторонами британской армии. А в 1882 г. он присутствовал при отправке британских войск, отправляющихся в Египет⁸².

Таким образом, донесения, составленные российскими дипломатическими и военными представителями в Лондоне на основе различных источников, содержали важнейшую информацию о политической ситуации в стране, партийных дискуссиях среди либералов и консерваторов, о состоянии британской армии и планах реализации колониальных задач по расширению и защите Британской империи.

Египетский вопрос в начале 80-х годов становится одним из приоритетных среди других колониальных вопросов. Лорд Гренвилль, глава Форин Оффис в либеральном кабинете, в разговоре с российским послом А.В.Лобановым в начале октября 1881 г. отмечал, что «Англия хотела в Египте только

⁷⁹ Цит. по: Томилин А. Военные агенты в Лондоне // Российская история. 2020. № 6. С. 112.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же. С.117.

⁸² Там же. С.117–118.

одного — это сохранения ситатус-кво». Он также замечал, что в основе их заинтересованности Египтом находилась Индия. «<...>То, что является первоочередным интересом для нас, так это известная дорога в Индию, — говорил он, — и мы не можем допустить перехода Суэцкого канала в другие руки. Сохранение существующего положения вещей — единственная цель нашей политики»⁸³.

Анализ политики либерального правительства У.Гладстона в период развития египетских событий 1881–1882 гг. представляет огромный интерес для уточнения имперских взглядов и позиций лидеров партии, чему во многом способствовали донесения российских дипломатов.

Либеральная партия пришла на выборы 1880 г. под лозунгами борьбы с «биконсфилдизмом», с осуждением консервативной «политики войн и аннексии», с лозунгами «мира», «равенства прав всех наций» и т. д. Однако египетские события 1881–1882 гг. поставили на повестку дня вопрос о необходимости принятия английским правительством таких дипломатических шагов, которые открыто противоречили как либеральным внешнеполитическим концепциям, так и провозглашенным ранее предвыборным лозунгам.

Отношение либерального правительства к событиям на севере Африки в начале 80-х гг. во многом определялись имперскими позициями министра иностранных дел лорда Гренвилля и премьер-министра У.Гладстона. Нельзя согласиться с утверждением историка Г.Файфа о том, что, став главой правительства, последний не уделял большого внимания египетским вопросам⁸⁴. Анализ позиций У.Гладстона, а также его окружения свидетельствует о том, что он принимал самое активное участие в разработке египетской политики Англии в рассматриваемый период.

⁸³ Архив внешней политики Российской империи (Далее — АВПРИ), ф. 133, оп. 470, 1881 г., д. 90, л. 286–286/об.

⁸⁴ Fyfe H. The British Liberal Party. An Historical Sketch. L.: George Allen & Unwin, 1928. P. 81.

Нестабильность в англо-египетских отношениях правительство У.Гладстона унаследовало от своих предшественников — консерваторов. Оценивая обстановку в Египте, премьер-министр считал, что для Египта наиболее приемлемым был двойной англо-французский контроль над его финансами. В сентябре 1881 г. У.Гладстон сформулировал свою программу решения египетского вопроса. Формально в ней провозглашалась политика «тесного союза» с Францией, так как она позволяла контролировать действия соперника. Однако Гладстон высказывался против совместной англо-французской интервенции, хотя и не против интервенции как таковой. На первый план он выдвинул проект военного вмешательства турецкого султана: отправку в Египет войск Порты с целью осуществить «разгром или роспуск [египетской] армии». Согласно запасному варианту гладстоновского плана контролирующие державы оставляли за собой право проявить готовность пустить в ход оружие. Это предполагалось сделать путем совместной военно-морской демонстрации — отправки к берегам Египта военных кораблей под предлогом «покровительства» своим подданным, что, кстати, и было сделано в мае 1881 г. Это отмечалось в донесениях Генерального консула России в Египте И.М.Лекса (1834–1883), который одновременно был дипломатическим агентом России в этой стране, министру иностранных дел России Н.К. Гирсу, а также в официальных документах британского правительства⁸⁵.

Набиравшие силу национально-освободительная борьба египетского народа и реформаторское движение его представителей вызывали у Гладстона двойственное отношение. С одной стороны, он считал, что лозунг «Египет для египтян» был лучшим средством решения египетского вопроса, а с другой — его пугал быстрый рост популярности

⁸⁵ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1882 г., д. 1., л. 32; Great Britain. Parliament. House of Commons. Accounts and Papers (Далее — GBP. Accounts and Papers). Vol. 46. Egypt. N 8. P. 14;

The Political Correspondence of Mr. Gladstone and Lord Granville. 1876–1886. Vol. 1/ Ed. by A. Ramm. Oxford: Oxford University Press, 1962. P. 291.

«национальных чувств и партии в Египте»⁸⁶. Он не видел в Ораби-паши олицетворение египетского национализма. «Мне кажется, — замечал Гладстон, — что он в настоящий момент представляет только военную силу и больше ничего»⁸⁷. У.Гладстон, как отмечал редактор публикаций его дневников Г.Мэттью, не был враждебно настроен против интервенции с целью восстановления порядка в Египте, но считал, что подобные действия должны быть сбалансированы требованием местных египетских властей⁸⁸.

В течение осени и зимы 1881–1882 гг. между Англией и Францией велись переговоры об единой линии поведения в египетских делах⁸⁹. И.М.Лекс сообщал в телеграмме от 23 мая 1882 г.: «Англия и Франция желают перемены Министерства и удаления из Египта главных военных деятелей»⁹⁰. 30 мая Франция предложила созвать международную конференцию по египетскому вопросу⁹¹.

11 июня 1882 г. в Александрии вспыхнули массовые беспорядки, в результате которых погибло 50 европейцев и 140 египтян⁹². После кровавых событий 11 июня в Александрии уверенность Гладстона в организации интервенции стала еще более очевидной. Он заявлял радикально настроенному члену либерального кабинета Дж.Брайту в июле 1882 г., что ситуация в Египте такова, что может быть встречена только силой⁹³. Правда, премьер-

⁸⁶ The Political Correspondence ... 1878–1886. Vol. 1. P. 327.

⁸⁷ Цит. по: Feuchtwanger E.J. Gladstone. Basingstok: Palgrave Macmillan, 1989. P. 213.

⁸⁸ Matthew H. Introduction // Gladstone W.E. The Gladstone Diaries with Cabinet Minutes and Prime-Ministerial Correspondence / Ed. by H. Matthew. Oxford: Oxford University Press, 1990. Vol. 10. P. LXIX.

⁸⁹ GBP. Accounts and Papers. Vol. 46. Egypt N 5. 1882. 76; Cromer. E. Modern Egypt. Vol. 1. L. Macmillan, 1908. P. 216.

⁹⁰ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1882 г., д. 1., л. 33.

⁹¹ Там же, д. 47, л. 21; GBP. Accounts and Papers. Vol. 46. Egypt N 11. P. 1–133; N 12. P. 1–5.

⁹² Chamberlain M.E. The Alexandria Massacre of 11 June 1882 and the British Occupation of Egypt // Middle Eastern Studies. Vol. 13. 1977. N 1. P. 14–39; Московские ведомости. 1882, 1 июня.

⁹³ The Gladstone Diaries. Vol. 10. P. 298.

министр не отвергал использование и второго способа решения египетского вопроса — совместных действий европейских держав путем созыва международной конференции.

Что же касается отношения других членов либерального кабинета к вопросу о путях решения египетского кризиса, то в большинстве своем их позиции соответствовали их имперским воззрениям, хотя последовательным их поведение назвать было нельзя. Взгляды лорда Гренвилля как министра иностранных дел имели немаловажное значение в определении политики либерального правительства по рассматриваемой проблеме. Анализ позиций министра иностранных дел лорда Гренвилля весной 1882 г. свидетельствовал о его серьезных колебаниях по вопросу о тактике Англии в разрешении египетского кризиса. Так, в конце апреля в депеше к английским представителям в Египте он писал, что «положение дел в Египте... хотя и тревожное, но, кажется, оно еще не требует активной интервенции...»⁹⁴. Однако его биограф Е.Фитцморис полагал, что уже весной 1882 г. лорд Гренвилль полностью склонялся в пользу военного вмешательства. Он не поддерживал идею ни турецкой, ни совместной англо-французской интервенции, хотя против исключительно британского вмешательства в кабинете выступали Гладстон и Брайт⁹⁵.

В период развития египетских событий из членов кабинета, пожалуй, только маркиз Хартингтон, представитель вигского крыла либеральной партии и статс-секретарь по делам Индии, занимал твердую и последовательную позицию. Уже в феврале 1882 г. он высказывался в пользу англо-французской интервенции, но к идее участия Англии в работе международной конференции в Константинополе отнесся негативно⁹⁶.

⁹⁴ GBP. Accounts and Papers. Vol. 46. Egypt N 7. 1882. P. 91.

⁹⁵ Fitzmaurice E. The Life of Granville George Leveson Gower Second Earl Granville, K.G. 1815–1891. Vol. 2. L-NY: Longmans, Green, 1905. P. 261–262.

⁹⁶ Chamberlain J. A Political Memoir, 1880–1892. L.: Batchworth Press, 1953. P. 71;

The Gladstone Diaries. Vol. 10. P. 270; Holland B. The Life of Spencer Compton, Eighth Duke of Devonshire (1833–1908). Vol. 1. L.: Longmans, Green, 1911. P. 364–365; Selborne R.P. Memorials. Part 2. Personal and Political, 1865–1895. Part II. Vol. 2. L.: Macmillan, 1898. P. 30.

Сторонниками более активного курса среди членов кабинета являлись представители радикального крыла либеральной партии Дж. Чемберлен и Ч. Дилк. Примечателен, на наш взгляд, тот факт, что если в период трансваальского кризиса 1880–1881 г. два крыла партии — вигское и радикальное — занимали противоположные позиции относительно путей его разрешения, то уже в 1882 г. наблюдалась тенденция сближения части радикальных лидеров в лице Чемберлена и Дилка с представителями правого течения в вопросе о характере политического курса Великобритании в Египте. Как те, так и другие высказывались за осуществление активных, вплоть до вооруженных, мер в наведении порядка в Египте.

Общественное мнение страны склонялось в сторону решительных действий Британии в Египте. Королева Виктория писала принцессе Пруссии: «Мы полностью поглощены Египтом»⁹⁷.

Периодический орган вигов «Эдинбург Ревью», анализируя летом 1882 г. ситуацию в Египте, с одной стороны, подготавливал общественность в пользу активной политики Англии против египетских национальных сил, а с другой — пытался оказать давление на либеральное правительство с тем, чтобы оно осуществило эту политику. «Британское правительство показало уже свою терпимость, пришло время показать свою силу», — констатировали авторы публикации⁹⁸. И все это маскировалось лозунгами «благих намерений Англии». К активным действиям правительство призывала и «Таймс». Если в начале июня она еще рассматривала варианты либо англо-французской оккупации, либо мирного решения путем созыва международной конференции, то в июле газета уже писала: «... лучшим и простейшим результатом будет установление в Египте сильного правительства под контролем Англии. Этим самым будет надежно обеспе-

⁹⁷ Beloved Mama. Private Correspondence of Queen Victoria and the German Crown Princess, 1878–1885 / Ed. by R. Fulford. Vol. 5. L.: Evans, 1981. P. 122.

⁹⁸ The Edinburgh Review. 1882. Vol. 156. P. 287–289.

чено преуспевание и спокойствие страны и гарантирован наш путь в Индию, а также торговые и финансовые интересы в Египет»⁹⁹. Российский дипломат А.П. Давыдов сообщал Н.К. Гирсу, что «... общественное мнение, утомленное нерешительностью и компромиссами, требует энергичного поведения...» от правительства¹⁰⁰. Военный агент К.К. Ланц, комментируя настроения в британском обществе, отмечал, что «военные приготовления», инициируемые правительством, «поддерживаются общественным мнением» и был проведен митинг, «где либералы и консерваторы решили одинаково поддерживать министерство»¹⁰¹.

В течение месяца с 11 июня по 11 июля 1882 г. позиция либерального руководства приобрела более четкий характер. Уже в конце июня в Англии шли приготовления к проведению активных военных действий в Египте, о чем свидетельствовали публикации в прессе¹⁰². 15 июня 1882 г. состоялось полуофициальное заседание кабинета, на котором поднимался вопрос о сепаратных действиях Британии. В меморандуме, посвященном Египту и обсуждавшийся на заседании кабинета 21 июня, затрагивалась проблема получения санкций европейских держав на военную интервенцию в Египет в случае неудачной работы конференции¹⁰³. Расхождения между членами кабинета касались преимущественно характера интервенции: будет ли она чисто английской, англо-французской или же турецкой. В 20-х числах июня большинство либеральных министров высказывались за военную интервенцию. Об этом писал Гренвилль лорду Спенсеру 22 июня, отмечая, что «Брайт, конечно, миролюбив, Чемберлен — всегда великий джингоист», а большинство

⁹⁹ The Times. 1882, 8, 30 June, 27 July.

¹⁰⁰ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1882 г., д. 61, т. 2, л. 547.

¹⁰¹ Российский государственный военно-исторический архив (Далее — РГВИА), ф. 401, оп. 4, 1882, д. 4 л. 71

¹⁰² The Daily News. 1882, 28 June.

¹⁰³ The Gladstone Diaries. Vol. 10. P. 284; The Political Correspondence... 1878–1886. Vol. 1. P. 380.

одобрительно отнеслось к вопросу об англо-французской интервенции. Гладстон, по мнению Гренвилля, не желал спешить в отношении Суэцкого канала, но предлагал занять жесткую позицию в случае отказа Турции послать в Египет войска¹⁰⁴. 28 июня в депеше к Н.К.Гирсу российский дипломат Лобанов писал: «По мере того, как ситуация в Египте вырисовывается более ясно, идея военной интервенции завоевывает здесь все больше сторонников. Радикальные члены кабинета, которые прежде были преимущественно против всякой принудительной меры, сейчас там сплотились, став в этом наиболее горячими сторонниками»¹⁰⁵. Правда, необходимо отметить, что представители радикального течения в правительстве и парламенте оказались расколотыми на два лагеря по данным вопросам. Против интервенционалистских намерений руководства партии высказывались Дж.Брайт, Дж.Морли, Дж.Коувен, У.Лоусон. Группа этих радикалов была малочисленна, и их позиция не получила широкой поддержки в парламенте. Другая же часть радикалов во главе с Дж.Чемберленом, Ч.Дилком и Дж.Тревелияном открыто поддержала идею интервенции в Египет, что сблизало их с позицией вигского крыла¹⁰⁶.

В начале июля правительство Гладстона фактически полностью определилось в вопросе о военном вмешательстве в египетские события. На заседании кабинета 3 июля было принято решение направить адмиралу Ф.Сеймуру инструкции, разрешавшие ему прибегать к решительным мерам в случае намерения египтян укрепить фортификации порта Александрии¹⁰⁷. О необходимости разработки плана действий английского флота на случай бомбардировки порта указывал Гладстон и в

¹⁰⁴ Fitzmaurice E. Op. cit. Vol. 2. P. 265.

¹⁰⁵ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1882 г., д. 61. т. 1, л. 360.

¹⁰⁶ Chamberlain J. A Political ... P. 71–74; Gwynn S., Tuckwell G.M. The Life of the Hon. Sir Charles W. Dilke, Bart, M.P. Vol. 2. L.: J. Murray, 1917. P. 42–52; James R.R. The British Revolution. British Politics. 1880–1939. Vol. 1. L.: Random House Children's Books, 1977. P. 64.

¹⁰⁷ The Gladstone Dairies. Vol. 10. P. 291; Seymour C.L. The Bombardment of Alexandria: A Note // English Historical Review. Vol. 87. 1972. N 345. P. 790.

письме к лорду Нортбруку от 5 июля. Последующие заседания кабинета 6 и 8 июля подтвердили намерение либерального правительства не препятствовать действиям адмирала Сеймура, который, по словам российского консула в Египте Лекса, «ищет предлог для бомбардировки Александрии»¹⁰⁸.

Таким образом, вопрос о военном вмешательстве Англии в египетские события не вызвал сопротивления у большинства членов либерального кабинета. В целом, касаясь причин принятия либеральным правительством У.Гладстона решения об оккупации Египта, нельзя, на наш взгляд, сводить их к какому-либо одному фактору. Позиция либерального кабинета определялась целым комплексом причин как социально-экономического, внутривластного, так и внешнеполитического характера. Можно выделить несколько называемых историками причин: во-первых, вынужденность действий кабинета либералов, т.е. в стране существовало сильное давление, которое толкало либералов на проведение жесткого курса в отношении восставших арабов (буквально — «шаг за шагом либеральное правительство подталкивалось к оккупации Египта»). Во-вторых, действия либерального кабинета были обусловлены тем затруднительным положением, которое сложилось в Египте в начале 80-х гг.: беспорядки, анархия, угроза жизни и состоянию живущих там европейцев. В-третьих, в рассматриваемый период египетские события связывались современниками с судьбой Суэцкого канала (акции которого были приобретены Б.Дизраэли в 1875 г.) и безопасностью путей в Индию. Русская газета «Московские ведомости» в июне 1882 г. писала: «Для Англии во всем Египте важен только Суэцкий канал, то есть безопасное сообщение по нему с Индией...»¹⁰⁹.

При анализе мотивов принятия либеральным кабинетом решения о бомбардировке Александрии и оккупации Египта необходимо учитывать и тот факт, что в Англии существовали

¹⁰⁸ АВПРИ, ф. 133, оп.470, 1882 г., д.1, л. 58; The Gladstone Diaries. Vol. 10. P. 294; Seymour C.L. Op. cit. P. 791.

¹⁰⁹ Московские ведомости. 1882, 15 июня.

силы, которые были заинтересованы в более твердой политике по отношению к этой арабской стране. К ним можно отнести британских кредиторов — владельцев акций Компании Суэцкого канала, судовладельцев и собственников пароходных компаний. Их заинтересованность в стабильном положении страны была огромной. Сам Гладстон являлся держателем акций египетского займа (в декабре 1881 г. они составляли 37% от его портфеля ценных бумаг¹¹⁰). Поэтому финансовый фактор в определении египетской политики либерального кабинета играл, пожалуй, немаловажную роль. Ч.Дилк, кстати, замечал 4 июля 1882 г. в своем дневнике: «Существует мнение среди огромного большинства либералов, что интервенция в Египет предполагалась с целью защиты канала, но если мы будем строго придерживаться требований компенсаций нам за Александрийское насилие, то такой взгляд не нуждался в том, чтобы быть принятым во внимание»¹¹¹. Давыдов, русский поверенный в Лондоне, писал в ноябре 1882 г.: «В каждом деле, относящемся к области внешней политики, в которой замешаны интересы Англии, лондонское Сити всегда играет важную роль. Это относится и к египетскому делу, которое, хотя английские министры это отрицают, является прежде всего делом держателей облигаций»¹¹².

Вопросы о судьбе Египта стали предметом обсуждения на международной конференции, открывшейся в Константинополе 23 июня 1882 г. На ней было принято решение, чтобы на время ее работы иностранные державы воздержались от каких-либо изолированных действий в Египте. В то же время «военным ведомством Великобритании были изданы указы о призыве двух первых классов армейского резерва и формировании экспедиционного корпуса, который было решено отправить в Египет под командованием генерал-лейтенанта

¹¹⁰ Matthew H. Introduction. Vol. 10. P. LXXI.; Patridge M. Gladstone. L., New York, Routledge, 2003. P. 183.

¹¹¹ Цит. по: Hopkins A. The Victorians and Africa: A Reconsideration of the Occupation of Egypt 1882 // Journal of African History. Vol. 27. 1986. N 2. P. 374.

¹¹² АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1882 г., д. 62, л. 24–24/об.

Гарнета Уолсли 27 июля Палата общин большинством голосов одобрила военный кредит в 2,3 млн. ф. ст.»¹¹³. Военный агент К. К. Ланц писал, что общий состав экспедиционного корпуса составил 23,987 чел. и 6,227 лошадей. 11 июля командующий английской эскадрой в Египте адмирал Сеймура отдал приказ о бомбардировке г.Александрии. Так началась англо-египетская война¹¹⁴. Военные действия английских войск под командованием генерала Г.Уолсли против египетских частей во главе с Ораби-паши, начавшиеся в августе на востоке Египта, завершились победой британского оружия в битве под Телль аль-Кебиром 13 сентября 1882 г.¹¹⁵.

Либеральное руководство восприняло бомбардировку г.Александрии довольно спокойно. Гренвилль, например, назвал действия адмирала Сеймура «блестящей операцией флота» королевы Виктории, которые «несомненно усилят степень ее весомости в глазах Европы»¹¹⁶. Показательно, что либеральные лидеры, всегда и везде подчеркивавшие свою приверженность делу мира, с одобрением отнеслись к начавшейся англо-египетской войне. В разработке военной операции британских войск непосредственное участие принимали Хартингтон, Нортбрук, Чалдерс и Гренвилль¹¹⁷. У.Гладстон также с энтузиазмом занимался планированием экспедиции генерала Уолсли, о чем свидетельствовали записи в его дневнике¹¹⁸. Он считал, что в данном конкретном случае использование военной силы должно было «эффективно служить целям мира». Он говорил: «Я чувствую, что участвуя в этом,

¹¹³ Арбеков А.Б. Колониальные войны Великобритании в 70-х — начале 80-х годов XIX века: военно-политические аспекты английской колонизации. Дисс. на соискание уч. степени канд. ист. наук. Орел.2021. С. 239

¹¹⁴ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1882 г., д. 1., л. 68; Williams M.J. The Egyptian Campaigns of 1882 // Bond V. Victorian Military Campaigns. L.: Tom Donovan, 1994. P. 243–278; Нерсесов Г.А. Дипломатическая... С. 142–156; Ротштейн Ф.А. Указ. соч. С. 174–198.

¹¹⁵ Correspondence Respecting the Affairs of Egypt. Egypt. N 18. L., 1882. P. 61, 66; Low Ch.R. General Lord Wolseley (of Cairo). A Memoir. L.: R.Bentley and son, 1883. Ch. XI. P. 399–482.

¹¹⁶ Victoria. The Letters of Queen Victoria. Ser. 3. Vol. 1. L.: John Murray, 1930. P. 309.

¹¹⁷ Fitzmaurice E. Op. cit. Vol. 2. P. 272

¹¹⁸ The Gladstone Diaries. Vol. 10. P. 299, 302, 304.

я являюсь чернорабочим в деле мира»¹¹⁹. О твердых намерениях Гладстона установить «порядок» в Египте свидетельствовало и содержание инструкций генералу Уолсли, в которых, в частности, говорилось: «Свергнуть Ораби и восстановить власть хедива»¹²⁰. Гладстон рассматривал англо-египетскую войну как справедливую, так как, по его мнению, Англия не хотела действовать в одиночку, но египетские беспорядки и нежелание других держав предпринять совместные усилия развязали ей руки. В сентябре 1882 г. он писал своей жене: «Война была предпринята с целеустремленностью во имя справедливости, мира и свободы, и ее результаты, таким образом, во многом подчинены ее причинам и ее целям»¹²¹.

В большинстве своем члены либерального кабинета разделяли мнение своего лидера. Дж.Гошен, например, писал лорду Гренвиллю 15 сентября 1882 г.: «Конечно, я радуюсь (будучи частью «Джинго») «престижу», который мы приобрели. Я радуюсь как экс-посол (в Константинополе с мая по декабрь 1880 г. — Т.Г.) возросшей мощи, которой мы достигли на Востоке и в международных отношениях в целом»¹²². И только Дж Брайт занял непримиримую позицию в вопросах бомбардировки Александрии и последовавшей за ней войны. 12 июля 1882 г. в знак протеста против агрессивных намерений своих коллег по кабинету он подал в отставку и вышел из состава правительства. Он объяснял свое решение тем, что предпочел рассматривать египетский инцидент как грубую ошибку правительства, а не как преступление. Он считал, что британская политика в египетских делах явно нарушала международные и нравственные законы¹²³.

Либеральное правительство, решившись на вооруженную интервенцию против другого государства, должно было преподнести это решение английскому обществу в приемлемой

¹¹⁹ Ibid. P. 296; Eyck E. Gladstone. L.: G. Allen & Unwin, 1938. P. 337.

¹²⁰ The Gladstone Diaries. Vol. 10. P. 306.

¹²¹ Цит. по: Feuchtwanger E.J. Op. cit. P. 214.

¹²² Цит. по: Spinner T.J. George Joachim Goschhen. The Transformation of a Victorian Liberal. Cambridge: Cambridge University Press, 1973. P. 90.

¹²³ Hansard's Parliament Debates (Далее — HPD). 3 Ser. 1882. Vol. 272. Col. 722.

для него форме. И оно справилось с этой задачей. Давыдов сообщал в Россию в начале августа 1882 г.: «В самом деле, идея английского протектората в Египте и доктрина о том, что Англия должна следовать своим собственным интересам в решении вопроса, преуспевали изо дня в день, и члены парламента, принадлежащие к либеральной партии, открыто высказывались в этом смысле»¹²⁴. Тезис об «оборонительном» и «охранительном» характере действий либерального правительства широко рекламировался в выступлениях его членов в парламенте и в прессе¹²⁵. Лобанов писал, что члены правительства рассматривали бомбардировку египетского порта как «акт защиты, предпринятый для безопасности английского флота»¹²⁶.

Так, лорд Гренвилль в письме к лорду Дафферину от 11 июля 1882 г. очень подробно охарактеризовал состояние хаоса, царившего в Египте в рассматриваемый период. Он констатировал, что развитие событий показало, что «вся административная власть перешла в руки определенных военных лидеров» и поэтому британское правительство не видело другой альтернативы, как «использовать военную силу для того, чтобы положить конец такому состоянию дел»¹²⁷. Гладстон также отмечал в своем выступлении в парламенте 25 июля 1882 г.: «Поскольку Англия взяла в силу международного договора некоторые из важнейших функций египетского правительства, она не может относиться к египетской анархии, как в чуждому ей делу, не говоря уже о том, что междоусобная война в Египте вредит важнейшим интересам Англии. И, наконец, уже тот факт, что нынешний хедив принял власть по инициативе Англии, обязывает ее поддержать эту власть»¹²⁸. «Эдинбург Ревью» писал в октябрьском номере за 1882 г., что с помощью дипломатии и оружия либеральное министерство «отстояло и защитило интересы Империи»¹²⁹.

¹²⁴ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1882 г., д. 61, т. 2, л. 593.

¹²⁵ The Gladstone Diaries. Vol. 10. P. 298; The Times. 1882, 29 July.

¹²⁶ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1882 г., д. 61, т. 1, л. 428.

¹²⁷ GBP. Accounts and Papers. Vol. 46. Egypt. N 10. P. 1–13.

¹²⁸ HPD. 3 Ser. 1882. Vol. 272. P. 1690–1691.

¹²⁹ The Edinburgh Review. 1882. Vol. 156. P. 551, 595.

Египетский курс либерального правительства нашел понимание в английском обществе. На следующий день, т.е. 12 июля, многие либеральные члены нижней палаты парламента одобрили действия своего правительства. Воздержались от резкой критики и представители консервативной оппозиции. 27 июля 1882 г. палата общин вотировала кредиты на египетскую экспедицию¹³⁰. Позиция самого правительства и отношение различных слоев английского общества к египетским событиям летом и в начале осени 1882 г. свидетельствовали о своеобразном единении имперских сил Англии. Показателен в этом отношении тот факт, что по получению известия о победе английского оружия 13 сентября в сражении под Телль аль-Кебиром У.Гладстон обратился с просьбой к архиепископу Йоркскому и к лорд-мэру Лондона организовать колокольный перезвон во всех церквях, а военного министра попросил устроить фейерверк в парках столицы¹³¹.

Правда, голоса протеста против готовившейся интервенции в Египет все же раздавались в стране. Некоторые общественные деятели расценивали предполагаемые военные действия «христианской Англии» против «справедливых требований египтян» как «вопиющий позор» для нее¹³². В Министерство иностранных дел поступали петиции протеста от различных общественных организаций: от исполнительного комитета Общества мира, организовавшего митинг в Манчестере; от Ливерпульского общества мира; от Лондонского и Бирмингемского отделений Ассоциации международного арбитража и мира; от Мидлотианского арбитражного суда и т.д. В феврале 1882 г. была образована Лига против агрессии, президентом которой стал радикал Дж.Морли. Лига пользовалась поддержкой не менее 36 членом британского парламента. Наиболее активными ее членами были Г.Спенсер, лорд Хоубауз, Ф.Гаррисон. Но деятельность Лиги не была эффектив-

¹³⁰ НРД. 3 Ser. 1882. Vol. 272. Col.185–186, 188–194,194, 1992, 1719–1721, 1850, 1875–1876, 1992, 2010, 2036, 2050–2052, 2053–2055, 2070–2072, 2106–2108.

¹³¹ The Gladstone Diaries. Vol. 10. P. 336.

¹³² АВПРИ, ф. 33, оп. 470, 1882 г., д. 476 л. 54

ной¹³³. В 1882 г. общественное мнение Англии в целом было более проимпериалистически настроено, чем в конце 70-х гг.

Имперские настроения руководства либеральной партии проявились и в вопросе о дальнейшей судьбе Египта после завершения войны. Российские дипломаты внимательно следили за развивающимися событиями в самой Англии и действиями либерального кабинета по решению египетского вопроса. Посол России в Англии А.Б.Лобанов указывал на наличие влиятельных сил в самом кабинете и вне его, выступавших за установление британского господства в этой стране. Не исключена возможность, писал он в конце августа 1882 г., что военные успехи в Египте распялят британское общественное мнение и министерство Гладстона вынуждено будет подчиниться его требованиям¹³⁴. Действительно, на следующий день после Телль аль-Кебира «Таймс» опубликовала статью, в которой говорилось, что Англия, которая сражалась и победила одна, будет диктовать условия мира, не считаясь с другими державами. В ней утверждалось, что англичане должны остаться в Египте надолго: «не на неделю, месяц или несколько месяцев»¹³⁵. Давыдов, комментируя эту публикацию, замечал: «Если «Таймс» не вставляет слово протекторат, то потому, вероятно, что находит излишним его повторять»¹³⁶. Либеральный же орган «Дейли Ньюс», напротив, предлагал ограничиться тем, как замечал Давыдов, чтобы «просто найти гарантию против возобновления смуты в Египте сразу же после того, как англичане покинут страну». По мнению русского дипломата, именно «Дейли Ньюс» с наибольшей точностью выражала точку зрения кабинета Гладстона¹³⁷.

Однако четкой линии поведения среди членов либерального правительства относительно дальнейшей судьбы Египта не

¹³³ Подробнее о движении протеста см.: Adelman P. Victorian Radicalism: The Middle-Class Experience, 1830–1914. L.: Longman, 1984. P. 109; Chamberlain M.E. British Public Opinion and the Invasion of Egypt // Trivium. 1981. Vol. 16. May. P. 5–18.

¹³⁴ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1882 г., д. 63, л. 211/об.

¹³⁵ The Times. 1882, 14 Sept.

¹³⁶ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1882 г., д. 61, л. 635.

¹³⁷ Там же, л. 635/об.; The Daily News. 1882, 14 Sept.

было. Тот же Давыдов замечал в своих донесениях, что рассмотрение этого вопроса в кабинете «происходит в состоянии крайней неуверенности и ограничивается внимательным изучением проявлений общественного мнения»¹³⁸. Некоторые историки склонны считать, что либералы не ставили своей целью аннексию Египта или установления над ним Британского протектората. Особенно часто в этой связи упоминается имя У.Гладстона¹³⁹. И, действительно, сразу же после сражения под Телль аль-Кебиром премьер-министр высказывался в пользу скорейшей эвакуации британских войск. Он считал, что Англия не должна «занимать Египет ни формально, ни фактически» по многим причинам, среди которых он называл: «1) Мы уже имеем достаточно того, что делать, 2) это было бы плохим примером, подобно Каиру, 3) это ускорило бы продолжительный кризис на Востоке, к которому мы не готовы»¹⁴⁰. Лорд Гренвилль как министр иностранных дел также заявлял о том, что оккупация Египта британскими войсками будет носить временный характер¹⁴¹.

В действительности позиция либерального кабинета в вопросе об эвакуации английских войск была более сложной, чем это представлялось на первый взгляд. Либеральное руководство не могло не учитывать мнение промышленных и финансовых кругов Англии, которые открыто высказывались за установление длительного британского господства в Египте. О таких настроениях английских деловых кругов сообщал в Россию и Давыдов. Он писал: «По их мнению (финансистов — Т.Г.), Египет отныне принадлежит Англии. Их мало занимает вопрос о том, что в этом деле затронуты национальная честь, равно как и наиболее существенные интересы Англии, и любое английское правительство, к какой бы партии оно

¹³⁸ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1882 г., д. 62, л. 21.

¹³⁹ Дармштеттер П. История раздела Африки 1870–1919. М -Л.: Гос. изд-во, 1925. С. 34; Burt F.L. The Evolution of the British Empire and Commonwealth from the American Revolution. Boston: D.C. Heath and Company, 1956. P. 513; Euck E. Op. cit. P. 334; Feuchtwanger J.L. Op. cit. P. 222; Fyfe H. Op. cit. P. 81.

¹⁴⁰ The Gladstone Diaries. Vol. 10. P. 352.

¹⁴¹ Correspondence Respecting the Affairs of Egypt. Egypt N 18. 1882. P. 67.

ни принадлежало, будет обязано осуществлять господствующее влияние, если не исключительное, на дальнейшие судьбы Египта». Русский дипломат также подчеркивал, что не только финансовый капитал, но и крупная промышленная буржуазия заинтересована в захвате Египта. «Не подлежит сомнению, — писал он, — что финансовый мир будет стремиться оказать давление на решение правительства и найдет союзников среди промышленных магнатов Бирмингема и Манчестера, которые побуждали к войне и которые считают, что необходимо извлечь из нее не только удовлетворение от выполненного долга, но также реальные и ощутимые выгоды»¹⁴².

Либералы в своем отношении к вопросу о последствиях британской интервенции в Египет столкнулись с двумя проблемами. Первая заключалась в том, что «порядок» в Египте увязывался с безопасностью Суэцкого канала и Индии. Индийский фактор вновь оказывал влияние на решение британских имперских властей. Члены кабинета считали, что без английских войск Суэцкий канал не будет защищен, и потому присутствие их в Египте должно зависеть от того, как долго Англия сможет владеть Индией. Другая проблема касалась вопроса о характере государственно-политического режима Египта. По мнению У.Гладстона, в стране необходимо было заменить верховенство Турции властью хедива, поддерживаемого законом о праве наследования и «разумным развитием институтов самоуправления». Однако именно войска генерала Уолсли разгромили египетское конституционное движение и решили судьбу его лидера Ораби-паши. Гладстон не мог не понимать этого. Недаром он заявлял, что «восстановление законного правительства ... было завершено не путем Прокламации Султана, а благодаря победе под Телль аль-Кебиром»¹⁴³. Таким образом, «порядок», по мнению либерального руководства, в Египте мог опираться только на британские вооруженные силы. При этом, несмотря на все свои заявления о временном характере оккупации Египта, правительство либералов не

¹⁴² АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1882 г., д. 62, л. 24/об.-25, 25/об.-26

¹⁴³ The Gladstone Diaries. Vol. 10. P. 332.

спешило с выводом английских войск. Мотивацией, как указывали в своих донесениях русские дипломаты, ссылаясь на высказывания лорда Нортбрук, первого лорда Адмиралтейства, было то, что Англия не хотела, чтобы Египет оказался в условиях, «которые бы сделали возможным закрытие канала в любой момент для наших торговых и военных кораблей»¹⁴⁴. Но такой курс требовал значительных военных и материальных сил, а также времени. Исходя из этого, как полагал Давыдов, адресовывая свое сообщение министру иностранных дел России Н.К.Гирсу, «продолжение военной оккупации окажется необходимым, и придется установить в Египте порядок вещей, подлобный порядку в полунезависимых государствах Индии». «В настоящий момент, — писал по этому поводу Давыдов, — декларируют во всеуслышание и со всей непреклонностью, что не хотят “ни управлять, ни аннексировать”, но можно ли утверждать, что не будут обязаны сделать одно и что не покорятся необходимости сделать другое, по-прежнему заявляя, что сохраняют Египет для египтян; ведь политика силы часто берет вверх над намерениями самыми честными и бескорыстными»¹⁴⁵. О намерении англичан остаться в Египте сообщал в Россию и военный агент генерал-майор К.К.Ланц в октябре 1882 г. в своем рапорте в Военно-ученый комитет Генерального штаба России: «Как видно из газет и слышно из частных разговоров, — писал он, — англичане, несмотря на заявления министров, неохотно вышли бы из Египта; для них быстрота, с которой часть экспедиционного корпуса отправлена обратно в Англию, не служит еще доказательством, чтобы и остальная часть войска в скором времени возвращалась бы домой. Египет не Кандагар, относительно которого существовало два различных мнения»¹⁴⁶.

О намерении укрепить британский контроль в Египте свидетельствовал и тот факт, что сам Гладстон, этот «борец за мир», признавал нахождение британских войск

¹⁴⁴ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1882 г., д. 62, л. 37.

¹⁴⁵ Там же, д. 63, л. 282–282/об.

¹⁴⁶ РГВИА, ф. 401, оп. 4/928, 1882, д. 4, л. 200

в нем неизбежным, хотя и склонялся к ограничению их численности, в отличие от королевы Виктории, которая не только не соглашалась с идеей о выводе войск, но и настаивала на значительной их численности. (Гладстон расценивал это желание королевы как «неконституционное» и «иррациональное»)¹⁴⁷. Но важен сам факт, что Гладстон считал присутствие английских войск, малочисленных или значительных, необходимым. Уже 15 сентября 1882 г. он представил членам кабинета «Меморандум», в котором высказался за сохранение британского присутствия в Египте на неопределенное время. В целом английские политические и общественные круги были также настроены в пользу длительной британской оккупации.

Вопрос об эвакуации Египта поднимался и в последующие годы. Общественное мнение было настроено в пользу длительной оккупации страны. Чрезвычайный и полномочный посол России в Лондоне барон А.П.Моренгейм отмечал в своих донесениях Н.К.Гирсу, что в качестве аргумента в пользу присутствия английских войск в Египте приводились суждения о том, что если британские войска будут отозваны, то Англия не достигнет «никакой высокой цели, провозглашенной во время интервенции, не реализует никаких из благодеяний, которые были бы там оправданы», и что «возвращение последнего английского солдата послужит неизбежно сигналом для самых страшных катастроф»¹⁴⁸. Среди министров либерального кабинета, как сообщали в 1884 г. представители русского консульства в Каире, существовали два подхода к разрешению египетского кризиса. Первого придерживались такие политики, как Гладстон, лорд Гренвилль, Дж.Чемберлен, которые «хотели выйти сухими из воды», поскольку считали, что Египет доставит большие трудности для самой Англии. Второе «идейное течение» представляли лорд Спенсер, маркиз Хартингтон,

¹⁴⁷ The Gladstone Diaries. Vol. 10. P. 339, 344; Victoria. Queen Victoria in her Letters and Journals. L.: J. Murray, 1984. P. 276, 277, 278.

¹⁴⁸ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1883 г., д. 96, л. 249, 250.

У.Харкорт, лорд Нортбрук, выступавшие, по мнению русских дипломатов, сторонниками «действия и захвата»¹⁴⁹. Правда, среди либералов раздавались и голоса протеста. Дж.Морли неоднократно выступал с критикой правительственной египетской политики, убеждая своих коллег в необходимости эвакуации английских войск из этой арабской страны¹⁵⁰.

После победы в войне англичане не спешили с выводом войск из Египта¹⁵¹. С 1883 г. неограниченным правителем Египта стал майор Бэринг (позднее получивший титул лорда Кромера и написавший двухтомную работу по истории этой страны), целью которого стало укрепление колониального режима Британии в этой североафриканской стране.

В целом, необходимо отметить, что российские дипломаты достаточно объективно оценивали позиции либеральной политической элита, равно как и деловых и общественных кругов Британии, по решению египетского вопроса в начале 80-х гг. XIX в. В их донесениях и отчетах четко прослеживается утверждение о том, что с какими бы критическими замечаниями в адрес консерваторов не выступали либеральные лидеры, как бы убедительно они не доказывали различие между консерватизмом и либерализмом в подходе к колониальной политике, какие бы доводы они не приводили в пользу «гуманизма», «миролюбивости» либеральных идей, действительность с очевидностью доказала обратное. В вопросах защиты «Британских интересов» либеральное правительство прибегало к тем же крайним методам колониальной политики, что и их политические противники.

¹⁴⁹ АВПРИ, ф. Политархив, оп. 482, 1884 г., д. 2355, л. 5/об.

¹⁵⁰ НРД. 3 Ser. 1883. Vol. 277. Col. 423- 425; Vol. 282. Col. 1650, 2117–2128; 1884. Vol. 284. Col. 1027–1034; Vol.285. 1710–1712; The Times. 1884, 9, 19 June; 20 Nov.

¹⁵¹ Более подробно см.: Хизриев А.Х. Дипломатическая борьба вокруг статуса британских войск в Египте в период «завуалированного протектората»(1882–1914)// Научные ведомости. Серия История. Политология. 2015 № 19 (216). Выпуск 36. С.60–66.

Глава 5

«НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ АГЕНТ РУССКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА» В ЛОНДОНЕ ОЛЬГА АЛЕКСЕЕВНА НОВИКОВА (1840–1925)

И.Р. Чикалова

«Неофициальный агент русского правительства», «член парламента от России», «величайшая разведчица», «русская Лорелея», мелодичный голос которой увлекал британских политиков»¹, — такими эпитетами, окрашенными в диаметрально противоположные, от восторженных до уничижительных, тона, сопровождалось при жизни имя Ольги Алексеевны Новиковой. «Для России, — писал составитель книги ее воспоминаний и переписки, знаменитый журналист У. Стед, — никто из заграничных политиков не сделал столь-

¹ Депутат от России: (Воспоминания и переписка Ольги Алексеевны Новиковой) / Сост. г-м W.T. Stead; Пер. Е.С. Мосоловой. [Т. 1]. СПб.: Тип. т-ва п/ф «Электротип. Н.Я. Стойковой», 1909. С. II.

ко в наше время и не будет помянут с такой благодарностью будущими поколениями. Защищать характер и оправдывать политику государства в самом лагере его непримиримых врагов редко приходится мужчине, и никогда не случалось, чтобы за это взялась женщина. Но Ольга Алексеевна взяла это на себя, и никогда высокий долг не исполнялся более блестяще, добросовестнее и совершеннее»².

Уникальная личность О.А. Новиковой, о которой при жизни слагались легенды и издавались книги, оказалась на долгие годы преданной глухому забвению. В советское время лишь сухая заметка в «Дипломатическом словаре» напоминала об ее бурной деятельности на благо укрепления имиджа России в Англии³. При этом биография и деятельность этой «негласной представительницы России» в Лондоне достойны глубокого исследования. Еще при жизни часть ее воспоминаний и переписки были напечатаны в журнале «Русская старина»⁴, в Нью-Йорке вышли ее мемуары⁵, в Лондоне и Петербурге был опубликован подготовленный У.Т. Стедом сборник ее воспоминаний и переписки⁶. Личные фонды О.А. Новиковой находятся в РГАЛИ (ф. 345) и ИРЛИ РАН (ф. 317), фонд Киреевых и Новиковых (Александра, Николая и Ольги, ф. 126) — в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки. И только

² Депутат от России: (Воспоминания и переписка Ольги Алексеевны Новиковой) / Сост. W.T. Stead; Пер. Е.С. Мосоловой. Т. 2. Пг.: Тип. П. Усова, 1915. С. 220.

³ Дипломатический словарь: В 2 т. / Глав. ред. А.Я. Вышинский и С.А. Лозовский. М.: Гос. изд. полит. лит-ры, 1948–1950. Т. 2. 1950. С. 251.

⁴ Новикова О.А. Депутат от России. (Воспоминания и переписка Ольги Алексеевны Новиковой) / Сообщ. Е. С. М. // Русская старина. 1910. Т. 141. № 2. С. 405–422; № 3. С. 555–565.

⁵ Novikoff O. Russian Memories / An introd. by Stephen Graham. New York: E.P. Dutton & Co, 1916. 310 p.

⁶ The M. P. for Russia: Reminiscences & Correspondence of Madame Olga Novikoff. By: Stead W. T. London: A. Melrose, 1909. V. 1–2; Депутат от России: (Воспоминания и переписка Ольги Алексеевны Новиковой) / Сост. г-м W.T. Stead; Пер. Е.С. Мосоловой. [Т. 1]. СПб.: Тип. т-ва п/ф «Электро-тип. Н.Я. Стойковой», 1909. 312 с.; Депутат от России: (Воспоминания и переписка Ольги Алексеевны Новиковой) / Сост. W.T. Stead; Пер. Е.С. Мосоловой. Т. 2. Пг.: Тип. П. Усова, 1915. 220 с. См. о книге сочувственный отзыв Е.В. Тарле в «Голосе минувшего». 1915. № 10. С. 300–301.

в последние годы в русле расширяющегося интереса к забытым именам забвение постепенно стало преодолеваться. В 2009 г. широкому читателю стала доступна пролежавшая много лет в архиве ИРЛИ РАН рукопись «В лондонском салоне О.А. Новиковой» крупных российских историков литературы М.П. Алексеева и Ю.Д. Левина⁷.

Ольга Алексеевна родилась в семье помещика, гвардейского офицера Алексея Николаевича Киреева, в детстве воспитывавшегося под руководством шотландца по национальности, будущего депутата Палаты общин и младшего министра в первом правительстве Гладстона Бакстера, и одной из первых московских красавиц, хозяйки салона Александры Васильевны Алябьевой, о которой известный философ и юрист Б.Н. Чичерин заметил: «Она любила в своей гостиной соединять ученых и литераторов и сама желала блистать своим образованием»⁸. Их дом в Москве был любимым местом встреч славянофилов. И в то же время оба супруга были большими англофилами, что было органично присуще раннему славянофильству. Они прекрасно знали английский язык и использовали его в личной переписке. Крестным отцом Ольги, а также ее братьев Александра и Николая, был Николай I.

Славяно- и англофильство родителей впитали в себя и дети, в том числе и Ольга. Известно, что она получила блестящее домашнее образование, включившее знание иностранных языков — английского, французского, немецкого, с юности интересовалась литературой, историей, изобразительными искусствами. Все это наряду с неподдельным интересом ко всем сторонам политики, исключительной коммуникабельностью, тягой к обретению особого положения

⁷ Алексеев М.П., Левин Ю.Д. В лондонском салоне О.А. Новиковой (Публикация Н.Д. Кочетковой) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 513–579.

⁸ Чичерин Б. Н. Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина: Москва сороковых годов / Вступ. статья и примеч. С.В. Бахрушина. [М.]: М. и С. Сабашниковы, 1929. С. 56.

в литературном мире и знатным происхождением предопределило круг ее дружеского общения, включавший множество известных писателей, политиков, ученых, с которыми она поддерживала переписку⁹.

В 1860 г. Ольга Киреева вышла замуж за брата писателя и дипломата Е.П. Новикова Ивана Петровича Новикова, впоследствии генерала, состоявшего при великом князе Николае Николаевиче, и родила единственного сына Александра. Многочисленные знакомства среди выдающихся умов европейской политики, науки и искусства благодаря посещениям Вены (где она даже жила некоторое время в начале 1870-х гг.), Парижа и Мариенбада, обширная корреспонденция на трех языках по самым разнообразным вопросам церковной, общественной и культурной жизни — все это давало О.А. Новиковой не только интенсивный интеллектуальный обмен, расширяло кругозор, но и, вероятно, создавало ощущение собственной значимости. Одним из важных «приобретений» молодой Новиковой стало знакомство с британским послом в Петербурге лордом Ф. Нейпиром, беседы с которым по вопросам международной политики и, особенно, о возможных путях развития ситуации в Царстве Польском в связи с восстанием 1863–1864 гг. оказали на нее довольно сильное влияние.

Страстная патриотка, она была совсем еще неопытна в политических вопросах, но оставаться равнодушной не могла, ведь ее старший брат Александр состоял при великом князе Константине — брате императора и наместнике в Царстве Польском. И именно тогда, впервые после окончания Крымской войны, Англия стала угрожать войной России. Британская пропаганда утверждала, что в Польше происходит демократическая революция, направленная против тирании русского царя, а правительство Великобритании обратилось к европейским державам с приглашением принять участие в давлении на Россию с целью вынудить ее пойти на уступки.

⁹ Алексеев М.П., Левин Ю.Д. В лондонском салоне О.А. Новиковой. С. 552.

С этого момента О.А. Новикова стала глубоко интересоваться политическими вопросами, а ее «наставник» в делах международной дипломатии лорд Ф. Нейпир после отъезда в Англию стал ее постоянным корреспондентом и близким другом, с которым впоследствии она регулярно виделась в Лондоне. Одно из писем Ф. Нейпира, адресованное О.А. Новиковой, содержало слова, которые сознательно или бессознательно повлияли на всю ее последующую деятельность: «Англичане вообще противники России. Англичане должны привыкнуть слышать хорошие отзывы о России постепенно. Англичане очень упорны в своей злобе. Это свойство нашей нации, и его надо признать и с ним надо сообразовываться. Лучший комплимент, который я могу сделать русским, это сказать им правду». Эти слова произвели на О.А. Новикову сильное впечатление. Ее возмущало упорное озлобление Англии к России, и «она поставила себе главной задачей приучить англичан постепенно слышать хорошие и правдивые отзывы о России»¹⁰.

В британском же обществе на протяжении большей части правления королевы Виктории господствовали русофобские настроения, естественно усугублявшиеся в периоды обострения конфликтов интересов и открытых столкновений. Россия была конкурентом, и русофобия конструировалась искусственно. Образ врага из России создавался прессой, направляемой политической элитой, с единственной целью — добиться устранения экономического и политического конкурента в Европе. Одним из ярких ее идеологов в 1850–1860-х гг. был публицист Дэвид Уркхарт, фанатично настроенный против всего, связанного с Россией. Даже русских политических эмигрантов он обвинял в том, что они выполняют функции царских шпионов. Герцен, который, объективности ради отмечу, и сам не любил англичан («англичане просто низшая порода людей, они положительно

¹⁰ Депутат от России: (Воспоминания и переписка Ольги Алексеевны Новиковой) / Сост. г-м W.T. Stead; Пер. Е.С. Мосоловой. [Т. 1]. С. 46.

глупы и удивительно дурно воспитаны»¹¹), писал в одном из своих писем: «когда появляются сбежавшие из Бедлама сумасшедшие, вроде Уркхарта, который утверждает, что все русские — царские агенты, <...> то нечего удивляться, если и вам бросают обвинения»¹². Черту под отношение англичан к русским в 1868 г. подвел беллетрист П.Д. Боборыкин: «англичане нас не любят вообще, то есть в массе»¹³.

Были в среде британской элиты и русофилы, и то, что их количество росло, во многом стало заслугой неумемной энергии и усилий Ольги Алексеевны, быстро приобретшей у английской публики репутацию «негласной представительницы России». Впервые О.А. Новикова прибыла в Лондон в 1868 г. и сразу же получила приглашение посетить русское посольство, поскольку барон Ф.И. Бруннов — российский посол в Англии — был лично знаком с ее матерью. Приехав в Англию однажды, теперь зимние месяцы Новикова ежегодно проводила в Лондоне, а с 1873 г. уже практически постоянно жила там. В Лондоне ее круг знакомств, включавший бывшего посла Англии в России лорда Ф. Нейпира, австро-венгерского посланника в Англии графа Бейста, депутата парламента Ч. Вильерса и других видных личностей, расширился. Так, в январе 1873 г. Бруннов на приеме в русском посольстве в честь принца Уэльского, будущего короля Эдуарда VII, познакомил Новикову с Б. Дизраэли и У. Гладстоном.

Апартаменты О.А. Новиковой располагались в аристократическом квартале Лондона, поблизости от редакций главных газет, и в определенные дни недели были открыты для приемов. Завсегдатаями ее гостиной стали военный историк

¹¹ Герцен А.И. — Рейхель М.К. Лондон, 31 декабря 1855 г. // Герцен А.И. Полное собрание сочинений в тридцати томах. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 25. Письма 1853–1856 годов. С. 324.

¹² Герцен А.И. — Пьянчани Л. Лондон, 4 мая 1854 г. // Герцен А.И. Полное собрание сочинений в тридцати томах. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 25. Письма 1853–1856 годов. С. 177.

¹³ Боборыкин П.Д. Столицы мира: Тридцать лет воспоминаний // Боборыкин П.Д. Воспоминания. В 2 т. М., 1965. Т. 2. С. 218.

А.-В. Кинглек, философ Т. Карлейль, физик Дж. Тиндаль, дипломат лорд Дж. Кларендон, поэт, литературовед, критик и публицист М. Арнольд, журналист Уильям Томас Стед, ставший ее ближайшим другом, и многие другие знаменитые ученые, политики, публицисты. С 1876 г. ее салон становится на какое-то время блестящим политическим центром, обретшим европейскую известность, местом встреч многих знаменитостей политического, церковного и литературного мира. Совпало это с очередным обострением «восточного вопроса». К салону О.А. Новиковой тяготели те, кто сочувствовал освободительному движению славян, а также представители во главе с Гладстоном либеральной оппозиции, оппонировавшей туркофильской политике кабинета Дизраэли: его отзыв “член парламента от России” (“M. P. for Russia”) в связи с деятельностью Новиковой в этот период стал едва ли не комплиментом ей.

Тем временем в самой России росла волна сочувствия национально-освободительной борьбе сербов и черногорцев против османского ига. Создавались Славянские комитеты, собирались денежные пожертвования, на Балканы отправлялись добровольцы. Брат Ольги Алексеевны Николай Киреев под именем Хаджи Гирей втайне от своей семьи стал первым из них и героически погиб 6 июля 1876 г. при штурме турецких укреплений. Помещенная в газетах лаконичная телеграмма: «Хаджи Гирей убит! Это был Николай Киреев», — сразила ее. «Эффект от смерти моего брата, — писала она в своих мемуарах, — был мгновенным и электрическим. Он был первым русским добровольцем, павшим по причине свободы — причину, которую люди в Великой Британии не могут и не могли бы понять»¹⁴. По собственному признанию О.А. Новиковой, смерть брата побудила ее взяться за перо и таким образом служить «славянскому делу», за которое погиб Н. А. Киреев. Утешением для нее было продолжать дело брата, служить его идеалам.

¹⁴ Novikoff O. Russian Memories / An introd. by Stephen Graham. New York: E.P. Dutton & Co, 1916. P. 38.

Так началась общественная и публицистическая деятельность О.А. Новиковой, а официальная Россия получила важный инструмент трансляции своих интересов, пропаганды своей политики. Трагические события, в которые Ольга против своей воли оказалась вовлечена, невольно способствовали росту ее популярности и успеху политической карьеры. Именно Англию она называла ответственной за гибель брата, ведь Англия в преддверии Русско-турецкой войны поддерживала Турцию, считая, что Сербия и Черногория являются марионетками русского правительства, специально спровоцировавшего мятеж для укрепления влияния России на Балканах. «Если бы она не поддерживала турок, то не было бы войны и брат, возможно, был бы жив. Если бы Гладстон был у власти, то брат никогда бы не погиб. Как горько я бранила Англию в душе»¹⁵, — писала в одном из писем О.А. Новикова. Ее английские знакомые соперничали ее горю и отвечали ей с добротой и сочувствием на подобные письма. Действительно, «если бы Ольга Алексеевна не жила в Лондоне, действие, произведенное смертью ее брата, <...> могло бы даже показаться более или менее мифическим. Но ее присутствие уничтожало всякий скептицизм. Всякий чувствовал, что геройское самопожертвование было присуще брату такой женщины, <...> она утверждала, что ее брат настоящий тип русского человека, чем немало содействовала открытию благороднейшего элемента в русском народе, сделанному английской публикой».

Представительница русских консерваторов, славянофилов и охранительного лагеря, взявшая на себя ответственность играть роль культурного посредника между двумя странами, нашла общий язык с британскими либералами. Дружба О.А. Новиковой с У. Гладстоном во многом определила его прославянские симпатии, позицию защитника балканских славян и обличителя турок. «Может быть, — замечал известный публицист П.Д. Боборыкин, — этой пред-

¹⁵ Ibid. P. 38.

ставительнице русского охранительного патриотизма мы обязаны тем, что "великий старец" заинтересовался многими сторонами русской жизни и во внешней политике держал нашу руку больше, чем его предшественники»¹⁶. О.А. Новикова поддерживала У. Гладстона в его выступлениях против Турции, в целом пропагандировала в России доверие к политике британских либералов и резко критиковала антирусскую политику Дизраэли.

В своих воспоминаниях молодой тогда, будущий знаменитый историк М.М. Ковалевский, познакомившийся с ней в 1877 г. благодаря частому посетителю салона О.А. Новиковой философу В.С. Соловьеву, вспоминал: «Весьма популярная уже в это время среди высшего лондонского общества <...> Ольга Алексеевна направила свою дальнейшую деятельность на ознакомление англичан с действительным характером русского славянофильства. Она в значительной мере рассеяла предубеждение, будто под славянофильством скрывается желание России объединить под своей державой все родственные ей по крови и языку народы. Такие выдающиеся деятели, как Гладстон, перестали видеть в славянофильстве нечто тождественное с панславизмом. <...> Гладстон открыто выступил сторонником поддержки английской дипломатией заступничества России за угнетенных братьев-славян»¹⁷. Некоторые издания иронизировали над Гладстоном, называя его «Гладстонофф», и даже намекали на то, что и он был оплачиваемым агентом России¹⁸.

Русско-турецкая война вызвала новый всплеск русофобии в Англии — именно тогда английский поэт Альфред Теннисон, никогда не бывавший в России, заявил: «Я ненавижу Россию с самого своего рождения и буду ненавидеть,

¹⁶ Боборыкин П.Д. Столицы мира: Тридцать лет воспоминаний // Боборыкин П.Д. Воспоминания. В 2 т. М., 1965. Т. 2. С. 317.

¹⁷ Ковалевский М.М. Московский университет в конце 70-х и начале 80-х годов прошлого века (Личные воспоминания) // Вестник Европы. 1910. № 5. С. 182–183.

¹⁸ Novikoff O. Russian Memories. P. 55.

пока не умру»¹⁹. О.А. Новикова с сожалением отмечала присутствие «безотчётной антипатии к русским», которую демонстрировали англичане, об их «привычке обвинять нас в грехах прошлых, настоящих и будущих». О.А. Новикова пыталась бороться с русофобией англичан, она писала в статье «Английские предрассудки»: «Мы знаем, что Англия непобедима на море, и что ее финансовые ресурсы в полном порядке <...> Мы в России никак не можем понять, почему англичане позволяют этому страху перед военной мощью России проникать в речи консервативных политиков и вносить элемент предубеждения во взгляды министров»²⁰.

И во время, и после окончания Русско-турецкой войны О.А. Новикова вела «русскую агитацию» в Лондоне. О.А. Новикова, как вспоминал о ней У. Стед, «не только была une grande dame, она была журналистом, памфлетистом, автором, лондонским корреспондентом Московской газеты и славянофильской прессы»²¹. Она переводила произведения русских литераторов на английский язык. В разгар Русско-турецкой войны по совету К.П. Победоносцева познакомила англичан с «Дневником писателя» Ф.М. Достоевского, знавшего Н.А. Киреева лично и писавшего о нем в «Дневнике» как о человеке, «положившем жизнь свою за народное дело», и чья смерть стала «высочайшим самоотвержением в пользу ближнего». В свою очередь, и в России, постоянно печатаясь в московских и петербургских изданиях под криптонимом «О. К.», О.А. Новикова выступала своеобразным культурным гидом по Англии: так появились цикл ее очерков «Вести из Англии»

¹⁹ Цит. по: Нарочницкая Н.А. К вопросу о литературных стереотипах и предрассудках: Альфред Теннисон и Россия [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал «Нарочницкая ру.»: Официальная страница политика и общественного деятеля Натальи Алексеевны Нарочницкой. [Режим доступа]: <http://www.narochnitskaia.ru/in-archive>

²⁰ Новикова О.А. Английские предрассудки // «Я берег покидал туманный Альбиона...» Русские писатели об Англии. 1646–1945 / сост. О.А. Казнина, А.Н. Николькин. М.: РОССПЭН, 2001. С. 302–305.

²¹ Стед У. Предисловие // Депутат от России: (Воспоминания и переписка Ольги Алексеевны Новиковой) / Сост. г-м W.T. Stead; Пер. Е. С. Мосоловой. [Т. 1]. С. 7.

в «Московских ведомостях» (1870–1880), статьи и заметки в газетах «Русь», «Новое время», «Свет», вышедшие также отдельными оттисками²². Она, сглаживая в своих выступлениях разногласия между различными представителями русского «патриотического консерватизма», являлась в Лондоне проводником взглядов К.П. Победоносцева, И.С. Аксакова, М.Н. Каткова, одновременно содействуя появлению в английской прессе статей К.П. Победоносцева и И.С. Аксакова.

Ее собственные книги, составленные из ранее опубликованных статей и очерков, «Виновна ли Россия?»²³, «Друзья или враги?»²⁴, «Россия и Англия»²⁵ и посвященные проблемам российско-британских отношений и восприятия всего русского в Британии, вышли в Лондоне. Все книги О.А. Новиковой были объединены общей мыслью — оградить Россию от нападков английской прессы, оправдать «традиционную политику России». В Лондоне появилась и написанная ею биография незадолго до этого ушедшего из жизни генерала М.Д. Скобелева, которого она считала своим другом²⁶. Ее вторую часть она вновь посвящает разъяснению идей славянской политики. Книги О.А. Новиковой были благосклонно встречены либеральной прессой в Англии. В то же время оппоненты в лице джингоистской партии набросились на «русскую разведчицу» и, в частности, на ее книгу «Виновна ли Россия?» с упреками.

²² О. К. Вести из Англии: О гуманном элементе воспитания. М.: Унив. тип., ценз. 1872. 10 с.; О. К. Вести из Англии: Earl of Beaconsfield. М.: Унив. тип., 1881. 14 с.; О. К. Вести из Англии. Политическое марево. М.: Унив. тип., 1881. 10 с.; О.К. Вести из Англии. Томас Карлейль: [Биогр. очерк]. М.: Унив. тип., 1881. 14 с.; О.К. Конституционные окопы [Ирландский вопрос]. [М.]: Тип. М.Н. Лаврова и К°, 1881. 9 с.; О. К. Несколько слов о Карлейле. [М.]: Тип. «Соврем. изв.», 1881. 8 с.; О. К. Обрушение Англии. [М.]: Тип. М. П. Щепкина, 1885. 14 с.; О. К. Кризис в Сербии. М.: Тип. «Соврем. изв.», 1882. 32 с.

²³ Novikoff Olga (O. K.) Is Russia Wrong?: A Series of Letters / by a Russian Lady; with a Preface by J.A. Froude, M.A. London: Hodder and Stoughton, 1878. 136 p. Русский перевод опубликован в газете «Современные известия» в 1878 г.

²⁴ Novikoff Olga (O. K.) Friends or Foes?: A Sequel to “Is Russia wrong?” / by a Russian lady. London: P.S. King, 1878. 85 с.

²⁵ Novikoff O. (O. K.) Russia and England from 1876 to 1880, a Protest and an Appeal. London: Longmans, Green & Co., 1880. 396 p.

²⁶ Novikoff O. (O. K.) Skobeleff and Slavonic Cause / by O.K., author of “Russia and England”. London: Longmans, Green & Co., 1883. 421 p.

Газета «World» писала: «автор, платный агент русского правительства, занятие которого состоит в возбуждении интереса к этой стране, одурачивая влиятельных политических стариков и выведывая от них полезные сведения»²⁷. В своем отношении к О.А. Новиковой с правой прессой солидаризовался живший в Лондоне К. Маркс, называвший ее «неофициальным агентом русского правительства»²⁸ и тоже осуждавший её политические связи.

Книга О.А. Новиковой «Россия и Англия» с предисловием, предпосланным Дж. Фрудом и У. Гладстоном, была посвящена памяти Николая Киреева и знакомила англичан с государственностью и культурой России, но не только. Кроме того, она касалась весьма злободневного вопроса — отношений России и Англии. Препятствием к взаимопониманию между двумя странами являлось, по ее мнению, недостаточное знание политических институтов и взглядов друг друга. О.А. Новикова утверждала, что надо считаться с особенностями каждой страны и заявляла: «будь я англичанкой, я, вероятно, была бы либералкой, будь я американкой, я несомненно была бы республиканкой, но как русская, <...> я верю в самодержавие»²⁹. Книга появилась накануне всеобщих выборов и содержала резкую критику в адрес политики лидера консерваторов Б. Дизраэли, что дало возможность либералам использовать ее как своеобразный документ предвыборной кампании. Несмотря на опасения О.А. Новиковой, что книга останется в Англии незамеченной, она имела большой успех и вызвала много откликов, в том числе, известного историка Кинглека в «Quarterly Review». В свою очередь, Гладстон считал, что полезно привлечь внимание английской публики к талантливой работе русской публицистки, которая оказала «услугу миру

²⁷ Депутат от России: (Воспоминания и переписка Ольги Алексеевны Новиковой) / Сост. г-м W.T. Stead; Пер. Е. С. Мосоловой. [Т. 1]. С. 240–241.

²⁸ Маркс К. Зорге Ф. А., 27 сентября 1877 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 31. С. 229.

²⁹ Novikoff O. Russia and England from 1876 to 1880. A Protest and an Appeal. London: Longmans, Green & Co. P. 223.

и справедливости»³⁰, о чем писал в письме к О.А. Новиковой. Он поместил сочувственный, развернутый отзыв на нее в журнале «The Nineteenth Century», опубликованный следом в переводе на русский язык «Русской мыслью»³¹.

Гладстон обращал внимание на то, что книга написана «женщиной, обладающей большим политическим дарованием или, по крайней мере, умением удачно вести политическую полемику», что ее автор «желает возникновения горячей симпатии между Англией и Россией» и не видит причины, почему миллионы англичан и русских должны ненавидеть или бояться друг друга, а также отмечал и главное, с его точки зрения, достоинство книги — строгость критических замечаний, ибо «будь она сдержанна, дипломатична и сладкоречива, ее стрелы были бы не так метки»³². Гладстон отмечал, что «ее горячий патриотизм дает ей право на особенное уважение со стороны английских тори, считающих это свойство краеугольным камнем “мира и всех добродетелей”, и потому оно не может служить упреком О.К.: божеество, которому они поклоняются на берегах Темзы, также священо и на берегах Невы»³³.

Статья Гладстона была больше, чем критика на книгу, это была публичная демонстрация. Месяца через два, вернувшись на пост главы партии, Гладстон объявил о принятии самых значительных предложений О.А. Новиковой, которыми следует руководствоваться европейским политикам в «восточном вопросе». И хотя на родине книга «Россия и Англия» не была разрешена к опубликованию из-за главы о Земском соборе — говорить о нем в печати строгойше запрещалось, тем не менее, О.А. Новикова была счастлива. Она была убеждена,

³⁰ Гладстон У. Новиковой О. А., Ховарден, 22 февраля 1880 // Депутат от России: (Воспоминания и переписка Ольги Алексеевны Новиковой) / Сост. г-м W.T. Stead; Пер. Е. С. Мосоловой. [Т. 1]. С. 35–36.

³¹ Гладстон. Россия и Англия (Russia and England. By O. K. London. Longmans. 1880) // Русская мысль. 1880. № 11. С. 81–95.

³² Там же. С. 81–82.

³³ Там же. С. 81.

что как есть две России, так есть и две Англии: «одна способная на великодушные порывы и увлечения, другая, поглощенная лишь заботой о своем кармане. Другими словами: Англия Гладстона и Англия Биконсфильда»³⁴.

Без какой-либо симпатии к своему политическому антиподу другая знаменитая женщина — Вера Фигнер — в контексте воспоминаний о своем пребывании в Лондоне писала: «Там в это время царила Новикова, вращавшаяся в кругах высшего лондонского общества и служившая тайным дипломатическим агентом русского правительства. Красивая, чрезвычайно умная и ловкая, она была своим человеком у Гладстона и играла большую роль в англо-русских отношениях, действуя в интересах самодержавной власти»³⁵. Действительно, именно в момент очередного обострения англо-русских отношений деятельность О.А. Новиковой вновь активизировалась. Она писала М.Н. Каткову из Лондона: «Я такую затеяла здесь агитацию в пользу присоединения Россией Константинополя — что вы все должны мне сказать спасибо!.. Царь наш поставил себя так высоко во мнении Европы, что его положительно боятся, как боялись императора Николая Павловича!»³⁶.

О.А. Новикова регулярно в 1870-е гг. печаталась в либеральной газете «The Northern Echo», выходившей в Дарлингтоне, а также в следующем десятилетии — в «The Pall Mall Gazette» (1883–1889). Ее совместные со Стедом статьи, разъяснявшие и защищавшие внешнюю политику России, появлялись на страницах газеты «Times». Среди изданий, с которыми О.А. Новикова также сотрудничала, были журналы «Fraser's Magazine», «Contemporary Review», «The Nineteenth Century». Интенсивно сотрудничая с английской прессой, где ее мнение служило отголоском про-правительственных изданий в России, она оказывала влияние на понимание

³⁴ Депутат от России: (Воспоминания и переписка Ольги Алексеевны Новиковой) / Сост. г-м W.T. Stead; Пер. Е.С. Мосоловой. [Т. 1]. С. 41.

³⁵ Фигнер В. Избранные произведения в трех томах. М.: Изд-во Всес. общ-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1933. Т. 3. Запечатленный труд. С. 237.

³⁶ Новикова О.А. Каткову М. Н. Лондон, 27 сентября 1886 г.

русских событий в английском обществе, в этом оппонируя, в частности, П. А. Кропоткину, который, приехав в Лондон, получил приглашение писать о российских делах в еженедельной газете «Weekly Chronicle».

О.А. Новикова находилась в состоянии постоянной полемики со своими оппонентами. Естественно, она не скрывала своего недовольства тем, что английское правительство «предоставляет убежище русским динамитчикам», и, как она с горечью замечала в статье «Русский взгляд на “Правительство журналистов”», «некоторые из них <...> формируют общественное мнение»³⁷. В то же время, Кропоткин впоследствии вспоминал, что английская печать «являлась отголоском мнений г-жи Новиковой, т. е. взглядов Каткова и русских жандармов»³⁸. О.А. Новикову же возмущало, что некоторые местные издания слишком легкомысленно предоставляют свои страницы русским террористам. На этот упрек, прозвучавший в ее очерке «Русификация Англии» в «The Pall Mall Gazette», последовала крайне негативная реакция Ф. Энгельса, назвавшего ее «платным агентом русского царизма» в газете «Социал-демократ»³⁹. О.А. Новикова совершенно искренне не понимала симпатии англичан в отношении людей, единственной целью которых являлось разрушение, их особого отношения к русским нигилистам. Для подтверждения своей позиции она публикует в «Pall Mall Gazette» очерк «Исповедь нигилиста», посвященный видному деятелю «Народной воли», участнику заговора против Александра II Льву Тихомирову, который, находясь в эмиграции, переосмыслил свои взгляды, выступил с брошюрой «Почему я перестал быть революционером?» и

³⁷ Цит. по: Казнина О. Англия глазами русских // «Я берег покидал туманный Альбиона...» Русские писатели об Англии 1646–1945 / сост. О.А. Казнина, А.Н. Нилюкин. М.: РОССПЭН, 2001. С. 14.

³⁸ Кропоткин П.А. Записки революционера. М.: Мысль, 1990. С. 412.

³⁹ Энгельс Ф. Императорские русские действительные тайные динамитные советники, 25 января 1885 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 195–197.

покаянным письмом в адрес Александра III, окончательно перейдя в ряды сторонников самодержавия.

Оба издания, в которых печаталась О.А. Новикова, — «The Northern Echo» и «The Pall Mall Gazette» — редактировал и сам выступал на их страницах с легко считаваемой симпатией к России статьями ее друг У. Стед. В знак признательности за свою деятельность не без усилий О.А. Новиковой он был удостоен аудиенции у самого императора Александра III во время посещения им в 1888 г. России. Александр III произвёл на английского журналиста чрезвычайно благоприятное впечатление. Из всех русских он более всего напомнил ему английского джентльмена, о чем было сообщено в «The Pall Mall Gazette» и в вышедшей вскоре книге с претенциозным названием «Правда о России»⁴⁰. Это же название было выбрано О.А. Новиковой для очерка, в котором давалась характеристика национально-религиозной политике России. Он был опубликован в одном из лондонских изданий, а «Московские ведомости» напечатали его сокращенный перевод. «В Англии и Америке, — объясняла Новикова, — где христианская вера расколота на сотни различных сект, не только возможно, но необходимо допустить свободу религиозной конкуренции или пропаганды. Иное дело у нас. Единство церкви составляло во все времена существенную силу России. Всякий раскол представляется нам злом, от коего нужно освободиться»⁴¹. Довольный обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев писал ей в 1889 г.: «... вы делаете доброе и патриотическое дело, употребляя ваш талант на защиту русской правды в Англии». В свою очередь Стед на страницах своего журнала «Review of Reviews» опубликовал развернутый материал, посвященный русскому императору и его семье⁴².

⁴⁰ Stead W. T. Truth about Russia. London: Cassell & Co, 1888. 464 p.

⁴¹ Новикова О.А. Правда о России // Московские ведомости. 1889. № 35. 6 февраля.

⁴² Alexander III, Tzar of all the Russians // Review of Reviews. 1892. № 5. P. 15–27.

Общественная активность О.А. Новиковой пользовалась поддержкой официальных кругов на родине, в т. ч. Александра III. Она активно содействовала контактам между государственными деятелями двух стран, переправляла в Россию А.М. Горчакову и Н.К. Гирсу неофициальные письма Гладстона, способствовала завязавшейся переписке между Гладстоном и Победоносцевым⁴³. Конечно, ее успех в представительстве российских интересов в Англии во многом был предопределен ее личным влиянием на Гладстона. Последний же, будучи лицом официальным, естественно, не мог открыто признать неформальных отношений с публицисткой, которую правые круги Англии готовы были представить в образе коварной русской шпионки. Поэтому из опубликованной Джоном Морлеем в 1903 г. биографии Гладстона, писал Стед, «никому не придет в голову сделать вывод, что в течение всего тяжелого времени, когда г-н Гладстон <...> с трудом противодействовал антироссийской политике лорда Биконсфильда, он был в постоянном и близком общении и с г-жой Новиковой. Что оба они действовали с редким единодушием в намерениях и всемерно содействовали друг другу. <...> Легко можно представить себе взрыв негодования враждебной прессы, если бы близость г-на Гладстона и г-жи Новиковой в 1877–1880 гг. сделалась известна»⁴⁴.

В России же О.А. Новикова состояла постоянной корреспонденткой катковских «Московских ведомостей», где помещала свои «Письма из Англии». В начале 1890-х годов она активно сотрудничала с новым московским ежемесячным литературно-политическим и научным журналом консервативно-охранительного направления «Русское обозрение». Его фактическим издателем был фабрикант Д.И. Морозов. Журнал поддерживался личными пожертвованиями, в том числе

⁴³ *Дипломатический словарь: В 2 т.* / Глав. ред. А.Я. Вышинский и С.А. Лозовский. М.: Гос. изд. полит. лит.-ры, 1948–1950. Т. 2. 1950. С. 251.

⁴⁴ Цит. по: Митрофанов С. Кто Вы, Ольга Новикова? [Электронный ресурс] // Русский журнал. 08.03.1999. [Режим доступа]: <http://old.russ.ru/journal/persons/99-03-08/mitrof.htm>

Александра III, и пользовался покровительством К.П. Победоносцева, который и сам опубликовал в нем статью-размышление «Гладстон об основах веры и неверия»⁴⁵, впоследствии вошедшую в составленный из его собственных сочинений «Московский сборник» — признанный идеологический манифест российского консерватизма⁴⁶. О.А. Новикова, в свою очередь, опубликовала в «Русском обозрении» заметки, посвященные своим лондонским друзьям, — Гладстону⁴⁷ и уже ушедшему из жизни автору 8-томного сочинения о Крымской войне А.-В. Кинглеку⁴⁸, а также очерки под общим названием «Письма из Англии»⁴⁹.

С началом правления Николая II друг О.А. Новиковой У. Стед на страницах своего журнала «Review of Reviews» начал публиковать выдержанные в доброжелательном тоне статьи, способствуя формированию образа русского императора-миротворца. В 1898 г. собственное издательство Стедда инициировало серию книг под общим названием «Русская библиотека». В ней при содействии О.А. Новиковой и с ее предисловием вышла книга К.П. Победоносцева «Размышления русского государственного деятеля»⁵⁰. В этом же году У. Стед был удостоен аудиенции у Николая II. Сам журналист не без оснований заявлял: «Мы с Ольгой Алексеевной Новиковой единомышленно работали в пользу мира». До подписания русско-английского соглашения 1907 г., положившего конец полувекковой враждебности в отношениях

⁴⁵ Победоносцев К.П. Гладстон об основах веры и неверия // Русское обозрение. 1894. Март. С. 32–41.

⁴⁶ Победоносцев К.П. Гладстон об основах веры и неверия // Московский сборник. М.: Синод. тип., 1896. С. 269–280.

⁴⁷ Ольга Новикова (О. К.) Детство и отрочество Гладстона // Русское обозрение. 1891. Август. С. 908–913.

⁴⁸ О. К. Из воспоминаний о Кинглеке // Русское обозрение. 1894. Август. С. 776–787.

⁴⁹ О. К. Письма из Англии // Русское обозрение. 1892. Август. С. 804–809; Ноябрь. С. 257–268; Декабрь. С. 887–894; 1893. Январь. С. 330–337; Февраль. С. 785–794; Март. С. 366–389; Май. С. 293–304; Ноябрь. С. 346–360.

⁵⁰ Pobedonostsev K. Reflections of a Russian Statesman / Translated by Robert Crozier Long; Foreword by Olga Novikoff. London: Grant Richards, 1898. 288 p.

двух стран, оставалось несколько сложных лет. Усилия Ольги Алексеевны в нейтрализации угрозы со стороны одной из могущественных стран-соперниц бурно развивающейся империи и в улучшении имиджа России в Англии были не напрасны. После заключения русско-английского соглашения У. Стед убедил «русскую Лорелею» согласиться на опубликование части ее переписки с У. Гладстоном и некоторыми другими ее друзьями отдельной книгой, которую сам был готов составить. Выход ее состоялся. «Издавая эту книгу, — писал в предисловии к ней У. Стед, — я хотя бы в малой части могу уплатить тот долг, который мы в Англии, по крайней мере, имеем перед г-жой Новиковой»⁵¹.

Тем временем, постепенно уходили близкие люди, в том числе У. Стед: он погиб при крушении «Титаника», окончательно превратившись в легенду британской журналистики. Вскоре Ольга Алексеевна потеряла и своего сына, в последние годы своей жизни примкнувшего к социалистам-революционерам. Теперь образовавшуюся пустоту в ее жизни заполнял новый друг и последователь, молодой писатель Стефен Грэхам, который также был активным пропагандистом дружбы между двумя странами. Из его воспоминаний возникает образ женщины-легенды, несмотря на преклонный возраст, еще деятельной. Лозунгом ее жизни было «все для России»⁵². Лондон же стал ее последним пристанищем, где в возрасте 84 лет она ушла из жизни.

⁵¹ Стед У.Т. Предисловие // Депутат от России: (Воспоминания и переписка Ольги Алексеевны Новиковой) / Сост. г-м W.T. Stead; Пер. Е.С. Мосоловой. [Т. 1]. С. IV.

⁵² Graham S. Part of the Wonderful Scene, an Autobiography. London: Collins, 1964. P. 73.

Глава 6

**ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ КОРОСТОВЕЦ —
РОССИЙСКИЙ ДИПЛОМАТ, УЧЁНЫЙ, ЛИТЕРАТОР***А.А. Орлов, С.Л. Турилова¹**И.Я. Коростовец, 1900 г.*

В данной главе мы по неопубликованным документам Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ)

¹ Светлана Леонидовна Турилова, сотрудник Историко-документального департамента МИД РФ, советник 1 класса в отставке, скончалась от тяжёлой продолжительной болезни 6 ноября 2021 г., накануне своего 71-го дня рождения. Она была высококвалифицированным историком-архивистом, талантливым учёным, специалистом по палеографии XVIII в. Ещё одной гранью её таланта было участие в организации большого количества выставок, как российских, так и международных, для которых она выявляла неопубликованные архивные документы, а также составляла или принимала участие в составлении каталогов. О ней подробнее см.: Памяти Светланы Леонидовны Туриловой (1950–2021) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы, 2021. Т. 12, № 4. С. 155–158.

Отрывок из мемуаров И.Я. Коростовца «Моя командировка из Киева в Яссы в 1918 г.» был подготовлен авторами к печати в 2015 г. Но тогда по разным обстоятельствам это не удалось осуществить.

МИД РФ восстановим основные вехи биографии российско-го дипломата Ивана Яковлевича Коростовца (1862–1933) — видного представителя имперской дипломатии конца XIX — начала XX вв.

Для начала позволим себе небольшое отступление. Один из авторов публикации, много лет назад начиная работать в АВПРИ (до 1992 г. — Архив внешней политики России [АВПР] МИД СССР), извлекал по своей инициативе из «россыпи», т.е. неописанных материалов фонда «Департамента личного состава и хозяйственных дел» (ДЛСиХД), формулярные и послужные списки дипломатов последних предреволюционных лет, чаще 1916 и 1917 гг., и вносил их в опись этого фонда, в котором хранятся послужные списки большинства чиновников, работавших в МИД России с начала XIX в. по 1917 г. Таким образом, были найдены списки о службе почти всех «белоэмигрантских дипломатов», объединённых до 1924 г. бывшим российским посольством в Париже во главе с В.А. Маклаковым (координационный орган «Совещание послов»), а также тех, кто просто навсегда остался за границей. Причём некоторые сотрудники архива возражали, можно ли давать вторую жизнь «белоэмигрантам» в стране победившего социализма. Но эта работа всё же была продолжена.

Тогда-то и был обнаружен формулярный список о службе члена Совета Министерства иностранных дел, тайного советника Ивана Яковлевича Коростовца за 1916 г.², составлена карточка для именной картотеки дипломатов царского МИДа, в которой зафиксированы практически полные сведения о прохождении Коростовцом всех ступеней чиновничьей лестницы. Кроме того, как выяснилось, в архиве сохранился личный фонд этого дипломата, к тому времени совершенно неизученный и мало кому известный³.

² Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 159 (ДЛСи ХД). Оп. 464. Д. 1794а. Л. 1–12.

³ АВПРИ. Ф. 340 (Коллекция документальных материалов из личных архивов чиновников МИД. Коростовец И.Я.). Оп. 839. Д. 1–47. 1903–1932 гг. и б/д.

Из формулярного списка следует, что Иван Яковлевич Коростовец родился 25 августа (ст.ст.)⁴ 1862 г. в семье дворян Полтавской губернии. В другом деле архива об определении Коростовца на службу в МИД в 1884 г. сохранились документы о внесении в 1890 г. его самого и сына Флавия во вторую часть дворянской родословной книги Полтавской губернии «по заслугам деда... — полного генерала»⁵. Отец Коростовца — Яков Иванович Коростовец — морской офицер, участник многих походов и сражений, а также Крымской войны 1853–1856 гг. В 1860 г. указом императора Александра II произведен в капитан-лейтенанты флота «за оказанную к службе нашей ревность и прилежность». Но в 1862 г. покинул флот, перешёл на статскую службу, выйдя в отставку в чине действительного статского советника (в дальнейшем состоял при Министерстве финансов, был агентом Русского общества пароходства и торговли в Константинополе, умер в 1890 г.). В фондах сохранились его свидетельство о рождении 1830 г., аттестат, послужной список 1871 г., а также документы об истории рода Коростовцов⁶. Имеются биографические материалы и его деда — Ивана Яковлевича, полного «морского генерала» в отставке, владельца 20 душ «временнообязанных крестьян» Полтавской губернии. Поступив в Морской кадетский корпус в 1798 г., в 1856 г. генерал был «назначен состоять по Морскому министерству», а в 1859 г. — «зачислен по резервному флоту». Участвуя в сражениях, в 1807 г. во время плавания российского фрегата «Спешный» из Кронштадта в Средиземное море, в ноябре того же года в Англии «был взят англичанами в плен, где пробыл до 17 апреля 1811 г., а потом возвратился в Россию»⁷. В фонде ДЛСиХД сохранился и его послужной

⁴ Даты документов с российской стороны до начала 1918 г. приводятся по старому стилю (юлианскому календарю).

⁵ АВПРИ. Ф. 159. Оп. 749/1. Д. 664. Л. 168–169.

⁶ Там же. Оп. 336/1. Д. 1. Т. III. Л. 41–65.

⁷ Об этом подробнее см.: Орлов А.А. Пребывание эскадры Д.Н. Сенявина в Англии в 1808–1809 гг. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. III: Сборник материалов. К 200-летию Отечественной войны 1812 г. Труды ГИМ. Вып. 142. М., 2004. С. 7–26.

список — «команды корабля Гавриила мичмана Ивана Коростовца» за 1807 г. Такое обилие материалов о предках дипломата объясняется тем, что в 1890–1891 гг. он неоднократно обращался в кадровый департамент Министерства (ДЛСиХД) с просьбой о распоряжении «об изменении окончания его фамилии в формулярном списке, согласно тому, как она написана в представленных Киевской духовной консисторией метрическом свидетельстве о рождении и других бумагах». Дело в том, что в министерских бумагах его именовали то Коростовец, то Коростовцев (Коростовцов). Во избежание могущих возникнуть недоразумений, особенно за границей, он просил выдать ему удостоверение, что «носящий» такие фамилии — «одно и то же лицо». Кстати, в связи с этим вопросом, Иван Яковлевич, будучи уже в заграничной командировке, рекомендовал обращаться к его матери, проживавшей в то время в Петербурге на ул. Фонтанка, д. 109, кв. 26. Он предпочитал также «не склонять» свою фамилию, например, писать не Коростовцом, а оставлять именительный падеж — Коростовец. Его мать — Александра Петровна — происходила из дворянского рода Карцевых, связанного с дипломатическим ведомством. В списке о службе отца упоминается и о двух сёстрах Ивана — Екатерине и Елене, соответственно, 1863 и 1865 гг. рождения. Первоначально, следуя семейной традиции, подростка планировали определить учиться в Пажеский корпус.

В 1878 г. Коростовец поступил в Императорский Александровский (до 1844 г. Царскосельский) Лицей, а после его окончания в 1884 г. был принят на службу в МИД Российской империи. Как известно, со времени первого (пушкинского) выпуска 1817 г., когда на службу в МИД были определены кн. А.М. Горчаков, А.С. Пушкин, В.К. Кюхельбекер и др., Царскосельский Лицей становится основным «поставщиком» кадров для внешнеполитического ведомства России. Сохранилось прошение попечителя Лицея, известного пушкиниста статс-секретаря К.Я. Грота⁸ министру иностранных дел Н.К. Гирсу

⁸ См.: Грот К.Я. Пушкинский лицей. СПб., 1998.

с просьбой об определении на службу лицейстов Александра Мордвинова и Ивана Коростовца. Последний в это время был удостоен чина 12-го класса. 13 июня 1884 г. министр дал согласие на зачисление этих воспитанников в МИД. В июне они приняли присягу⁹. Причём Коростовец должен был находиться на государственной службе не менее шести лет, как казённокоштный студент. В упомянутом нами деле о зачислении на службу в МИД лицейстов сохранился его подлинный аттестат об окончании Лицея. Почти по всем предметам он получил «весьма хорошие и хорошие» оценки, в т.ч. по латинскому языку, отличные — по государственному праву, русскому, французскому, немецкому и английскому языкам, лишь по уголовному праву и судопроизводству — «посредственные». В декабре 1884 г., уже после определения на службу, ему пришлось сдавать, по существовавшей тогда во внешнеполитическом ведомстве практике, дипломатический экзамен. Знания молодого дипломата оценили как «очень хорошие» — по русскому и французскому языкам, по истории трактатов и международного права; «хорошие» — по политической экономии, «посредственные» — по статистике.

Первая часть его службы (до 1890 г.) прошла в Азиатском департаменте (с 1897 г. — Первом департаменте) МИД. Вначале он считался причисленным к Департаменту. В 1887 г. назначен делопроизводителем VIII-го класса, коллежским секретарем. Иван Яковлевич талантливо, с большой долей иронии, описал шестилетнее пребывание чиновником в центральном аппарате Министерства и своих сослуживцев в первых главах незавершённых воспоминаний «Доброе старое время», хранящихся в АВПРИ¹⁰. В Азиатском департаменте он занимался канцелярской работой, заведя турецкими, греческими и румынскими делами, «измарав много бумаги, чтобы набить руку в канцелярском стиле». В 1886 г. получил первое поощрение — «в награду 400 руб.», а в 1889 г. — «высочайше

⁹ АВПРИ. Ф. 159. Оп. 336/1. Д. 1. Т. III. Л. 157–157 об., 160.

¹⁰ Там же. Ф. 340. Оп. 839. Д. 3–5 (машинопись и рукописные варианты).

разрешено принять и носить персидский орден Льва и Солнца 3-ей степени». Орден был первым в длинном списке российских и иностранных наград, полученных дипломатом за годы службы в Министерстве. Коростовец женился на родственнице своего лицейского товарища Александре Вячеславовне Гордановой, в 1887 г. у них родился первенец — сын Флавий, который в дальнейшем станет опорой отцу. Кстати, женитьба явилась препятствием к его назначению на пост секретаря посольства в Константинополе: в Министерстве не сочувствовали бракам молодых чиновников, против «восстал» даже начальник Азиатского департамента И.А. Зиновьев, впоследствии посол в Турции. Мотивировал он это тем, что жена тогдашнего посла в Константинополе А.И. Нелидова «не любит женатых секретарей, считая их как бы личными служащими». Ивану Яковлевичу пришлось расстаться с мечтами о Турции. 1 мая 1890 г. он был назначен вторым секретарём миссии в Пекине, где пробыл до 1894 г. С этого момента его жизнь оказалась надолго связана с Востоком (Китаем и Персией), к которому его всегда тянуло. В детстве Иван Яковлевич бывал в Константинополе у отца, «занимавшего место» агента Русского общества пароходства и торговли. Тогда же будущий дипломат посетил Египет и побережье Малой Азии, полюбил Восток. Но, прежде чем надолго «обосноваться на Востоке», правда, в другой части мира, он должен был волею судьбы и начальства ещё четыре года провести в Бразилии и Португалии. Эти годы, без сомнения, обогатили его жизненный и дипломатический опыт, что он довольно подробно, отчасти с юмором, описал впоследствии в своих мемуарах.

28 июля 1894 г. Коростовца назначают секретарём русского представительства в Рио-де-Жанейро (Бразилия). Ему пришлось совершить длительное путешествие в эту латиноамериканскую страну. Но уже 11 июля 1896 г. его переводят секретарём миссии в Лиссабон. Здесь он оказал неоценимую услугу МИДу, внося огромный вклад в изучение т.н. «марокканского вопроса», что позволило внешнеполитическому

ведомству в сложной ситуации столкновения интересов великих держав в этом регионе мира оперативно выработать свою позицию. Об этом направлении деятельности молодого дипломата в 1990 г. подробно написала Т.Л. Мусатова в книге «Россия — Марокко: далёкое и близкое прошлое»¹¹.

Коростовец, посетив весной 1897 г. города Танжер и Тетуан, на основе личных впечатлений и проштудированной западной литературы составил объёмистую записку «О Марокко и европейской дипломатии», которая сохранилась в АВПРИ¹². Первоначально автор предполагал опубликовать её в русской печати. Но, узнав о намерении правительства Николая II установить дипломатические отношения с Марокко, направил записку в МИД. Стремление к известности в научных кругах отступило на второй план перед обязанностями государственного чиновника.

Как видим, уже к этому времени проявились недюжинные способности Коростовца как учёного и литератора. В 1897 г. в МИД России по указанию руководства составили перечень исторических и литературных трудов чиновников этого ведомства за последнее десятилетие (1883–1894 гг.). О Коростовце тогда писали, что он, второй секретарь миссии в Пекине, является автором следующих трудов: «Современная Персия» — сочинение доктора Уилса, перевод с английского» (СПб., 1887); «Несчастье от семейного счастья», рассказ (СПб., 1890); «Миссионерство в Китае и антиевропейское движение» (журнал «Русский Вестник», 1892, март); «Образование в Китае» (журнал «Вестник Европы», 1892, сентябрь); «Сельское хозяйство и культура чая в Китае» (там же, декабрь); «Русская духовная миссия в Пекине. Исторический очерк» («Русский архив», 1893, № 9); «Театр и музыка в Китае» («Вестник Европы», 1894, июнь)¹³. Из этого перечня

¹¹ Мусатова Т.Л. Россия — Марокко: далёкое и близкое прошлое. М., 1990. С. 94–96.

¹² АВПРИ. Ф. 151. Д. 2729. Л. 27–27 об., 30–68.

¹³ Там же. Ф. 159. Оп. 749/1. Д. 1217. Л. 13–14.

следует, что Коростовец имел не только бойкое перо, но был настоящим исследователем, широко образованным человеком, можно сказать, энциклопедического склада, что не так уж часто встречалось в царском МИДе. Во время пребывания в Петербурге между двумя командировками в 1896 г. он издал воспоминания о Китае — «Китайцы и их цивилизация» (второе издание этого труда вышло в 1898 г).

Работа Коростовца о Марокко получила высокую оценку в Петербурге, откуда писали, что «собранные... интересные сведения о положении дел в этой стране представляют драгоценный материал и будут весьма полезны для нашего будущего представительства в Танжере». Осенью 1897 г. Россия установила дипломатические отношения с этой страной.

Но, в общем, служба в спокойном Лиссабоне, далёком от центров мировой политики, не удовлетворяла Коростовца, жаждавшего живого и интересного дела. Поэтому, получив отпуск и прибыв в Петербург, он добился перевода на новую должность. В 1899 г. на него возложили особое поручение. Указом от 29 августа его назначили чиновником по дипломатической части при главном начальнике Квантунской области, незадолго до того арендованной Россией у Китая, генерал-адъютанте адмирале Е.И. Алексееве. 14 декабря того же года дипломат прибыл к месту службы. Положение его здесь оказалось довольно сложным и противоречивым. Дипломатическими связями с китайцами занимались все, кому не лень — и военные, и флотские начальники в Порт-Артуре, и посольство в Пекине, и российские власти на местах. Управление областью не было упорядочено, отношения с китайскими чиновниками не определены, поведение в отношениях с местным населением было слишком мягким, что привело впоследствии к распущенности и росту преступности. В этой ситуации Коростовцу было весьма затруднительно исполнять свои обязанности, но он всё же старался строго проводить линию на укрепление позиций России на Дальнем Востоке, об этом он и писал впоследствии в своих мемуарах.

С 5 августа по 7 сентября 1900 г. его направили временно управляющим российским консульством в г. Тяньцзине. В 1900 г. в Китае вспыхнуло восстание «боксёров» (ихэтуаней), направленное, в первую очередь, против порабощенцев-иностранцев. Ихэтуани отличались особой жестокостью, убивая всех «иностранцев дьяволов» без разбора. Для подавления восстания европейские державы, имевшие зоны влияния в Китае (Англия, Франция, Германия и Россия), ввели сюда свои войска, которые должны были действовать совместно. Коростовец, как опытный синолог, был прикомандирован Алексеевым к походному штабу русского отряда, отправляющегося к Тяньцзину. Находясь в этом отряде, он испытал все опасности военных действий. В конце концов, с огромными трудностями к 1901 г. восстание ихэтуаней было подавлено. Дипломата наградили серебряной медалью за поход в Китай в августе 1901 г., а перед этим, в апреле, после «отчисления от походного штаба», орденом Св. Анны 2-й ст. (орден 3-й ст. он получил в 1893 г.). 20 октября 1901 г. на основании приказа главного начальника и командующего войсками Квантунской области и морскими силами Тихого океана он получил «высочайше утвержденную медаль в память военных событий в Китае в 1900–1901 гг.». С 24 апреля по июнь 1902 г. коллежский советник Коростовец некоторое время управлял генеральным консульством в г. Бушире (Бушере) в Персии. 8 июня того же года его отозвали в Петербург в центральный аппарат Министерства на должность делопроизводителя V-го класса Первого (бывшего Азиатского) департамента, присвоив чин статского советника. 1903 г. оказался для Коростовца «урожайным» на иностранные награды: французские (Почётного легиона и офицерского креста, турецкий — Меджидие — 2-й ст., китайский — Двойного дракона 3-го кл. первой ст.). В том же году дипломат становится членом Русского комитета Средней и Восточной Азии, созданном при Министерстве иностранных дел под покровительством императора. В столице его и застало известие

о начавшейся в 1904 г. русско-японской войне. Коростовец с болью видел, как из-за происков придворных фаворитов и безответственных политиков рушится всё то, что он так долго создавал своими трудами. По его словам, практически никто из высшего руководства России не представлял себе масштабов надвигавшегося бедствия: «Невольно вспоминаешь поговорку: кого Юпитер хочет погубить, того лишает рассудка»¹⁴. Предчувствия не обманули опытного дипломата. Россия проиграла эту войну. Необходимо было постараться путём переговоров свести к минимуму возможные потери. Россию на мирной конференции, проходившей в конце августа 1905 г. в г. Портсмуте (США), представлял премьер-министр гр. С.Ю. Витте. Из сопровождавших миссию чиновников МИД Витте выбрал в качестве личного секретаря знакомого ему молодого Коростовца. Ход переговоров и заключение Портсмутского договора 28 августа / 5 сентября 1905 г. описаны в опубликованной в 1918 г. части мемуаров¹⁵. За проявленное усердие и выдающиеся заслуги, как при подготовительной работе, так и во время переговоров, ему была объявлена высочайшая благодарность.

Карьера дипломата продолжала успешно развиваться. 10 марта 1906 г. он становится вице-директором Первого департамента, в 1907 г. — получает чин действительного статского советника¹⁶. Но его по-прежнему влекло на Восток. В 1908 г. он вернулся в Китай, заняв после смерти Д.Д. Покотилова пост чрезвычайного посланника и полномочного министра России в Пекине (указ от мая 1908 г.). Министр иностранных

¹⁴ Коростовец И.Я. Накануне... 90 лет назад началась русско-японская война (Записки русского дипломата) / Публ. Е.А. Чирковой // Международная жизнь, 1994, № 4. С. 117. Об этом же см.: Коростовец И.Я. Россия на Дальнем Востоке. Пекин, 1922.

¹⁵ Коростовец И.Я. Мирные переговоры в Портсмуте в 1905 г. Дневник И.Я. Коростовца, секретаря графа С.Ю. Витте во время Портсмутской конференции. Июль — сентябрь 1905 г. // Былое, 1918, № 1. С. 177–220; № 2. С. 110–146; № 3 (на обложке: кн. 3, № 9). С. 58–85; кн. 6. № 12. С. 154–182.

¹⁶ Об этом периоде его жизни см.: Коростовец И.Я. После Портсмутского мира / Публ. Е.А. Чирковой // Международная жизнь, 1994, № 9. С. 136–144.

дел А.П. Извольский в своем докладе на имя императора Николая II, предлагая назначить его в Пекин, высоко оценивал былые заслуги молодого и энергичного кандидата, а также отмечал, что последние годы «г-н Коростовец стоит во главе Отдела Дальнего Востока, где сосредоточено ведение всех политических дел, касающихся Китая и Японии, и, таким образом, он основательно ознакомлен с этими делами и даже принимал ближайшее участие в разрешении всех основных вопросов нашей дальневосточной политики, стоявших после войны, и долженствующих укреплять на долгое время наши отношения к соседнему Китаю»¹⁷.

17 мая 1909 г. Коростовцу была «объявлена высочайшая благодарность за особые заслуги, оказанные им при подписании соглашения с китайским правительством относительно управления полосой отчуждения Китайской Восточной железной дорогой», в 1910 г. — «высочайшее благоволение» за удачные переговоры с китайским правительством. В 1911 г. посланник назначается вторым уполномоченным на русско-китайских переговорах по вопросу о частичных изменениях Петербургского договора 1881 г. обстоятельный анализ деятельности Коростовца в Пекине приводится в статье А.Н. Хохлова. Однако вскоре дипломат покинул Китай. О причине его внезапного отъезда в условиях начавшейся Синьхайской революции, Хохлов пишет, что в личной телеграмме от 10 ноября 1911 г. Коростовец просил о шестинедельном отпуске для лечения и совета со специалистами (врачи нашли у него аппендицит). 27 декабря в миссию отправляется из МИД России шифрованная телеграмма о том, что, «...вследствие оставления Коростовцом по болезни своего поста, Государю Императору благоугодно было избрать... Василия Крупенского для назначения Чрезвычайным посланником и полномочным министром в Пекине»¹⁸.

¹⁷ Цит. по: Хохлов А.Н. Российский дипломат И.Я. Коростовец и его роль в подготовке цикарского протокола 1911 г. // Общество и государство в Китае, 2012. Т. 42, № 2. С. 259-275..

¹⁸ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. 1899–1911 гг. Д. 1878. Л. 57, 58. (Цит. по: Хохлов А.Н. Указ. соч. С. 274. Прим. 29).

Д.А. Абрикосов, служивший в то время под началом Коростовца в Пекине, в изданных мемуарах «Судьба русского дипломата», писал: «Самым привлекательным в «азиатской дипломатии» я считал то, что личность и политика полномочного представителя играли здесь более важную роль, чем в Европе, а результаты его деятельности сказывались много быстрее. В Европе бесконечное число конференций, посторонних вмешательств и инструкций всегда видоизменяют индивидуальный образ действия дипломата. Проходят годы, пока скажутся результаты, а в них уже почти невозможно узнать воплощение персональных идей кого-нибудь одного. В Пекине все обстояло совсем не так. Здесь вы сами были творцами политики. Никакие конференции не вмешивались, и уже по прошествии короткого срока можно было увидеть влияние этой политики на отношения между вашей страной и Китаем. Это особенно было справедливо в случае нашего посланника, с которым я работал в Китае (имеется в виду Коростовец. — *Авт.*). Посланник был эксцентричный человек, большой циник, блестящий политик. Он считал большинство людей либо глупцами, либо негодьями и обожал выводить их из себя». Внезапный отъезд из Китая «умного и наделённого чувством юмора» посланника, часто подшучивавшего над другими, мемуарист объяснял так: «Посланник влюбился в шестнадцатилетнюю французскую девушку (Ангелину Пири) и пытался с ней бежать. Её влиятельный отец, занимавший высокий пост на службе у китайцев (начальник почт в Пекине), остановил поезд, вся история вышла наружу. Девушку вернули родителям; посол без семьи был выслан в С.-Петербург. В течение многих недель в Пекине не было других тем для разговоров... Но я сочувствовал жене посланника. Она была прелестная дама и доказала, что умная женщина может всегда найти достойный выход из трудной ситуации. Она написала мужу, что уже ничто не может удивить её, и она готова сделать всё, что он считает нужным, чтобы уберечь детей от скандала»¹⁹. Муж ответил, ей нужно вернуться

¹⁹ Кроме упоминавшегося нами сына Флавия, у Коростовца к этому времени были сын Вадим и дочь Ольга, соответственно, 1891 и 1896 гг. рождения.

в С.-Петербурге, где они, чтобы заставить замолчать сплетников, повсюду должны будут появляться вместе. Так и сделали, а когда публика потеряла интерес к инциденту, развелись и бывший посланник без лишнего шума женился на французской девушке. Даже в Министерстве иностранных дел к нему изменили отношение и разрешили продолжить дипломатическую карьеру»²⁰. В формулярном списке было отмечено: «Женат вторым браком на французской гражданке Ангелине Пири... от второго брака имеет сына Иакова, родился 11 ноября 1912 г., жена и дети вероисповедания православного». Стоит отметить, что Иван Яковлевич и в это время продолжал печататься, в ведомственном издании «Известия МИД» публикуются его «Донесения Миссии в Пекине о государственном перевороте в Китае 1911–1912 гг.» (СПб., 1912, кн. V-VI).

28 февраля 1912 г. Коростовца назначили чрезвычайным посланником и полномочным министром в Марокко. Однако из-за того, что над Марокко в это время был установлен протекторат Франции, российская миссия там преобразуется в дипломатическое агентство и генеральное консульство, т.е. статус представительства был снижен. Указ о его назначении отменили. 28 августа 1912 г. дипломата командировали в монгольскую столицу г. Ургу. Он ещё в Петербурге активно участвовал в переговорах, подготовке и заключении 21 октября / 3 ноября 1912 г. российско-монгольского соглашения о дружбе с приложением к нему торгового протокола. Этот договор сыграл решающую роль в процессе образования Монголии, стал первым официальным правовым документом, определившим её международный статус после провозглашения независимости. 14 апреля 1913 г. «по засвидетельствованию министра иностранных дел об отличной службе и особых трудах высочайшим указом» от 5-го апреля дипломат всемилостивейше был пожалован кавалером ордена Св. Анны 1-й ст. А указом от 14 января 1914 г. ему было «разрешено принять и носить монгольский ор-

²⁰ Абрикосов Д.И. Судьба русского дипломата. М., 2008. С. 205, 212–213.

ден Вачира 2-ой степени». В Российском государственном архиве кинофотодокументов (РГАКФД) хранятся уникальные кинодокументы (два фильма) о пребывании в России первого премьер-министра Монголии Сайн Найон хана Намнансурэна в 1913 г. Это самые первые киноленты о дипломатических отношениях России и Монголии, отложившиеся в архиве, а, возможно, и в России в целом²¹. Первый фильм «Пребывание чрезвычайного посла Монголии. Ливадия — 1913 г.», второй — «Московская хроника. 1913 г.». Один из его сюжетов посвящён посещению монгольской делегацией Красной площади. С помощью письменных источников и монгольских коллег сотруднику РГАКФД удалось атрибутировать персоналии, запечатлённые на плёнке. Среди них и «уполномоченного Российской империи в Монголии» И.Я. Коростовца²². Для определения времени пребывания делегации в России архивисты использовали книгу «Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Монголии. Август 1912 — Май 1913 гг.»²³. По этой теме у Коростовца есть следующая публикация: «Россия. Договоры. Русско-монгольские соглашения и торговый протокол. Урга. 1912». В 1926 г. в Германии дипломат издал научный труд по истории Монголии с XIII в. до середины 20-х гг. XX в. под названием «От Чингис-хана до Советской Республики. Краткая история Монголии с учётом новейшего времени»²⁴. В рецензии на эту книгу, напечатанную в газете «Возрождение» 21 апреля 1927 г., видный российский правовед и дипломат Б.Э. Нольде писал: «Создание Монголии — одно из

²¹ Чертилина М.А. Источниковедческий анализ первых кинолент о взаимоотношениях России и Монголии. По документам Российского государственного архива кинофотодокументов // Вестник архивиста, 2013, № 3. С. 134–143.

²² Там же.

²³ Коростовец И.Я. Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Урге. Декабрь 1912 г. — май 1913 г. // Россияне в Азии, 1995, № 2. С. 85–211; 1996, № 3. С. 225–292.

²⁴ Von Cinggis Khan zur Sowjetrepublik. Eine kurze Geschichte der Mongolei unter besonderer Berücksichtigung der neuesten Zeit. Von I.J. Korostovetz. Berlin und Leipzig, 1926.

крупных дипломатических достижений императорской России. Прочность его доказана событиями. В курьёзном обличе советизированной Монгольской «Народной республики» до сих пор остаётся неприкосновенным то построение, которое именем «Белого царя» создал И.Я. Коростовец во время своей исторической миссии в Монголии в 1912–1913 гг.». Эта монография дипломата и учёного-востоковеда о Монголии была переведена на русский язык с использованием авторской рукописи, сохранившейся в его личном фонде в АВПРИ, дополнена и издана усилиями монгольских и российских историков в Улан-Баторе в 2004 г.²⁵ Кстати, новое издание было проиллюстрировано в т.ч. фотоснимками, сделанными самим Коростовцом и ныне хранящимися в Национальном архиве Монголии. В 1930 г. берлинско-лейпцигское издание переводится и издаётся на японском языке²⁶. Нужно также отметить, что в начале 1913 г., до своего отъезда из Урги, Коростовец организовал издание первой монгольской газеты, названной избранным им редактором бурятом Джамсарановым «Новое зеркало» («Сине-Толи»), «ибо она должна изображать новую жизнь»²⁷.

Однако после, можно сказать, триумфального возвращения из Урги, 1 августа 1913 г. Коростовец, «согласно прошению», был уволен от занимаемой должности с оставлением его в ведомстве иностранных дел (считается, что это связано с «романтической историей с похищением» А. Пири, ставшей его второй женой).

30 октября того же года Иван Яковлевич назначается на пост чрезвычайного посланника и полномочного министра при Персидском дворе. Прибыв в Тегеран 14 января 1914 г., он, как пишет В.Л. Генис, не сработался со своим британским коллегой, сетовавшим на то, что Коростовец, будучи «слиш-

²⁵ Коростовец И.Я. От Чингис-хана до Советской Республики. Краткая история Монголии с особым учётом новейшего времени. Улан-Батор, 2004.

²⁶ Предисловие редактора // Там же. С. XXVIII–XXIX.

²⁷ Цит. по: Там же. С. XXIII. Из книги Б.Э. Нольде «Далёкое и близкое» (Париж, 1930).

ком русским», не считается с английскими правами и нарушает суверенитет Персии. Отвечая на упреки министра иностранных дел С.Д. Сазонова, дипломат отмечал, что миссия «менее покорно следует английским указаниям», что не нравится его коллеге. Коростовец считал необходимым восстановить русское влияние в Северной Персии, сильно скомпрометированное. Он писал руководству в Петербург: «Чтобы от меня избавиться, борются всяким оружием, верьте, борются не столько со мной, сколько с новой твёрдой политикой, желая заставить нас вернуться к прежней пассивности и непротивлению злу. Если Вы меня бросите или отзовёте, то боюсь, что немногое достигнутое пропадёт»²⁸. 7 апреля 1914 г. он покинул Тегеран, отозванный одновременно с британским посланником. Впоследствии (не ранее 1927 г.) русский дипломат описал своё пребывание в этой стране. В АВПРИ сохранились 2 варианта неизданной рукописи «Персидские арабески 1914–1915 гг.».

22 марта 1915 г. Иван Яковлевич «произведён за отличие» в тайные советники, а 24 июля ему «всемилоостивейше повелено» быть членом Совета МИДа. 22 января 1916 г. «Его Императорскому Величеству благоугодно было... всемилоостивейше соизволить на назначение его председателем правления Учётно-ссудного банка Персии с сохранением за ним должности члена Совета Министерства иностранных дел». Такова была последняя запись в формулярном списке Коростовца за 1916 г. Выше говорилось, что за годы службы он награждался многочисленными российскими и иностранными орденами и медалями.

Как же складывалась его карьера и человеческая судьба далее? Тревожный 1917 г. Иван Яковлевич встретил в Петрограде. По воспоминаниям мемуариста, дипломата-эмигранта Г.Н. Михайловского, его реакция на события Февраля 1917 г.

²⁸ Генис В.Л. Вице-консул Введенский. М., 2003. Краткие биографические сведения об упоминаемых в книге чиновниках МИД, служивших в Персии и Бухарском ханстве, см. на с. 247.

была отрицательной. Коростовец, в ответ на слова посла США в России Д.-Р. Фрэнсиса, поддержавшего Февральский переворот, о «выдержке и политической зрелости русского народа», его «мягкости и благодушии», «отсутствии злопамятности» и т.д., заявил, что даже его собственные внуки не увидят конца только что начавшейся революции. «Слова Коростовца, — пишет мемуарист, — врезались в память всем нам, кто его тогда слышал»²⁹. Но голос Коростовца оказался гласом вопиющего в пустыне. Михайловский отмечал, что ни от высших чинов Министерства, ни от младшего состава он в это время не слышал ни одного пессимистического отзыва о положении в стране³⁰.

Тем не менее, нельзя сказать, что Коростовец после революции совершенно удалился от дел, занимаясь только критикой и мрачными предсказаниями. Михайловский даже считал, что в это время он вновь «выплыл» на поверхность политической жизни, признавал, что Коростовец играл «заметную роль в нашей дипломатии...»³¹. Продолжая оставаться членом Совета МИД, он принимал активное участие в выработке и принятии внешнеполитических решений. Так, еще в 12 октября 1916 г. он направил министру иностранных дел Б.В. Штюрмеру «Записку о ситуации на Дальнем Востоке и необходимости русско-американского сближения», а 26 января 1917 г. — последнему царскому министру Н.Н. Покровскому «Записку о значении американо-российского партнёрства»³², в которой предупреждал о решающей роли правительства США (тогда ещё САСШ) в «ликвидации» Первой мировой войны. «Отсюда было желательно» обеспечить поддержку Америки, когда «дело дойдёт и до России...». 21 апреля 1917 г. министр иностран-

²⁹ Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства 1914–1920. Кн. 1–2. М., 1993. Кн. 1. С. 249.

³⁰ Там же. С. 249–250.

³¹ Там же. С. 265–266.

³² Россия и США. Дипломатические отношения 1900–1917 гг. Сборник документов. М., 1999. С. 214–219, 647–649.

ных дел Временного правительства П.Н. Милюков сообщал поверенному в делах России в США К.М. Ону о направлении туда чрезвычайной дипломатической миссии во главе с профессором, товарищем министра торговли и промышленности Б.А. Бахметевым, назначенным на пост посла России в США. В состав миссии от Министерства иностранных дел должен был войти бывший посланник в Пекине, «ныне назначенный посланником в Мексике, И.Я. Коростовец»³³. Однако отправление последнего ни в Северную Америку, ни в Мексику по каким-то причинам не состоялось. Михайловский пишет, что Коростовец был одним из кандидатов на пост посла в Вашингтон, он «желал этого назначения, заявляя, что он имеет на это право, как человек, хорошо знающий Америку и, как незаслуженно пострадавший при царском режиме, уволившем его с поста посланника в Пекине»³⁴, но предпочтение было отдано Бахметеву.

Дипломат продолжал трудиться и дальше при Временном правительстве. При министре Милюкове в МИД образуется Комиссия по пересмотру прохождения службы. Коростовец стал её председателем. Как пишет Михайловский, эта Комиссия не успела закончить своих трудов до большевистского переворота, все её предложения остались лежать мёртвым грузом в архиве МИД³⁵. Но в начальный период своей деятельности она пользовалась большим вниманием служащих, кроме того, некоторые выработанные ею положения о прохождении службы были введены в практику фактическими действиями и распоряжениями начальников отделов и директоров департаментов³⁶. В целом же, единственным итогом работы Комиссии стала выработка нового вопросника для составления служебного формуляра, где вместо традиционных упоминаний сословия поступающего

³³ Там же. С. 664–665.

³⁴ Михайловский Г.Н. Указ. соч. Кн. 1. С. 276–277.

³⁵ Дела этой комиссии отложились в АВПРИ. См., например: Ф. 159. Оп. 726.

³⁶ Михайловский Г.Н. Указ. соч. Кн. 1. С. 299–300.

на службу, его родового и благоприобретённого имущества, орденов, чинов и т.д. были введены новые графы об образовательном цензе, учёных званиях, научных трудах, командировках за границу и пр.³⁷ Михайловский пишет, что деятельность комиссии стала замирать после того, как своевременность поднятия вопроса о реформе МИДа стала как-то неясной и боязнь разгрома всего ведомства сделала из этой, так восторженно начавшей свою работу комиссии, самое мёртвое место в Министерстве³⁸. Коростовец также принимал активное участие в работе созданного тогда Общества служащих МИДа (ОСМИД).

22 июня 1917 г. указом Временного правительства «член Совета Министерства иностранных дел (III-его класса, тайный советник Иван Коростовец)» был уволен, согласно решению, от должности с 1-го июня, «по случаю назначения состоящим при ведомстве МИД» (Циркуляр по МИД России от 19 июля 1917 г.). Так завершилась его 33-летняя служба императорской и «новой» России.

За это время на посту главы внешнеполитического ведомства сменилось десять министров. Иван Яковлевич начал службу при Н.К. Гирсе (министр в 1882–1895 гг.), продолжал её при кн. А.Б. Лобанове-Ростовском (1895–1896 гг.), гр. М.Н. Муравьёве (1897–1900 гг.), гр. В.Н. Ламздорфе (1900–1906 гг.), А.П. Извольском (1906–1910 гг.), С.Д. Сазонове (1911–1916 гг.), Б.В. Штюмере (июль — ноябрь 1916 г.), Н.Н. Покровском (ноябрь 1916 г. — февраль 1917 г.), затем служил при министре Временного правительства П.Н. Милюкове (март — май 1917 г.) и закончил службу при М.И. Терещенко (май — октябрь 1917 г.). В своих неизданных мемуарах он оставил выразительные характеристики первых четырёх министров, подробно разобрал достоинства и недостатки их

³⁷ Там же. С. 384–386. О работе Комиссии см.: Турилова С.Л. Некоторые аспекты кадровой политики внешнеполитического ведомства России 1720–1917 гг. // Вестник МИД СССР, 1989, № 13. С. 67–79.

³⁸ Михайловский Г.Н. Указ. соч. Кн. 1. С. 385.

личностей и деятельности. Также здесь можно найти интересные зарисовки внутренней жизни царского МИДа, узнать, что волновало чиновников этого ведомства.

После окончательной отставки Коростовец «превратился в обыкновенного черниговского помещика», но продолжал часто бывать в Петрограде, активно участвуя в работе ОСМИДа. Михайловский отмечает, что Коростовца очень ценили в этом обществе за подчас меткие и ядовитые суждения или оценки, иногда выражавшиеся даже без слов. Так, например, когда его племянник (В.К. Коростовец — сын его двоюродной сестры, чиновник МИД с 1912 г., член кадетской партии, секретарь министра Милюкова. — *Авт.*) стал уверять его, что Милюков скоро вернётся к власти, Иван Яковлевич непристойным образом захохотал, показав этим, что отставной министр — конченный человек. А ведь в 1917 г. немногие это понимали, добавляет автор³⁹.

Октябрьский переворот застал дипломата в Петрограде. К его организаторам он испытывал ещё меньше симпатии, чем к министрам Временного правительства. Поэтому с самого начала существования Советской власти он принимал участие в саботажном движении в МИДе. Правда, Михайловский отмечает тот факт, что при этом Коростовец ничем не рисковал, т.к. уже не занимал никакой официальной должности. Дипломат продолжал публиковать свои сочинения. Так, в журнале «Былое» в 1918 г. выходят его упоминавшиеся нами «Мирные переговоры в Портсмуте в 1905 г.» (№ 1–3, 12). 26 июня 1918 г. Российская Импортная палата приглашает его принять участие в качестве члена-корреспондента в заседании, посвящённом развитию торговых отношений с Монголией, учитывая особый интерес, проявленный им к этой теме. «Зная Вашу отзывчивость ко всяким деятельным начинаниям в области развития торговли России на Востоке, Совет Палаты надеется, что Палата будет иметь возможность воспользоваться Вашими в высшей степени компетентными указаниями, которые

³⁹ Там же. Кн. 2. С. 127–128.

помогут правильному решению весьма существенных вопросов нашей внешней торговли»⁴⁰. В.Л. Генис в очерке, посвящённом А.Н. Вознесенскому, бывшему вице-консулу в Шанхае, поступившему на службу в Народный комиссариат по иностранным делам (НКВД), пишет, что, вернувшись в феврале 1918 г. из Финляндии в Петроград, Коростовец посетил НКВД в расчёте на получение продовольственных карточек и пообщался с наркомом Г.В. Чичериным и своим бывшим подчинённым Вознесенским. Поскольку он отверг предложение наркома о поступлении на советскую службу, указав на «расхождения во взглядах и отсутствие взаимного доверия», и вскоре уехал в Киев, где занял пост товарища министра иностранных дел в правительстве гетмана П.П. Скоропадского, своеобразной мезью Наркоминдела стала помещённая 19 октября в газете «Известия» заметка «Китайца» (псевдоним Вознесенского) «Оживший труп», в которой бывший посланник обвинялся во всех смертных грехах вплоть «до растления несовершеннолетних» (имелся ввиду всё тот же инцидент с А. Пири. — *Авт.*), и выражалось большое сожаление, что «сей представитель самой мрачной эпохи царского империализма» не был сразу расстрелян⁴¹. Осенью 1918 г. Коростовец покинул ставшую для него опасной столицу. В Киев он приехал в сентябре, здесь, как мы уже упоминали, вновь поступил на службу. В 1918 г. Михайловский встретил его в Киеве и узнал, что тот занимает пост товарища (заместителя) министра иностранных дел Украины Д.И. Дорошенко в правительстве Скоропадского. При безликом Дорошенко Коростовец фактически стоял во главе украинского дипломатического ведомства. Михайловский описывает некоторые аспекты деятельности Коростовца, его взгляды на положение Украины, её возможных союзников и противников.

⁴⁰ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 839. Д. 24. Л. 1.

⁴¹ Генис В.Л. «Один из столпов Комиссариата...» Арсений Николаевич Вознесенский (1881–1937). Биографический очерк // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып. II. М., 2004. С. 81.

Одним из важных направлений работы Коростовца в это время было укомплектование МИДа молодого государства опытными дипломатическими кадрами. Поэтому он хотел привлечь и Михайловского на службу к Скоропадскому, у которого уже работали некоторые бывшие русские дипломаты. Но Михайловский отказался от этого предложения, так объяснив свой отказ: «...Хотя я знал людей, с которыми мне пришлось бы работать, и лично симпатизировал И.Я. Коростовцу в его желании не дать попасть Украине в большевистские сети, всё же поступать на дипломатическую службу к Скоропадскому я категорически отказался»⁴². Михайловский твёрдо решил уехать за границу и перед отъездом даже не зашёл попрощаться с Коростовцом, «так как знал во всех подробностях его планы и в них не верил». В личном фонде Коростовца сохранились многочисленные документы о его деятельности на Украине, записки, рабочие материалы. Они ждут своего исследователя.

Отъезд Михайловского за границу, вероятно, заставил Коростовца задуматься и о собственной судьбе. При всей бурной деятельности, развитой им в Министерстве, он прекрасно понимал, что его служба в украинском МИДе скоро закончится, т.к. режим гетмана дышал на ладан. Германофильские настроения, существовавшие у части украинского общества, на чём держался Скоропадский, начинали выдыхаться. Единый антибольшевистский фронт с русскими белогвардейцами не мог быть создан, т.к. украинцев отпугивал их лозунг возрождения «единой и неделимой» России⁴³. В этой ситуации крепили позиции местных большевиков, которые призывали к совершению на Украине социалистической революции по примеру Петрограда. Дипломат, как опытный политик, понял, что и ему придётся бежать за границу, спасти свою семью. Второй его брак с француженкой Пири был во всех отношениях счастливым, что, однако, не мешало Коростовцу

⁴² Михайловский Г.Н. Указ соч. Кн. 2. С. 142.

⁴³ Там же. С. 154.

время от времени заводить на стороне романтические связи. Недаром его коллега по дипломатической работе в центральном аппарате МИД и в Монголии Г.А. Казаков говорил о Коростовце как «о человеке умном, но себялюбивом, у которого себялюбие сопровождалось путаницей в делах на романтической или иной почве»⁴⁴. Далее началась его «кочевая жизнь» в Европе. Михайловский пишет о том, что в Лондоне он увидел семилетнего сына Коростовца Якова (Иакова), которого он называет плодом когда-то нашумевшего в дипломатическом мире романтического союза. «Но сколько шума ни наделала эта разыгравшаяся перед войной пикантная история, война отодвинула на задний план и многое гораздо более невинное», — добавляет мемуарист⁴⁵.

Итак, в 1920 г. Михайловский и Коростовец вновь встретились в Лондоне. Коростовец жил тогда в небольшом, типично английском коттедже, окружённый комфортом и спокойствием. «Он нисколько не походил на суетливого и озабоченного дипломата, каким я в последний раз видел его у Скоропадского в Киеве. Коростовец был весьма приветлив и вспоминал свои пессимистические прогнозы в начале Февральской революции, которые теперь, увы, сбывались»⁴⁶.

Они говорили о России, о революции, о союзниках. Коростовец спрашивал у Михайловского, согласен ли он с мнением Нольде, что революция в России продлится ещё не меньше десяти лет. Нольде говорил, что русские люди, попавшие за границу, должны на долгое время забыть о родине и приспособиться к эмигрантскому существованию. Сам Коростовец, основываясь на своём опыте дипломатической работы в Китае и Персии, полагал, что Нольде прав. Ни русские белогвардейцы, ни западные союзники, по его мнению, неспособны были быстро разгромить большевиков. Белогвардейский лагерь раздражается внутренними противоречиями. Союзни-

⁴⁴ Там же. С. 153.

⁴⁵ Там же. С. 154.

⁴⁶ Там же. С. 434.

ки в настоящий момент больше всего думают о разделе России на сферы влияния. Поэтому представления Коростовца о будущем были очень мрачными, он не верил в искренность «союзнических чувств»⁴⁷.

Но при этом Михайловский добавляет, что не мог забыть деятельности Коростовца в Киеве. Он отмечал, что «так рисовал себе мрачную картину раздела России её бывшими союзниками Коростовец, сам принимавший участие в «пробном разделе» на Украине во времена Скоропадского, когда он стремился заменить немецкую оккупацию союзнической»⁴⁸.

Иван Яковлевич в этом разговоре живо интересовался деятельностью «белой дипломатии», высказывал резко отрицательное отношение к бывшему министру иностранных дел Сазонову, который в своё время удалил его со службы. О нём он говорил так: «человек избитых трафаретов и совершенно растерялся в теперешнем положении»⁴⁹. Но сам Коростовец не желал участвовать в борьбе с советской властью. Он перешёл на положение частного лица, хотя и поддерживал связи с английским Министерством иностранных дел. Чиновники Форин Офиса даже «советовались с ним по персидским и китайским делам».

По словам Михайловского, Сазонов упал бы в обморок, если бы узнал, что английский МИД перерывает свои архивы времён Петра Великого и вырабатывает новую политику в балтийском вопросе по старым образцам, чтобы окончательно отрезать Россию от Балтийского моря. Михайловский узнал об этом от Коростовца, который так прокомментировал это сообщение: «Я им в глаза смеюсь по поводу этих планов, и что они и не заметят, как исчезнут Балтийские государства, и что они только теряют время на подобные пустяки»⁵⁰. Такое неожиданное заявление царского дипломата говорит как

⁴⁷ Там же. С. 435–436.

⁴⁸ Там же. С. 437.

⁴⁹ Там же. С. 438.

⁵⁰ Там же.

о его осведомлённости в политике английских властей по отношению к странам Восточной Европы, так и о противоречиях в его взглядах по вопросу о разделе России. Но и здесь он оказался провидцем. Не прошло и двадцати лет, как СССР поглотил мелкие прибалтийские государства.

Вернёмся в 1920 год. Как сообщает мемуарист, Коростовец, «...который служил в каком-то частном предприятии в Лондоне... через год во время эвакуации Крыма уехал по поручению одного крупного коммерческого английского общества на Дальний Восток»⁵¹.

Далее Михайловский продолжал: «Любопытно, что Коростовец на своих визитных карточках писал «Late Russian minister in Persia» (бывший российский посланник в Персии), не упоминая своих подвигов при Скоропадском, причём по-английски слово «late» звучало крайне двусмысленно, означая как «бывший», так и «покойный». Это дало нам, в свою очередь, предлог посмеяться над Коростовцом, когда на другой день я застал в своём отеле подобную «похоронную визитную карточку». Быть может, это тоже была Witz (шутка, остроумия) дипломата, любившего эксцентричность, или же случайная ошибка. Как бы то ни было, — пишет автор, — если во времена Скоропадского Коростовец всё ещё надеялся на новый благоприятный для России поворот судьбы, теперь он впал в совершенное отчаяние и вместе с Нольде превратился в эмигранта задолго до того, как все русские за границей сделались таковыми»⁵². Однако, несмотря на трагические повороты в деятельности Коростовца и его ранний отход от борьбы, Михайловский всё же твёрдо уверен в том, что тот был «одним из самых умных наших дипломатов»⁵³. За границей Коростовец активно публикуется на русском, английском и немецком языках. В 1923 г. издал книгу «Страница из истории русской дипломатии», в которой обобщил ранее изданные

⁵¹ Там же. С. 439.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. С. 437.

воспоминания о поездке в качестве секретаря Витте в 1905 г. на конференцию в Портсмут. В его фонде сохранились многочисленные вырезки из иностранных и русских эмигрантских газет с интервью по различным внешнеполитическим вопросам и рецензии на его труды. Все это он тщательно собирал. В 1921 г. дипломат вернулся в Китай, называемый им второй Родиной. Сохранились воспоминания «русских китайцев» о его пребывании там. «Прибыл он сюда временно, совершая деловую поездку. В его лице русская колония в Пекине приобрела интересного гостя, видевшего весьма многое на своём веку и умевшего хорошо об этом рассказать. Я в своей жизни редко встречал такого, как он, живого и увлекательного собеседника. Он мог рассказать много интересного и о смутных «боксёрских» днях 1900 г. ... Свои мемуары о Портсмутской конференции он опубликовал в Лондоне на английском языке... Прожив много лет в Китае, И.Я. Коростовец внёс свой ценный вклад в русскую синологию: хорошо известна его книга на русском языке «Китай и его цивилизация». В пекинской типографии мы печатали его мемуары «Россия на Дальнем Востоке», обильно снабжённые интересными иллюстрациями... Находясь теперь в Пекине, И.Я. Коростовец собирал материалы для описания Внешней Монголии»⁵⁴. Иван Яковлевич являлся одним из главных учредителей Русского благотворительного общества в Пекине. В его фонде сохранилось письмо членов Общества от 24 октября 1924 г. с сожалением по поводу его отъезда из Пекина⁵⁵. В Китае остался и его сын от первого брака — Флавий с женой Марией Павловной, дочерью известного китаиста и дипломата П.С. Попова, поэтессой русского Зарубежья. Жили они на территории Посольского квартала, в домах бывшего посольства Австро-Венгрии⁵⁶. Известно

⁵⁴ Серебренников И.И. Гражданская война в России: Великий отход. Т. 2. М., 2003.

⁵⁵ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 839. Д. 31. Л. 1.

⁵⁶ Спешнев Н.А. Жизнь русской эмиграции в Пекине (20–40 гг. XX века) // Восток — Россия — Запад. Исторические и культурологические исследования. К 70-летию академика В.С. Мясникова. М., 2001. С. 157–172.

об одном их сыне, внуке Ивана Яковлевича — Марке. Потом семья переехала в Австралию, где и оказалась часть архива русского дипломата.

Последние годы жизни он провёл во Франции. Работал над воспоминаниями, подводя итог своей деятельности. В начале рукописи «Доброе старое время» он писал: «Все кругом меня, особенно бюрократы, охвачены зудом писания мемуаров. Их пишет как бывший министр, так и его камердинер; клоун и кулачный боец, даже павшие монархи — их теперь немало — принялись за это ремесло. Почему же, подумал я, и мне не внести свою лепту в этот ворох самообмана, самообольщения, самооправдания. Пусть современники и потомки узнают о бренности и бесцельности всего существующего. Впрочем, когда пишешь мемуары, к чёрту пессимизм. Читатели его не любят, а пишущий обязан им угождать...»⁵⁷. Сохранилась переписка Ивана Яковлевича 1932 г. с издателем в Берлине. Он выяснял, получили ли там посланную сыном Флавием рукопись о КВЖД, а также предлагал обстоятельный план публикации своих трудов и записок. Сам собирался приехать в Берлин. В этих письмах значится домашний адрес Коростовца во Франции, по которому он проживал в апреле 1932 г.: «82 bis / Rue Charles Lafitte, Neuilly s/Seine, près Paris». В письмах Иван Яковлевич жаловался на то, что его «американский корреспондент воспользовался его рукописью, чтобы выпустить собственную книгу»⁵⁸. Он предполагал написать о своём пребывании в Китае с 1908 г., но нужен был журнал «Красный архив», где было опубликовано несколько его донесений, «а по памяти трудно восстановить даты, факты, имена». Жаловался на плохое самочувствие («я всё болею и угнетён»), на глупые семейные дела, ещё больше «расшатавшие здоровье и вызвавшие озлобление против всех, включая собак». Не чужд был такой талантливый человек и поэзии. В его архиве сохранился печатный текст стихотворения с рукопис-

⁵⁷ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 839. Д. 3. Л. 1.

⁵⁸ Там же. Д. 35. Л. 1–4 об.

ной правкой «Память о Ницце (подражание Мятлеву). Письмо Ивана Яковлевича Коростовец к племяннику Владимиру Константиновичу Коростовец. 25 декабря 1929 г.», в котором с сарказмом описываются люди и нравы этого южного города, в т.ч. не пощадил он и своих «сородичей», русских эмигрантов, описывая их «житие» на чужбине, а также французов, англичан, итальянцев и новые власти своей Родины, в общем, всех. Завершил он этот опус так: «Впрочем, эти рассуждения мне навеяны хандрой / Невозможностью движенья и дождливою порой. / Но таков закон природы, там прекрасно, где нас нет. / Передайте милой Аре мой почтительный привет»⁵⁹.

Стоит отметить, что все его рукописи и письма написаны в эмиграции «с применением» старой орфографии.

Скончался Коростовец в Париже 1 января 1933 г. (некролог был опубликован в газете «Последние новости» 21 января 1933 г., № 4322). К сожалению, сведений о месте захоронения нами не найдено.

Такова восстановленная нами канва жизни и служебной деятельности видного российского дипломата, востоковеда, учёного и литератора Ивана Яковлевича Коростовца.

Личный архив Коростовца в АВПР был передан в 1946 г., а до этого хранился в составе знаменитого Русского заграничного исторического архива (РЗИА) в Праге, созданного в 1923 г. для «собирания, хранения, систематизации и научной обработки материалов по истории России и входящих в неё народов». В этот архив поступали материалы многих русских эмигрантов, в т.ч. дипломатов. В 1945 г. правительство Чехословацкой Республики приняло постановление о передаче этого богатейшего собрания Академии наук СССР⁶⁰. В 1991 г. Е.А. Чиркова

⁵⁹ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 839. Д. 34. Л. 1–10.

⁶⁰ Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге. Межархивный путеводитель. М., 1999. С. 5–6, 18, 418. К сожалению, в Путеводителе приводятся сведения не о всех личных фондах дипломатов, поступивших тогда в АВПР из РЗИА. Кроме того, часть архивов дипломатов осталась на хранении в Центральном государственном архиве Октябрьской революции (ЦГАОР), в настоящее время — Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ) и др.

составила подробное описание документов личного архива Коростовца (1903–1932 гг. и б/д)⁶¹. Стоит отметить, что после передачи в АВПР его архив пополнялся: дело № 46 «Записки по истории Монголии 1913 г.» (машинопись и фотокопии) было получено в 1957 г. из Дальневосточного отдела МИД СССР, а дело № 47 — «Письма (4) личного характера Коростовцу» (1917 г.) сформировано из неописанных материалов (россыпи). Многочисленные донесения, записки и пр., составленные дипломатом, хранятся в различных фондах архива и печатались ещё при жизни их составителя (например, в журнале «Красный архив»), позднее в фундаментальном издании «Международные отношения в эпоху империализма» и, особенно в настоящее время, при издании сборников внешнеполитических документов. В АВПРИ имеется фотография Ивана Яковлевича (ф. 351 «Планы и фото»), воспроизведённая в упоминавшейся нами книге Коростовца, изданной в 2004 г. в Улан-Баторе «От Чингис-хана до Советской Республики».

Публикация отдельных частей мемуаров и научных трудов дипломата активизировалась в конце XX — начале XXI вв. В 1932 и 1960 гг. китаист П.Е. Скачков в книге «Библиография Китая» — систематическом указателе книг и журнальных публикаций о Китае на русском языке — указал 16 работ Коростовца о внешней политике и культуре этой страны⁶². Конечно, данный список далеко не полон. Личный архив Коростовца, хранящийся в Архиве внешней политики Российской империи МИД РФ, как и его научное и литературное наследие, ещё ждут своего исследователя. Материалы, связанные с его служебной и научной деятельностью, имеются у его потомков, проживающих в Германии и Италии, а личный дневник, который он вёл в Монголии, не так давно обнаружен в Австралии и издан в России⁶³.

⁶¹ Чиркова Е.А. Дневники и воспоминания русских дипломатов в Архиве внешней политики России (Краткий обзор) // Внешняя политика России. Источники и историография. Сборник статей. М., 1991. С. 91–93.

⁶² Скачков П.Е. Библиография Китая. 1-е изд. М., 1932; 2-е изд. М., 1960.

⁶³ См.: Предисловие редактора // Коростовец И.Я. От Чингис-хана до Советской Республики. Улан-Батор, 2004. С. XXVIII–XXIX.

3 сентября 2014 г. в Улан-Баторе в торжественной обстановке на территории Российского центра науки и культуры был открыт памятник (автор — скульптор Дэнзэн Барсболдын) дипломату и востоковеду И.Я. Коростовцу, сооружённый на средства монгольских граждан. Это дань признания заслуг российского дипломата в установлении договорно-правовых отношений между Россией и Монголией, подписании в далёком 1912 г. первого договора с Монголией, позволившего впоследствии провозгласить её независимость и устанавливать равноправные отношения с другими государствами.

* * *

Глава дополняется публикацией отрывка из мемуаров И.Я. Коростовца «Моя командировка из Киева в Яссы в 1918 году» с рассказом о попытке сближения гетмана П.П. Скоропадского со странами Антанты и об отношении к этому дипломатов Франции, Великобритании и США, находившихся в Румынии. Текст печатается по машинописному варианту (не первый экземпляр) мемуаров, хранящемуся в АВПРИ. На полях страниц имеются карандашные или написанные чернилами добавления и уточнения автора, часто без указания места вставки.

МОЯ КОМАНДИРОВКА ИЗ КИЕВА В ЯССЫ В 1918 ГОДУ

«Я попал в Киев в сентябре 1918 года по пути за границу, ибо хотел, как многие россияне покинуть родину, чтобы уйти от гонений. Хотя я не предполагал поступать на службу гетманского правительства, но всё же имел в виду такую возможность. В данном случае повлияла на меня встреча с П.Н. Милюковым, гостившим у моей родственницы Л.А. Коростовец в имении её Переседы близ города Любеч Черниговской губернии. Это имение представляло

собой маленький форт. На него неоднократно нападали крестьяне, стремившиеся, главным образом, захватить винокурный завод. Соседние имения, напр[имер], имение графини Милорадович были уже разгромлены, а некоторые помещики убиты⁶⁴. «Отчего бы вам как украинцу не предложить своих услуг Киевскому правительству», — заметил П[авел] Н[иколаевич]⁶⁵. «Это, кажется, единственный оплот против большевиков, и вы могли бы помочь киевским правителям. Насколько мне известно, у них нет нужных людей, знакомых с дипломатической техникой и ваш опыт мог бы пригодиться. К тому же теперь идут переговоры между Киевом и Москвой»⁶⁶.

Я последовал совету и отправился с женой в Киев. Моя двоюродная сестра Лидия Александровна предупредила знакомых, вошедших в состав Киевского правит[ельст]ва, в том числе г. Лизогуба и г. Василенко о моём намерении и я вскоре получил официальное предложение приехать в Киев. Я воспользовался этим предложением и отправился на пароходе в Киев, где встретил дружественный приём со стороны гетмана и министра закордонных [с]прав Д.И. Дорошенко и его товарищем (так в тексте. — Публ.) А. Палтовым. «Мне приятно слышать, сказал мне П.П. Скоропадский, — что вы хотите примкнуть к нашему правительству, которое пытается установить порядок на юге России и помешать анархии. Я не сторонник сепаратизма, но в настоящее время не вижу возможности федерации с Москвой при тамошнем режиме и единственным выходом считаю выделение Украины. Мои противники, даже те, что спаслись сюда из Советской России, пускают слух, что я стремлюсь к диктатуре, и даже хочу основать гетманскую династию. Это, конечно, вздор, только

⁶⁴ Здесь и далее курсивом выделены авторские вставки, сделанные карандашом на полях документа.

⁶⁵ Между строками этого предложения сделана пометка: «Говорили о текущих событиях, о перевороте, о паден[ии] Временно[го] пр[авительст]ва».

⁶⁶ Вставка на полях к этому предложению: «Представитель Укр[аины] Шелухин».

обстоятельства побуждают меня встать во главе и пытаться остановить дальнейший развал, начав, если можно, с Украины. Но я, как вы видите, должен считаться с германской оккупацией и с принятыми Радой обязательствами».

П.П. Скоропадский говорил отрывочно, как бы жалуясь собеседнику на трудность своего положения. Но всё было именно так, как он говорил, и нельзя было не согласиться с верностью его суждений. Гетман спросил, почему я хочу занять заграничный пост, т.е. ехать в Америку и [сказал], что я был бы полезнее в Киеве. *Забыл сказать, что г. Палтов предложил мне при встрече место укр[аинского] посланника, и мы решили, что подходящим пунктом был бы Вашингтон.*

Не берусь судить, способен ли был П.П. Скоропадский сыграть роль провиденциального человека и вывести Россию и Украину вместе или отдельно из хаоса, т.е. оградиться плотиной от большевизма и московской диктатуры. Когда-то Джордж Вашингтон оружием и дипломатией отторгнул Американскую колонию от Англии и создал Соединённые Штаты. Но там почва не была загромождена историческими традициями, партийными спорами и политиканством разношёрстных враждебных элементов, а главное страна не принимала перед тем участия в войне и не была занята неприятелем. Встреченный мною в Киеве как раз в это время русский министр Кривошеин, эмигрант, как и мы грешные, утверждал, что Скоропадский должен был сыграть роль диктатора и пробить брешь в большевизме, оградив Украину. Он повторял то же самое, помнится, в Одессе, куда после падения гетманства бежали из всех частей России люди всяких званий и положений, одним словом — оглашенные и неоглашенные⁶⁷. Возможно, что Кривошеин был прав, я не сумел в то время вникнуть в киевскую обстановку, разобраться в борьбе партий и заметить трещины в гетманском режиме,

⁶⁷ Вставка на полях к этому предложению: «Шелухин вёл переговоры с Раковским».

при котором не было одной одушевляющей идеи, а, главное, дисциплины. Меня смутила лишь некоторая пестрота личного состава, особенно в министерстве закордонных справ. Там были и самостийные щирые украинцы, бывшие русские бюрократы, не признававшие никакой Украины, просто оппортунисты, как, напр[имер], Палтов, и авантюристы, желавшие покушать украинских галушек и укрыться от большевистского шквала. Были, конечно, люди идейные, как, напр[имер]: Дорошенко, Шемет-Главатный и др[угие], но они составляли исключения. Скоропадскому приходилось действовать с этими пёстрыми составами, лавируя между немцами, союзниками, великорос[сийской] оппозицией, украинцами-националистами, наконец социалистами и большевиками. Я как-то попал на обед, не помню, в честь кого, куда меня пригласил граф Толстой-Олсуфьев, и был ошеломлён разногласиями — один провозглашал здравницу за неделимую Россию, другой пил за федерацию, третий же за украинскую автономию. В общем, столпотворение вавилонское. Большинство обедавших были беглые сановники, единогласно бранившие гетмана, вообразившего себя каким-то самодержцем. То же впечатление пестроты и разногласия я вынес из разговоров с некоторыми украинцами и, в частности, при посещении министерства закордонных справ. Я там, между прочим, встретил бывшего губернатора г. Суковкина, который собирался ехать посланником в Константинополь и хлопотал о верительной грамоте, редакция коей вызывала затруднения. Деловую часть[ю] министерства заведовали, кроме Палтова, гг. ...⁶⁸

* * *⁶⁹

Между тем приближался последний фазис войны. В Киеве были, по-видимому, плохо осведомлены о положении западного фронта и держались прежней германо-австрийской ори-

⁶⁸ Пропуск в тексте мемуаров.

⁶⁹ К этой части текста сделано примечание автора: «Здесь при переписке пропустить 3 или 4 строки и проставить <сл. нрзб.> три звёздочки».

ентации, игнорируя державы Согласия (Антанта). От одного из служащих министерства г. Галина (он был галичанин родом и состоял офицером австрийской армии) я узнал, что киевское дипломатическое ведомство намерено заявить о своём нейтралитете и предупредить державы Согласия, что Украина, как нейтральная страна, не может быть объектом и местом военных действий. Кстати, г. Галин был весьма способный и образованный человек, прекрасно знавший украинские дела. Такое заявление показалось мне неуместным, о чём я сообщил товарищу министра Палтову — министр Дорошенко был в отсутствии. То же самое я заявил самому гетману, предложив обратиться к державам Согласия с предложением восстановить деловые сношения, нарушенные германской оккупацией. Кстати, я перед этим был назначен посланником Украины в Вашингтоне, о чём было опубликовано в Киевском официальном вестнике. Вместе со мной был назначен Антонович в качестве советника, а г. Гасенко и г. Шумяцкий — секретарями. В это время в Киеве находился наш бывший посол в Вашингтоне барон Р.Р. Розен. Он горячо убеждал меня остаться на гетманской службе, даже предложил своё содействие для организации министерства, ибо здесь все дилетанты, заметил он, и служба имеет довольно кустарный характер, нет знания, опыта и рутины. Он не одобрил моего намерения ехать за границу, говоря, что в Киеве я нужнее. Не знаю, говорил ли он обо мне, как обещал, с гетманом или Лизогубом.

Казалось бы, что после всего виденного следовало уезжать не теряя времени, испытав уже смену революционных событий в Петербурге и Финляндии, и особенно ввиду совета секретаря моего Гасенко. Он был в сношениях с оппозиционной националистической партией и знал, что готовится выступление Петлюры и его сторонника Винниченко и других. Последний пожелал меня видеть и в разговоре критиковал гетманский режим и [обосновывал] необходимость более национально-украинского направления. К сожалению, я не придавал значения его словам, хотя знал, что он приверженец Петлюры. Несмотря на виденное и слышанное,

я замешкался, чтобы принять участие в совещании, кажется, под председательством Палтова в министерстве закордонных справ — толковали об инструкции украинским агентам за границей. [Присутствовали] Могиланский, Шульгин, Дашкевич, Галин, не помню имена остальных членов. Причём говорили по-русски, а не по-украински и, как водится, обсуждали второстепенные вопросы, уклоняясь от более существенных и принципиальных.

При следующем свидании с П.П. Скоропадским он сказал, что слышал о сделанном мною предложении сговориться с державами Согласия и что считает *такой шаг желательным*, но не видит, как можно *его осуществить*. *Находившийся при этом* Палтов возразил, что Украина связана с германо-австрийским блоком и что всякая наша попытка к сближению с *Антантой* будет отклонена. К тому же, — прибавил он, — некому поручить подобные переговоры, разве за это дело воз[ь]мётся г. Коростовец. Его как бывшего русского посланника, может быть, примут *и, если захотят, выслушают*.

В заключение П.П. Скоропадский предложил мне съездить в Яссы, где тогда находилось румынское правительство (Букарест [так в тексте. — Публ.] был занят австро-германским[и] войсками) и дипломатический корпус. Я хотел взять с собой *в качестве секретаря* старшего сына, но Палтов по каким-то служебным соображениям командировал *со мной* князя А. Путятину. Это был *офицер-преображенец и светский человек*, но, конечно, мало опытный в дипломатических делах.

Перед отъездом из Киева я встретил на завтраке у гетмана германского и австрийского посланников (фамилии не помню). Они были предупреждены Скоропадским о моей командировке в Яссы и спросили, что именно я предполагаю заявить представителям Антанты, и не нарушит ли это принятых Украиной обязательств. Особенную тревогу проявил (граф? ...) ⁷⁰ германский посланник. Я ответил, что Украина

⁷⁰ Так в тексте мемуаров.

должна, прежде всего, думать о себе⁷¹ и о поддержании правопорядка и спокойствия, а затем уже о соседях и даже союзниках. Что я вовсе не намерен нарушать договора, но что нужно гарантировать будущее, а для этого желательно восстановить с Антантой нормальные отношения. Оба между прочим заявили, что давно не получали инструкций относительно Украины, а австриец прибавил, что не знает, что творится в Вене и не может сказать, насколько моя миссия желательна для австр[ийского] правит[ельств]ва.

Я выехал вместе с женою и князем Путятиним 1-го или 2-го ноября и, прибыв в Яссы, остановился в украинском консульстве, где уже жил генерал Дашкович-Горбацкий в качестве *украинского* посланника в Румынии.

Консулом состоял некто Чеботаренко, как потом оказалось, приверженец Петлюры, державший последнего в курсе всего происходившего⁷². Петлюра в это время, хотя находился под арестом, уже подготавливал выступление против гетмана. Письма мои попадали таким путём к Петлюре. Эта двойная бухгалтерия даёт некоторое понятие о тогдашних украинских представителях за границей и характеризует царивший в Киеве разлад. Впрочем, сообщения Горбацкого едва ли имели политическое значение. Генерал интересовался больше внешним эффектом — парадировал в *новой для него* роли посланника и, облекшись в мундир, разъезжал в автомобиле с украинским флагом.

* * *⁷³

Вскоре по приезде я посетил румынских министров (*не помню фамилии*), а также бывшего русского посланника Поклевского-Козел, продолжавшего жить в Румынии уже

⁷¹ К этому слову поверх текста добавлено: «своей судьбе».

⁷² К этому предложению на полях следует вставка: «и, как выяснилось потом, передававшего ему содержание телеграмм моих и генерала Горбацкого».

⁷³ К этой части текста сделано примечание автора: «Пропуск несколько строк».

без официального положения. Я просил Поклевского устроить мне свидание с английским, французским и американским посланниками, на что он охотно согласился. С такой же просьбой я обратился к французскому военно-морскому агенту маркизу де Беллоа, которого знал по Пекину и Петербургу, и к сербскому посланнику г. Анастасиевичу. Поклевский, между прочим, сообщил, что к его посредничеству уже обращалась русская делегация членов Государственного Совета и Думы с тем, чтобы просить державы Согласия не признавать гетмана и Украины, ибо как сторонники единой и неделимой России, [они] считают отпадение и даже автономию Украины изменой. Сам он, Поклевский, против притязаний Украины и не понимает, как я, завзятый империалист, стою за раздробление и распадение России. Я, помнится, долго с ним спорил, доказывая, что это единственный способ оградить южную Россию от большевизма.

Как бы то ни было, благодаря совместным рекомендациям Поклевского и маркиза де Беллоа, а также сербского посланника Анастасиевича, мне удалось повидаться с сером (так в тексте. — Публ.) г. Барклаем и г. Сэнт Олером (Sir G. Barclay и de St. Aulaire), с американским представителем Вотичка⁷⁴. Свидание состоялось 7 ноября в[о] французском консульстве. После вступительных фраз я заявил посланникам, что прислан гетманом и Советом министров для выяснения отношения держав Согласия к вопросу о признании Украины и к установлению с ней деловых сношений.

Вот приблизительно содержание нашего разговора. Сер (так в тексте. — Публ.) Д. Барклай и г. де Сент Олер начали с предупреждения, что я являюсь для них частным лицом, не могущим претендовать на официальную роль, но что они готовы по причинам практического характера, моего положения бывшего императорского посланника, меня выслушать. Они готовы передать содержание беседы в Париж и Лондон, но что это не значит ведения переговоров с Украиной или

⁷⁴ Далее в тексте его фамилия пишется как Вописка или Вописчка. Вероятно, это ошибки машинистки, перепечатававшей рукописный текст.

признания последней. Украину они считают частью России, которая в их глазах, несмотря на нарушение договора (Брест-Литовского), осталась союзником и которая (Украина. — Публ.), не будучи самостоятельным государством, не может претендовать на признание её нейтралитета, тем более что таковой уже нарушен Центральными державами.

Я заявил, что вовсе не позднее раскаяние побуждает украинское прав[ительст]во предпринять этот шаг, а соображения человеколюбия, т.е. желание предупредить военные действия на Украине и стремление установить хорошие отношения с соседними государствами. Объяснив сущность гетманского управления, я подчеркнул значение самостоятельной Украины, как единственной, сохранившей государственный порядок и организацию части бывшей России, вокруг которой могли бы сосредоточиться остальные здоровые элементы. Нынешним правительством гетмана сделано очень много для укрепления и развития начал государственности. Не сделано никакого отличия между национальностями. Так, например, в Киеве существует в настоящее время Министерство Жидивских Дил под управлением министра г. Красного. Им (правительством гетмана. — Публ.), кроме того, приняты меры к отражению большевизма, угрожающего не только со стороны Великороссии, но и изнутри.

Ведь в 1917 году Франция имела в Киеве своего представителя генерала Гавоше, который сносился с тогдашним украинским правительством, значит, считала его самостоятельным, а теперь хочет объединить его с Москвой, хотя это вовсе не в интересах держав Согласия. Ведь французы, англичане, бельгийцы непосредственно заинтересованы в благосостоянии именно Украины, а не России, у них там крупные торгово-промышленные предприятия — угольные копи, сахарные заводы и пр[очее]. Если державам безразлична гибель русских предприятий, помещиков и собственников, то им, хотя бы из чувства эгоизма, следовало бы поддержать на Украине правопорядок и сравнительную безопасность, установленные гетманом.

Я выразил надежду, что державы Согласия не только не будут уничтожать установленного строя, но окажут Украине материальную и военную помощь, ибо страна не имеет ещё достаточно военных сил, чтобы отстаивать свою независимость. Не возражая по существу, посланники заявили, что оставляют пока открытым вопрос о независимости Украины и её юридическом статусе, но разделяют моё мнение о желательности деловых отношений. Установление же таковых будет затруднительно при составе украинского правительства и его германской ориентации. Так, напр[имер], вы прибыли сюда якобы для переговоров с союзниками, а в это время ваш министр г. Дорошенко поехал в Берлин и сговаривается с нашими врагами. <Три сл. нрзб.> ...государства Согласия готовы оказать содействие к восстановлению порядка в России, и надеются, что Украина, как составная часть империи, воспользуется этой готовностью. Они прибавили, что лишены были возможности секретно сноситься с Лондоном и Парижем и посему не могут гарантировать, что там придерживаются прежнего взгляда на украинские дела и что настроение могло измениться в связи с последними событиями.

Я, между прочим, сказал, что гетман готов отказаться от власти, если это может помочь делу и облегчить положение [ро]дины. Мы не говорим об отказе гетмана, заметил St. Aulaire, но пусть составит другое правительство, удалит заведомых германофилов (при этом назвали нескольких лиц киевского прав[ительств]ва) и окружит себя лицами подходящими, напр[имер], почему вы не входите в состав правит[ельств]ва⁷⁵. Я ответил, что еду за границу, но что⁷⁶ взялся за настоящую щекотливую миссию,

⁷⁵ На полях имеется вставка без точного указания места её помещения. В ней говорится: «Пусть гетман уволит некоторых лиц и заменит их нашими сторонниками, безразлично какими, хотя бы социалистами и националистами, но не германскими креатурами, в роде гг. X и Z».

⁷⁶ В этом месте предложение разорвано перечёркнутой карандашной вставкой: «Я вынес довольно благоприятное впечатление из этой беседы, несмотря на холодность и сдержанность иностранных представителей».

ибо, хотя уроженец Украины, но служил России, как своей же родине, не различая этих двух братских народов, раздробленных восстанием, перешедшим в большевизм. Что касается распада, то оно провозглашено было в декларации о самоопределении народов, притом не в России, а в Америке и во Франции.

Говорил, впрочем, больше Сент Олер, а сэр Барклай только поддакивал и кивал головой.

Они обещали снести с[о] своими правительствами и передать им наше письменное заявление (вербальная нота), вручённое мною при частном письме маркизу де Беллоа.

Американский посланник Вопика (или Вопичка), с которым я виделся через несколько дней, заявил, что разделяет точку зрения коллег на важность установления фактических сношений с Украиной. Последняя, по его мнению, как и другие части бывшей России, имеет право на самоопределение, что не исключает идеи федерации. Вообще г. Вопичка в этом вопросе выражался либеральнее коллег, упомянув о желательности следовать принципам, изложенным в декларации президента Вильсона. Далее он упомянул о важности оздоровления финансов и поднятия курса денег.

* * *⁷⁷

Из дополнительных бесед с маркизом де Беллоа и с французским консульским агентом Хэнно я вынес впечатление, что представители Согласия готовы пойти с нами на компромисс. Кстати, г. Хэнно, по-видимому, считался знатоком Украины и с[о] своим чешским секретарём Черкалем вдохновлял и направлял англо-французскую дипломатию в Яссах, а затем в Одессе. Он утверждал, что Украина выдумана Германией и Австрией, чтобы получить оплот и поддержку против западного фронта. Что касается большевизма, то он говорил, что это русский бунт, который возник в варварской, дикой

⁷⁷ К этой части текста сделано примечание автора: «Пропуск нескольк[их] строк».

и побеждённой России. Он не опасен цивилизованным странам, кои Франция и Англия и не угрожает заразой и распространением в культурных государствах.

Слышанное от г. St. Aulaire⁷⁸ и г. Barclay можно было резюмировать так. Державы Согласия надеются, что гетманское прав[ительст]во ввиду *новой* обстановки изменит свою ориентацию, отказавшись от *влияния* Германии и усвоит политику, отвечающую видам Антанты. Подчинение Германии, по признанию самого украинского прав[ительст]ва, произошло по инициативе Рады, призвавшей немцев и заключившей с ними договор. Ныне прав[ительст]во гетман[а] может возвратить себе свободу действия и поступить согласно интересам страны. По поводу защиты Украины от большевиков в промежутках между уходом немцев и приходом союзников предприняты якобы объединённые действия, как на севере, так и на востоке со стороны Добровольческой армии. Прав[ительст]ва Антанты рассчитывает (так в тексте. — Публ.), что украинские войска объединятся с лояльными элементами остальной России, т.е. Добровольч[еской] армией, войсками Дона, Кубани, Сибири для отпора большевикам. *Были предприняты шаги гетманом, уже фактич[ески] входившим в сношения с вел[иким] кн[язем] Николай* (так в тексте. — Публ.) *Николаевичем и генералом Красновым. Миссия эта была возложена на предс[едателя] сов[ета] министров А. Лизогуба.* Прав[ительст]ва Антанты готовы придти на помощь Украине. Размеры и характер помощи могли бы быть выяснены военным командованием. *Эти обещания так и остались обещаниями, ибо действительно желания подавить русскую смуту никогда не было. Но смута распалась, приняв более угрожающий характер.* Антанта будет судить об искренности настроения Украины по тем переменам, к[о]т[орые] будут произведены в составе правит[ельст]ва, особенно в мин[истерст]ве иностр[анных] дел и военном. Нужно удалить германские креатуры и заменить их людьми, стоящими за другую ориен-

⁷⁸ К фамилии сверху приписка карандашом: «Сент Олэр».

тацию. Антанте совершенно безразлично, каким парт[и]ям принадлежат эти лица, хотя бы то были даже крайние националисты и[ли] социалисты. Антанта рассчитывает, что её агенты вернутся на Украину и что войска *Согласия* в случае вступления на украинскую территорию встретят дружественный приём. Идя навстречу последнему пожеланию, я предложил французскому консульскому агенту г. Хэнно ехать со мною в Киев, что будет первым шагом к налажению (так в тексте. — Публ.) нормальных отношений.

Хотя заявления посланников (исключая американца) были неопределённые, сопровождалось оговорками и ссылками на Лондон и Париж, но всё же можно было думать, что здравый смысл возьмёт верх и что наша идея отстоять Украину от большевизма имеет сторонников. По-видимому, в Европе вопрос этот, т.е. Россия и Украина, никого не занимал или же было решено объединить русский и украинский большевизм для воссоздания единой неделимой России. Я тогда этого не предугадывал, и когда получено было известие о перемирии на Западном фронте, поспешил к маркизу де Беллоа, чтобы узнать, что он думает о положении и что предпринять. Я вручил ему письмо, где предупреждал об опасности, угрожающей южной России в случае ухода германских войск (что было выговорено в перемирии) и просил о присылке союзных сил⁷⁹.

Де Беллоа ответил, что посланники вполне сознают серьёзность положения, *вызванного* перемирием и отозванием германских войск и *ввиду этого* обратились в Париж, указав на необходимость военного вмешательства, дабы предупредить опасность повстаннического (так в тексте. — Публ.) движения и вообще какие-либо беспорядки. Он сам телеграфировал в том же смысле своему министру. Вслед за тем получена была телеграмма из Киева, в которой гетман поручал мне передать посланникам Согласия о возникшем на Украине мятежном движении, руководимом Петлюрой,

⁷⁹ К этому предложению автором добавлено предложение без указания точного места вставки: «Дабы ускорить дело, я также просил о заключении соглашения между военными властями».

и просил о немедленной помощи и о присылке в Киев уполномоченного агента⁸⁰, который мог бы судить о положении и доложить о происходящем правительствам Антанты для принятия спешных мер.

За этой телеграммой последовала другая, ещё более алармистского характера, с сообщением грамоты гетмана, опубликованной 14 ноября, где намечалось образование нового кабинета и федерации с Россией. Это решение вызвало репрессалии со стороны националистов и социалистов, при содействии большевистских агентов, которые точили зубы на гетманство и вели безудержную пропаганду. Далее телеграмма гетмана гласила: «глава Национального Союза Винниченко провозгласил низложение гетманского правительства и, собрав мятежников и большевиков, напал на малочисленные отряды киевского гарнизона. Киеву угрожает новое междоусобие и кровопролитие. Немецкие войска относятся безучастно. При таких условиях только присылка союзных войск может спасти страну от большевизма. Даже приход небольшого отряда мог бы изменить положение в нашу пользу и помешать распространению мятежа. Я пытаюсь занять главные пункты между Киевом и Одессой, чтобы не быть отрезанным. Появление военных кораблей в Чёрном море или помощь румынских войск, стоящих близ границы, могли бы способствовать успокоению и произвести моральное впечатление». Телеграмма заканчивалась призывом к сочувствию и человеколюбию союзников.

Я, конечно, передал этот последний вопль о помощи де Беллоа, который, видимо, понимал положение, предвидя его последствия, т.е. угрозу большевизма для всех, даже суперкультурных и экстрацивилизованных стран, как Англия и Франция. Но на Западе заняты были ликвидацией войны и, по-видимому, решили ждать окончания русско-украинского пожара.

⁸⁰ К этому месту следует пояснение автора на полях без точного указания места вставки: «безразлично, какого агента, по их собственному выбору».

Я был бессилён, ибо тут нужны были не дипломатические ноты и расшаркивание, а орудия и пулемёты⁸¹. В это время пришла телеграмма гетмана, приказывавш[его] мне вернуться в Киев. Чеботаренко её почему-то не скрыл, верно узнав, что восстание уже разгорелось и стесняться нечего. Я наскоро собрался и выехал в Киев с женой и кн. Путятиним. В купе моём перед отъездом вдруг появился г. Антонович — он должен был, как упоминалось выше, ехать со мною в Америку в качестве советника, и я очень удивился, увидев его в Яссах. Антонович признался, что он петлюровец и прибыл в Яссы, чтобы убедить союзников признать нового гетмана Петлюру. Таким образом, и тут оказалась двойная бухгалтерия и шпионаж. Я мог только посмеяться над своей наивностью и поздравить Антоновича с его дипломатическим искусством. «Но, — прибавил я, — если свалите Скоропадского, то вместе с ним надолго затормозите образование Украины». Этот Антонович, по-видимому, был идейный человек и украинский патриот, но находил, что вероломство, даже со своими, одна из форм дипломатии.

* * *⁸²

Мы доехали до станции Тирасполь в обстановке подбавляющей старорежимному посланнику, т.е. в отдельном вагоне, хотя в довольно грязноватом и расхлябанном, но всё же в своём. Между тем, оказалась какая-то поломка, и пришлось перебраться в багажный [вагон] и сидеть на чемоданах (поезд был экстренный и без пассажирских вагонов) холодно и плохо. Главатный⁸³. В Тирасполе я встретил чиновника Министерства закордонных справ, ехавшего с пакетами в Яссы. От него узнал о перемене министерства, в состав которого я должен был войти министром иностр[анных] дел. За моим отсутствием был назначен управляющий банком

⁸¹ К началу этого предложения сделана пометка на полях: «С красной строки».

⁸² К этой части текста сделано примечание автора: «Пропуск несколько строк».

⁸³ Так в тексте. Возможно, Главатный — фамилия этого чиновника.

г. *Афанасьев*. Начальник станции Раздельной сообщил, что мосты на линии, ведущей в Киев, *испорчены*, и что банды нового гетмана расстреливают всех сторонников *Скоропадского*. Он говорил со *злорадной* усмешкой и, по-видимому, сочувствовал Петлюре как щирому националисту. Нужно было принять какое-нибудь решение⁸⁴. Продолжать путь в Киев было рискованно и, как оказалось потом, бесполезно. Я решил переменить маршрут и после непродолжительной остановки направился в Одессу, дабы выждать там события и узнать более точным образом о происходящем. В Одессе я нашёл приют в доме градоначальника Мустафина — моего бывшего сослуживца в Китае. Из разговора с представителем гетмана генералом Раухом я убедился в полной растерянности тамошних властей. Телеграф ещё действовал, и генерал Раух сообщил гетману о моём прибытии в Одессу. По поручению *Скоропадского* меня стали вызывать в Киев, убеждая тотчас же приехать для сообщения о результатах моей миссии, ибо, как оказалось, большая часть моих донесений не была получена. Генерал Раух, адмирал Покровский, Мустафин и др[угие] не советовали ехать, считая такую поездку бесполезной и указывая на риск быть захваченным петлюровцами. Одесса оказалась конечным пунктом моей дипломатической миссии в Яссы. И хотя мне пришлось вести переговоры с иностранными представителями, выступая в качестве посредника между русскими группами, украинцами, Добровольцами и командирами французского десанта (так в тексте. — *Публ.*), но лишь в качестве частного лица. Французский агент Хенно (так в тексте. — *Публ.*) занял там главное положение, действовавший (так в тексте. — *Публ.*), вероятно, по указаниям своего правительства. Впрочем, это не входит в мою задачу. Бомбардировка Одессы, бунт французского флота и наступление большевиков, закончившееся бегством русской буржуазии, слишком хорошо известны».

⁸⁴ * Начиная с этого предложения, текст написан карандашом.

Глава 7

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ДУЭЛЬ ЧИЧЕРИНА И ЛЛОЙД ДЖОРДЖА НА ГЕНУЭЗСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Сергеев Е.Ю.

Характеризуя международную экономическую конференцию 1922 года, местом проведения которой стал итальянский портовый город Генуя, необходимо сразу же указать, что деятельность советской делегации во главе с народным комиссаром по иностранным делам Г.В. Чичериным, его заместителем М.М. Литвиновым и торгпредом в Великобритании Л.Б. Красиным уже находила отражение в отечественной и зарубежной историографии. Однако всестороннее изучение дипломатического противостояния Москвы и Лондона с учетом информации из документов, ставших доступными специалистам в последние годы, по-прежнему выступает одной из важнейших задач историков международных отношений, несмотря на имеющуюся историографию¹.

¹ Укажем лишь наиболее содержательные работы, отразившие специфику дипломатического противостояния советской и британской делегаций: *Йоффе А.А.* Генуэзская конференция. М., 1922; *Майский И.М.* Внешняя политика РСФСР 1917–1922. М., 1922. С. 115–123; *Steed H.* Through Thirty Years, 1892–1922. London — New York, 1924. Vol. II. P. 380–384; *Gregory J.* On the Edge of Diplomacy. Rambles and Reflections, 1902–1928. London, 1928. P. 194–215; *Fischer L.* The Soviets in World Politics. A History of the Relations between the Soviet Union and the Rest of the World. 1917–1929. Princeton, N. J., 1951. Vol. 2. P. 318–354; *Рубинштейн Н.Л.* Внешняя политика советского государства. М., 1953. С. 199–347; *Owen F.* Tempestuous Journey. Lloyd George, His Life and Times. London, 1954. P. 615–620; *Ивашин И.Ф.* Очерки истории внешней политики СССР. М., 1958. С. 92–117; *Выгодский С.Ю.* У истоков советской дипломатии. М., 1965. С. 189–260; *Roskill S.* Hankey, Man of Secrets. London, 1972. Vol. 2. P. 266–276; *Чубарьян А.О.* В.И. Ленин и формирование советской внешней политики. М., 1972. С. 217–229, 239–243, 251–282; *Волков Ф.Д.* Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М., 1980. С. 169–209; *Williams A.* Trading with the Bolsheviks: The Politics of East — West Trade, 1920–1939. Manchester, 1992. P. 64–71; *Orde A.* British Policy and European Reconstruction after the First World War. Cambridge, 2002. P. 183–207; *Шушкин В.А.* Становление внешней политики послереволюционной России (1917–1930 годы) и капиталистический мир. СПб., 2002. С. 135–151;

Столетняя годовщина Генуэзского форума, организаторы которого впервые после фактического разрыва отношений между Западом и большевистской Россией пригласили для участия в нем официальных представителей советского правительства, также определяет цель реконструировать взаимодействие советских и британских дипломатов с позиции современного понимания процесса становления Версальско-Вашингтонской системы. Актуальность обращения к указанному сюжету не подлежит сомнению еще и в связи с заметным осложнением международных отношений, свидетелями которого мы являемся в настоящее время.

Для начала следует напомнить читателю, что в Генуэзском форуме участвовали 34 государства, представители которых помимо пленарных сессий во дворце Сан-Джорджио под председательством итальянского премьера Л. Факта заседали в четырех комитетах: политическом, финансовом, торговом и транспортном.

С точки зрения состава участников, главными фигурами конференции, безусловно, выступали Ллойд Джордж и Чичерин, поскольку, как справедливо заметил один из советских делегатов, международная встреча фактически «являлась конференцией по «русскому вопросу»². Подчеркнем, что, несмотря на различия в их положении — один премьер-министр, а другой — глава внешнеполитического ведомства, между ними имелось и нечто общее, а именно, необходимость действовать в узких рамках той политической линии,

Salzman S. Great Britain, Germany and the Soviet Union. Rapallo and After, 1922–1934. Woodbridge, Suffolk, 2003. P. 7–32; *Макаренко П.В.* Двойные стандарты советской дипломатии на Генуэзской конференции. — В сб.: Проблемы социально-политического развития российского общества. Воронеж, 2003. С. 48–56; *Катасонов В.Ю.* Генуэзская конференция в контексте мировой и российской истории. М., 2015; *Carley M.* Silent Conflict: A Hidden History of Early Soviet-Western Relations. Lanham, MD., 2014. P. 55–65; *Быстрова Н.Е.* Советская Россия на конференциях в Генуе и Гааге 1922 г.: взгляд из Кремля. М.–СПб., 2020. С. 107–210; *Хормач И.А.* Советское государство на международных форумах 1920–1930-х гг. М.–СПб., 2020. С. 69–104.

² *Преображенский Е.А.* Итоги Генуэзской конференции и хозяйственные перспективы Европы. М., 1922. С. 6.

Д. Ллойд Джордж, Л. Факта и Л. Барту на Генуэзской конференции, 1922 г.

которую преобладающая часть властных элит обеих стран считало наиболее адекватной сложившейся международной ситуации. Так, «руки» Ллойд Джорджа связывали многочисленные влиятельные противники каких-либо контактов с Советами, а за «спиной» Чичерина стояли те члены кремлевской верхушки, которые были настроены на продолжение конфронтации с Западом, да и Ленин, как свидетельствуют официальная переписка и воспоминания современников, отнюдь не был заинтересован в успехе конференции. Хорошо известно, что в одном из писем Чичерину глава СНК прямо заявил: «Нам выгодно, чтобы Геную сорвали..., но не мы, конечно». И далее: «Заем [у западных стран. — Е.С.] мы получим лучше без Генуи, если Геную сорвем не мы»³.

Таким образом, судя по программным выступлениям британского премьера и советского наркома в первый же день работы форума 10 апреля 1922 г., можно было ожидать его неминуемого провала. Ведь цели Великобритании и Советской

³ Цит. по: *Латышев А.Г.* Рассекреченный Ленин. М., 1996. С. 184–185.

России не совпадали, а попытки участников встречи сблизить позиции наталкивались на сопротивление скептиков «мирного сосуществования», либо антагонистов встраивания большевистского государства в Версальско-Вашингтонский миропорядок. Отвечая на демагогические призывы Чичерина к Антанте сократить вооружения и перераспределить национальные золотые запасы между странами в форме долгосрочных ссуд, Ллойд Джордж вслед за упоминанием о якобы двух попытках усадить Россию за стол переговоров весной 1919 г. и летом 1920 г. заявил: «Ходят упорные слухи о создании крупных армий, о громадных полчищах свирепых революционеров, готовых обрушиться на Европу и низвести страны до того же состояния голода, разрухи и эпидемий, как и в России»⁴. «Поставив ребром» вопрос о признании советским правительством внешних финансовых обязательств, британский премьер назвал его главным условием разрешения «русского вопроса» и возвращения РСФСР в лоно цивилизованных межгосударственных отношений⁵.

Во время частной беседы с Чичериным 14 апреля, организованной главой Сент-Джеймского Кабинета на вилле Альбертис под Генуей — временной резиденции британской делегации, Ллойд Джордж попытался убедить собеседника в том, что Антанта предлагает России лишь руководствоваться принципами — одинаковыми для всех государств, которые одновременно выступали как кредиторами, так и дебиторами во взаимных расчетах. При этом он сослался на прецеденты из истории англо-французских отношений XVIII–XIX вв., когда Лондон и Париж после вооруженных конфликтов обычно соглашались на удовлетворение взаимных матери-

⁴ Цит. по: Штейн Б.Е. Генуэзская конференция. М., 1922. С. 41.

⁵ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 418. Оп. 2. П. 9. Д. 37. Л. 6–12. Речь Чичерина на открытии Генуэзской конференции, 10 апреля 1922 г. (на франц. яз.); Генуэзская конференция 1922 г. Материалы и документы / сост. Г.Б. Сандомирский. М., 1922. С. 78–82, 82–84. О начале конференции также см.: White S. The Origins of Détente: The Genoa Conference and Soviet — Western Relations, 1921–1922. Cambridge, 1985. P. 121–146.

альных претензий за понесенный ущерб. Кроме того, Ллойд Джордж указал, что требовать от членов Антанты компенсации за интервенцию в объеме более 39 млрд зол. руб. все равно, что побуждать их выплачивать контрибуцию как проигравших войну держав бывшего Четверного союза, хотя общая сумма русских долгов могла быть уменьшена с учетом этих претензий. Фактически британское правительство предлагало Москве компромисс: списать все военные займы России, сократив проценты по ее довоенным долгам, связанным с частной собственностью физических лиц, которым советские власти должны были либо возратить прежнее имущество, либо возместить понесенные убытки⁶.

15 апреля Чичерин сообщил в Москву, что главным требованием британской стороны являлось признание обязательств по восстановлению прав собственности подданных Соединенного Королевства, пострадавших от национализации, через передачу бывшим владельцам ранее принадлежавших предприятий в долгосрочную аренду, либо выплату им эквивалентной компенсации⁷. В этой связи нарком предлагал советскому руководству, сохранив монополию внешней торговли, частично признать довоенные долги царского правительства нерезидентам — держателям российских ценных бумаг. С этой целью Чичерин признавал возможным согласовать со странами Антанты схему погашения бумаг после пятилетнего моратория (позднее он был увеличен Чичериным до 30 лет), осуществить перевод бывшей иностранной собственности в концессии, но лишь в случае предоставления РСФСР Великобританией крупного торгового кредита⁸. Тогда

⁶ АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 1. П. 3. Д. 41. Л. 2–17, 47–85. Запись частной беседы Ллойд Джорджа с русской делегацией на вилле Альбертис, 14 апреля 1922 г. Также см.: Йоффе А.А. Генуэзская конференция. С. 48; Coates W., Coates Z. A History of Anglo-Soviet Relations. London, 1943. Vol. 1. P. 87; Roskill S. Hankey. Vol. 2. P. 271.

⁷ Документы внешней политики СССР (ДВП СССР) / ред. А.А. Громько. М., 1961. Т. 5. С. 217–220. Чичерин — в НКВД, 15 апреля 1922 г.

⁸ АВП РФ. Ф. 418. Оп. 2. П. 9. Д. 38. Л. 1–4. Декларация делегации РСФСР о международных торговых связях, 17 апреля 1922 г.; Генуэзская конференция. С. 127–141.

из общей суммы российского иностранного долга в 18,5 млрд зол. руб. (включая более 6 млрд. финансовых требований со стороны Великобритании) погашению с процентами подлежало бы не более 6 млрд зол. руб., из которых примерно половина приходилась на Соединенное Королевство.

Но и эта сумма показалась Москве слишком обременительной, поскольку означала бы выделение до 80% бюджета РСФСР на ежегодные выплаты по финансовым обязательствам⁹. Поэтому инициатива Чичерина не встретила поддержки председателя Совета Народных Комиссаров (СНК) В.И. Ленина, который телеграфировал главе делегации о принципиальной нецелесообразности таких уступок Лондону. Глава советского правительства даже назвал предложения наркома «сумасшествием», пригрозив поместить его в санаторий, отправить в отставку членов делегации и публично дезавуировать любое соглашение с Западом, подписанное без санкции Политбюро ЦК ВКП(б)¹⁰. Аналогичным образом не нашло понимания у кремлевского руководства и предложение Красина признать довоенные долги России в сумме 8 млрд зол. руб., добавив к ним еще 3–4 млрд зол. руб. компенсации за национализацию иностранного имущества. Взяв курс на срыв форума, Ленин 30 апреля 1922 г. телеграфировал Чичерину: «Новая конференция месяца через три для нас самая выгодная вещь. Не берите на себя при

⁹ АВР РФ. Ф. 418. Оп. 2. П. 9. Д. 39. Л. 1–10; ДВП СССР. Т. 5. С. 241–243. Меморандум делегации РСФСР на Генуэзской конференции, 20 апреля 1922 г.; АВР РФ. Ф. 418. Оп. 2. П. 9. Д. 41. Л. 4. Чичерин — Ллойд Джорджу, 20 апреля 1922 г.; там же. Д. 43. Л. 1. Чичерин — Ллойд Джорджу, 22 апреля 1922 г.; *Woodman E.L., Butler R., et al.* (eds) *Documents on British Foreign Policy (DBFP)*. First ser. Vol. XIX. P. 518–522. Также см.: Генуэзская конференция. С. 168–169; *Йоффе А.А.* Генуэзская конференция. С. 50. По подсчетам Дж. Кейнса, а вслед за ним и других специалистов, 43% российского внешнего долга приходилось на Францию, 33% — Великобританию, по 6% — на Германию и Бельгию и 3,4% — США (остаток распределялся между другими странами), см.: *Keynes J.* *The Economic Consequence of the Peace*. London, 1919. P. 253; *White S.* *The Origins of Détente*. P. 27.

¹⁰ ДВП СССР. Т. 5. С. 261. Ленин — Сталину (для передачи Чичерину), 21 апреля 1922 г.; *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений (ПСС). 5-е изд. М., 1970. Т. 45. С. 172. Проект телеграммы Чичерину, 2 мая 1922 г. См. подр.: *Макаренко П.В.* Двойные стандарты советской дипломатии. С. 51.

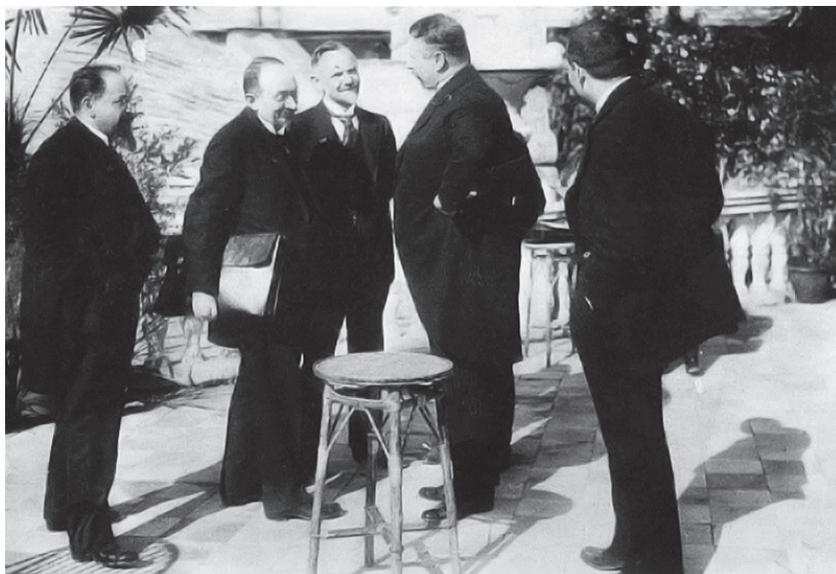
закрытии Генуэзской конференции ни в коем случае ни тени финансовых обязательств, никакого даже полупризнания долгов и не бойтесь вообще разрыва. Особое мнение т. Красина показывает, что его линия абсолютно неверна и недопустима. Независимо от хода и исхода финансовых переговоров еще раз резко выдвиньте вопрос о взаимном обязательстве для сохранения мира и поддержите его хотя бы в той неудовлетворительной форме, которую дает Ллойд Джордж»¹¹. Аргументация наркома о желательности все же договориться с британским премьером, позиции которого в течение трех месяцев могут серьезно пошатнуться в результате провала переговоров в Генуе, также не имела успеха.

Хорошо известно, что молниеносное, хотя и подготовленное визитом Чичерина в Берлин накануне конференции, заключение советско-германского договора в Рапалло 16 апреля 1922 г. произвело на всех участников конференции, и прежде всего британцев, впечатление «разорвавшейся бомбы». Явившись личным триумфом главы НКВД, которого и до, и после Генуи считали германофилом, подписание сепаратного Рапальского соглашения свидетельствовало о провале дипломатии Ллойд Джорджа¹². Важнейший пункт этого документа фиксировал взаимный отказ РСФСР и Германии соответственно от получения репараций в сумме более 16 млрд зол. руб. и компенсации стоимости собственности, потерянной немцами в России. Указанная договоренность могла стать опасным прецедентом для государств Антанты, категорически возражавших против «нулевого варианта» решения проблемы российских долгов¹³. Неслучайно в телеграмме Чичерину глава СНК указал, что «русско-германский договор

¹¹ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 45. С. 171. Ленин — Чичерину, 30 апреля 1922 г.

¹² The National Archives of the United Kingdom (TNA). Parliamentary Archives (PA). Lloyd George Papers (LG). F 150/1. Minutes of the British delegation, 16 April 1922. О советско-германских консультациях перед Генуей, которые проводили Чичерин и Радек, подр. см.: *Fink C.* *The Genoa Conference: European Diplomacy, 1921–1922*. Chapel Hill — London, 1993. P. 126–133.

¹³ *Штейн Б.Е.* Генуэзская конференция. С. 17.

Подписание договора в Рапалло, 1922 г.

должен служить как единственная модель международного соглашения, приемлемого советским правительством»¹⁴.

Тем удивительнее выглядело мнение некоторых советских участников конференции о том, что подписание Рапальского трактата было чуть ли не инспирировано Ллойд Джорджем для эвентуального создания противовеса Франции, а в случае разрыва с ней — образования новой политической комбинации в составе Великобритании, Италии, Германии и России¹⁵. На самом деле, как свидетельствовало, к примеру, письмо генерала Й. Гамильтона — бывшего командующего объединенными войсками союзников на полуострове Галлиполи, который в рассматриваемый период являлся одним из

¹⁴ Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 185. Ленин — Чичерину, 9 мая 1922 г.

¹⁵ Штейн Б.Е. Генуэзская конференция. С. 53–56. Оценку Рапальского соглашения в работах современных зарубежных историков можно найти в монографии: White S. The Origins of Détente. P. 147–168.

руководителей влиятельной организации ветеранов мировой войны под названием Британский легион, высшие военные круги Великобритании располагали информацией о секретном оборонительном соглашении, которое будто бы подписали Советская Россия и Германия. Как с тревогой 5 апреля 1922 г. сообщал Черчиллю отставной генерал Гамильтон, по этому соглашению Москва и Берлин обязывались прийти друг другу на помощь в случае нападения Польши на одного из двух подписантов. Согласно его оценке, большевики были способны легко спровоцировать такое нападение, что делало Германию ключевой страной в противодействии победному маршу большевизма по Европе¹⁶.

Беседа представителей Антанты в резиденции итальянского премьера на вилле Раджи 18 апреля сосредоточилась на формулировании политики в отношении РСФСР после «нового Бреста». Как заявил Ллойд Джордж, «действительная опасность состояла в объединении интересов Германии и России, а не Германии и большевиков». «Большевизм — прошедшая фаза, — продолжал глава Сент-Джеймского Кабинета, — поэтому рано или поздно, возможно, через пару или более лет в России будет другое, более стабильное правительство...» Главной же угрозой для Версальского порядка, в понимании британского премьера, становилось «военное сотрудничество Москвы и Берлина»¹⁷. На следующий день коллективной нотой страны Антанты декларировали право признания недействительными любых положений Рапальского договора¹⁸. Как 29 апреля 1922 г. отозвался о нем министр иностранных дел Соединенного Королевства лорд Дж. Кёрзон, «похоже, мы имеем рецидив возвращения всех великих континентальных держав в очень мутную ситуацию

¹⁶ TNA. Cambridge University (CU). Churchill Archives Center (CAC). Churchill Papers (CHAR). 2/122. Ff. 8–9. Hamilton to Churchill, 5 April 1922.

¹⁷ TNA. PA. LG F/145/Pt. 1. Ff. 87–89; DBFP. First ser. Vol. XIX. P. 446–458, esp. 447. Meeting of the Entente representatives at the Villa Raggi, 18 April 1922.

¹⁸ TNA. PA. LG F/145/Pt. 2. Ff. 142–144.

предвоенных интриг и предательства»¹⁹. Об отчаянных попытках британского премьера исправить положение свидетельствовало личное письмо Ллойд Джорджа в адрес близкого друга и помощника мисс Ф. Стивенсон: «Я тружусь так, как никогда в жизни не работал, чтобы спасти конференцию. С максимально возможной отдачей, на которую только способна натура обычного человека»²⁰.

В этой связи уместно подчеркнуть, что ради «спасения лица» и принятия хоть какого-то итогового документа Ллойд Джордж даже готов был позитивно откликнуться на инициативу советской делегации о подписании общеевропейского пакта о ненападении, правда с учетом позиции Италии, которая предлагала одобрить этот международный акт на Генеральной ассамблее Лиги Наций с распространением действия его статей на Советскую Россию и Германию²¹. На наш взгляд, именно проект этого пакта, предусматривавший санкции, хотя и невоенные, против государства-агрессора стал предтечей Женевского протокола 1924 г., поскольку параграф VI утвержденной делегациями 19 мая 1922 г. международной конвенции о ненападении предусматривал обязательство государств-подписантов воздерживаться от агрессивных актов и враждебной пропаганды в отношении друг друга²².

Заключительной попыткой добиться успеха форума явились меморандумы, согласованные главами Антанты и представленные ими советской делегации после совещания

¹⁹ Цит. по: *Salzman S.* Great Britain, Germany, and the Soviet Union: Rapallo and After, 1922–1934. New York, 2003. P. 19. На «глупость», проявленную немцами в отношении договора с большевиками, сетовал и Ллойд Джордж, см.: *Lloyd George (Stevenson) F.* The Years that Are Past. London, 1967. P. 200. Lloyd George to Stevenson, 19 April 1922.

²⁰ *Taylor A.J.P. (ed.)* My Darling Pussy. The Letters of Lloyd George and Frances Stevenson, 1913–41. London, 1975. P. 44. Lloyd George to Stevenson, 19 April 1922.

²¹ АВП РФ. Ф. 418. Оп. 2. П. 9. Д. 44. Л. 3. Проект Пакта о ненападении, 26 апреля 1922 г. Подр. см.: *Fink C.* The Genoa Conference. P. 191–197.

²² Гагская конференция 1922 г. Полный стенографический отчет (материалы и документы) / ред. Г. Н. Лашкевич. М., 1922. С. 209. Прил. 2.

в генуэзском отеле «Мирамаре» 29 апреля и 3 мая 1922 г. Подчеркнем, что эти документы отразили некоторые вполне рациональные предложения члена британской делегации, известного экономиста Дж. Кейнса касательно предоставления моратория на выплату долгов, эмиссии облигаций для их погашения и предоставления Советской России торгового кредита в сумме 50 млн ф. ст.²³ Другими словами, меморандумы определили ту «красную черту», перейти которую Лондон уже не мог. Характерным представлялась фраза Ллойд Джорджа из очередного послания на имя Стивенсон от 30 апреля: «Французов я смог бы убедить, если бы был уверен в русских. Но я далек от этой уверенности, поскольку они восточные фанатики»²⁴.

Первый из меморандумов содержал важное положение, согласно которому в случае согласия Москвы на реструктуризацию довоенной задолженности через выпуск 5% золотого облигационного займа Советской России могла быть оказана экономическая помощь путем создания международного консорциума ведущих держав с начальным капиталом в 15 млн ф. ст.²⁵ А во втором указывалось на возможность пересмотра суммы долга в сторону дальнейшего дисконтирования наряду с увеличением объема кредитных заимствований до 25 млн ф. ст.²⁶ Показательно, что на организованной

²³ *Manchester Guardian*, 19 April 1922. Подр. см.: *Любимов Н.Н., Эрлих Н.А.* Генуэзская конференция (воспоминания участников). М., 1963. С. 145; *White S.* The Origins of Détente. P. 208–209; *Катасонов В.А.* Генуэзская конференция. С. 112–113.

²⁴ *Lloyd George (Stevenson) F.* The Years That Are Past. P. 200. Lloyd George to Stevenson, 30 April 1922.

²⁵ TNA. PA. LG F/150/4/3. Ff. 365–368. Meeting of the Entente Delegations at the Hotel “Miramare”, 29 April 1922; DBFP. First ser. Vol. XIX. P. 612–618, 618–624. Drafts of the British and French memoranda to the Russian delegation, 27–28 April 1922; АВП РФ. Ф. 418. Оп. 2. П. 9. Д. 46. Л. 1–2, 3–7, 25–31. Британский, французский проекты меморандумов, 27–28 апреля 1922 г.; там же. Л. 25–31. Общий меморандум держав Антанты к делегации РСФСР, 29 апреля 1922 г.

²⁶ TNA. PA. LG F/145/Pt. 4. Ff. 380–395. Memorandum to the Russian delegation, 3 May 1922; АВП РФ. Ф. 418. Оп. 2. П. 9. Д. 47. Л. 1–7, 8–26, 27–41. Меморандум Антанты, 2 мая 1922 г. (дата составления) (тексты на русск., франц. и англ. яз.); ДВП СССР. Т. 5. С. 373–378. Также см.: Генуэзская конференция. С. 216–224; *Йоффе А.А.* Генуэзская конференция. С. 51; *Fink C.* The Genoa Conference. P. 209–213.

3 мая пресс-конференции Ллойд Джордж заявил, что, «если и теперь Россия откажется от соглашения, Англия больше не даст себя третировать. Никогда деловой англичанин не станет вести дела в России после этого»²⁷.

Тем не менее в ответной ноте Чичерина обосновывалась необходимость получения Советской Россией займа совокупным объемом почти 8,8 млрд зол. руб. под финансовые гарантии в форме специального налога, продажи платины и предоставления концессий²⁸. Ужесточение позиции советской делегации нашло подтверждение в речи наркома 3 мая на пленарном заседании конференции. Согласившись на словах с идеей международного консорциума, он категорически исключил малейшую возможность отказа Москвы от государственной монополии внешней торговли и валютных операций²⁹. Симптоматично, что на следующий день премьер в письме мисс Стивенсон заметил: «Слишком рано предсказывать, что сделают русские. Они не понимают сами себя. Они очень разделены и сбиты с толку»³⁰.

Пожалуй, окончательно убедиться в неспособности большевистского руководства заключить компромисс с Антантой Ллойд Джордж смог на неформальной встрече с Красиным 5 мая 1922 г. В ответ на призыв собеседника о предоставлении кредита в форме государственного займа с ежегодными траншами в 120 млн ф. ст. британский премьер назвал ситуацию безнадежной. Судя по записи этой встречи, на которой присутствовал военный министр Л. Уортингтон-Эванс, глава Кабинета с горечью заявил, что «он сражался за Россию в течение двух или трех лет, но отчаялся достичь какого-либо урегулиро-

²⁷ Цит. по: *Выгодский С.Ю.* У истоков советской дипломатии. С. 235. О сумме и структуре внешнего долга России подр. см.: *Катасонов В.А.* Генуэзская конференция. С. 65–78.

²⁸ TNA. PA. LG F/145/Pt. 4. Ff. 415–424. Memorandum by Rakowski to the President of the Financial commission, 3 May 1922; Генуэзская конференция. С. 368–375.

²⁹ АВП РФ. Ф. 418. Оп. 2. П. 9. Д. 48. Л. 1–3. Речь Чичерина в Генуе, 3 мая 1922 г.

³⁰ *Taylor A.J.P. (ed.) My Darling Pussy.* P. 49. Lloyd George to Stevenson, 4 May 1922.

вания». «Если советское правительство пришло к выводу, что оно не может согласиться на условия меморандума [от 3 мая 1922 г. — *Е.С.*], — продолжал Ллойд Джордж, — надежды больше нет. Англия должна возвратиться к старой политике [блестящей. — *Е.С.*] изоляции. Она должна развернуться прочь от Европы и сконцентрироваться на развитии восточной и колониальной торговли». А в заключении глава Уайтхолла не преминул еще раз подчеркнуть: «Все наши усилия были направлены на продвижение других стран вперед, и мы действительно сформулировали схему, которая позволила бы русским реконструировать их страну, обеспечить мир и в то же время сохранить надежду на реальное решение европейских проблем»³¹.

Последовавшие ноты советской делегации от 6 и 11 мая свидетельствовали лишь о дальнейшем ужесточении позиции Москвы, поскольку делали акцент на нежелании Антанты признать ущерб, который интервенты причинили народному хозяйству России, и содержали отказ компенсировать потерю имущества иностранными гражданами в ходе Гражданской войны, названной составителями второго из этих документов обстоятельством непреодолимой силы (форсмажор) наподобие событий Великой французской революции³². Испытывая колоссальное разочарование, британский премьер в одном из личных писем назвал русских делегатов «доктринерами», французских — «эгоистами», германских — «импотентами», итальянских — «способных договориться, но слабыми», представителей «малых стран» — трусливыми, а газету «Таймс» — «дьявольской». «Я веду самое трудное сражение в жизни», — заключил Ллойд Джордж³³. Однако

³¹ DBFP. First ser. Vol. XIX. P. 751–755. Minute of the informal meeting of Lloyd George and Krassin, 5 May 1922.

³² АВП РФ. Ф. 418. Оп. 2. П. 9. Д. 49. Л. 1–7. Меморандум делегации РСФСР, 6 мая 1922 г.; там же. Д. 50. Л. 5–8. Меморандум делегации РСФСР, 11 мая 1922 г.; Генуэзская конференция. С. 230–241; DBFP. First ser. Vol. XIX. P. 846; ДВП СССР. Т. 5. С. 360. Литвинов — в НКВД, 8 мая 1922 г. Об аналогиях с декретами революционного Конвента во Франции см.: *Катасонов В.А.* Генуэзская конференция. С. 113–115.

³³ *Taylor A.J.P. (ed.) My Darling Pussy.* P. 50–51. Lloyd George to Stevenson, 9 May 1922.

12 мая на встрече с делегатами союзных стран он вынужден был признать фиаско британской дипломатии: «Ясно, что российская делегация не осмелилась возвратиться в Москву, приняв условия [Антанты. — *Е.С.*], какими бы ни были личные взгляды ее членов»³⁴. Аналогичным образом он выразил свое сожаление Чичерину и его коллегам, прибывшим на виллу Альбертис для заключительной беседы с британским премьером 13 мая. По его мнению, они просто «не выдержали давления экстремистских сил»³⁵.

Финальное пленарное заседание Генуэзской конференции 17 мая 1922 г., сопровождалось выступлениями Чичерина, признавшего значимость форума для налаживания диалога между «первым в мире социалистическим государством и капиталистическим миром», а также ответной речью Ллойд Джорджа, который, выразив надежду на продолжение обсуждения «русского вопроса» в рамках следующей международной встречи, все же сделал пессимистический вывод о принципиальной несовместимости двух систем³⁶.

Примечательно, что либеральная оппозиция устами бывшего премьера Г. Асквита назвала результаты конференции «ничтожными»³⁷, а газета «Таймс» указала на то, что она завершилась «без конкретных результатов и впечатляющих достижений»³⁸. Как много лет спустя образно выразился один известный британский историк, «на этот раз Ллойд Джордж

³⁴ DBFP. First ser. Vol. XIX. P. 859. Meeting of the Entente delegations, 12 May 1922.

³⁵ Ibid. P. 868–870. Meeting of the British and Soviet delegations, 13 May 1922.

³⁶ TNA. PA. LG F/145/Pt. 1. Ff. 582–593, 593–597. Proceedings of the Genoa conference, 17 May 1922; DBFP. First ser. Vol. XIX. P. 953–969. Отметим, что встреченный на лондонском вокзале Виктория после возвращения из Генуи толпой народа, глава Кабинета с парламентской трибуны «сделал хорошую мину при плохой игре», заявив 25 мая 1922 г., что лучше иметь дело с большевиками, чем осуществлять интервенцию или блокаду России, см.: Hansard Parliamentary Debates (PD). Fifth ser. Vol. CLIV. Cols 1449–1468. Также см.: *Owen F. Tempestuous Journey*. P. 620–621; *Taylor A.J.P. (ed.) My Darling Pussy*. P. 54; *White S. The Origins of Détente*. P. 192–194. *Современный взгляд на финальную стадию Генуэзской конференции можно найти в работе: Fink C. The Genoa Conference*. P. 169–191.

³⁷ PD. Fifth ser. Vol. CLIV. Cols 1469–1471.

³⁸ *The Times*, 20 May 1922.

оказался волшебником, который позабыл секретное слово. Он потерял свою лампу, а джин из нее так и не появился»³⁹. В свою очередь «золотое большевистское перо» К. Радек отметил, что, «убедившись в невозможности уничтожить Советскую Россию, он [Ллойд Джордж. — *Е.С.*] решил принудить ее заплатить за свою жизнь отказом от социализма. Он хотел превратить ее в страну, природные богатства которой должны были влить новую кровь в обескровленные артерии капиталистического мира. Он пытался связать Францию при помощи сделок с США, Германией и Россией»⁴⁰.

Не только современники, но и специалисты по-разному оценивали итоги общеевропейского экономического форума в итальянском портовом городе. К примеру, известный советский дипломат А.А. Йоффе определил значение Генуи как «глубокую разведку в тылу у неприятеля» и «победу английского либерализма над французским черносотенством»⁴¹. Лидеры антибольшевистской эмиграции выражали искреннее сожаление началом фактического диалога европейских государств с советским режимом. Как писал В.А. Маклаков, «Генуя действительно оказалась поворотным пунктом в развитии европейских отношений, пусть она не удалась, но тем характернее, что, несмотря на неудачу, начинается новая полоса. Новизна, во-первых, в том, что Европа признала Советскую Россию и будет считаться только с нею; не смущайтесь тем, что большевики вернулись в Россию непризнанные деятели и не получив денег. Это преходящая неудача или, вернее, заслуженное предостережение: они взялись за дело не так, как следует. Но психологический Рубикон, который отделял Европу от большевизма, перейден»⁴².

³⁹ *Taylor A.J.P. (ed.) My Darling Pussy*. P. 43.

⁴⁰ Радек К. Девять месяцев английского рабочего правительства. Л., 1925. С. 12.

⁴¹ Йоффе А.А. Генуэзская конференция. С. 61, 126.

⁴² Цит. по: Кононова М.М. Структура, статус и механизм функционирования российских дипломатических заграничных учреждений в эмиграции (1917–1925 гг.). — В кн.: Русская эмиграция в Европе в 1920–1930-е гг. / ред. С.А. Беляев. М., 2005. С. 67. Маклаков — Бахметеву, 24 мая 1922 г.

Советские историки, по справедливому замечанию одного из современных авторов, превратили фиаско конференции в победу⁴³, поскольку, как правило, акцентировали внимание на «триумфе ленинской дипломатии мирного сосуществования» и на проявленной Чичериным «со товарищи» дипломатической гибкости, благодаря которой сумели-де предотвратить «глобальную экономическую интервенцию» против РСФСР, которую якобы замыслил Ллойд Джордж⁴⁴. При этом отдельные исследователи даже возлагали вину за срыв конференции на США, якобы тайно поддерживавших делегации Франции и Бельгии, которые выступали главными антагонистами политики «мирного сосуществования»⁴⁵. Хотя в работах отечественных исследователей последних лет преобладает все же более взвешенная трактовка итогов форума в Генуе⁴⁶.

Более разнообразные, порой крайне оригинальные, оценки встречаются в воспоминаниях современников и трудах зарубежных коллег. Так, один из авторов связал «обескураживающий провал» Генуэзской конференции с «плохой подготовкой, еще худшим проведением и целями, в реальности отличными от первоначально заявленных»⁴⁷. Другой мемуарист иронично уподобил общение с большевиками «встрече ребенка с Робеспьером или Маратом в комнате ужасов музея восковых фигур мадам Тюссо»⁴⁸. А биограф секретаря британского Кабинета М. Хэнки, приняв точку зрения Ллойд

⁴³ Макаренко П.В. *Двойные стандарты советской дипломатии*. С. 55.

⁴⁴ Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. М., 1970. С. 348. К великому сожалению, эти необоснованные утверждения повторяются в работах современных исследователей, см., напр.: Известные дипломаты России. Министры иностранных дел XX века / ред. А.В. Торкунов. М., 2007. С. 123–124; Катасонов В.Ю. Генуэзская конференция. С. 52–56, 184.

⁴⁵ См., напр.: Волков Ф.Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. С. 207–208.

⁴⁶ Нежинский Л.Н. В интересах народа или вопреки им? Советская международная политика в 1917–1933 гг. М., 2004. С. 123–145; Быстрова Н.Е. Советская Россия на конференциях в Генуе и Гааге 1922 г. С. 204–210; Хормач И.А. Советское государство на международных форумах 1920–1930-х гг. С. 104.

⁴⁷ Steed H. *Through Thirty Years*. Vol. II. P. 383.

⁴⁸ Gregory J. *On the Edge of Diplomacy*. P. 203.

Джорджа об «упущенной возможности предотвратить Вторую мировую войну»⁴⁹, даже назвал Рапалльское соглашение между Советской Россией и Германией, открывшее период интенсивного сотрудничества двух стран в 1920-е гг., «первым шагом» на пути к сентябрю 1939 года⁵⁰. Практически в том же ключе характеризовали этот договор многие американские историки, к примеру, Р. Пайпс и К. Финк⁵¹. Оценку последнего, на наш взгляд, стоит процитировать: «Из-за своей близорукости и внутренних разногласий Россия не сумела достичь более обширных целей — получения существенных средств и признания, прекращения дипломатической изоляции и обеспечения разоружения...» И далее: «Беспрецедентно длительная и жесткая встреча в Генуе была перегружена техническими деталями, имела громоздкую структуру, необычную рекламу, характеризовалась стереотипностью обменов друзей и оппонентов»⁵².

Заслуживает внимания и точка зрения Кейнса, который 13 апреля встречался с Чичериным и освещал работу конференции в статьях для европейской прессы⁵³. 10 июня 1922 г. британский экономист опубликовал итоговую статью в приложении к газете «Манчестер Гардиан». Он передавал свое разочарование итогами завершившегося форума следующим образом: «Я думаю, что никогда на какой-либо иной конференции интеллектуальные стандарты не опускались так низко. Дискуссии — я ограничиваю себя лишь комментарием «русского вопроса» — редко затрагивали реалии. Большая часть времени оказалась занятой существующими и порой мелодраматичными спорами британской и французской делегаций об альтернативных вариантах формулы

⁴⁹ Lloyd George D. *Memoirs of the Peace Conference*. New York, 1972. Vol. 1. P. 207.

⁵⁰ Roskill S. *Hankey*. Vol. 2. P. 276.

⁵¹ Pipes R. *Russia under the Bolshevik Regime, 1919–1924*. London, 1997. P. 430.

⁵² Fink C. *The NEP in Foreign Policy: The Genoa Conference and the Treaty of Rapallo*. — In: Gorodetsky G. (ed.) *Soviet Foreign Policy, 1917–1991. A Retrospective*. London, 1994. P. 65–66.

⁵³ Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. Генуэзская конференция. С. 142–151.

[договора. — Е.С.], уже заранее неприемлемой русскими, либо, даже будучи принятой, не ведущей ни к каким практическим результатам...»⁵⁴

На наш взгляд, заслуживает внимание точка зрения Йоффе, который в одном из писем Ленину, датированном октябрём 1922 г., писал о «неуверенном и колеблющемся характере нашей дипломатии, который уже принес нам много вреда» и «который оказывает свое влияние до сих пор»⁵⁵. Очевидно, что эти колебания в полной мере проявились на Генуэзской конференции, где по вопросу восстановления нормальных отношений с бывшими союзниками России соперничали три точки зрения как советских, так и западных, включая британских, политиков. Первая состояла в принципиальной невозможности нормализации в связи со стремлением большей части кремлевского руководства ревизовать Версальский порядок в Европе, добившись аннулирования всех долгов⁵⁶. Вторая заключалась во временном, тактическом урегулировании общеевропейского кризиса в ожидании нового военного столкновения, которое, по мнению Ленина, должно было произойти в течение ближайших двадцати лет⁵⁷. Наконец, третья подразумевала возвращение России в систему международных отношений, созданную на конференциях в Париже и Вашингтоне. Именно с этих позиций, хотя и по разным причинам, выступали Чичерин и Красин в Москве, а Ллойд Джордж и его сторонники — в Лондоне.

⁵⁴ Цит. по: *Orde A. British Policy and European Reconstruction*. P. 206–207. *Keynes J. Reconstruction in Europe // Manchester Guardian Commercial*. 1922. No. 3. P. 132–133.

⁵⁵ Цит. по: *Макаренко П.В. Двойные стандарты советской дипломатии*. С. 55.

⁵⁶ Неслучайно зарубежные историки обратили внимание на решения XI съезда РКП(б), проходившего с 27 марта по 2 апреля 1922 г. и завершившегося избранием И.В. Сталина на пост Генерального секретаря ЦК, которые оказали влияние на ужесточение позиции советской делегации в Генуе, см.: *Fink C. The Genoa Conference*. P. 129.

⁵⁷ *Chossudovsky E. Genoa Revisited. Russia and Coexistence // Foreign Affairs*. 1972. Vol. L. No. 3. P. 560.

Вместе с тем трудно согласиться с утверждением некоторых авторов, что отказ американцев участвовать в конференции значительно уменьшил для Москвы ее ценность и снизил готовность пойти на уступки Западу⁵⁸. Проведенное исследование доказывает, что с учетом целей политического руководства Советской России и Великобритании, а также доминирующих настроений британской общественности, шансов на успех двадцатой по счету с момента окончания Первой мировой войны и «крупнейшей со времени крестовых походов», как назвала ее «Манчестер Гардиан»⁵⁹, конференции скорее всего не было изначально, а ее неудачу, как уже говорилось выше, нетрудно было прогнозировать еще до открытия, хотя Черчилль и Кёрзон до последнего дня работы форума опасались заключения сделки между Ллойд Джорджем и Чичериным⁶⁰.

Именно это фундаментальное противоречие, а не плохая подготовка, неумелое проведение, разногласия среди союзников по Антанте или подписание сепаратного договора в Рапалло обусловило фиаско Лондона на первом общеевропейском форуме с участием большевистских дипломатов. Таким образом, способность Британской империи осуществлять в одиночку глобальное и, конечно же, европейское лидерство было по сути впервые поставлено под сомнение.

С другой стороны, уместно привести оценку провала интересующей нас конференции, сделанную самим Чичериным в письме наркому по делам национальностей И.В. Сталину 8 августа 1922 г. из Берлина, где глава НКВД находился на лечении. Выражая уверенность в том, что советская сторона упустила шанс достичь в Генуе компромисса с другими государствами, особенно Соединенным Королевством, поскольку «политикой Ллойд Джорджа было стремление

⁵⁸ *Ibid.* P. 555.

⁵⁹ *White S. The Origins of Détente*. P. VII.

⁶⁰ *Nicolson H. Curzon: The Last Phase, 1919–1925. A Study in Post-War Diplomacy*. London, 1937. P. 245.

к соглашению с нами, в котором он усмотрел бы личный триумф», а «в Генуе он шел настолько далеко, насколько вообще максимально позволяло Сити...», Чичерин резюмировал: «Мой вывод — вместо примитивных методов нужны модернизированные, вместо 1919 нужен 1922 год, нужно отказаться от самоизоляции в других странах, от пассивности в информационном деле и от разброда разных ведомств, нужна, одним словом, модернизированная всесторонняя политика»⁶¹.

Вполне понятно, что с точки зрения тогдашнего главы советской дипломатии, указанный политический курс мог проводиться только в условиях тесного взаимодействия Москвы с ведущими мировыми державами, как это продемонстрировали события 1930-х гг.

Глава 8

Г.Я. СОКОЛЬНИКОВ (1888–1939): ГРАЖДАНИН, ПОЛИТИК И ДИПЛОМАТ

А.С. Соколов

Григорий Яковлевич Сокольников – известный советский государственный и партийный деятель. С его именем связана разработка и осуществление финансовой политики нэпа, проведение денежной реформы 1922–1924 гг., стабилизировавший рубль. Тем не менее, он был также талантливым дипломатом, отстаивал интересы России на международных форумах в Генуе, Гааге, Женеве. Находясь на руководящих постах в различных хозяйственных ведомствах (Наркомат финансов, Госплан, Нефтесиндикат) он принимал участие в обсуждении важных внешнеполитических вопросов на заседаниях Политбюро, Пленумов ЦК, партийных съездах и конференциях. С 1929 по 1932 гг. Сокольников был полпредом в Великобритании. Ему был доверен важный и ответственный пост т.к. Великобритания являлась одним из сложных партнеров СССР. С 1932 по 1934 гг. Сокольников являлся заместителем наркома иностранных дел. Его соратниками были известные советские дипломаты: Чичерин, Литвинов, Красин, Крестинский, Карахан. Деятельность Сокольникова во внешнеэкономическом и дипломатическом направлении сыграла большую роль в решении проблем экономического взаимодействия и налаживания отношений СССР с европейскими государствами и странами Востока.

Дипломатическая деятельность Сокольникова началась после прихода большевиков к власти. Как член ВЦИК, он участвовал в возглавляемой А.А. Иоффе мирной делегации, направленной в Брест-Литовск 17 ноября 1917 г. для переговоров с германским командованием о перемирии. Позже,

⁶¹ Цит. по: Известные дипломаты России. С. 124–125.

в период острейших дискуссий в партии и в ЦК по вопросу о мире Сокольников поддерживал точку зрения Ленина. Выступая на VII съезде партии он заявил: «Тянуть с мирными переговорами не вредно, но нам совершенно не страшно заключение мира, т.к. мир на самом деле явится только перемирием, т.к. заключая мир, мы немедленно начнем готовиться к революционной войне. Для нас выгодно даже подписание капитуляции, т.к. мы еще яснее покажем всему миру, что мы политически боремся за право народов на самоопределение, а не путем обратного отвоевывания занятых местностей». Полемизируя с Радеком Сокольников утверждал, что «сейчас наша задача должна состоять в уклонении от боя, в умелом маневрировании»¹. В 1918 г. Сокольников сменил Троцкого на председателя советской делегации. Можно согласиться с мнением, что причинами его назначения на должность председателя делегации стала его приверженность ленинской точке зрения в вопросе заключения мира, опыт работы в составе первой делегации в Бресте, свободное владение немецким языком². 28 февраля советская делегация прибыла в Брест. Глава германской делегации фон Розенберг в телеграмме направленной в Берлин отмечал, что Сокольников согласился с его мнением, что нужно максимально экономить время³. 1 марта 1918 г. советской делегации был предъявлен окончательный текст немецких условий мира. Они были очень тяжелыми. Германская сторона заявила, что до подписания договора военные действия будут продолжаться. Розенберг призвал участников переговоров сконцентрироваться на практических вопросах. Сокольников быстро и охотно согласился с призывом Розенберга к краткости и деловитости. Он заявил, что совершенно

¹ РКП(б). Съезд 7-й. Москва, 1918: Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918: стенографический отчет. М., 1962. С.64

² Рубцов В.И. Военно-политическая деятельность Г.Я. Сокольникова (1917—1920 гг.) дисс...канд.ист. наук. М., 1991. С. 69.

³ Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапальского договора: Сб. док-в в 2 т. Т.1.1917—1918. М.,1968. С. 358.

согласен с тем, что работа конференции должна быть завершена как можно скорее и в этой связи отметил, что вся работа должна осуществляться на пленарных заседаниях⁴. Сокольников сообщил о решении «принять условия мира полностью, и в том самом виде, в котором они были нам предложены, дабы не могло быть сомнения в том, что это — мир насильственный»⁵. Он указал, что договор представляет собой мир, заключаемый в условиях диктата, на который Россия соглашается только под давлением со стороны германских армий. Сокольников полагал, что «торжество империализма и милитаризма над международной пролетарской революцией окажется лишь временным и преходящим»⁶. 3 марта 1918 г. Сокольниковым был подписан Брестский мир. Впоследствии он писал, что «выход русской советской республики из войны был верным «дипломатическим» шагом, именно в смысле дальнозоркой, исходящей из правильного «научного» прогноза дипломатии, не имеющей ничего схожего с талейрановским торгашеством»⁷. В августе 1918 г. в Берлине прошли переговоры по заключению экономического договора между Германией и Советской Россией. Сокольников входил в состав делегации вместе с А.А. Иоффе, Л. Караханом, Ю. Лариным, В.Р. Менжинским и другими советскими партийными работниками. К данным переговорам Сокольников подготовил проект соглашения по вопросу о государственных и гарантийных займах. В соответствии с ним Германия признавала аннулирование всех русских государственных и гарантийных правительством займов и принимала на себя вознаграждение немецких поданных, несущих

⁴ Уиллер-Бенет Дж. Брестский мир. Победы и поражения советской дипломатии. М., 2009. С. 247.

⁵ Сокольников Г. Брестский мир //Смерч. Сборник. Сост. И.А. Анфертьев. М., 1989. С. 218.

⁶ Генис В. «Упрямый нарком с Ильинки» (О Г.Я. Сокольникове) //Открывая новые страницы...Международные вопросы: события и люди. /Сост. Н.В. Попов. М., 1989. С. 221.

⁷ Сокольников Г. Брестский мир //Смерч: Сборник. Сост. И.А. Анфертьев. М., 1989. С. 216.

ущерб от аннулирования русских займов. Россия уплачивала вознаграждение Германии в размере 1170 млн. марок⁸. 27 августа 1918 г. было подписано российско-германское финансовое соглашение. В соответствии с ним Россия обязывалась уплатить «для вознаграждения потерпевших от русских мероприятий германцев» сумму в 6 млрд марок

В 1922 г. занимая пост заместителя наркома финансов Сокольников вошел в состав подготовительной комиссии к Генуэзской конференции. На заседании комиссии был заслушан доклад Сокольников о рекомендуемых типах концессий (хлебные, лесные, морские, нефтедобывающие, угольные) и выделении пакетов акций иностранцам в советских трестах. Наркомату финансов поручили разработать вопрос о банке эмиссионном, а также специальном — для финансирования внешней торговли под общим контролем⁹. Также в апреле 1922 г. Сокольников участвовал в работе комиссии об уплате компенсации Польше по Рижскому миру¹⁰. В записке на имя А.С. Сванидзе он писал: «Прошу Вас специально ознакомиться с делами и вопросами реализации Варшавских ценностей. Вам доложат т. Базилевич и Юровский. В НКВД в курсе т. Волков. Дело чрезвычайно ответственное и сложное, а я до сих пор не имел возможности им заняться вплотную»¹¹. В июне того же года Сокольников принял участие в работе Международной финансово-экономической конференции в Гааге. Одним из вопросов, обсуждаемых на конференции, стало предоставление кредитов Советской России. Среди членов советской делегации в Гааге возникли споры по вопросу об условиях концессионного договора. Разногласия вызвал вопрос о соотношении между долевым отчислением и налогами. Председатель российской делегации М.М. Литвинов предложил

⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 670. Оп.1. Д.4. Л. 63.

⁹ Хормач И. А. Советское государство на международных форумах. 1920—1930-е гг. М., 2020. С. 76.

¹⁰ РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.289. Л.2; Д.290. Л.1; Д. 296. Л.2.

¹¹ РГАСПИ. Ф.82. Оп.2. Д. 769. Л.8

согласиться на возможность включения налогов в доленое отчисление концессионера. Сокольников предлагал гарантировать концессионеру, что налоговое бремя будет не будет выше наиболее высокого налогового бремени в буржуазном государстве¹². Выступая на заседании русской комиссии Сокольников заявил, что Россия не считает себя ответственной за обязательства принятые царским правительством, «наоборот Советское правительство обязалось перед Русским народом не признавать долгов старого режима»¹³. Григорий Яковлевич скептически относился к работе подкомиссий, организованных в ходе конференции. В письме от 28 июня 1922 г. на имя Сталина и Рыкова, он писал, что «работа официальных заседаний сведется в значительной мере к попыткам наиболее тщательной документальной разведки с обеих сторон. Что-либо непосредственно полезное для нас может быть, по видимому, достигнуто только вне конференции». Через некоторое время в письме к Крестинскому Сокольников отмечал: «Нам было бы важно помешать намечающемуся продолжению соглашения о финансовой блокаде и финансовом бойкоте России»¹⁴. Один из путей налаживания диалога по вопросу получения компенсации западными странами Сокольников видел в выпуске долгосрочного займа. В записке членам Политбюро он писал из Гааги: «В связи с последними телеграммами ЦК делегация обсуждала вопрос о тех предложениях с нашей стороны, которые дали бы возможность протянуть конференцию. Мы все сошлись на том, что таким предложением могло бы быть предложение компенсировать прежних собственников путем выпуска долгосрочных облигаций с началом выплаты процентов по этим облигациям в ближайшие годы»¹⁵. По его

¹² Быстрова Н.Е. Советская Россия на конференциях в Генуе и Гааге 1922 г.: взгляд из Кремля. М., 2020. С. 236.

¹³ Гагская конференция. Июнь — июль 1922: Полн. стеногр. отчет. Собр. докт. /Под ред. Г.Н. Лашевича. М., 1922. С. 111.

¹⁴ Архив внешней политики РФ. Ф. 04. (Секретариат Г.В. Чичерина). Ф.1. Папка 1. Д.7. Л.1, 4.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 670. Оп.1. Д. 35. Л. 62.

мнению облигации займа должны были обеспечиваться специальным гарантийным фондом, образуемым или из дохода от концессий или из таможенных сборов. Однако эта идея не получила дальнейшего воплощения.

Оценивая результаты Гаагской конференции Григорий Яковлевич подчеркивал, что «время для организации широких кредитов, широких международных займов для нас не пришло, что правительства дать нам международный заем в настоящее время не могут»¹⁶. «Мы не можем организовать внешнего займа, мы в Гааге и в Генуе встретились с сопротивлением банкирских синдикатов капиталистического мира», — отмечал он в докладе на X Всероссийском съезде Советов в октябре 1922 г.¹⁷ В сложившихся условиях Сокольников отдавал предпочтение развитию системы внутреннего кредита. В беседе с корреспондентом «Известий» он заявил: «Мы использовали Гаагскую конференцию для того, чтобы дать подробную информацию о финансово-экономическом положении России, о чем европейские правительства имеют самые дикие. Сказочные и неправдоподобные представления»¹⁸.

В январе 1926 г. Сокольников в составе советской делегации принял участие в советско-французских переговорах по вопросу о заключении торгового договора¹⁹. В мае 1926 г. Политбюро ЦК приняло решение направить Сокольникова, занимавшего должность заместителя председателя Госплана, в США с целью выяснить перспективы для переговоров в отношении признания СССР со стороны США. В мае Политбюро приняло решение командировать Сокольникова в Америку сроком на два месяца²⁰. В свою очередь коллегия

¹⁶ Материалы Всероссийской партийной конференции 4–7 августа. Тула, 1922. С. 25.

¹⁷ Сокольников Г.Я. Финансовая политика революции. Том первый. М., 2006. С. 236.

¹⁸ Известия 1922. 25 июня.

¹⁹ Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. М., 2001. С.111.

²⁰ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 3.Д. 561–2. Л.3.

НКВД считала необходимым, чтобы Сокольников поехал с каким-нибудь определенным хозяйственным поручением. По мнению заместителя наркома иностранных дел М. Литвинова «в разговорах с американцами, не занимающими официального положения, т. Сокольников должен ограничиться общими указаниями на готовность Совпра к удовлетворению на известных условиях материальных претензий Америки, в частности к эвентуальному признанию долга Керенского»²¹. Один из руководителей внешнеполитического ведомства указывал, что «главную задачу тов. Сокольникова НКВД усматривает в установлении и развитии широких связей с американскими влиятельными лицами, группами и организациями и в общем руководстве агитационной работой этих лиц и групп в пользу сближения между СССР и Соединенными Штатами»²². Неожиданно для Кремля 25 июня 1926 г. в Москве было получено сообщение о том, что Сокольникову отказано в визе.

В мае 1927 г. Сокольников в составе советской делегации участвовал в работе Женевской экономической конференции. 8 мая он выступил с докладом о экономическом положении СССР. Сокольников отметил, что «сам факт созыва Международной экономической конференции является своего рода доказательством того, что развитие производительных сил на нынешней ступени мощности ставит перед человечеством задачу организации в гораздо более совершенных формах, чем те, которые до настоящего дня сумела найти капиталистическая форма хозяйства»²³. Речь Сокольникова была выслушана с напряженным вниманием. В конце речи в зале раздались аплодисменты, в том числе

²¹ Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1918–1926. М., 2002. С. 524.

²² Исхаков С.М. Из истории советско-американских отношений: неизвестные документы (1926–1927 гг.) // Исторический вестник. 2020. Т.34. С. 211.

²³ Сокольников Г.Я. Финансовая политика революции. Том второй. М., 2006., С. 490.

на скамьях английской делегации²⁴. На следующий день швейцарская «Тургауэр цайтунг» в статье «Россия хочет кредитов» писала о выступлении Сокольников: «Спокойным, уверенным шагом взошел на ораторскую трибуну бывший комиссар финансов и бывший лидер правой оппозиции внутри коммунистической партии. И тут произошло нечто неожиданное, нечто такое, что вызвало на лицах большинства экспертов безграничное изумление и живое возмущение: зал аплодировал делегату Москвы. Конечно, эти приветствия относились не к Сокольникову — большевику, а к Сокольникову — дельному финансисту, идеалисту, выступавшему за свои убеждения не только здесь, перед враждебным форумом, но и у себя дома, человеку, отказавшемуся от должности и почета, когда он убедился, что его принципов не понимают и пренебрегают ими. Но затем наступил многообещающий компромисс, и сегодня Сокольников вновь является одной из наиболее выдающихся личностей на Красном Олимпе»²⁵. Иного мнения придерживался П.Б. Струве. В своем дневнике он отметил, что на Женевской конференции Сокольников «распускал пушистый лисий хвост из статистической цифири и примирительного сладострастия»²⁶. Советские эксперты активно работали в специальных комиссиях конференции: Сокольников и Штейн в промышленной секции²⁷.

В августе 1927 г. выступая на Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) Сокольников подчеркнул, что англо-русский разрыв открывает новую политическую полосу. «Обстановка для нас неблагоприятная, и мы должны сохранить полное хладнокровие для того, чтобы не дать застигнуть себя раньше времени, не дать втянуть себя в войну», — указывал он. Сокольников выступал за маневрирование советской внешней

²⁴ Известия. 1927. 5 мая.

²⁵ Хормач И.А. Возвращение в мировое сообщество: борьба и сотрудничество Советского государства с Лигой наций в 1919—1934 гг. М., 2011. С. 123.

²⁶ Струве П.Б. Дневник политика. (1925—1935). М., 2004. С. 266.

²⁷ Экономическая жизнь. 1927. 10 мая.

политики. Текущей задачей он видел попытку «откупиться от той, которую нам навязывают сейчас же»²⁸.

Политику маневрирования Сокольников попытался применить во время переговоров с американскими банкирами о предоставлении кредитов осенью 1927 г. В сентябре он в составе советской делегации (Раковский, Пятаков, Любимов) участвовал в Париже в переговорах с влиятельным американским банкиром Ч. Митчеллом, возглавлявшем National City Bank. В центре переговоров были вопрос о долгах и предоставлении долгосрочного кредита СССР. В сентябре Политбюро приняло решение согласиться с претензиями группы банков, объединенных Митчеллом, но при условии организации им займа на сумму около 50 млн долларов на срок пять лет²⁹. Сокольников в записке направленной в Политбюро 12 октября 1927 г. доказывал, что «нельзя не видеть того значения, которое при складывающейся теперь международной обстановке может иметь соглашение с крупнейшими американскими банками». По его мнению «каждый рубль, плаченный в Америке за сепаратное соглашение, сэкономит нам в дальнейшем два рубля при соглашениях с Европой»³⁰. Несмотря на все усилия Сокольникова переговоры не увенчались успехом.

На дипломатическом поприще Сокольников выступил вновь в ноябре 1929 г., когда он был назначен полномочным представителем СССР в Великобритании. 1 декабря он выехал из Москвы, а 12 декабря прибыл в Лондон. После длительного перерыва были восстановлены советско-английские дипломатические отношения. Официальный орган правящей лейбористской партии газета «Дейли геральд» писала: «Назначение Сокольникова советским послом в Англии является благоприятным предзнаменованием для

²⁸ Объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). 29 июля — 9 августа 1927 г. Документы и материалы: в 2 кн. Кн.1. М., 2020. С. 292, 295, 297.

²⁹ РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д. 649. Л.1.

³⁰ Москва — Вашингтон: политика и дипломатия Кремля. 1921— 1941: Сб. док. в 3 т. Т.1. 1921—1928. М., 2009. С. 440—441.

дружественного развития англо-советских отношений. Экономист с большим практическим знанием государственных финансов, а также экономических нужд и торговых возможностей своей страны, новый посол является наиболее подходящим лицом для представительства России в предстоящих и сложных переговорах. Его персональное обаяние, независимость его ума и характера в соединении с авторитетом и уважением, которыми он пользуется в России, являются особо ценными качествами для чрезвычайно трудной задачи, стоящей перед ним».

20 декабря 1929 г. Сокольников и советник полпредства СССР Богомолов посетили министра иностранных дел Гендерсона. Сокольников и Гендерсон обменялись нотами английского и советского правительств по вопросу о взаимном воздержании от враждебных выступлений. При вручении верительных грамот Сокольников подчеркнул, что «полное возобновление дипломатических отношений между СССР и Англией является шагом, несомненно, основанном на здоровой экономической и политической необходимости»³¹. По его мнению, отсутствие нормальных отношений между обоими правительствами усиливало остроту международного напряжения. Советский полпред заявил: «Мы твердо намерены лояльно выполнять всякого рода обязательства, которые мы на себя берем... При этих условиях будет возможно упрочить отношения между СССР и Англией, основанных, как это и должно, на взаимной выгоде, и положить основание длительному мирному сотрудничеству между народами обеих стран». Одной из основных проблем двусторонних отношений было урегулирование взаимных претензий, связанных с национализацией собственности и интервенцией. Сокольников принимал непосредственное участие в организации работы двусторонней комиссии по претензиям. В письме Литвинову от 14 марта 1930 г. Сокольников отмечал: британская сторона прекрасно понимает, что «создаваемая общая

³¹ Известия. 1929. 22 декабря.

комиссия будет иметь в пределах своих задач такое урегулирование вопроса, которое заведомо для обеих сторон будет являться простым снятием или отсрочкой решения, а не решением, по существу. Именно с таким характером работ комиссии Гендерсон и английское правительство не желают соглашаться. Сокольников также отмечал, что «развертывание в переговорах нашей позиции является очень сложным, т.к. приводит к ряду формальных и условных постановок вопроса». В письме от 25 февраля он изложил свое видение возможного урегулирования вопроса о претензиях. Он предложил противопоставить английским государственным претензиям не претензии по интервенции, а претензии на 600 млн рублей золотом, которые в свое время были переданы царским Госбанком Английскому Банку. Полпред отмечал, что хотя эта операция была связана на деле с предоставлением России 6 млрд. рублей военного кредита, тем не менее, в заключенных по этому поводу соглашениях никакой связи между двумя операциями проведено не было для того, чтобы сохранить переданное золото в составе золотого обеспечения билетов Госбанка. «Таким образом, мы имеем твердо обоснованное формальное право претензий на эти 600 млн. рублей от имени нашего Госбанка к Английскому банку, которое мы можем противопоставить», — писал Сокольников³².

Сокольников уделял внимание вопросу о составе комиссии экспертов. В письме от 3 апреля 1930 г. он в ответ на предложение Литвинова обозначить кандидатов, которые могли бы заменить отсутствующих членов комиссии, Сокольников писал: «К сожалению, предложенные мною в члены комиссии в малой степени были учтены при образовании комиссии экспертов. Не сочтете ли Вы целесообразным предложение утвердить 2–3 из предложенных мною товарищей в качестве кандидатов для заместителей отсутствующих членов. Это было бы весьма желательно, в частности, в отношении

³² Чигир О.С. Григорий Яковлевич Сокольников: личность и деятельность: дисс...канд. ист. наук. М., 2009. С. 160.

Берлацкого и Сванидзе»³³. Переговоры по вопросу урегулирования претензий велись в обстановке постоянных антисоветских кампаний. Одна из них развернулась вокруг предполагаемых религиозных преследований в СССР. Данный вопрос неоднократно поднимался в британском парламенте. В письме Литвинову от 15 января 1930 г. Сокольников сообщал, что при обсуждении проблемы религиозных преследований в парламенте Гендерсон «не дал этой кампании никакого отпора». Сокольников указывал, что выступление главы британского внешнеполитического ведомства «совершенно явно показало, что рабочее правительство твердо намерено сохранить физиономию христианского правительства и что лидеры лейбористской партии решили, во чтобы то ни стало, не дать скомпрометировать себя консерваторами в глазах верующих»³⁴. Для урегулирования ситуации Сокольникову пришлось неоднократно беседовать с рядом английских министров. В феврале 1930 г. Сокольников встречался с министром колоний лордом Пасфилдом, министром народного просвещения Трейвельяном и главой либералов Ллойд Джорджем. Как отмечал Сокольников в письме к Литвинову от 23 февраля 1930 г., «в результате удалось создать у ряда ответственных фигур определенное настроение», которое было подкреплено документами, подобранными полпредством, и сообщениями из Москвы, содержащими опровержение распространяемой информации в Британии. В создавшихся условиях в Великобритании возникло общественное движение в поддержку СССР. В письме Литвинову от 5 марта 1930 г. Сокольников сообщал, что группа профсоюзных лидеров и некоторых общественных деятелей, предполагают на днях выступить со специальным письмом протеста против клеветнической кампании по поводу мнимых преследований религии в СССР³⁵.

³³ Там же. С. 161

³⁴ Там же. С. 162.

³⁵ Там же. С. 163.

В начале февраля 1930 г. палата общин приняла резолюцию в которой английскому правительству рекомендовалось развивать торговлю с СССР. В связи с этим Политбюро приняло решение предложить Сокольникову заявить Гендерсону о наличии в руках советских организаций портфеля заказов к немедленному размещению на английских заводах на сумму около 15 млн фунтов стерлингов с поставкой в течении года³⁶. В письме Литвинову от 5 марта 1930 г. Сокольников писал, что при сложившейся обстановке это предложение «не встречает особого внимания в правительственных кругах». Другое отношение к советскому предложению сложилось в кругах профсоюзов и у немногих членов кабинета, которые находились в оппозиции к его политике. По словам Сокольникова, они готовы «в известной мере поддержать советские предложения, направленные на расширение советских заказов в Англии»³⁷.

Под руководством Сокольникова советская сторона также вела сложнейшие переговоры по подготовке временного торгового соглашения и рыболовецкой конвенции. При этом Сокольников выступал против увязки заключения соглашений с урегулированием остальных сложных вопросов. В феврале 1930 г. палата общин приняла резолюцию, в котором английскому правительству рекомендовалось развивать торговлю с СССР. Сокольников указывал, что целью пятилетки в Советском Союзе является повышение жизненного и культурного уровня населения. По его мнению, это привело бы к расширению советского рынка и превратило бы нашу страну в важный положительный фактор мировой экономики. «Чем скорее мир признает этот факт, — писал Сокольников, — чем скорее отказ от нормальных финансовых условий и злостные разговоры о бойкоте торговли будут категорически осуждены, тем

³⁶ Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923—1939. М., 2001. С. 217.

³⁷ Чигир О.С. Григорий Яковлевич Сокольников: личность и деятельность: дисс... канд. ист. наук. М., 2009. С.163.

это будет лучше для всех сторон». После длительных переговоров 16 апреля 1930 г. Сокольников и Гендерсон подписали временное торговое соглашение между Великобританией и СССР. В беседе с представителями ТАСС Сокольников отметил, что подписание англо-советского торгового соглашения является реальным шагом к созданию прочной базы для торговых отношений между СССР и Великобританией. По словам полпреда, заключение соглашения имело положительное значение для социалистического строительства и индустриализации страны. Подписание соглашения, заявил Сокольников, может содействовать сокращению безработицы и будет принято с удовлетворением трудящимися массами. Подписание этого важного документа явилось крупным успехом советской дипломатии в целом и Сокольникова в частности. Торговое соглашение содействовало развитию экономических связей между двумя странами. К 1932 г. Англия переместилась в советском экспорте с 21-го на 6-е место³⁸. 13 мая 1930 г. состоялась встреча Сокольникова с премьер-министром Великобритании Р. Макдональдом. Премьер-министр выразил удовлетворение по поводу подписания временного торгового соглашения. Сокольников и Макдональд подчеркнули временный характер торгового соглашения и выразили надежду на скорейшее заключение постоянного договора³⁹. 22 мая 1930 г. состоялось подписание временного соглашения о рыболовстве, регулирующее для британских судов рыбную ловлю в водах, прилегающих к северным берегам СССР. В преамбуле договора подчеркивалось, что обе стороны «взаимно желают заключить возможно скорее рыболовную конвенцию, которая носила бы постоянный характер⁴⁰. В беседе с корреспондентом «Правды» Сокольников отметил, что «торговое соглашение и рыболовная конвенция являются актами, показывающими, что

³⁸ Соколов А.С. Англо-советское торговое соглашение 1930 г. // Современные тенденции в исследовании и преподавании новой и новейшей истории зарубежных стран. Рязань, 2008. С. 148.

³⁹ Документы внешней политики СССР (ДВП СССР). Т.13. М., 1967. С. 257.

⁴⁰ Там же. С. 285–287.

неуклонная политика поддержания и укрепления мира, проводимая Советским Союзом, встречает отклик в широких кругах и прежде всего в рабочих массах Англии»⁴¹.

В конце октября — начале ноября 1930 г. консервативное крыло парламента обратилось к правительству Великобритании с запросом по якобы имевшему факту нарушения СССР обязательств в отношении пропаганды. При обсуждении этой проблемы с Сокольниковым Гендерсон, отказался привести конкретные факты, намекнув, что речь идет о деятельности Коминтерна, в частности, Индии. Сокольников заявил, что Советское правительство четко соблюдает взятые на себя обязательства по отказу от пропаганды, однако не может контролировать действия Коминтерна и не давало на этот счет никаких обещаний⁴².

В своей работе Сокольников уделял большое внимание налаживанию сотрудничества с Великобританией в финансовой сфере. В переписке с Литвиновым Сокольников не раз подчеркивал необходимость укрепления финансовых связей в Лондоне, усиления кадрового аппарата работников, ответственных за сферу торговли и финансов. В письме от 22 января 1931 г. он отмечал, что эти меры необходимо предпринять, чтобы изменить позицию британских банков, считающих опасным вкладывать средства в советские дела из-за неблагоприятного финансового положения СССР, и поэтому не прекращающих кредитную блокаду СССР⁴³. Зимой 1931 г. началась кампания против покупки советского леса, при заготовке которого, как утверждали британские круги, использовался принудительный труд. К лету 1931 г. серьезные затруднения возникли в продолжавшихся англо-советских переговорах о долгах. В сложившихся условиях Сокольников доказывал, что для достижения нормализации отношений

⁴¹ Правда 1930. 1 июня.

⁴² ДВП СССР. Т.13. М., 1967. С. 601, 605–608.

⁴³ Чигир О.С. Григорий Яковлевич Сокольников: личность и деятельность: дисс...канд. ист. наук. М., 2009. С. 170.

между Англией и СССР необходимо развивать межгосударственную торговлю. Выступая на заседании русско-британской торговой палаты в июне 1931 г. он заявил: «благодаря пятилетке народное хозяйство СССР развивается быстрым темпом и СССР является единственной страной в мире, которая при мировом кризисе продолжает увеличивать свои закупки на иностранных рынках»⁴⁴. Надежда на разрешение проблемы урегулирования долгов появилась только в конце 1931 г., когда, после прошедших в октябре выборов, к власти в Великобритании пришло «национальное правительство», представлявшее собой коалицию трех ведущих партий. В ходе встречи с министром иностранных дел Дж. Саймоном Сокольников озвучил советскую позицию: представление конкретной схемы решения вопроса о долгах может последовать только после официального заявления британской стороны о признании принципа урегулирования долгов с предоставлением кредитов или займов. Саймон ответил, что теперь вполне понимает позицию советской стороны, и высказал сожаление по поводу возникших недоразумений, предложив в этой связи письменно фиксировать все предложения и основные пункты переговоров⁴⁵. С приходом нового правительства наметились положительные сдвиги в развитии торгового сотрудничества двух стран. В декабре 1931 г. был опубликован доклад исполкома Ассоциации британских торговых палат по данному вопросу. В телеграмме, направленной в НКВД, Сокольников писал, что данный доклад «в довольно благоприятном для нас свете...связывает развитие торговли с успехом пятилетки, с необходимостью улучшения и удешевления кредита»⁴⁶.

Советский полпред приобрел широкие связи в политических, деловых и культурных кругах английского общества. На устраиваемых в полпредстве приемах и «завтраках» по-

⁴⁴ Правда. 1931. 19 июня.

⁴⁵ ДВП СССР. Т.14. М., 1968. С.700—702, 706—707.

⁴⁶ Там же. С. 699—700.

являлись не только официальные представители Форин-офис, но и руководящие деятели ведущих политических партий и тред-юнионов, крупные промышленники, общественные деятели, знаменитые писатели и ученые. Среди них: Д. Ллойд Джордж, У. Черчилль, Дж. Кейнс, Б.Шоу, Г. Уэллс, Б. Рассел и др. В письме к Г. Струве последний царский посол в Англии Е. Саблин дает сатирическую зарисовку сценок в советском представительстве: Гарольд Нельсон сделался завсегдаем советского полпредства и пляшет там русскую вместе с сыном Болдуина Оливером. Об этом Оливер с гордостью рассказывал, причем показывал, как мадам Сокольникова машет платочком, а Оливер, выделывает казачьи прыжки. Жена Сокольникова Г. Серебрякова вспоминала, что в Англии Сокольников всегда пользовался подчеркнутой симпатией всех тех, с кем ему приходилось соприкасаться. Серебрякова написала в Англии книгу «Очная ставка» и уговорила мужа вернуться в Россию, чтобы издать ее.

Одновременно с работой в Англии Сокольникову приходилось выезжать в Женеву для выступления в Лиге Наций. В ноябре 1931 г. он выступил на сессии специального комитета Европейской комиссии, созванной для рассмотрения представленного СССР проекта пакта об экономическом ненападении, который сформулировал принцип недопустимости дискриминации одних стран другими в экономической области. В своей речи Сокольников подчеркнул, что «мировое хозяйство охвачено денежным и кредитным кризисом приведшим к катастрофе денежного обращения и кредита в ряде крупнейших капиталистических стран. Он отметил, что советская экономическая политика никогда не была направлена к обострению мирового хозяйственного кризиса»⁴⁷. После речи Сокольникова председатель предложил определить отношение к проблемам, поднятым советским делегатом, и решить вопрос о создании редакционной комиссии. 5 ноября 1931 г. был одобрен доклад ре-

⁴⁷ Правда. 1931. 4 ноября.

дакционной подкомиссии, содержащий краткие замечания и поправки делегаций по проекту, перечень вопросов, заданных советской делегации участниками сессии, а также резолюцию, утверждающую возможность мирного сосуществования государств, имеющих различную экономическую и социальную структуру. Сокольникову удалось воспрепятствовать включению в доклад формулировок, в которых осуждались принципы советской внешней политики, допускающие демпинг, но ряд пунктов не полностью отражал позицию СССР, и Сокольников заявил, что за исключением этих пунктов он поддержит резолюцию вместе с другими делегатами⁴⁸. Однако добиться придания этой резолюции характера международной конвенции, имеющей юридическую силу, советской делегации не удалось⁴⁹. В 1932 г. в составе делегации, возглавляемой Литвиновым, Сокольников участвовал в работе международной конференции по сокращению и ограничению вооружений.

В июле 1932 г. Каганович писал в письме Сталину: «Был Сокольников, он решительно ставит вопрос об его освобождении. Я ему ничего не обещал. Прошу Вас сообщить Ваше мнение»⁵⁰. 1 сентября Сокольников был освобожден от обязанностей полпреда в Англии, «согласно его просьбе»⁵¹. Одной из причин для его отставки послужил донос Ем. Ярославского. В письме к Орджоникидзе он писал: «Я хотел бы спросить тебя, что ты думаешь о таких тратах, какие позволяет себе Сокольников в Лондоне, устраивая за счет государства, за 4 000 руб. золотом спальню своей бабе в Лондоне»⁵². О причинах отставки полпреда зарубежная печать строила всевозможные догадки. Высказывалось предположение, что

⁴⁸ Хормач И.А. Возвращение в мировое сообщество: борьба и сотрудничество Советского государства с Лигой наций в 1919–1934 гг. М., 2011. С. 405.

⁴⁹ ДВП СССР. Т.14. М., 1968. С. 672–674, 828.

⁵⁰ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001. С. 230

⁵¹ Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. М., 2001. С. 286.

⁵² Советское руководство. Переписка 1928–1941. М., 1999. С. 135.

«советский Витте» вызван в Россию для того, чтобы выправить расстроенное финансовое хозяйство страны, спасти от полного обесценивания некогда твердый, конвертируемый на зарубежных валютных биржах червонец. В интервью либеральной газете «Ньюс кроникл» Сокольников заявил, что покидает свой пост с сознанием того, что англо-советская торговля со времени восстановления дипломатических отношений значительно возросла, а многие предрассудки, существовавшие у англичан относительно СССР, исчезли. В честь Сокольникова Англо-Русская торговая палата организовала прощальный банкет, на котором присутствовали виднейшие представители британской промышленности. Сокольников, признавалась одна из «правых» газет, «пользуется действительным уважением лондонского общества. Англичане высоко оценили его верность данному слову: Сокольников исполнял то, что обещал»⁵³. По воспоминаниям Серебряковой, Сталин, впервые встретившись с Сокольниковым после его приезда в Москву злоеуще заметил: «Говорят, Григорий, ты так полюбился господам англичанам, что они тебя отпускать не хотели. Может, тебе лучше жить сними?»⁵⁴.

В начале декабря Политбюро опросом утвердило решение «предложить НКВД отчислить т. Сокольникова в распоряжение ЦК ВКП(б)⁵⁵, но в марте 1933 г. последовало новое назначение — членом коллегии НКВД, а 23 заместителем наркоминдела по дальневосточным делам. Карахан в письме Енукидзе писал: «Восточные дела в НКВД поделены между мной и Сокольниковым, у последнего Дальвосток»⁵⁶. Введение Сокольникова перешли вопросы,

⁵³ Генис В. «Упрямый нарком с Ильинки» (О Г.Я. Сокольникове) //Открывая новые страницы...Международные вопросы: события и люди. /Сост. Н.В. Попов. М., 1989. С. 237.

⁵⁴ Серебрякова Г. Из воспоминаний // Смерч.: Сборник. Сост. И.А. Анфертьев. М., 1989. С. 242.

⁵⁵ Кен О., Рупасов А. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношение СССР с западными соседними государствами (конец 1920–1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. Ч.1. 1928–1934. СПб: 2000. С.570.

⁵⁶ Советское руководство. Переписка 1928–1941. М., 1999. С. 236.

связанные с отношениями СССР с государствами дальневосточного региона (Япония, Китай, Монголия).

Много внимания уделял Сокольников развитию дружественных отношений СССР с Монгольской Народной Республикой. В августе 1933 г. он и полпред МНР в Москве Самбу подписали соглашение о консолидации займов и кредитов, предоставлявшихся Советским Союзом Монголии в разное время и оставшихся полностью или частично непогашенными, в единый «Консолидированный заем 1933 года», в сумме 14 млн тугриков, который предоставлялся республике сроком на 15 лет⁵⁷. В декабре 1933 г. Сокольников писал Сталину: «В Москве в настоящее время находится представитель монгольского правительства зампред и министр финансов Добчин. Он уполномочен монгольским правительством вручить Вам в качестве подарка от Монгольской республик юрту с полной национальной обстановкой и верховую лошадь с амуницией»⁵⁸. В сентябре 1934 г. Сокольников в составе делегации Коминтерна участвовал в работе IX съезде МНРП⁵⁹. В это время Каганович в письме на имя Сталина указывал: «Одновременно тов. Сокольников поставил ряд вопросов. Важнейшим является вопрос о сокращении задолженности Монгольской республики нам и об отсрочке платежей. Они нам должны кругло 95 мил. тугриков, эта высокая задолженность по словам Элиавы и Сокольникова, возникла в результате невыгодных для Монголии цен в торговом обороте с Союзом. Поэтому они предложили сократить задолженность на 34 мил. тугриков и отсрочить военные займы в 28 мил. до 1945 г.»⁶⁰.

⁵⁷ Генис В. «Упрямый нарком с Ильинки» (О Г.Я. Сокольникове) //Открывая новые страницы...Международные вопросы: события и люди. /Сост. Н.В. Попов. М., 1989. С. 238.

⁵⁸ «Идти в гущу основной строительной работы...» Письма А.Л. Шейнмана и Г.Я. Сокольникова И.В. Сталину 1923–1934 гг. //Исторический архив. 2005. № 3. С.18.

⁵⁹ Монголия в документах Коминтерна (1919–1934). В 2 ч. Ч. II/ (1930–1934). Отв. сост. И.И. Кудрявцев. Улан-Удэ, 2012. С. 367.

⁶⁰ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001. С. 489.

В ведении Сокольникова находились вопросы, связанные с отношениями СССР с Японией, вставшей к началу 1930-х гг. на путь военной экспансии. Правительство Японии упорно отказывалось заключать пакт о ненападении, саботировало переговоры о продаже принадлежащей СССР Китайско-восточной железной дороги. Сокольникову не раз приходилось вызывать к себе японского посла в Москве Ота для представления ему заявления правительства СССР⁶¹. В них выражался решительный протест против подготавливаемых японо-маньчжурской стороной планов захвата КВЖД и непрекращающихся провокаций на советской границе и советских территориальных водах. «Мы, конечно, не ищем ссоры с Японией, наоборот, всячески заинтересованы в том, чтобы сохранить мирные отношения и договориться по спорным вопросам. Однако, видимо, японская военная партия ориентируется все более и более определенно на перспективу превентивной войны против Советского Союза», — писал Сокольников полдпреду в Токио Юреневу в октябре 1933 г.⁶². Эти же идеи он высказал в письме генконсулу СССР в Харбине М.М. Славуцкому в ноябре того же года. Оценивая переговоры в Токио по продаже КВЖД Сокольников подчеркивал, что «японская политика начинает исходить из некоторой новой оценки соотношения сил. Конечно, не исключена возможность, что именно эти соображения подтолкнул японскую политику с сторону окончательного принятия плана превентивной войны против СССР»⁶³. Весной 1934 г. Сокольников участвовал в обсуждении вопроса об изменении курса облигаций Акционерного Камчатского общества, выпускавшихся

⁶¹ ДВП СССР. Т.ю16. М., 1970. С. 334, 370; Правда. 1933. 4 июня, 22 сентября.

⁶² Генис В. «Упрямый нарком с Ильинки» (О Г.Я. Сокольникове) //Открывая новые страницы...Международные вопросы: события и люди. /Сост. Н.В. Попов. М., 1989. С. 238.

⁶³ Русско-китайские отношения в XX веке. Материалы и документы. Т. III. Советско-китайские отношения. Сентябрь 1931–сентябрь 1937 г. М., 2010. С. 226.

в СССР и распространившихся среди японских фирм⁶⁴. В тесной взаимосвязи развития отношений СССР с Японией находились вопросы советско-китайского сотрудничества. Сокольникову часто приходилось встречаться в наркомате иностранных дел с послом Китайской республики в СССР Янь Хойцином. В центре внимания дипломатов находился вопрос о подписании пакта о ненападении между двумя странами. В июле в письме полпреду СССР в Китае Д.В. Богомолу Сокольников подчеркивал: «Я лично склоняюсь к тому мнению, что в настоящее время уже невозможно пойти на заявление китайскому мининдел о нашем принципиальном согласии на ведение переговоров о пакте «нонагрессии»⁶⁵. Аналогичные суждения он высказал позже в августе 1934 г. В письме Богомолу писал: «Учитывая продолжающееся еще кризисное состояние наших отношений с Японией, мы не должны делать никаких шагов... в отношении Китая, которые могли бы обострить наши отношения с Японией. Мы по-прежнему не заинтересованы в заключении с Китаем пакта о ненападении»⁶⁶. Много внимания Сокольников уделял проблеме развития культурных связей между Советским Союзом и Китаем⁶⁷.

Дипломатическая деятельность Сокольникова завершилась в мае 1934 г. с ликвидации коллегии НКВД и сокращением числа заместителей наркома. В кругах зарубежных сторонников оппозиции в ВКП(б) имела хождение версия, будто устранение Сокольникова, выдвигавшего самостоятельную концепцию дальневосточной политики СССР, являлось давней целью Литвинова. Согласно тому же источнику, после отстранения от работы в НКВД Сокольников

⁶⁴ ДВП СССР. Т.17. М., 1971. С. 175–177.

⁶⁵ Русско-китайские отношения в XX веке. Материалы и документы. Т. III. Советско-китайские отношения. Сентябрь 1931–сентябрь 1937 г. М., 2010. С. 193.

⁶⁶ Сидоров А. Проблема заключения пакта о ненападении в советско-китайских отношениях (1932–1937) // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 1. С. 126.

⁶⁷ Русско-китайские отношения в XX веке. Материалы и документы. Т. III. Советско-китайские отношения. Сентябрь 1931–сентябрь 1937 г. М., 2010. С. 281, 294.

некоторое время выступал в роли консультанта Политбюро по международным делам⁶⁸.

В мае 1935 г. Сокольников был назначен заместителем наркома лесной промышленности. Через год, в июле 1936 г., он был арестован. В ноябре на протоколе его допроса Сталин написал: «Сокольников, конечно, давал информацию Тальботу (английский журналист – А.С.) об СССР, о ЦК, О ГПУ, обо всем. Сокольников – следовательно – был информатором (шпионом разведчиком) английской разведки»⁶⁹. Впоследствии Григорий Яковлевич был приговорен к 10 годам лишения свободы. 29 мая 1939 г. он был убит в Тобольской тюрьме.

Г.Я. Сокольников являлся талантливым государственным деятелем и дипломатом. Он внес большой вклад в развитие политического и экономического взаимодействия России со странами Запада и Востока после 1917 г. Сокольников был одним из идеологов и практиков политики мирного сосуществования государств с различными хозяйственными системами.

⁶⁸ Кен О., Рупасов А. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношение СССР с западными соседними государствами (конец 1920–1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. Ч.1. 1928–1934. СПб: 2000. С. 573.

⁶⁹ Сталин И. Сочинения. Т.18. Тверь, 2006. С. 125.

Глава 9

**«ВООРУЖЕНИЕ И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СЫРЬЕ,
ЖИЗНЕННО НЕОБХОДИМЫЕ ДЛЯ ПРОДОЛЖЕНИЯ
ПОБЕДОНОСНОЙ БОРЬБЫ С НАШИМИ ОБЩИМИ ВРАГАМИ»:
ПЕРЕГОВОРЫ ГЛАВЫ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ МИССИИ В США
А.К. РЕПИНА В ВАШИНГТОНЕ В ФЕВРАЛЕ 1942 г.**

И.Ю. Хрулёва

Проблематика советско-американского сотрудничества в годы Второй мировой войны и особенно тематика ленд-лиза до сих пор остаются одними из самых дискуссионных как в историографии, так и восприятии обычными людьми, которые зачастую ассоциируют американскую помощь во время войны исключительно с поставками тушенки¹. Между тем помощь оказывалась на миллиарды долларов, в СССР

¹ Даже беглое знакомство с материалами, представленными в современных отечественных средствах массовой информации, показывает живой интерес широких слоев российского общества к проблемам помощи союзников по антигитлеровской коалиции Советскому Союзу в годы Великой Отечественной войны: «Об этом не говорят»: что США потребовали за помощь по ленд-лизу // <https://ria.ru/20200821/lend-liz-1575996157.html> (дата обращения — 15.08.2021); Ленд-лиз — оружие Победы. Роль западной помощи Восточному фронту // <https://www.svoboda.org/a/30538060.html> (дата обращения — 15.08.2021); Ленд-лиз. Северные конвои. Стратегическое значение // https://stat.mil.ru/winner_may/allied_troops/more.htm?id=12008558@cmsArticle (дата обращения — 15.08.2021); Ленд-лиз: факты и мифы // <https://www.forbes.ru/mneniya-column/istoriya/288019-lend-liz-fakty-i-mify> (дата обращения — 15.08.2021); Роль ленд-лиза: репортаж «Вестей в субботу» // <https://www.vesti.ru/article/2551890> (дата обращения — 15.08.2021); Цена помощи: чем на самом деле оказался для СССР американский ленд-лиз // <https://tvrzvezda.ru/news/2021315124-Z6qGj.html> (дата обращения — 15.08.2021); «Не выиграли бы войну без США»: как ленд-лиз помог СССР. 75 лет назад США свернули программу ленд-лиза // https://www.gazeta.ru/science/2020/08/20_a_13204369.shtml (дата обращения — 15.08.2021); Ленд-лиз. Вот такой бизнес // <https://diletant.media/articles/45313112/> (дата обращения — 15.08.2021); Ленд-лиз: не забыть сказать «Спасибо!» // <https://diletant.media/articles/45248545/> (дата обращения — 15.08.2021); Программа ленд-лиза приблизила победу над нацизмом, сказал Владимир Путин // <https://russkiymir.ru/news/286782/> (дата обращения — 15.08.2021).

поставлялись не только разнообразные продукты питания, но и вооружение, автомобили, стратегические материалы (сталь, алюминий, нефтепродукты и т.д.), лекарства. Хотя масштаб американской помощи Советскому Союзу в избранный хронологический период — с июля 1941 г. по февраль 1942 г. — был ограничен, да и американские поставки в СССР в самом начале Великой Отечественной войны осуществлялись в основном не в рамках программы ленд-лиза, а путем предоставления кредитов Советскому Союзу на прямые закупки вооружения, тем не менее, именно в первые месяцы Великой Отечественной войны были заложены основы союзнических отношений между СССР и США и определены основные параметры американской экономической помощи, выработана логистика доставки грузов в Советский Союз, финансовая составляющая программы и произведена оценка возможностей американской оборонной промышленности.

Ленд-лиз стал историческим примером беспрецедентного дипломатического, военного и экономического сотрудничества стран антигитлеровской коалиции, способствовавшего победе над нацистской Германией. Основной особенностью ленд-лиза является сам факт его существования. Действие закона о ленд-лизе было распространено на СССР, невзирая на существенные политические и идеологические противоречия, разделяющие Советский Союз и США. Стремление победить общего врага стало основой поразительного сотрудничества советских и американских дипломатов и военных, несмотря на огромное количество предрассудков и годами складывавшееся недоверие между двумя странами.

Хотелось бы отметить происходящую в последние годы настоящую «архивную революцию», когда все больше и больше документов из различных архивов (как американских, так и отечественных) становятся доступны исследователям. Ключевые материалы, раскрывающие взаимоотношения двух стран в ходе осуществления программы ленд-лиза, хранятся в Российском архиве социально-политической

истории (РГАСПИ), Архиве внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), Российском государственном военном архиве (РГВА) и Российском государственном архиве экономики (недавно рассекреченная уникальная коллекция документов Правительственной закупочной комиссии СССР в США). Архивные материалы легли в основу ряда фундаментальных публикаций последних лет, посвящённых различным аспектам ленд-лиза².

В чем важность изучения деятельности советской военной миссии, визитов ее руководителей в США? Эти поездки широко освещались американской прессой. Материалы же периодической печати дают исследователям важную информацию о развернувшейся борьбе как в средствах массовой информации, так и в политических и военных кругах США по вопросу о необходимости оказания помощи СССР и о формировании нового образа советского государства — союзника по совместной борьбе, а не идеологического оппонента. Если в ряде публикаций лета 1941 г. вновь и вновь поднимается вопрос о «надежности» СССР в качестве союзника США, то к февралю-марту 1942 г. критический тон статей в адрес Советского Союза практически стихает, уступая место восхищению героизмом советского народа: «Русские ... демонстрируют военную силу и боевое искусство высочайшего уровня. Они безусловно заслужили те денежные средства и то военное оборудование, которые мы можем им предоставить. Мы

² Ленд-лиз и арктические конвои: от регионального сотрудничества к глобальной коалиции. Научный ред. М.Н.Супрун. Архангельск, 2021; Быстрова И.В. Ленд-лиз для СССР: Экономика, техника, люди (1941–1945). М., 2019; Минкова К.В. Экономические истоки холодной войны: советско-американские экономические отношения в 1943–1947 гг. СПб., 2021; Супрун М.Н. Ленд-лиз и северные конвои. 1941–1945 гг. М., 1997; Краснов В.Н., Краснов И.В. Ленд-лиз для СССР. 1941–1945. М., 2008; Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 8. Внешняя политика и дипломатия Советского Союза в годы войны. М., 2014; Куманев Г.А., Серазетдинов Б.У. Военная экономика СССР — важнейший фактор Великой Победы (1941–1945 гг.). М., 2015; Поздеева Л. В. Ленд-лиз для СССР: дискуссия продолжается // Вторая мировая война: актуальные проблемы. М., 1995. С. 324–33; Бутенина Н. В. Ленд-лиз. Сделка века. М., 2004.

должны высоко ценить их, как наших союзников в войне, и восторгаться ими»³.

Политическому руководству Соединенных Штатов предстояло преодолеть изоляционистские настроения, традиционно господствующие как среди рядовых жителей США⁴, так и среди определенной части американской политической элиты. Огромную роль в формулировании американской внешнеполитической линии в отношении воюющего Советского Союза оказала личная позиция американского президента, объявившего на пресс-конференции 24 июня 1941 г., что «Соединенные Штаты Америки окажут всевозможную помощь России»⁵.

Одним из главных опасений американцев было то, что Советский Союз не выстоит под ударами немецких войск. Первый руководитель Администрации ленд-лиза Эдвард Стеттиниус отмечал, что «в день 22 июля 1941 года как в военных кругах, так и вне их многие не верили, что сопротивление Советского Союза может быть продолжительным. Я вспоминаю много дискуссий, участники которых говорили, что война в России закончится к 1 августа. Те, кто придерживался этой точки зрения, считали, что все оружие, которое мы пошлем, вероятно, попадет в руки Гитлера. Единство советского народа и сила Советской армии недооценивались в те дни не только в Берлине, но также и в Вашингтоне и Лондоне»⁶. Действительно, Военное и военно-морское ведомство США расценивали шансы Советского Союза на выживание как ничтожно малые, а продолжительность сопротивления СССР

³ World Telegram. February 23, 1942.

⁴ Согласно опросам общественного мнения, проведенным в октябре 1941 г., только 22% американцев готовы были рассматривать Советский Союз в качестве «полноправного партнера» в борьбе с державами оси. Рукавишников В.О. Холодная война, холодный мир. Общественное мнение в США и Европе о СССР/России, внешней политике и безопасности Запада. М., 2005. С.94.

⁵ Советско-американские отношения 1939–1945. М., 2004. С. 141.

⁶ Стеттиниус Э. Ленд-лиз — оружие победы // Загадки ленд-лиза. М.: Вече, 2000. С. 110.

гитлеровской Германии — в полтора — три месяца⁷. Многие представители правящей элиты США откровенно опасались, что в случае быстрого поражения СССР в войне вся оказанная стране помощь окажется в распоряжении германской армии. Эгоистическая позиция американских военных также препятствовала налаживанию взаимодействия в первые месяцы войны, о чем неоднократно писали в своих отчетах представители Правительственной закупочной комиссии СССР в США, отмечая что «со стороны Армии и Флота огромный нажим в отношении выполнения их программы, никто в Комитете военного производства не решается давать преимущества нашим заказам»⁸.

Первая советская военная миссия была отправлена в Великобританию и США в июле 1941 г. решением Государственного Комитета Оборона СССР. Ее возглавил генерал-лейтенант Ф.И.Голиков, бывший перед войной начальником Главного разведывательного управления, однако изначально решение технических вопросов, связанных с поставками конкретных видов вооружений и стратегических материалов, было поручено генерал-майору инженерно-технической службы А.К.Репину⁹. Более того, поскольку А.К.Репин

⁷ Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. М., 2006. С. 20; Комарков А.Ю. Проблемы становления союзнических отношений СССР с Англией и США (22 июня — октябрь 1941 г.//Новейшая история России. 2012. № 1. С. 147.

⁸ Быстрова И.В. СССР и США в годы Второй мировой войны: роль личных контактов в сотрудничестве. Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2016 (2). С. 66.

⁹ **Репин, Александр Константинович (1903–1976)** — глава советской военной миссии в США, заместитель наркома авиационной промышленности, в 1942–1946 гг. — главный инженер Военно-Воздушных сил Красной Армии, заместитель командующего и член Военного Совета ВВС. Одновременно с сентября 1942 г. он являлся начальником Главного Управления инженерно-авиационной службы Красной Армии и с 1944 г. начальником Государственного Краснознаменного НИИ ВВС. А.К.Репин был награжден Орденом Легиона Почета (США), переданным президентом США Ф.Д.Рузвельтом И.В.Сталину на закрытии Ялтинской конференции: The Big Three Meeting Again to Make Plans for the World Yalta Talks End. Big 3 Doom Nazis New Cabinet Indicated Fascism to Be Uprooted Leahy Also in Party // The New York Times. February 13, 1945.

в конце июля — начале сентября 1941 г. совершает многочисленные поездки с целью посещения оборонных предприятий США, прежде всего, производящих авиационную технику, расположенных в Сан-Диего¹⁰, Лос-Анжелесе¹¹, Риверсайде¹² Индианаполисе¹³, Балтиморе¹⁴ и других американских городах, именно он находится в фокусе внимания американских средств информации. В 1942 г. для более эффективного решения вопросов поставок вооружений и стратегических материалов А.К.Репин был назначен главой советской военной миссии в США.

«Хотя о приезде советской военной миссии в США открыто не сообщалось, это нисколько не помешало журналистам и фотографам узнать о нем». Однако члены советской военной миссии «сочли целесообразным официального заявления представителям прессы не делать»¹⁵, и в течение всего время нахождения советских военных на территории США американская пресса строила различные предположения относительно цели визита, тем не менее, отмечая беспрецедентный уровень советской делегации (впервые советские офицеры столь высокого уровня находились на территории США)¹⁶, детально описывая внешность руководителей советской военной миссии, их возраст, умение и желание общаться с представителями средств массовой информации¹⁷.

¹⁰ Soviet Officials Visit San Diego Plane Plant//The Sacramento Bee. September 2, 1941; Russians in US Buying Planes//Denton Record-Chronicle. September 2, 1941; Red Air Mission Heads towards US//The Baltimore Sun. September 3, 1941; Aircraft Builders Talk to Russians//Spokane Chronicle (Spokane, Washington). September 2, 1941; Red Confer on US Planes // Fort Worth Star-Telegram. September 2, 1941; Seek Big Bombers//Philadelphia Inquirer. September 3, 1941; Red Technicians are Flying to US//The Morning News (Wilmington, Delaware). September 3, 1941.

¹¹ Russ Have no Doubt of Defeating Germans // Oakland Tribune. September 4, 1941.

¹² Soviet Air Force Mission Arrives // The Pasadena Post. September 3, 1941.

¹³ Russian Military Mission Visits Allison Plant // The Indianapolis News. August 25, 1941; Says Russ Confident of Stopping Germans//The Star Press. August 26, 1941.

¹⁴ Soviet Military Mission Arrives//The Los Angeles Times. September 4, 1941.

¹⁵ Голиков Ф.И. Записки начальника Разведупра. М., 2018. С. 117.

¹⁶ Soviet Mission Here for Aid//St.Louis Globe. July 27, 1941.

¹⁷ Soviet Mission to US to Get Army Supplies//Chicago Tribune. July 27, 1941.

Уклончивые ответы советских военных относительно покупки конкретных моделей военной техники в США американская пресса объясняет нежеланием предоставить «ценную информацию для Германии», однако авторы статей были уверены, что «красные генералы просят ускорить поставки вооружений»¹⁸.

Важнейшей задачей представителей советской военной миссии в США было убедить американское руководство в том, что военное положение СССР не является катастрофическим, а Красная Армия сохраняет свою боеспособность. «Оба генерала (А.К. Репин и Ф.И. Голиков) подчеркивали необходимость быстрых действий, но они были абсолютно уверены в том, что Красная армия не будет разгромлена летом и, более того, что у нее хватит сил для захвата инициативы с началом зимы. Это были смелые слова в дни, когда Красная армия откатывалась назад по Украине и Белоруссии»¹⁹, — вспоминал Э.Стеттиниус. Инспектируя американские авиационные заводы, разбросанные по всей стране, и отвечая на многочисленные вопросы представителей американской прессы, генерал А.К.Репин неизменно выражал уверенность в победе Советского Союза над Германией, отмечал «оптимизм русского народа», но подчеркивал, что «эффективная помощь Америки ускорит победу»²⁰. «Моральный дух народа СССР силен. Никто в России не сомневается в скорой победе над Германией»²¹. Представляя советские военно-воздушные силы, генерал А.К.Репин назвал гитлеровской пропагандой информацию о «тотальном уничтожении рус-

¹⁸ Wells Welcomes Russian Mission//The Baltimore Sun. July 27, 1941.

¹⁹ Стеттинниус Э.П. Ленд-лиз — оружие для победы. С. 112.

²⁰ War with Germany is Just Beginning, Russian Military Mission Member Says//The Indianapolis Star. August 26, 1941; Russians Confident//The Journal Herald (Dayton, Ohio). August 26, 1941; 5 Soviet Air Experts Visit San Diego Plant//The Fresno Bee (Fresno, California). September 2, 1941; Soviet Officials Inspect Coast Aircraft Plant//Record-Journal (Meriden, Connecticut). September 3, 1941; Major General Repin Inspects Allison Co.//The Daily Clintonian (Clinton, Indiana). August 25, 1941.

²¹ Soviet Military Mission Arrives//The Los Angeles Times. September 4, 1941.

ских самолетов»²². «Довольно быстро немцы убедились в силе русских военно-воздушных сил»²³. Однако «генерал Репин заявил, что каждый самолет, который будет предоставлен России, ускорит победу над Германией», и «мы победим быстрее, если другие страны нам помогут, но разница только во времени»²⁴.

Действительно, «прибытие советской военной миссии положило действительное начало программе военной помощи Советскому Союзу. Генералы Голиков и Репин встретились и разговаривали с президентом»²⁵, а также с другими представителями правительства. Рузвельт вскоре после этого рассмотрел вопрос на заседании кабинета, обратив внимание на тот факт, что прошло почти шесть недель с начала войны на русском фронте, но практически ничего из нужных России материалов не отправлено»²⁶. В результате переговоров представителей американской администрации и лично президента Рузвельта с членами советской военной миссии в конце июля — начале августа 1941 г. были достигнуты первые результаты, которые открыли возможности оказания экономической помощи СССР (пока вне поля действия программы ленд-лиз)²⁷: на Советский Союз перестали распространяться ограничения на поставки вооружений, оговоренные законом о нейтралитете, были разблокированы счета СССР в американских банках и снят запрет на финансовые операции с СССР. Немаловажную роль в постепенном налаживании советско-американского сотрудничества

²² War with the Nazis is Just Starting, Russian Mission Member Says // Palladium Item (Richmond, Indiana). August 26, 1941.

²³ Russians Confident//The Journal Herald (Dayton, Ohio). August 26, 1941.

²⁴ Soviet Officials Visit Plant in West Making Bombers//The Times Dispatch (Richmond, Virginia). September 3, 1941.

²⁵ President, Russians Discuss War Aid // Philadelphia Inquirer. August 1, 1941.

²⁶ Стеттинниус Э.П. Ленд-лиз — оружие для победы. С. 113.

²⁷ Soviet Mission Here for Aid//The New York Times. July 27, 1941; Red Army Group Is in Washington; General Golikoff, Who Flew from Britain, Opens Talks with Welles and Marshall// The New York Times. July 27, 1941; Welles Receives Russian Military Mission//St.Louis Globe. July 27, 1941.

и улучшению взаимоотношений играли контакты — «полуофициальные, неофициальные, дружеские (завтраки, обеды, ужины и т.д.)»²⁸. В октябре 1941 г. правительство США распространило действие закона о ленд-лизе на поставки для Советского Союза. Это решение имело важное политическое и психологическое значение, так как американская администрация продемонстрировала решимость оказывать действенную помощь советскому народу, противостоящему германской агрессии — хотя масштаб этой помощи в первые месяцы Великой Отечественной войны был ограниченным. По справедливому замечанию М.Ю.Мягкова, помощь США Советскому Союзу в период действия Первого (московского) протокола «оказывалась в сравнительно небольшом объеме и отставала от запланированных норм. Она не оказала серьезного материального содействия борьбе Красной армии в период битвы за Москву, хотя некоторые виды поставок (меди, алюминия и др.) компенсировали резкое падение советского промышленного производства в связи с эвакуацией. Важно, однако, подчеркнуть, что ленд-лиз имел тогда для советских людей и другое измерение — он показывал, что СССР не одинок в ведущейся войне»²⁹.

Более того, постепенно администрация Франклина Рузвельта начинает рассматривать экономическую помощь Советскому Союзу в качестве компенсации за недостаточную американскую военную активность в борьбе с державами оси. Это была возможность для США отстаивать собственные национальные интересы, не принимая непосредственного участия в боевых действиях, ведь в законе о Ленд-лизе прямо было сказано о предоставлении правительству той или иной страны, «оборону которой Президент признает жизненно

²⁸ Быстрова И.В. СССР и США в годы Второй мировой войны: роль личных контактов в сотрудничестве. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2016 (2). С. 67.

²⁹ Мягков М.Ю. Ленд-лиз для СССР и его вклад в победу союзников в годы Второй мировой войны // Ленд-лиз и арктические конвои: от регионального сотрудничества к глобальной коалиции. Научный ред. М.Н.Супрун. Архангельск, 2021. С. 19.

важной для безопасности Соединенных Штатов» — займы или в аренду — вооружений, продовольствия, оборонных и стратегических материалов³⁰.

Однако в деле реализации программы ленд-лиза в отношении Советского Союза было множество объективных и субъективных сложностей — об этом довольно подробно писал в своих мемуарах Эдвард Стеттиниус: «На уровне контрактов и отпускаемых средств советская программа развивалась быстро. Практически к концу января 1942 года мы истратили первый миллиард долларов, предназначенный для России, и наш президент, после обмена телеграммами с премьером Сталиным, санкционировал выделение второго миллиарда. Но доллары и контракты — не то же самое, что танки и самолеты, в которых нуждалась Россия. Поставки всё еще были недостаточными, и стало очевидно, что чрезвычайные обстоятельства, последовавшие за Перл-Харбором, вызвали заметные задержки в выполнении Московского протокола, согласно которому наше правительство должно было поставить в Россию определенное количество товаров к определенному сроку»³¹. Принципиальное значение имела личная вовлеченность Франклина Рузвельта в реализацию программы ленд-лиза для Советского Союза, его заинтересованность и контроль за графиками и номенклатурой поставок³².

Для того, чтобы сдвинуть с мертвой точки временно забуксовавшую программу ленд-лиза в отношении Советского Союза, большое значение имела личная встреча главы советской военной миссии в США А.К.Репина с президентом США в феврале 1942 г. Меняется и тональность публикаций в американской прессе, освещавших приезд главы советской военной миссии А.К.Репина в США в феврале 1942 г., все чаще в статьях говорится о «сердечности» переговоров

³⁰ Плешков В.Н. Закон о ленд-лизе и северные конвои // Северные конвои: исследования, воспоминания, документы. Архангельск, 1991. С. 9.

³¹ Стеттиниус Э.Р. Ленд-лиз — оружие для победы. С. 200.

³² Franklin Roosevelt Presidential Library. President's Secretary's File. Russia, 1942–1945.

советского генерала с Франклином Рузвельтом, «словах поддержки», высказанных американским президентом в адрес советского народа, отмечается детальное «обсуждение ситуации» на советско-германском фронте, встречах за ланчем и т.д. Если в сообщениях о первом визите советских военных в США многочисленные американские периодические издания, как правило, называют Советский Союз — «Россией», народ СССР — «русскими», то в начале 1942 г. авторы статей все чаще начинают использовать официальное (корректное) название страны. Многие издания приводят интересные детали неформального общения американского президента с главой советской военной миссии, свидетельствующие о качественно новом уровне отношений между двумя государствами: «Репин нанес визит в Белый Дом, чтобы попроситься с президентом, так как собирается вскоре улететь в Советский Союз»³³.

Встреча президента США с главой советской военной миссии согласно документам Белого дома состоялась 12 февраля 1942 г.³⁴ По итогам этой встречи президент США предложил главе советской военной миссии изложить в письме основные проблемы реализации программы ленд-

³³ О переговорах главы советской военной миссии А.К.Репина с Ф.Д.Рузвельтом в феврале 1942 года см. Roosevelt Confers with Soviet Aides; He Discusses Army Supply With Repin, Russian General//The New York Times. February 13, 1942; Litvinoff, Repin Chat with President on Aid to Soviet//The Morning Spotlight (Hastings, Nebraska). February 13, 1942; Russian Supplies//York Daily Record (York, Pennsylvania). February 13, 1942; Russian Envoy, F.R. Confer on Supply Problem//The Minneapolis Star. February 12, 1942; Russian Supply Chief Confers with President//The Nashville Banner. February 12, 1942; F.D.R., Red Envoy 'Review Situation'//Philadelphia Inquirer. February 13, 1942; U.S. Supplies to Russia Studied//The Evening Sun (Baltimore, Maryland). February 12, 1942; Pasadena Star-News. February 13, 1942; Roosevelt and Russian Discuss Supply Problem//The Sacramento Bee. February 13, 1942; F.D.R., Russian Confer//The Daily News (New York). February 13, 1942; Red Supply Agent Talks to President//Pittsburgh Post-Gazette. February 13, 1942; Russian Supplies//The Gazette and Daily (York, Pennsylvania). February 13, 1942; F.R. Says Farewell to Russian General//The Morning Post (Camden, New Jersey). February 13, 1942.

³⁴ О встрече есть официальная запись в бумагах Белого Дома — <http://www.fdrlibrary.marist.edu/daybyday/daylog/february-12th-1942/> (дата обращения — 10.01.2022).

лиза в отношении Советского Союза. Это письмо, написанное на английском языке и датированное 15 февраля 1942 г., хранится в Архиве Рузвельтовского Института в Гайд-Парке³⁵ — копия документа находится в Российском государственном архиве экономики.

Все дипломатические формулы вежливости были тщательно соблюдены, тем не менее глава советской военной миссии предметно информирует президента о систематическом нарушении как сроков, так и объемов поставок в СССР военного оборудования и стратегических материалов, оговоренных в Первом (Московском) протоколе программы ленд-лиз в отношении Советского Союза. Так, например, количество танков, посланных в СССР, составило только «283 вместо 1271, установленных Московским протоколом, противоздушных пушек — отправлено 4 вместо 30, минометов — 165 вместо 460». Количество же боеприпасов, посылавшихся в комплекте к указанному вооружению, было, по словам А.К.Репина, «настолько неадекватным, что в очень скором времени танки и самолеты окажутся в СССР бесполезными, из-за недостатка боеприпасов. Мы вообще не получили 75-мм снарядов, без которых танки невозможно эффективно использовать на полях сражений. Количество посланных нам патронов калибра 50 для самолетных пулеметов исходит из расчета 1200 лент на каждый пулемет, что недостаточно для такого типа пулемета». Главная же проблема состояла в «острой нехватке запасных частей для самолетов американского производства, поставленных в СССР — около 30% доставленных самолетов уже не могли там использоваться». Вновь и вновь звучит мысль об эгоистической позиции Военного ведомства США, которое «очень долго проводит процедуру утверждения этого списка (предоставленного советской стороной — ИХ), и в настоящее время многие самолеты бесполезно простаивают на наших аэродромах». Особенно

³⁵ Alexander K. Pepin to FDR, February 15, 1942 // Franklin Roosevelt Presidential Library. President's Secretary's File. Lend Lease, 1942 (1).

отмечалась важность поставок военного оборудования, материалов и сырья, так как от этого зависело «выполнение программы производства военного оборудования и вооружения в СССР» — многие наименования еще не были включены в протокол, но глава советской военной миссии считал их «наиболее важными» для развития военной экономики Советского Союза³⁶.

Конечно, едва ли не самой острой проблемой в начальный период действия программы ленд-лиза в отношении Советского Союза, была организация транспортировки грузов. Глава советской военной миссии в США информировал Рузвельта, что «доставка военного оборудования и стратегических сырьевых материалов, перечисленных в протоколе Московской конференции, утвержденном Вами, идет очень медленно, и количество доставленного к настоящему времени гораздо меньше, чем упомянуто в Протоколе, и не соответствует графикам перевозок».

«Количество и состояние кораблей, выделенных органами Правительства США, ответственными за перевозки, являются недостаточными для перевозки в СССР даже тех количеств материалов и оборудования, которые упомянуты в параграфе 1. Персонал кораблей набирается без должного внимания, и формирование экипажа производится зачастую всего за несколько дней до отплытия кораблей. Поэтому экипажи кораблей не имеют достаточной подготовки и, как я полагаю, не очень надежны. Средства перевозок, количество и оборудование доков недостаточны для выполнения операций по перевозке в СССР, а также условия перевозок делают весьма вероятными акты саботажа. Кроме того, в портах наблюдается нехватка рабочей силы, которая задействована в перевозке ленд-лизских грузов в СССР»³⁷.

Важным результатом встречи главы советской военной миссии с президентом США было то, что Рузвельт взял под

³⁶ РГАЭ. Ф 413. Оп. 12. Д. 6748. Л. 175–177.

³⁷ РГАЭ. Ф 413. Оп. 12. Д. 6748. Л. 175–177.

свой личный контроль выполнение поставок СССР. Рузвельт отдал распоряжение членам своей администрации незамедлительно представить графики «дат поставок материалов и отправки кораблей». Он писал Дональду Нельсону: «Я хочу, чтобы все военные материалы, обещанные согласно протоколу, отправлялись по назначению как можно быстрее, независимо от того, как это повлияет на другие разделы нашей программы». Адмиралу Лэнду он писал: «В первую очередь следует осуществить поставки, предусмотренные Московским протоколом. Я хотел бы, чтобы вы выделили дополнительное количество кораблей, требуемых на центрально- и южноамериканском направлениях, независимо от других соображений»³⁸. И действительно, объемы поставок резко увеличились — при этом возросло значение тихоокеанских портов США, и разнообразие грузов (до этого в СССР поставлялось в основном вооружение). Преодоление довольно жесткой бюрократической системы снабжения США предстояло созданной в феврале 1942 г. (приступила к работе в апреле 1942 г.) по итогам встречи американского президента с главой советской военной миссии Правительственной закупочной комиссии СССР в США (до этого советские заказы на американских оборонных предприятиях размещали структуры Амторга). «С военно-политической точки зрения правительство США в то время не скрывало того факта, что первоначальное значение Закона о ленд-лизе заключалось в том, чтобы «обеспечить, чтобы война оставалась вдали от нашей страны и нашего народа»³⁹.

Ярким свидетельством нового качества советско-американских отношений стала информация, опубликованная во многих периодических изданиях США, о решении совета индейских племен объявить И.В.Сталина «величайшим

³⁸ Franklin Roosevelt Presidential Library. President's Secretary's File. Russia, 1942–1945.

³⁹ Быстрова И.В. Ленд-лиз для СССР: Экономика, техника, люди (1941–1945). М., 2019. С. 31, 66.

воином» 1941 года. На торжественной церемонии в феврале 1942 г., на которой главе советской военной миссии генералу А.К.Репину должны были вручить головной убор из перьев гигантского орлана, предназначенный для советского лидера, присутствовало более полутора тысяч американских индейцев⁴⁰. Таким образом, материалы американской прессы свидетельствовали об укреплении союзнических отношений между двумя странами, постепенном росте доверия среди политического и военного руководства двух стран и радикальном изменении образа Советского Союза в американском обществе.

ЧАСТЬ II

ЗАПАДНЫЕ ДИПЛОМАТЫ

⁴⁰ Indian War Bonnet Awarded to Stalin; Mohawk Chief Presents Gift at Ceremony in Brooklyn for 1941's 'Greatest Warrior' Tribal Heads Present Russian Relief Official Accepts Gift, Which Will Go On Next Ship To The Soviet//The New York Times. February 21, 1942; Stalin Made a Heap Big Chief//The Daily News (New York). February 16, 1942; Stalin to Be Named As Chief by Indians//The Morning Post (Camden, New Jersey). February 17, 1942; Red Men Pick Stalin As Warrior of 1941//The Morning News (Wilmington, Delaware). February 16, 1942.

Глава 10

ИСПОЛНИТЕЛИ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ПОРУЧЕНИЙ ВЕНЕЦИИ XVI — НАЧАЛА XVIII В.: БАЙЛО ПРИ ДВОРЕ ТУРЕЦКОГО СУЛТАНА

М.В. Третьякова

Среди представителей дипломатической деятельности Венеции особое место занимали консулы и байло/баюйло¹. Вначале в их компетенцию входило оформление торговых сделок, наблюдение за тем, не нарушаются ли права их соотечественников, находившихся за границей. Например, этим занимался байло в Константинополе. Такая практика зародилась в XII в., когда итальянские купцы, путешественники собирали информацию, открывая колонии на Леванте. Интересы итальянских республик в данном регионе представляли консулы пизанские в Акре, генуэзские в Константинополе, венецианские в Александрии. Позже они стали выполнять и дипломатические функции.

Строго говоря, по нормам государственного права консулы дипломатами не были. Важные миссии или переговоры обычно поручались специальным посольствам или послам, но иногда консулы могли выполнять подобные функции. Они могли представлять свои государства на местах, даже изредка вести переговоры от имени своих государей. Консулы таких республик, как Генуя и Венеция, были обязаны докладывать своим правительствам не только коммерческие новости, но и политические. У Венеции сначала таким представителем был байло в Константинополе, имевший и консульские, и дипломатические функции, с течением временем должность байло в Константинополе

¹ В исторической литературе применяются оба варианта написания представителя Венеции в Константинополе — *bailo/baiulo* (байло/баюйло). Современные авторы отдают предпочтение первому — *bailo* (байло).

была приравнена к рангу полномочного ординарного посла, но в то же время Венеция отправляла в Османскую империю и своих чрезвычайных полномочных послов. Во всяком случае, дискуссия в исторической литературе, считать ли байло послом или нет, в начале XXI в. завершилась тем, что пришли к выводу («договорились»), что следует считать пост байло постом венецианского представителя в Константинополе, т. е. ординарным полномочным послом. Хотя этой точки зрения придерживался еще Г. Браун, называя байло — агентом-резидентом².

Считается, что с 1265 года байло представляли интересы Венеции в Константинополе сначала при дворе византийского императора, а после 1453 года и при дворе османского султана. Официально байло был признан в качестве посла Венеции только в 1575 году. До этого он считался только главой венецианской общины в Константинополе³. Статус байло включал в себя гарантии безопасности, османские власти обязались «не арестовывать, не досматривать, не опечатывать дома, не смещать» байло. По возвращении в Венецию байло, как и прочие послы при европейских дворах, представляли в Сенат донесение (*relazione*) о выполненной им миссии⁴. Правда, иногда сообщения именовались дневниками⁵.

² Brown H. Venetian Diplomacy at the Sublime Porte during the Sixteenth Century // Brown H. Studies in the History of Venice. L.: John Murray, 1907. Vol. II. P. 2.

³ Pedani M.P. Bailo // Encyclopedia of the Ottoman Empire / Gabor Ágoston; Bruce Masters. New York, NY: Facts on File, 2009. P. 72–73.

⁴ Ibidem.

⁵ Diario del viaggio da Venezia a Costantinopoli fatto da m. Jacopo Soranzo, ambasciatore straordinario della Serenissima Repubblica di Venezia al sultano Murad III, in compagnia di m. Giovanni Correr bailo alla Porta ottomana, descritto da anonimo che fu al seguito del Soranzo 1575 / Ed. V. Lazari. Venezia.: Tipografia Merlo, 1856 (nozze Trieste-Vivante); Diario di un viaggio da Venezia a Costantinopoli di M. Paolo Contarini che andava bailo per la repubblica veneta alla porta ottomana nel 1580 / M. Paolo Contarini. Venezia: coi tipi di Teresa Gattei, 1856. Хотя о миссии 1576 г. Джакомо Соранцо есть и отчет: Relazione dell'impero Ottomano del clarissimo Giacomo Soranzo, ritornato ambasciatore da Sultano Amurat li 8 di novembre 1576 // Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato / Raccolte, annotate ed edite da Eugenio Albèri. Firenze: Tipografia all'Insegna di Clio, 1844.

В любом случае, в венецианском государстве для обозначения официалов, занимавшихся дипломатической деятельностью, применялись следующие термины:

ambasciatore ordinario — полномочный посол-резидент;

ambasciatore extraordinario — чрезвычайный и полномочный посол;

bailo — агент-резидент (байло) в Константинополе;

consul — консул (резидент) в Лондоне, иногда в других итальянских городах-государствах, кроме Рима;

residente — резидент, посланец Венеции в итальянских городах-государствах.

Иногда для обозначения официала, выполнявшего дипломатическую миссию, употреблялся термин *orator*.

В XVIII в. появился пост дипломата, направляемого в Россию, в Петербург — *nobile a Pietroburgo*⁶.

В XVI в. Республика Святого Марка отправляла пять полномочных послов — по происхождению нобилей — ко дворам германского императора, французского, испанского и английского королей (королев для Англии), папской курии. В Константинополь отправлялся посланник, носивший титул байло, он также чаще всего был по происхождению нобилем, но могли быть и исключения, когда интересы Венеции в Османской империи представлял выходец из читтадини. В Милан, Турин венецианское правительство отправляло *residenti ordinarii*, по происхождению из читтадини, своих секретарей, или консулов. Хотя в XVI в. и в итальянские государства тоже могли быть отправлены послы, которые были по происхождению нобилиями.

С конца XV в. в Константинополь чрезвычайные посольства Венецианская республика снаряжала либо с целью поздравить с восшествием на престол/принести соболезнования о кончине предшественника, с целью принять участие

⁶ Brown H. Venetian Diplomacy at the Sublime Porte during the Sixteenth Century Studies in the History of Venice... P. 2. В XVII–XVIII вв. произошли изменения в местах аккредитаций венецианских послов (Zannini A. Economic and social aspects of the crisis of Venetian diplomacy in the seventeenth and eighteenth centuries // Politics and Diplomacy in Early Modern Italy: The Structure of Diplomatic Practice, 1450–1800 / Ed. by D. Frigo, transl. by A. Belton. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 112–113).

в празднике обрезания первенца султана — его преемника, и для решения важных международных проблем — возобновления капитуляций или заключения/обсуждения мирных переговоров⁷.

Праздник обрезания сына турецкого султана имел государственный характер и отмечался масштабно, с обязательным участием в нем представителей европейских правителей⁸. Традиция приглашать глав европейских стран на эти праздничные мероприятия зародилась при Мехмеде II (1451–1481). Правда, в 1457 г. венецианский дож Франческо Фоскари отказался принять участие в празднике⁹. Приглашение на участие в этом празднике Венецианская республика получала через курьера турецкого султана — чауша (ciaussi).

Например, в 1582 г. такую делегацию возглавил Джакомо Соранцо (1518–1599). В состав этой делегации вошли представители Венеции и других итальянских государств¹⁰. По словам автора отчета, мотивами, определявшими желание итальянцев принять участие в вояже, являлись: во-первых, служение на благо родине («служба своей синьории достолавной в этом путешествии»); во-вторых, туризм («пользуясь благородной и редкой возможностью увидеть Порту, безопасность¹¹ и удобство пути»); в-третьих, меркантильность («... позволяло приобрести много вещей, включая и милости этого Синьора» (султана. — *М. Т.*)¹². Если говорить об участ-

⁷ Dursteler E. R. The Bailo in Constantinople: Crisis and Career in Venice's Early Modern Diplomatic Corps // *Mediterranean Historical Review*. Vol. 16 № 2 (December 2001). P. 3. URL: <http://levantineheritage.com/pdf/Dursteler.pdf>.

⁸ Мантран Р. Повседневная жизнь Стамбула в эпоху Сулеймана Великолепного. М.: Молодая гвардия, Палимпсест, 2006. С. 333–334.

⁹ Фрили Д. Тайны османского двора Частная жизнь султанов. Смоленск: Русич, 2004. URL: <http://iknigi.net/avtor-dzhon-frili/72780-tayny-osmanskogo-dvora-chastnaya-zhizn-sultanov-dzhon-frili/read/page-6.html>.

¹⁰ Г. Браун пишет, что в посольстве принимало участие более 40 человек, включая слуг. Каждому из участников посольства было позволено взять с собой одного слугу (Brown H. *Venetian Diplomacy at the Sublime Porte during the Sixteenth Century* ... P. 8).

¹¹ Скорее всего, автор этих слов имел в виду определенную известность опасности этого маршрута, но не его безусловную безопасность, но нашему мнению.

¹² *Relazione e diario del viaggio di Jacopo Soranzo ambasciatore della Repubblica di Venezia per il Ritaglio di Mehemet figliuolo di Amurat imperatore dei Turchi l' anno*

никах посольства со стороны Венеции, то это были представители знатных венецианских патрицианских семей.

Существовало несколько вариантов добраться от Венеции до Константинополя. Первый — по морю, им чаще всего и пользовались. Таким путем обычно добирались до Константинополя венецианские караваны¹³: Венеция — Истрия (Пула) — Задар — Рагуза — Корфу — Закинф — Модон и Корон — Китира — Константинополь¹⁴.

Второй вариант — морем до Далмации и далее по старой римской дороге по Балканскому полуострову до столицы Порты.

Если исходить из сообщений венецианских послов, отправлявшихся в Константинополь либо как байло, либо во главе экстраординарного посольства, то могли использоваться оба варианта путешествий. Сначала до Далмации или до владений Османской империи на Балканах морем, а потом по суше. Причины путешествия по суше могли быть разными: например, решили, что так будет дешевле и надежнее, чем по морю. Но чаще всего предпочитали передвижение по суше из-за опасности нападения на корабли венецианского посольства корсаров и ускоков. Так, например, Паоло Контарини прямо писал, что именно по этой причине им пришлось ехать на лошадях, расставшись со своими галейми в Рагузе¹⁵.

Анонимный автор «Дневника путешествия Джакомо Соранцо, 1575 г.» также объяснял их причину движения по суше от Алесслио¹⁶ до Константинополя опасностью нападе-

1581 // *Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato / Raccolte, annotate ed edite da Eugenio Albèri*. Firenze: Tipografia all'Insegna di Clio, 1844. P. 212.

¹³ Карпов С. П. Маршруты черноморской навигации венецианских галей «линии» в XIV–XV вв. // *Византия. Средиземноморье. Славянский мир*. М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 1991. С. 82–97.

¹⁴ *Relazione e diario del viaggio di Jacopo Soranzo, 1581* ... P. 213–223.

¹⁵ **Diario di un viaggio da Venezia a Costantinopoli di M. Paolo Contarini... P. 12–13.**

¹⁶ Г. Браун пишет, что существовало 2 пути от Алесслио до Константинополя. Первый (северный) через Скопье к Филиппополю (совр. г. Пловдив) и Адрианополь (совр. г. Эдирне); второй (южный) через Эльбасан и Манастир (Битола) к Салоникам, и затем по побережью от Родосто к Константинополю. Оба пути были опасны (Brown H. *Venetian Diplomacy at the Sublime Porte during the Sixteenth Century* ... P. 9).

ния пиратов и тем, что встречавший их чауш султана велел им пересесть на лошадей¹⁷. Кстати, нужно сказать, что венецианский автор, видимо выражая общее мнение посольства, искренне сетовал, что им пришлось продолжить движение верхом, потому что на галерах им было намного удобнее путешествовать, чем передвигаться по суше¹⁸. Сам посол передвигался на носилках, наверное, так, как изображено на иллюстрации, приведенной в работе Т. Бертеле¹⁹. Свита посла ехала верхом, багаж везли на мулах и прочих лошадях²⁰.

По «Отчету и дневнику путешествия Джакомо Соранцо, 1581 г.» можно определить маршрут посольства в 1582 г. — Венеция — Рагуза (Дубровник) — Керкира (Корфу) — Закинф — Китира — Милос — Serfo — Андрос — Porto — Volo — Schiazzo — Лемнос — Тарс — Бурун (Burun) — Guimelcina — Cervoggiale — Фефе (Feres) — Ипсала — Achmed Pascia — Enexguh — Rodosto — Manco — Schizza — Ponte Piccolo — Константинополь²¹.

Многие из этих мест служили для посольства местами отдыха, пополнения запасов воды и провианта, иногда приходилось задерживаться из-за отсутствия благоприятного ветра. Время в пути составляло несколько месяцев. Хотя, например, сложно высчитать, сколько продолжалось путешествие венецианского посольства во главе с Джакомо Соранцо в 1582 г. от Венеции до Константинополя, известна лишь дата отплытия — 27 марта 1582 г., но автор дневника не написал дату прибытия в Константинополь. Скорее всего, по времени путешествие длилось почти два месяца²². В 1575 г. Джакомо Соранцо добрался до Константинополя за 57 дней, отправив-

¹⁷ Diario del viaggio da Venezia a Costantinopoli fatto da m. Jacopo Soranzo, 1575 ... P. 35.

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ Bertele T. Il Palazzo degli Ambasciatori di Venezia a Costantinopoli e le sue antiche memorie. Bologna: Casa Editrice Apollo, 1931. P. 46; Relazione e diario del viaggio di Jacopo Soranzo, 1581 ... P. 213.

²⁰ Brown H. Venetian Diplomacy at the Sublime Porte during the Sixteenth Century ... P. 9.

²¹ Relazione e diario del viaggio di Jacopo Soranzo, 1581 ... P. 209–223.

²² Мантран П. Повседневная жизнь Стамбула в эпоху Сулеймана Великолепного ... С. 216.

шись из Венеции 5 мая 1575 г., и прибыл в Аква Дольче (Сладкие воды) в пригород Константинополя 29 июня 1575 г.²³

В общей сложности, если считать мили, которые указывал анонимный автор, то посольство проделало путь в 1 368 миль²⁴, из которых 1 123 мили по морю и 245 миль по суше. Если перевести в километры, то получается 2 379 км, по морю — 1 953 км и по суше 426 км.

Местом размещения венецианского байло²⁵ служил дом/дворец/палаццо венецианского байло (casa bailaggia) в Константинополе в Виноградниках Перы²⁶.

С точки зрения Э. Дурстелера, резиденция венецианского байло была всегда центром сообщества венецианцев²⁷. По его словам, местопребывание венецианского байло представляло собой комплекс нескольких зданий. В XVI в. главное здание было выстроено из дерева, как и большинство зданий в городе. Пространство резиденции делилось на публичную и приватную зоны. В приватной зоне находились спальни для людей из окружения байло, помещение для янычар посольства, большое помещение для собственно байло. Внутренний двор дворца венецианского байло был достаточного размера, где можно было играть в мяч. Публичные помещения были предназначены для разных функций посольства: они состояли из канцелярии, большого помещения, где байло принимал посетителей и гостей как официальное лицо в соответствии со своими официальными обязанностями, банкетного зала (холла), комнат, где обучались giovani della lingua, прежде чем стать венециан-

²³ Diario del Viaggio a Costantinopoli fatto da M. Iacopo Soranzo, 1575... P. 15, 59.

²⁴ Венецианская миля равна 1 738,674 м, или округленно 1 739 м.

²⁵ Dursteler E. R. The Bailo in Constantinople... P. 30; Pedani, M.P. Elenco degli inviati diplomatici veneziani presso i sovrani ottomani, in: Electronic Journal of Oriental Studies, 5/4 (2002), pp. 1–54. URL: http://venus.unive.it/mpedani/onlinepapers/044_ejos_pedani_envoys.pdf. P. 33–34.

²⁶ Vigne di Pera (Виноградники Перы) — район Константинополя. О резиденции венецианского байло в Константинополе см.: Dursteler E.R. Venetians in Constantinople: Nation, Identity, and Coexistence in the Early Modern Mediterranean. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2006. P. 25–26.

²⁷ Dursteler E. R. Venetians in Constantinople... P. 27.

скими драгоманами²⁸. Многочисленные почтовые курьеры жили отдельно во дворе, из-за опасений, что они могут заразить обитателей основного здания, если сами окажутся больны. Резиденция венецианского байло имела небольшую часовню, а также тюрьму. Здание дворца венецианского байло было окружено балконом, пристроенным в 1590-х годах. За столом байло было полно гостей, а в посольстве часто оставались на ночь ночные визитеры²⁹.

После упразднения Венецианской республики в 1797 году здание байлата перешло к Австрии, несмотря на претензии на него Франции. В XIX веке в нем располагалось посольство Австрии, с 1920 года перешло к Италии³⁰. Ныне в нем (Palazzo di Venezia) размещается генеральное консульство Италии.

Исследования Э. Дурстелера позволяют выяснить состав хаусхолда венецианского байло. По его подсчетам, количество людей, окружавших байло, варьировалось от 25 до 35 человек и определялось термином «famiglia» (здесь не имелись в виду генеалогические связи). Например, Симон Контарини, отправленный в Константинополь в 1608 г., насчитал 34 члена своего хаусхолда, включавшего секретаря, его помощника (coadiutore), счетовода (казначей) (ragionato), капеллана, доктора (медика), мажордома (maestro di casa), пятерых драгоманов, шестерых giovani della lingua, семнадцать мужчин, которые выполняли обязанности слуг³¹. Famiglia байло была организована иерархично. Секретарь, coadiutore, ragionato, капеллан, доктор и цирюльник, драгоман, giovani della lingua составляли famiglia alta, или высшую часть «семьи». Famiglia bassa, или нижняя часть «семьи» — мажордом (maestro di casa), cavaliere, слуги, пажи, portalettere (курьеры). Также при венецианском байло находился coza, турецкий инструктор, который обучал giovani

²⁸ О драгоманах см.: Rothman, E.-N. Between Venice and Istanbul: Trans-imperial Subjects and Cultural Mediation in the Early Modern Mediterranean. PhD diss. University of Michigan, 2006. P. 210, etc.

²⁹ Dursteler E. R. Venetians in Constantinople... P. 26–27.

³⁰ Bertele T. Il Palazzo degli Ambasciatori di Venezia a Costantinopoli e le sue antiche memorie... P. 378.

³¹ Dursteler E. R. Venetians in Constantinople... P. 32.

della lingua турецкому языку и обычам турок³². Каждое посольство в Константинополе имело янычар для защиты их обитателей и контроля за ними: количество янычар было от двух до восьми, в венецианском посольстве было четыре янычара.

У каждого члена famiglia венецианского байло были свои обязанности, суть которых — помощь в выполнении обязанностей венецианского байло. Срок пребывания на посту байло в Константинополе составлял около трех лет.

Пребывание чрезвычайного венецианского посольства в Константинополе было заполнено визитами к важным персонам турецкого двора, обычно к визирям султана, затем следовала аудиенция/аудиенции у султана, затем решение/нерешение цели посольств, перед отбытием снова следовали визиты к визирям, прощальная аудиенция у султана, но ее могло и не быть. И отбытие на родину. Время пребывания в Константинополе могло быть длительным, а время отбытия было еще и связано с удачной погодой. Например, посольство Джакомо Соранцо в 1582 г. в последующие два дня после своего прибытия в Константинополь совершило четыре визита: посетив первого визиря (великого визиря) турецкого султана³³ (В какой-то степени эту процедуру воссоздает Жан-Батист Ван Мур (1671–1737) на своей картине «Аудиенция у Великого Визиря», 1724.), второго, третьего, четвертого визирей³⁴. Аналогичные визиты к визирям были совершены и перед отбытием венецианской миссии из Константинополя.

Кроме этих визитов были две аудиенции у султана во дворцовом комплексе Топкапы. Аудиенция у султана, видимо, проходила так, как подобное мероприятие изобразили на своих полотнах Жан-Батист Ван Мур «Ахмед III, дающий аудиенцию в Палате аудиенций», 1727), Джанантонио Гварди (1699–1760) «Султан, принимающий посольство») и Константин Капидалы (Konstantin Kapıdağlı (года жизни

³² Ibid. P. 39.

³³ Relazione e diario del viaggio di Jacopo Soranzo, 1581... P. 225.

³⁴ Ibidem.

неизвестны) «Султан Селим III, восседающий на троне во время аудиенции», около 1789 г.

Традиционными дарами венецианского правительства для визирей были ткани — золототканое полотно, бархат, дамск, атлас, одежды из дорогих тканей, а также головы сахара, сыра³⁵.

Султану вручались золототканые одежды, ткани — бархат, дамск, сатин, серебро³⁶. Как это проходило, отражает иллюстрация работы Zacharias Wehme (1558–1606) из «Türkenbuch» (1580–1582), посвященной посольству к турецкому султану посла императора Давида Унгнада в 1573 г. На этой иллюстрации показана процессия несущих посольские дары, посол, сопровождаемый двумя стражами, который должен пройти мимо султанских сановников, стоявших в линию перед султаном, и оказаться перед султаном, султан же восседает на возвышении в Палате аудиенций³⁷.

В дипломатической практике османского государства менялись те же составные элементы, что и в европейском, и в частности в венецианском дипломатическом обиходе. Прибывших встречали важные лица на границе государства, размещали, посольство совершало визиты к первым лицам страны, удостоивалось аудиенции у правителя по прибытии и отбытии, вручая свои дары и получая ответные. За исключением того, что не было личного вербального контакта между послом и султаном на аудиенции. Правда, опасность состояла в том, что посольство не знало, как может закончиться их визит к турецкому султану, который мог по своему желанию распорядиться их жизнью, заключить в тюрьму или даже лишить жизни³⁸.

³⁵ Ibid. P. 227–228.

³⁶ Ibidem.

³⁷ Иллюстрация приведена в работе: Malcolm N. Agents of Empire: Knights, Corsairs, Jesuits and Spies in the Sixteenth-Century Mediterranean World. New York — Oxford, 2015. Илл. 19. Zacharias Wehme, The interior of the Turkish palace in Constantinople and the entry of gift-bearers, ink and watercolour on paper, copy after a contemporary Turkish original, 1580–1582.

³⁸ Мантран Р. Повседневная жизнь Стамбула... С. 187, 191; Pedani M. P. Bailo... P. 73.

Среди венецианских послов назначение ко двору турецкого султана считалось неоднозначным³⁹. С одной стороны, это было почетная миссия, дававшая возможность карьерного роста, с другой стороны, опасная. Опасность была связана с долгим, трудным и небезопасным путем⁴⁰, а также тем, что жизнь самого посла могла быть подвергнута разным испытаниям при дворе султана. Послы могли оказаться в заключении, а то и быть казненными. Обеспокоенность у послов вызывала неопределенность отношения к ним как визирей, так и самого султана. Ни богатые дары, ни старые связи с первыми лицами государства не гарантировали стопроцентную уверенность в своей безопасности.

Во время военных действий байло могли оказаться в заложниках, но чаще их подвергали домашнему аресту, иногда арестованному байло даже разрешали покинуть дом. В редких случаях байло казнили. Возможность такого исхода была еще одним сдерживающим фактором для принятия этой должности. Например, во время Критской/Кандийской войны 1645–1669 гг. в 1649 году весь штат венецианского байло был арестован. Байло Джованни Соранцо был посажен в колодки в крепости Румелихисар, старший драгоман Джованни Антонио Грилло был казнен⁴¹. Эти события изображены в Кодексе Чиконьи (МСС, Cod. Cicogna 1971)⁴². В тюрьме во время войны побывали: Джакомо да Канал (байло в 1536–1539 гг.)

³⁹ Bertele T. Il Palazzo degli Ambasciatori di Venezia a Costantinopoli e le sue antiche memorie ... P. 110; Dursteler E. R. The Bailo in Constantinople: Crisis and Career in Venice's Early Modern Diplomatic Corps ...; Dursteler E. R. Venetians in Constantinople: Nation, Identity, and Coexistence in the Early Modern Mediterranean...; Pedani M. P. Bailo ...

⁴⁰ Diario del Viaggio a Costantinopoli fatto da M. Iacopo Soranzo, 1575 ... P. 35; Relazione e diario del viaggio di Jacopo Soranzo, 1581 ... P. 213.

⁴¹ Bertele T. Il Palazzo degli Ambasciatori di Venezia a Costantinopoli e le sue antiche memorie... P. 184, 186; Nevin e Raniero Speelman-Özkan. I dragomanni // Hilâl. Studi turchi e ottomani — 3. Il Palazzo di Venezia a Istanbul e i suoi antichi abitanti / A cura di Maria Pia Pedani. Venezia: Edizioni Ca' Foscari, 2013. P. 53–72. P. 60.

⁴² Ms. Cicogna 1971, Memorie Turchesche, Museo Correr, Venice, Italy. URL: <https://www.meisterdrucke.ru/reproduktii/Venetian-School/81432/Cicogna-1971.html>; Nevin e Raniero Speelman-Özkan. I dragomanni ... P. 60. Все изображения о заключении Джованни Соранцо и казни Джованни Антонио Грилло приведены в работе Т. Бертеле. Это и миниатюры кодекса Чиконьи, и другие работы.

с началом военных действий оказался в тюрьме, был освобожден, чтобы подписать мир 8 октября 1536 г.⁴³; Маркантонио Барбаро (1658–1574), заключен в тюрьму после того, как началась Кипрская война 1570–1573 гг., освобожден после ее завершения⁴⁴; Альвизе Контарини (байло в 1636–1640 гг.), освобожден из тюрьмы после уплаты денежного взноса⁴⁵; Андреа Меммо (байло в 1713–1715 гг.) — во время войны оказался в тюрьме, освобожден после заключения мира, по возвращению на родину стал кавалером⁴⁶. Такая же участь в период военных действий постигла и Паоло Барбариго, и Маркантонио Барбаро, и Николо Джустиниана⁴⁷.

Климат также провоцировал болезни. Так, например, задержка в Константинополе из-за нанесения визитов Джакомо Соранцо султану и визирям в его третий вояж ко двору турецкого правителя, привела к тому, что он заболел. Эта болезнь вызвала серьезные опасения за его жизнь. В 1561 г. от чумы в Константинополе умер байло Джироламо Ферро⁴⁸.

Кроме того, все венецианские байло прекрасно знали, как писал Джакомо Соранцо, что «всем хорошо известно, что многие дела, касавшиеся мира или войны, решаются с помощью подношений (*presenti*)»⁴⁹. А это влекло за собой определенные траты не только казенных, но и собственных средств.

Ко двору турецкого султана отправляли представителей (за редким исключением, когда это были представители читтадини) наиболее знатных семей Венеции. Это: Брагадин, Бембо, Вениер, Дандоло, Джустиниан, Капелло, Контарини, Корнаро, Меммо, Морозини, Руццини, Трон и другие⁵⁰.

⁴³ Pedani M. P. *Elenco degli inviati diplomatici veneziani...* P. 25.

⁴⁴ *Ibid.* P. 31.

⁴⁵ *Ibid.* P. 42.

⁴⁶ *Ibid.* P. 48.

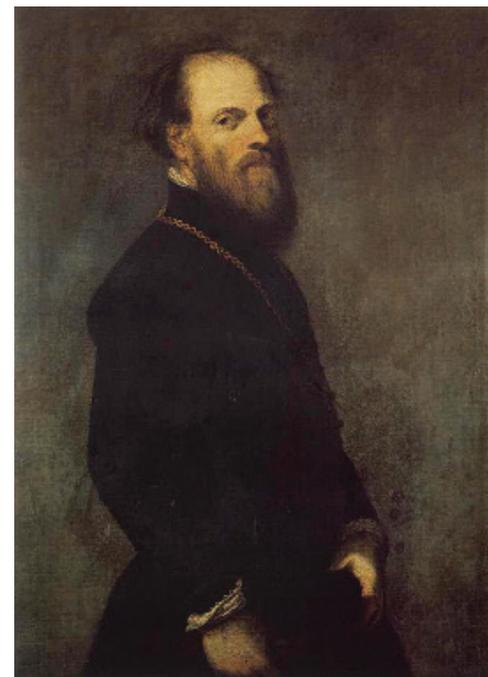
⁴⁷ Stefan Hanß *Baili e ambasciatori // Hilâl. Studi turchi e ottomani — 3. Il Palazzo di Venezia a Istanbul e i suoi antichi abitanti / A cura di Maria Pia Pedani. Venezia: Edizioni Ca' Foscari, 2013. P. 35–52. P. 44.*

⁴⁸ Pedani M. P. *Elenco degli inviati diplomatici veneziani...* P. 29.

⁴⁹ *Relazione e diario del viaggio di Jacopo Soranzo, 1581 ... P. 253.*

⁵⁰ Pedani M. P. *Elenco degli inviati diplomatici veneziani...* P. 1–54; Dursteler E. *R. Venetians in Constantinople: Nation, Identity, and Coexistence in the Early Modern Mediterranean...* P. 9.

Среди этих фамилий были представители семьи Соранцо. Они побывали либо как байло, либо с миссиями в Константинополе в 1397 г. (Бенедетто Соранцо (занимал должность капитана *generale del Golfo*⁵¹), в 40-х гг. XVII в. (Джованни Соранцо (байло в 1640–1642 гг. (по данным М. П. Педани⁵²) (по данным Т. Бертеле в 1642 г.)⁵³ и в конце XVII — начале XVIII в. (Лоренцо Соранцо (в 1699–1704 гг.), сначала чрезвычайный посол для заключения Карловицкого мира, потом байло)⁵⁴.

Я. Тинторетто. Портрет молодого человека с золотой цепью. Ок. 1555 г., холст, масло, 103 × 76. Музей Прадо, Мадрид. Предположительно, портрет Джакомо Соранцо. Семья Соранцо являлась патроном Якопо Тинторетто

⁵¹ Pedani M. P. *Elenco degli inviati diplomatici veneziani...* P. 6.

⁵² *Ibid.* P. 43.

⁵³ Bertele T. *Il Palazzo degli Ambasciatori di Venezia a Costantinopoli e le sue antiche memorie...* P. 417.

⁵⁴ Bertele T. *Il Palazzo degli Ambasciatori di Venezia a Costantinopoli e le sue antiche memorie...* P. 253, Pedani M. P. *Elenco degli inviati diplomatici veneziani...* P. 47.

Мастерская Якопо Тинторетто. Портрет семьи Соранцо (Portrait of Fourteen Members of the Soranzo Family), 1551–1565, холст, масло, 151 × 216 (левый фрагмент). Пинакотека, Castello Sforzesco, Милан. На полотне Джакомо Соранцо изображен с цепью с розой Тюдоров, его награда за дипломатическую миссию при дворе английских монархов Эдуарда VI и Марии I

Джакомо Соранцо (1518–1599)⁵⁵ трижды побывал в Константинополе⁵⁶. Первая поездка Джакомо Соранцо в Константинополь относится к 1565 г. После окончания своей миссии в Риме Джакомо Соранцо свой отчет об этом посольстве завершил обращением к Республике с просьбой не отправлять его байло в Константинополь в связи с неважным состоянием здоровья. В своей просьбе Соранцо сослался на запрет врачей и их обеспокоенность его физическим состоянием. Правда, Е. Альбери, пересказывая кратко эту часть отчета Джакомо Соранцо, отметил, что, несмотря на неблагоприятные прогнозы врачей и собственные жалобы, венецианец прожил еще 34 года⁵⁷.

⁵⁵ Третьякова М. В. Дипломатическая деятельность венецианского нобиля XVI века Джакомо Соранцо / монография. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2018.

⁵⁶ Bertele T. Il Palazzo degli Ambasciatori di Venezia a Costantinopoli e le sue antiche memorie... P. 414.

Во всяком случае, по данным М. П. Педани, первый раз Джакомо Соранцо был в Константинополе как байло в 1566–1568 гг., в первых годах подготовки Османской империи к Кипрской войне, и вместе с послом Мариино Кавалли (Cavalli) видел начало зарождения конфликта⁵⁸.

Второй Джакомо Соранцо оказался в Константинополе в 1575 г.⁵⁹, возглавляя экстраординарное посольство Венеции, чтобы принести соболезнования турецкому султану Мураду III по поводу смерти его отца, султана Селима II⁶⁰. Среди задач, выполняемых Соранцо в этой миссии, было и вызвавшее значительные трудности обсуждение границ между Османской империей и Венецией в Далмации⁶¹.

В третий раз Джакомо Соранцо был отправлен в Константинополь в 1582 г. (по словам Т. Бертеле, это было «блистательное посольство»⁶²). Он возглавил экстраординарное посольство Республики Св. Марка в Константинополь. Поводом миссии являлась необходимость присутствия представителей Венеции на празднике обрезания сына турецкого султана⁶³.

Столько же в Константинополе побывал лишь в 90-х гг. XV в. (в 1493, 1496, 1497 гг.) Альвизе Сагундино⁶⁴ (Alvise Sagundino)⁶⁵.

⁵⁷ Relazione di Roma di Giacomo Soranzo, 1565 // Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato durante il secolo decimosesto / Edite Eugenio Albéri. Firenze: Società Editrice Fiorentina, 1857. P. 156.

⁵⁸ Bertele T. Il Palazzo degli Ambasciatori di Venezia a Costantinopoli ... P. 110.

⁵⁹ Relazione dell'impero Ottomano del clarissimo Giacomo Soranzo, 1576 ...

⁶⁰ Pedani M. P. Elenco degli inviati diplomatici veneziani... P. 31–32; Suna Suner: The General Index of the Ambassadors to and from the Ottoman Empire, in: Don Juan Archiv Wien online: URL: <http://archive.donjuanarchiv.at/go/bot/-76>.

⁶¹ Bertele T. Il Palazzo degli Ambasciatori di Venezia... P. 114; Lowry, M. J. C. The Church and Venetian Political Change in the Later Cinquecento. PhD diss. University of Warwick, 1970. P. 179; Malcolm N. Agents of Empire: Knights, Corsairs, Jesuits and Spies in the Sixteenth-Century Mediterranean World ... P. 440.

⁶² Bertele T. Il Palazzo degli Ambasciatori di Venezia a Costantinopoli... P. 114.

⁶³ Bertele T. Il Palazzo degli Ambasciatori di Venezia a Costantinopoli... P. 114–115; Pedani M. P. Elenco degli inviati diplomatici veneziani... P. 34..

⁶⁴ Pedani M. P. Elenco degli inviati diplomatici veneziani... P. 18, 19.

⁶⁵ По Т. Бертеле — дважды — в 1496, 1497 г. (Bertele T. Il Palazzo degli Ambasciatori di Venezia a Costantinopoli e le sue antiche memorie... P. 413).

Но Сагундино — не нобиль, и был в Константинополе как посланник (*inviato*), как секретарь, но не байло, или чрезвычайный посол, хотя, видимо, исполнял его обязанности.

Институт байло существовал до 1797 года, последний байло, Франческо Вендрамин (баилат в 1796–1797 гг.)⁶⁶, покинул Константинополь в середине 1798 года.

При дворе турецкого султана оказаться в немилости могли не только венецианские дипломаты, но и представители других европейских государств. Так, в 1710–1713 гг. в Константинополе в заключении в крепости Едикуле (Семибашенном замке) находился и стольник П. А. Толстой (1645–1729).

К началу XVIII века стольник П. А. Толстой успел сделать себе карьеру на ниве государственной деятельности⁶⁷. Правда, будучи родственником Милославских, он находился на стороне царевны Софьи во время стрелецкого бунта 1682 г., и после подавления комплота долго вызывал недоверчивое отношение к себе со стороны Петра I. Чтобы заслужить расположение царя стольник принял участие в заграничной командировке русской аристократии для освоения навыков мореходства.

После путешествия по Европе в 1697–1699 гг.⁶⁸ в ноябре 1701 года был назначен посланником в Константинополь, став первым российским послом-резидентом при Высокой Порте. По мнению Т. А. Базаровой, «Согласно полномочной грамоте, главной задачей П. А. Толстого являлось поддержание мирных и дружественных отношений между двумя державами»⁶⁹.

⁶⁶ Pedani M. P. *Elenco degli inviati diplomatici veneziani...* P. 54.

⁶⁷ См. Попов Н. А. Граф Петр Андреевич Толстой // *Древняя и Новая Россия*. 1875. № 3; Попов Н. А. Из жизни П. А. Толстого // *Русский вестник*. 1860. № 11; Попов Н. А. Путешествие в Италию и на о-в Мальту стольника П. А. Толстого в 1697 и 1698 гг. // *Атеней*. 1859; Пыпин А. Н. Путешествия за границу времен Петра Великого // *Вестник Европы*. 1897. № 9; Лихачев Д. С. Повести русских послов как памятники литературы // *Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки*. М.; Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1954; Ольшевская Л. А., Травников С. Н. «Умнейшая голова в России...» // *Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе 1697–1699*. М.: Наука, 1992.

⁶⁸ Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе 1697–1699. М.: Наука, 1992.

⁶⁹ Базарова Т. А. Статейные списки русского посла в Стамбуле П. А. Толстого: история создания и архивная судьба // *Новое прошлое / The New Past*. 2020. №2. С. 28–43. С. 31.

Георг Гзель. Портрет Петра Андреевича Толстого.
После 1718 г. Государственный Русский музей

22 мая 1702 г. П. А. Толстой со свитой покинул российскую столицу и 29 августа 1702 г. въехал в Эдирне (Адрианополь) — резиденцию султана Мустафы II. В 1703 г. после того, как на престол взошел Ахмед III местопребывание османского двора и правительства были перенесены в Стамбул, вслед за ними туда же перебрался и русский посол, где провел одиннадцать лет. Положение П. А. Толстого осложнилось после прибытия на османскую землю Карла XII с остатками разгромленного при Полтаве шведского войска. 9 ноября 1710 г. султан объявил войну России, а П. А. Толстого был заключен в крепость Едикуле (Семибашенный замок), где он провел почти полтора года. В конце 1711 г. в османскую столицу в качестве полномочных министров прибыли П. П. Шафиров и М. Б. Шереметев. Они продолжили переговоры с османским правительством, завершившиеся подписанием Адрианопольского мира (1713).

В сентябре 1714 г. П. А. Толстой вместе со всеми русскими дипломатами покинул Стамбул⁷⁰.

Сложности, переживаемые П. А. Толстым, почти такие же, о которых в свою очередь писал Джакомо Соранцо: климат, непредсказуемость и предвзятость османских чиновников. И так же, как и Джакомо Соранцо П. А. Толстой отмечал коррупцию турок.

С одной стороны, пост посланника (о миссии П. А. Толстого в Константинополе существует огромной массив исследований)⁷¹ в Константинополе был сопряжен с известными сложностями и тяготами для П. А. Толстого, он даже просил царя заменить его другим на этом посту⁷², с другой стороны, этот пост сыграл важную роль в дальнейшей его дипломатической и государственной карьере, создав стольнику репутацию человека, который мог выполнить самые щекотливые поручения. Например, дело царевича Алексея⁷³. Правда, ни высокое положение при дворе П. А. Толстого (он

⁷⁰ Там же.

⁷¹ См.: например, Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Том четвертый. Часть II. СПб.: Издательство: Тип. II-го Отделения Собств. Его Имп. Вел. Канцелярии, 1863; Толстой М. Краткое описание жизни Петра Андреевича Толстого. Сочинение французского резидента Виллардо // Русский архив. 1896. Кн. 1. М.: В Университетской типографии. С. 20–28; Орешкова С. Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. Москва : Наука, 1971; Русский посол в Стамбуле : П. А. Толстой и его описание Осман. империи нач. XVIII в. [Сост., авт. вступ. ст., с. 5–36, и примеч. М. Р. Арунова, С. Ф. Орешкова]. М. : Наука, 1985; Арунова М.Р., Орешкова С.Ф. Османская империя в начале XVIII в. и ее описание П. А. Толстым // Русский посол в Стамбуле: Петр Андреевич Толстой и его описание Османской империи начала XVIII в. / Сост. и авторы вступ. статьи и примеч. М. Р. Арунова, С. Ф. Орешкова. М.: Наука, 1985. С. 5–36; Орешкова С.Ф. «Извольте осторожность учинить»: Петр Андреевич Толстой — первый постпред России в Турции // Родина: Российский исторический журнал. 2008. № 1. С. 51–55; Павленко Н. И. Птенцы гнезда Петрова. Москва : Мысль, 1994; Базарова Т. А. «Для лутчаго и состоятельнейшаго онога мира охранения...»: Пребывание русского посла П. А. Толстого при османском дворе // Труды Государственного Эрмитажа. [Т.] 101: Петровское время в лицах — 2019. Материалы научной конференции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2019. С. 53–60 и др.

⁷² Базарова Т. А. Статейные списки российского посла в Стамбуле П.А. Толстого: история создания и архивная судьба ... С. 31.

⁷³ Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Том четвертый. Часть II. СПб.: Издательство: Тип. II-го Отделения Собств. Его Имп. Вел. Канцелярии, 1863; Павленко Н. И. Птенцы гнезда Петрова. Москва : Мысль, 1994 и др.

входил в состав членов Верховного тайного совета), ни доверие императрицы Екатерины I, ни изворотливость и опытность в интригах не уберегли Толстого от падения. В 1727 г. П.А. Толстой был приговорен к смертной казни, которая была заменена на ссылку в Соловецкий монастырь, вместе с ним в ссылку был отправлен и его сын Иван. П. А. Толстой и его сыновья были лишены чинов и графского титула, который был возвращён только в 1760 году.

Таким образом, пост венецианского байло в Константинополе имел важное значение в иерархии дипломатических постов венецианского государства. Но избрание на эту магистратуру неоднозначно воспринималось венецианскими нобилями. С одной стороны, это возможность сделать карьеру государственного деятеля. С другой стороны, это было сопряжено с известными рисками: тяготами пути до места назначения, угрозой здоровью, и даже жизни, финансовыми издержками. Но все перевешивала важность информации, сообщаемой байло правительству Венеции, которую они собирали при дворе турецкого султана. Можно сказать, что эти же факторы определяли и значение поста посланника русского государства при дворе турецкого султана.

Глава 11

**ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ И РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
БРИТАНСКОГО ПОСЛАННИКА КЛАВДИЯ РОНДО В РОССИИ
В ПРАВЛЕНИЕ АННЫ ИОАННОВНЫ***Т.Л.Лабутина*

Изучая историю англо-русских отношений XVI–XVIII веков, мы обратили внимание на то, что практически все дипломаты Англии, прибывавшие в Россию в качестве послов, совмещали свою профессиональную деятельность с разведывательной⁷⁴. Особенно активно они действовали в XVIII веке, что было вызвано усилением позиций России на международной арене. Российская империя становилась для иностранных держав потенциальным политическим противником и экономическим конкурентом. Неудивительно, что в этой ситуации роль дипломатов, ведущих переговоры по различным проблемам с российским правительством, становилась особенно заметной. И это хорошо видно на примере одного из посланников Великобритании при дворе Анны Иоанновны, — Клавдия Рондо. Именно Рондо вел переговоры о восстановлении дипломатических отношений между странами, прерванных Петром I, подготовил к подписанию знаменитый Торговый договор 1734 года, а также разработал оборонительный договор, заключенный уже после его кончины в 1741 г. Активно действовал Рондо в России и как разведчик. Заметим, что деятельность

⁷⁴ Лабутина Т.Л. Британский дипломат и разведчик Чарльз Уитворт при дворе Петра I // Вопросы истории. М., 2010, № 11; Labutina T.L. Charles Whitworth, the British Diplomat and Intelligence Officer, at the Court of Peter I // Social Sciences. Vol. 42. 2011, № 2; она же. Из истории британской разведки: морской офицер Джон Ден на службе у Петра Первого // Современные тенденции изучения и преподавания всеобщей истории. Материалы научно-практической конференции. Рязань, 2011; она же. Британские разведчики в России (XVI–XVIII вв.) // Многоликость целого: из истории цивилизаций Старого и Нового света. Сборник статей в честь Виктора Леонидовича Малькова. М., 2011.

посланника в зарубежной науке освещалась лишь фрагментарно¹. Разведывательная деятельность Рондо, как того и следовало ожидать, оставалась за пределами внимания западных историков. Практически неизученной остается миссия британского дипломата при дворе Анны Иоанновны и в отечественной историографии. В этой связи мы предприняли попытку восполнить существующую лакуну и рассмотреть деятельность Рондо в России в качестве дипломата и разведчика, опираясь на анализ его переписки с государственным секретарем Великобритании.

Предыстория появления Рондо в России такова. 14 декабря 1720 года между Великобританией и Россией произошел официальный разрыв дипломатических отношений. В то время, как Россия была возмущена отказом англичан признать ее империей, Великобритания упрекала царя в неофициальных переговорах Претендента², обращавшегося к Петру I с просьбой направить ему на подмогу в Англию 10 тыс. русских войск. Хотя дипломатические отношения были прерваны, однако торговля между государствами продолжала развиваться³, пусть и не в прежнем объеме, что наносило весомый урон промышленности и торговле прежде всего Англии. Неудивительно, что британцы первыми начали предпринимать определенные шаги в деле налаживания дипломатических контактов.

В мае 1725 г., вскоре после кончины Петра I, по случаю которой король Великобритании Георг I Ганновер выразил

¹ Tambs L.A. Anglo-Russian Enterprises against Hispanic South America, 1732–1737 // The Slavonic and East European Review. Jul., 1970. Vol. 48, № 112. Pp. 357–372; Bitter M. Document George Forbes's "Account of Russia", 1733–1734 // The Slavonic and East European Review. Oct. Vol. 82, № 4. Pp.886–898; Wagner M. Misunderstood and Unappreciated. The Russia Company in the Eighteenth Century // Russian History. 2014. Vol. 41. №3. Pp. 393–422.

² Претендент — Яков III Стюарт — легитимный наследник английского престола, сын короля Якова II, бежавшего во Францию после Славной революции 1688–1689 гг.

³ К примеру, об этом можно судить по информации о количестве прибывших в Санкт-Петербург судов из Европы 12 декабря 1722 г. Из 98 судов — 52 принадлежали англичанам // Britain and Russia in the Age of Peter the Great. Historical Documents. L., 1998. P. 236.

свои соблезновения его супруге Екатерине I,⁴ в Петербург в качестве консула был направлен капитан Джон Ден с официальным поручением (в действительности, по утверждению британского историка Д.Б. Хорна, с разведывательными целями)⁵. Однако при дворе его не приняли. Как утверждала отечественная исследовательница И.И. Любименко, опрошенные в Коллегии иностранных дел английские купцы заявили, что «он коммерции не знает и им не нужен»⁶. 4 июля 1725 г. Ден был выслан за пределы страны. Таким образом, первые попытки англичан добиться восстановления дипломатических отношений потерпели крах.

Вторая попытка осуществить намеченную цель произошла после кончины Екатерины I в мае 1727 г. и последовавшего, спустя месяц, ухода из жизни Георга I. После того, как на престол в России взошел внук Петра I – Петр II, а королем Великобритании стал Георг II Ганновер, появилась реальная возможность наладить отношения между государствами. И вскоре на международном конгрессе в Суассоне их представители приступили к обсуждению вопроса о восстановлении дипломатических отношений. Англия направляла своих представителей в Россию прежде всего с целью добиться улучшения положения английского купечества и заключения англо-русского торгового трактата. Летом 1728 года два английских дипломата Томас Уорд и его секретарь Клавдий Рондо прибыли в Петербург.

О прибывших ко двору Петра II генеральном консуле Великобритании Томасе Уорде и его секретаре Клавдии Рондо известно немного. Уорд родился в семье главного барона Казначейства сэра Эдварда Уорда. Прибыв в Петербург в 1728 г., получил верительные грамоты и, спустя два года, 16 мая 1730 г. стал английским министром-резидентом. В поездке в Россию его сопровождала супруга Джейн (в девиче-

⁴ Ibid. P. 237–238.

⁵ British Diplomatic Representatives 1689–1789. Ed. By D.B. Horn. L., 1932.

⁶ Любименко И.И. Россия и Англия в первой половине XVIII века (1698–1756). Ленинград, 1952 // Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 276. Оп. 2 ед.хр. Д.133. Л. 291–551. С. 537.

стве Гудвин), которая после кончины Томаса в 1731 г. выйдет замуж за Клавдия Рондо.

Клавдий Рондо (1695–1739) родился в семье французского протестанта, который поселился в Англии и вскоре сделался английским баронетом. «На выборе его, быть может, сказалась пятилетняя зависимость Англии от Франции в сношениях с Россией, — утверждала И.И. Любименко. — Человек незнатный Рондо, по-видимому, принадлежал к числу тех деловых людей, при помощи которых английские лорды часто вершили от своего имени государственные дела»⁷. Одно время он являлся секретарем госсекретаря Таунсенда. В России Рондо поначалу исполнял функции «морского комиссара» и секретаря Томаса Уорда. Поскольку соглашения о взаимной присылке официальных представителей еще не произошло, то Рондо не имел официальной аккредитации. «Чувствуя себя не связанным дипломатическим этикетом Рондо смог, еще не будучи допущен к царю, делать визиты представителям держав, — продолжала И.И. Любименко. — Сразу принявшись за изучение и политического, и торгового положения России, он обнаружил способности и энергию, каких со времен Уитворта (посланник при дворе Петра I – Т.Л.) не обнаруживал ни один английский дипломат»⁸.

Клавдий Рондо оставался на должности секретаря Уорда вплоть до кончины последнего в феврале 1731 г. В 1730–1731 гг. он стал главным консулом, а с 1731 по 1739 гг. — министром-резидентом при дворе императрицы Анны Иоанновны. Близкое знакомство с министрами и придворными позволило Рондо составить представление о многих русских вельможах, с которыми ему довелось близко общаться (Г.И. Головкин, М.М. и Д. М. Голицыны, А.И. Остерман, П.И. Ягужинский, И.Ю. Трубецкой и другие), о чем он поведал в своей «Записке»⁹.

⁷ Любименко И.И. Указ. соч. С. 507.

⁸ Там же. С. 507–508.

⁹ Записка о некоторых вельможах русского двора в 1730 году // Чтения московского общества истории и древностей. СПб., 1861. Кн. II.

Прием, оказанный англичанам, при их прибытии вначале в Кронштадт, а затем в Петербург, после «скучного и утомительного путешествия», продлившегося целый месяц, превзошел все ожидания дипломатов. В Петербурге «английская колония и местный губернатор граф Миних приняли Уорда гораздо любезнее, чем можно было ожидать», — сообщил государственному секретарю Рондо¹⁰. Заметим, что все донесения в Лондон, как правило, писал Клавдий Рондо. Что касается самого Уорда, то он предпочитал оставаться в тени, что видно из его приписки к письму секретаря от 7 августа 1728 г. «Милорд! — обращался он к госсекретарю лорду Таунсенду. — Позвольте прибавить несколько строк к письму Рондо и засвидетельствовать, что такова действительно сущность всего, что мы могли разведать со времени нашего приезда в Петербург. Вы по возможности часто будете получать отсюда письма такого рода. Хотя впредь их — во избежание неприятных для меня и моей семьи недоразумений — будет подписывать один Рондо, будьте уверены, что заключающиеся в них сообщения явятся результатом соединенных усилий наших собратья возможно точные сведения»¹¹. Как видно, дипломаты, едва прибыв в Россию, занялись сбором разведанных о стране пребывания. Рондо подчеркивал, что вел себя, согласно данным королем инструкциям, «крайне скромно», но при этом «с большим вниманием прислушивался ко всему, что говорится, из разговоров с людьми»¹².

14 октября 1728 г. Уорд получил письмо от короля к царю и в тот же день передал его через генерала Миниха барону А.И. Остерману для представления государю в Москве. 25 ноября Уорд получил от Остермана «любезное письмо», о содержании которого в своей депеше в Лондон сообщал Рондо. Барон выражал надежду, что царское правительство радо установить прочную дружбу с Великобританией. «Если такое

¹⁰ Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // Сборник императорского русского исторического общества (далее — СИРИО). Т. 66. СПб., 1889. С. 2–3.

¹¹ СИРИО. Т. 66. Указ. соч. С. 6.

¹² Там же. С. 3.

примирение благополучно совершится, — писал Рондо, — оно окажется весьма выгодным для подданных его величества, торгующих в России»¹³,

Как видно, в стремлении как можно быстрее наладить отношения с Россией, англичане прежде всего стремились добиться возобновления выгодной для них торговли с Российской империей. И.И. Любименко приводила сведения о вывозе и ввозе английских товаров за период с 1724 по 1733 гг. За это время вывоз английских товаров из России увеличился с 212, 229 ф. до 314,124 ф.ст., ввоз из России возрос с 35, 563 ф. до 42, 355 ф. ст. Анализируя ситуацию, сложившуюся в международных отношениях в этот период, а также экономическую конъюнктуру, Любименко приходила к закономерному выводу: «Непрочность англо-русских политических связей, чрезвычайно ослабевших с конца Северной войны, усилившаяся в связи с этим конкуренция на русских рынках голландского, французского и прусского купечества, огромное значение получения русских корабельных товаров для быстро растущего английского флота — опоры колониальной политики вигов, стремление усилить за счет русского рынка экспорта английского сукна — все побуждало англичан обратить особое внимание на повышение и укрепление своего торгового положения в России юридическим актом — торговым трактатом»¹⁴.

Весной 1729 г. Уорд и Рондо отправились в Москву, где при Петре II находился царский двор. Прием, оказанный британцам, вселил в них надежду на удачный исход миссии. «Все предвещает нам успех: если можно полагаться на общие единогласные уверения — царский двор желает жить с Англией в согласии и дружбе и не питает по отношению к ней ни малейшего неудовольствия», — констатировал Рондо¹⁵.

Летом 1729 г. Т. Уорд перебрался в Петербург, оставив своего секретаря в Москве. В одной из депеш в Лондон он

¹³ Там же. С. 28.

¹⁴ Любименко И.И. Указ. соч. С. 550–551.

¹⁵ СИРИО. Указ. соч. С. 39.

характеризовал Рондо как «человека усердного к королевской службе, очень деятельного и прилежно исполняющего все, что бы ни возложили на него»¹⁶.

Уорд в Петербурге и Рондо, остававшийся в Москве, оба приходили к выводу о необходимости скорейшего заключения с Россией торгового договора, полагая, что первые шаги в этом направлении необходимо сделать английской стороне. Уорд извещал официальный Лондон: «Русские никогда не поверят, чтобы мы нуждались в торговле с ними менее, чем они в торговле с нами; они еще помнят — хотя довольно смутно — о некоторых неприятностях, которые когда-то потерпели от Англии, потому будут ожидать первого шага с нашей стороны»¹⁷. И вскоре, еще не получив официального статуса при императорском дворе, Уорд и его секретарь Рондо начали вести подготовительную работу, направленную к заключению торгового договора. Однако их активная деятельность была прервана внезапной кончиной императора Петра II. 1 марта 1730 г. на престол вступила императрица Анна Иоанновна.

Произошедшие события мало что изменили в положении британских дипломатов. Уорд по-прежнему оставался в Петербурге в статусе консула. Рондо отправлял свою службу в Москве. Он часто виделся с бароном А.И. Остерманом, который ведал внешней политикой, обсуждая с ним сложившееся положение между Великобританией и Россией. «Я, ваше превосходительство, — писал Рондо госсекретарю, — полагаю, что русские действительно желали бы войти с нами в разумные отношения, но как приступить к ним — изыскать приходится вам: мне самым определенным образом приказано не делать никаких предложений, потому не могу ступить ни шагу далее»¹⁸.

Чаще всего разговор с Остерманом касался торговли. Рондо употребил, по его словам, «все старания», чтобы показать

¹⁶ Там же. С. 30.

¹⁷ Там же. С. 105–106.

¹⁸ СИРИО. Т. 66. С. 175.

барону, насколько России выгодно поощрять торговые сношения с Англией в сравнении с другими странами. Между тем, первые мероприятия, проводимые новоиспеченной императрицей (подготовка и проведение коронационного торжества, организация Кабинета министров, репрессии в отношении прежнего правительства и др.), на время приостановили переговоры англичан с российской стороной. А 25 января 1731 г. Рондо известил государственного секретаря о кончине консула Уорда. В своей депеше он также просил госсекретаря довести до сведения короля, что готов занять освободившуюся должность, добавляя, что провел в России почти три года, «тратя все свое содержание на одни почтовые расходы, не говоря уже об издержках, в которые повлекли... необходимые сношения... Здесь без денег ничего не делается...»¹⁹. Спустя полгода, Рондо женился на вдове Томаса Уорда. В депеше госсекретарю от 29 ноября 1731 г. он писал: «...Я, как вы знаете, много обязан покойному консулу Уорду, с которым во все время пребывания его здесь всегда жил дружно, как с родным братом. Мне кажется, я не мог сделать ничего лучшего, как жениться на его вдове, женщине очень достойной. Брак наш совершился 23 ноября в присутствии графа Остермана... Я счел за лучшее покончить с свадьбой до выезда в это длинное путешествие» (в Петербург, куда переезжал двор императрицы — *Т.Л.*). А далее Рондо как бы в оправдание сделанного шага объяснял причину своей женитьбы: «В этом крае очень тяжело жить одиноким человеку, желающему душевно отнестись к своему делу»²⁰. Насколько искренен был посланник в своем объяснении и действительно ли его женитьба объяснялась исключительно вынужденным одиночеством, а не влюбленностью, трудно сказать. Но, как бы то ни было, судя по записям его супруги леди Рондо²¹, их брак оказался удачным.

¹⁹ Там же. С. 281.

²⁰ СИРИО. Т. 66. С. 401.

²¹ Письма леди Рондо (жены английского резидента при русском дворе в царствование Анны Иоанновны)// Записки иностранцев о России в XVIII столетии. Т. I. СПб., 1874.

31 августа 1731 г. Рондо был официально назначен резидентом Великобритании в России. Началась его работа в новом статусе. Король Георг II направил ему свои инструкции. «Вместе с этими нашими инструкциями вы получите наши кредитивные грамоты к доброй сестре нашей, царице, уведомляющие ее о назначении вас резидентом нашим при дворе ее, — извещал дипломата король. — Мы отправили вам и соответствующие кредитивы наши в уверенности, что монархиня эта со своей стороны тоже охотно даст нам доказательство доброго своего расположения жить с нами в дружбе, немедленно назначив подходящее лицо своим представителем при нашем дворе»²².

4 ноября Рондо уведомил лорда Гаррингтона о назначении императрицей резидентом в Англию молдавского князя Антиоха Кантемира. Рондо вспоминал, что Кантемир как-то обедал у него вместе с Остерманом и другими знатными особами. «Князь кажется очень молодым, — замечал дипломат, — но он человек здравомыслящий, говорит по-французски и на нескольких других языках. На мое замечание по поводу его молодых лет, граф Остерман отвечал, ...что он человек весьма достойный, что молодость его ... не помешает ведению дел между дворами русским и великобританским»²³. Надо признать, что выбор императрицы действительно оказался удачным. Князю Кантемиру довелось сыграть важную роль в налаживании российско-британских отношений. Как отмечал историк А.Б. Соколов, «Кантемир стремился к тому, чтобы склонить английское общественное мнение к поддержке англо-русского сближения. Это было непростым делом, так как подавляющее большинство англичан представляли себе Россию как страну, где царит беззаконие и произвол властей, где понятие «право человека» вовсе отсутствует... Деятельность Кантемира... способствовала повороту в общественном мнении, изменению отношения к России»²⁴.

²² СИРИО. Т. 66. С. 360–361.

²³ Там же. С. 392.

²⁴ Соколов А.Б. Навстречу друг другу. Россия и Англия в XVI-XVIII вв. Ярославль, 1992. С. 217.

В одной из депеш лорду Гаррингтону Рондо сообщал, что вручил графу Остерману копии своих верительных грамот и просил о назначении ему аудиенции у государыни. Утром 11 ноября 1731 г. дипломат прибыл во дворец, где его встретил вооруженный караул. «Меня с обычными церемониями и со всевозможным почетом ввели в апартаменты Ее Величества, — описывал Рондо официальную церемонию приема. — Государыня стояла под балдахином; налево от нее стояли дамы (их было очень много), справа — все министры и многие генералы. Отдав поклоны со всей ловкостью, на которую был способен, я произнес ...речь без всякой запинки, что самого меня очень удивило, так как это первая речь, когда-либо мною публично произнесенная. Передав Ее Величеству свои кредитивы, я имел честь поцеловать ее руку, а граф Остерман именем государыни произнес ...ответ. Ввиду того, что при здешнем дворе никто по-английски не понимает, некоторые друзья посоветовали мне обращаться к Ее Величеству на французском языке»²⁵.

В своей речи Рондо заявил: «Государыня! С глубочайшим и величайшим почтением имею честь приблизиться к Вашему Императорскому Величеству, дабы именем короля... засвидетельствовать о высоком уважении, которое Его Величество питает к священной особе вашей, и о великом значении, которое он придает дружбе вашей, а также, дабы дать вам самые очевидные доказательства твердой решимости Его Великобританского Величества по мере сил поддерживать и развивать добрую дружбу и близкие отношения в течение двух веков, установившиеся между Великобританией и Россией». Король надеется, продолжал дипломат, что и императрица пожелает «содействовать теснейшему скреплению старинной дружбы, которая, помимо прочих обоюдных выгод, повлечет за собой процветание торговли». В заключение Рондо прибавил, что провел в России около 4 лет, и благодарит императрицу «за милое покровительство», которым пользовался во время

²⁵ СИРИО. С. 391.

своего пребывания в стране. «Буду всегда вспоминать о нем с живейшею благодарностью, — продолжал дипломат, — и прошу Ваше Императорское Величество быть уверенной, что я постоянно всем сердцем буду стремиться к поддержанию совершенного единения между обоими дворами»²⁶. Подобная речь показалась самому Рондо излишне напыщенной, но, как он полагал, «после стольких лет холодных отношений между дворами великобританским и русским было почти необходимо выказать любезности более, чем придется выказывать ее впредь»²⁷. Так в 1731 году произошло восстановление дипломатических отношений между Великобританией и Россией²⁸. Клавдий Рондо занял должность главного консула. Свою главную цель, «согласно инструкциям Его Величества», он видел в заключении торгового трактата между Великобританией и Россией, хотя и опасался, что уладить это дело окажется нелегко, так как, на его взгляд, русский двор «не имеет надлежащих понятий о торговле и, пожалуй, заподозрит, что такой договор будет ему невыгоден»²⁹. Однако, как показали дальнейшие события, торговый договор был заключен, и немалую роль в его подготовке довелось сыграть именно Клавдию Рондо.

В конце декабря 1731 г. Рондо предпринял первую попытку переговорить о торговом договоре с вице-канцлером А.И. Остерманом. Граф отвечал, что очень рад сделать все, что послужит к выгоде обоих государств, и что «признает вполне разумным оказать английской торговле с Россией... большее покровительство»³⁰. Однако, пока он не готов говорить обстоятельно по этому делу, так как занят другими делами. Судя по всему, Остерман не имел от императрицы Анны Иоанновны каких-либо указаний по поводу торгового

²⁶ Там же. С. 394–395.

²⁷ Там же С. 392.

²⁸ Подробнее об этом см.: Лабутина Т.Л. Великобритания и Россия на пути к восстановлению дипломатических отношений (1720–1731 годы) // Новая и Новейшая история. М., 2021. № 3. С. 59–70.

²⁹ СИРИО. С. 392–393.

³⁰ СИРИО. Т.66. С. 403–404.

соглашения, чем и объяснялось его прохладное отношение к предмету разговора с Рондо.

В начале марта 1732 г. Рондо, выяснив, что российская сторона благожелательно относится к укреплению торговли с Великобританией, решил обратиться к своим соотечественникам — купцам, торгующим в России, чтобы услышать их пожелания, и обсудить, о чем ему следует ходатайствовать в их пользу. И вскоре список из 15 пунктов был представлен послу³¹. Из его содержания видно, что британские купцы обстоятельно обсудили все претензии, которые намеревались предъявить русскому правительству. Обращает на себя внимание пункт 14, в котором англичане не просто огласили пожелание, чтобы русские купцы приобретали сукно исключительно у них, но даже попытались шантажировать своих контрагентов, предупреждая, что прекратят с Россией любую торговлю, если не будет выполнено их требование. Неудивительно, что данная статья вызвала жаркие споры в Кабинете министров, куда 3 марта Рондо был приглашен для обсуждения предложений купцов. «Явившись около десяти часов утра, — сообщал он госсекретарю Гаррингтону, — я... кажется, ясно доказал, что для России торговля с Великобританией выгоднее, чем торговля со всей остальной Европой вместе взятой, почему и надеюсь, что Ее Величество милостиво сообразовалит поощрить нашу торговлю ...даже преимущественно перед всеми, так как известное количество денег ввозится в Россию исключительно путем торговых сношений с Великобританией»³². Затем дипломат вместе с министрами принялись обсуждать документ «статью за статьей», причем Рондо приводил все возможные аргументы в пользу каждой из них. «Особенно долго остановились мы на статье 14, — продолжал консул, — так как я крепко настаивал на том, что интересы

³¹ Подробнее см.: Лабутина Т.Л. Как готовился российско-британский торговый договор 1734 года (по материалам дипломатической переписки) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. Саратов, 2021 г. Вып. 3. С. 337–345.

³² СИРИО. С. 423.

самой России требуют не покупать солдатского сукна в Пруссии». По-видимому, Кабинет дал какие-то гарантии по поводу приоритета приобретения сукна у англичан, если Рондо высказывал надежду: «вскоре мы в состоянии будем вновь захватить торговлю сукном в свои руки: у пруссаков сукно покупается здесь только из милости»³³. Как бы то ни было, но данный меморандум явился по сути основой, на которой можно было вести предметный разговор о заключении торгового договора между странами.

Анна Иоанновна вопрос с жалобами британских купцов решила быстро. 1 апреля 1732 г. посол сообщал в Лондон, что императрица приказала министрам рассмотреть все статьи переданной Рондо записки и выполнить пожелания купцов, «насколько окажется возможным без ущерба интересам России и подданным Ее Величества»³⁴. И вскоре на 8 из 15 статей было дано согласие и в Коммерц-коллегию отправлено предписание внести их в число новых торговых постановлений. Посла также уведомили, что «приказано возможным удовлетворить купцов и по остальным статьям, хотя они еще и не опубликованы». Рондо пришел в восторг от столь быстрого успеха переговоров.

Однако не все шло так гладко, как представлял себе дипломат. Уже спустя месяц после отправки в Лондон упомянутого документа, Рондо извещал лорда Гаррингтона о том, что ему вряд ли удастся склонить русский двор к заключению торгового договора. «Я слышал, — писал он, — что он (двор — *Т.Л.*) и прежде отказывался вступать в подобные обязательства из опасения, как бы и Голландия, и другие государства, имеющие торговые сношения с Россией, не пожелали заключения таких же договоров. Впрочем, — продолжал Рондо, — я, конечно, употреблю все усилия, дабы склонить Ее Величество на договор, направленный к обоюдной выгоде обоих народов»³⁵.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 440.

³⁵ Там же. С. 474–475.

Тем временем от лорда Гаррингтона пришло сообщение о том, что король приказал дело о торговле с Россией передать на рассмотрение Торговой палаты, а также потребовал от Рондо приложить «все свои старания и все свое умение к заключению трактата». «В настоящее время обстоятельства слагаются особенно благоприятно для такого дела, — продолжал госсекретарь, — отношения между Великобританией и Россией совсем не те, что были при Петре I, когда делались первые попытки к заключению торгового договора, прекратившиеся за перерывом сношений и не давшие никакого результата. Укажите на то, что договор этот, невзирая на свой чисто-коммерческий характер, направленный к обоюдной пользе договаривающихся сторон, дает дружбе нашей основание более прочное, чем всякий иной дружественный или даже оборонительный договор»³⁶. Как видно, приоритеты англичан несколько не изменились: на первое место они выдвигали коммерческие, а не союзнические цели, в чем расходились с российской стороной. И, как отмечал Рондо, хотя правительство Анны Иоанновны устранило все неудобства в торговле, на которые жаловались британские купцы, и решило более «тесно» сблизиться с Великобританией, тем не менее, оно скорее желает заключить «дружественный договор, не упоминая о взаимных гарантиях»³⁷.

7 октября 1732 г. Рондо отправил государственному секретарю очередное сообщение, к которому была приложена его записка о состоянии российско-британской торговли. В ней Рондо в очередной раз уверял, что торговля с Великобританией в течение многих лет была и поныне продолжает оставаться для России более выгодной, чем торговля с любой другой европейской страной. Подданные Великобритании вывозят две трети всей вывозимой пеньки, более половины всех вывозимых кож, столько же льна, более трех четвертей всех полотен, примерно столько же железа, весь поташ, большую часть ревеня, рыбьего клея, щетины, воска и прочее. При этом

³⁶ Там же. С. 487–488.

³⁷ Там же. С. 491.

три четверти этих товаров в течение последних лет оплачивалась русским деньгами. Однако за последние десять лет вывоз из Англии в Россию уменьшился почти наполовину. Вместе с некоторыми купцами Рондо попытался выяснить причины, которые привели к подобному положению вещей. И далее он подробно останавливался на каждую из них³⁸.

В заключение записки, освещающей положение важнейших отраслей торговли Великобритании с Россией, Рондо вместе с влиятельными английскими купцами, подписавшими документ, выражал надежду, что торговля двух стран будет восстановлена «на прочном основании». В ответной депеше лорд Гаррингтон проинформировал Рондо о назначении полномочным министром Великобритании при русском дворе лорда Джорджа Форбса, прибытие которого в Петербург ожидалось в марте 1733 г. Понимая, что данное назначение Рондо может расценить как свою отставку, Гаррингтон ссылаясь на решение короля выполнить неоднократно выраженное желание царицы видеть при своем дворе «лицо именитое». «Потому, — продолжал Гаррингтон, обращаясь к Рондо, — вам не следует смотреть на это назначение, как на признак недовольства вами; напротив, все ваши действия всегда удостоивались милостивого одобрения Его Величества и король никогда не думал смещать вас с поста, на котором вы имеете честь служить ему в настоящее время»³⁹. По-видимому, британское руководство сочло необходимым направить в помощь Рондо более опытного дипломата, цель которого, по признанию А.Б. Соколова, заключалась в скорейшей подготовке торгового договора между двумя странами⁴⁰. Неудивительно, что Форбс прибыл в Россию в ранге полномочного представителя министра по вопросам торговых отношений.

Таким образом, главную роль на заключительном этапе переговорного процесса о торговом договоре довелось сыграть лорду Дж. Форбсу, а не К. Рондо. Как отмечал бри-

³⁸ Подробнее см.: Лабутина Т.Л. Как готовился российско-британский торговый договор 1734 года (по материалам дипломатической переписки). Указ. соч.

³⁹ СИРИО. С. 555.

⁴⁰ Соколов А.Б. Указ. соч. С. 215.

танский историк Д.К. Ридинг, лорду Форбсу, как и его предшественнику, неоднократно пришлось обращаться за содействием в своей миссии не только к Остерману, но и к графу Бирону. Ридинг подчеркивал, что в переговорах двух сторон сохранялись разногласия. В то время, как Георг II требовал, чтобы для ускорения принятия договора посол обещал признание императорского титула за царицей, то граф Остерман увязывал его с одновременным заключением оборонительного договора между государствами⁴¹. Форбс не мог согласиться на предложение вице-канцлера. Взамен он представил проект договора, который был утвержден Торговой комиссией 8 августа 1733 г. Этот проект состоял из 27 статей, раскрывавших требования британцев, и мало отличался от предыдущего проекта. Дополнением к нему служили выдвинутые требования британских купцов.

Анализируя статьи договора, Ридинг приходил к заключению, что торговля с англичанами в сравнении с другими государствами, будто бы была более выгодна России. В то же время он отмечал, что британская сторона получала большие дивиденды не только от экспорта и импорта товаров в Россию, но и от их перевозки на своих судах. Неудивительно, что послы Форбс и Рондо приложили немало усилий, чтобы добиться заключения договора.

Все лето и осень 1734 г. шли трудные переговоры. С британской стороны в ход пошло испытанное средство: подкуп влиятельных российских чиновников. Как отмечал современный историк А.В. Демкин, крупная взятка была получена герцогом Э. Бироном, а также, возможно, и президентом Коммерц-коллегии бароном П.П. Шафировым. Но вот подкупить графа А.И. Остермана англичанам так и не удалось⁴². И хотя вице-канцлер всячески пытался затянуть подписание договора, императрица Анна Иоанновна наконец-то дала согласие на этот шаг. «Трактат между Российским и Английским дворами

⁴¹ Reading D.K. The Anglo-Russian Commercial Treaty of 1734. New Haven: Yale University Press, 1938. P. 127.

⁴² Демкин А.В. Британское купечество в России XVIII века. М, 1998. С. 20.

о дружбе и взаимной между обеих держав коммерции» был подписан в Петербурге 2 декабря 1734 г. Как отмечал А.В. Демкин, «в истории русско-британских отношений это был первый подобный документ. Причем для Британии его условия, по сравнению со всеми последующими трактатами, являлись наиболее выгодными»⁴³. Указанный договор предусматривал равные условия в торговле для британцев и русских: свободный проезд в страну, торговля любыми товарами, уплата пошлин в размере, установленном для всех других иностранцев, проживание и наем слуг. Но поскольку русские купцы практически не посещали Великобританию, для них подобный принцип равенства оставался лишь на бумаге. В то же время за британскими коммерсантами сохранялись определенные привилегии. Согласно 8-й статье, им была разрешена транзитная торговля с Персией через территорию России. В соответствии с 5-й и 7-й статьями, купцы расплачивались в нашей стране русскими деньгами. 10 статья освобождала дома британцев от постоев, а 27 статья уменьшила пошлины с английских шерстяных тканей⁴⁴.

Как видно, англичане были правы, называя XVIII век в истории российско-британских торговых отношений «золотым веком». Торговый договор оказался неравноценным для обеих сторон. Россия не получила таких же выгод, как Британия. Это объяснялось, прежде всего, слабостью позиций руководства страны в ту пору, сложной международной обстановкой, а также отчасти корыстолюбием высокопоставленных российских чиновников, легко идущих на уступки конкурентам. Наконец, нельзя сбрасывать со счетов настойчивость и искусство дипломатии в переговорах британских послов, прежде всего К. Рондо, проявленных ими в процессе подготовки и подписании договора.

В истории российско-британских отношений первой трети XVIII в. помимо Торгового договора 1734 г., важное место занимал также оборонительный, или союзный договор 1741 г.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 20–21.

Активную роль в его подготовке также сыграл К. Рондо. Поскольку Торговый договор в полной мере устраивал Великобританию, ее правительство поначалу не торопилось заключать союзный трактат с Россией, т.к. не желало брать на себя каких-либо обязательств в то время, когда шла Русско-турецкая война 1735–1739 гг. Однако успешное завершение Россией войны с Портой при осложнившемся положении в Центральной Европе накануне борьбы за Австрийское наследство, а также назревавшая война с Испанией заставили британцев добиваться союза с Россией.

Переговоры о заключении союзного, или оборонительного договоров начались в 1739 г. 9 февраля Гаррингтон направил Рондо зашифрованное послание, в котором сообщал, что проект договора подготовлен и в ближайшее время будет ему переправлен для ознакомления. И вскоре документ был доставлен посланнику курьером. В сопроводительном письме лорд Гаррингтон обратил внимание на ряд положений, которые нуждались в разъяснении. Прежде всего, у госсекретаря вызывала сомнения разница в оказываемой помощи сторонами друг другу. «У нас сухопутного войска мало, едва достаточно для защиты королевства; нам всегда легче и удобнее оказать помощь военными судами, — писал Гаррингтон, — в свою очередь, суда полезнее царице, всегда располагающей могучей сухопутной армией. Эскадра явится из Англии на защиту царских владений очевидно скорее, чем корпус войск, который еще приходилось бы собирать для отправки»⁴⁵. С другой стороны, продолжал госсекретарь, король, не нуждаясь в усилении морских сил, предпочел бы получить от России помощь скорее людьми, чем кораблями. Гаррингтон подчеркивал: царица располагает достаточным количеством сухопутных войск, что позволит ей выслать корпус на помощь союзнику.

Затем Гаррингтон завел разговор о размере помощи. Как он писал, король ожидал получить от царицы 15 тыс. пехоты, которую удобнее было бы переправить в любое место

⁴⁵ СИРИО. Т. 80. СПб., 1892. С. 433.

королевских владений. Взамен король предлагал России поставить эскадру, вооруженную 800 пушками. Гаррингтон обращал также внимание на обязательное исключение из договора пункта об оказании помощи России в случае ее военных действий против поляков, турок, персов, татар или других восточных народов. Король надеется, продолжал Гаррингтон, что помощь морских сил вряд ли может понадобиться против этих наций. Того же «требует и равномерность взаимных услуг: Его Величество не может подвергнуться нападению со стороны восточных народов; между тем владения царицы открыты нападению всех держав, против которых ей в силу договора придется защищать Англию»⁴⁶. Впрочем, госсекретарь допускал, что русская сторона потребует какого-либо вознаграждения за исключение из договора стран Востока. В таком случае, утверждал он, Россия может быть освобождена от обязанности помогать англичанам, если случится нападение на владения Его Величества в Америке.

Примечательно, что лорд Гаррингтон, передавая пожелания короля, советовал послу включить в первую статью проекта договора пункт о его бессрочном характере. Аналогичное условие предполагалось добавить и в уже заключенный Торговый договор. Завершая свое послание, лорд Гаррингтон просил посла регулярно сообщать ему о ходе переговоров, непременно используя шифр, по-видимому, опасаясь, что о них узнает противник Британии — Франция.

В депеше от 17 марта 1739 г. Рондо извещал лорда Гаррингтона о беседе с А.И. Остерманом, который «в самых решительных выражениях» уверял посла в готовности царицы «войти в ближайшие и прочные обязательства с королем». То же самое повторил и герцог курляндский Бирон, прибавив, что «пока он сохранит здесь какое-либо значение, он всегда будет склонять русский двор к дружбе с Великобританией и отстранять его от всяких соглашений с Францией»⁴⁷. Из беседы с вице-канцлером Рондо выяснил, что проект договора подвергся

⁴⁶ Там же. С. 414.

⁴⁷ Там же. С. 443.

корректировке с русской стороны. Во-первых, заметил граф Остерман, в нем не сказано, предполагается ли распространить действие трактата на германские владения короля (курфюршество Ганновер), или он должен касаться только земель британской короны. Посол отвечал, что речь идет обо всех королевских владениях, включая Ганновер, курфюрстом которого являлся Георг II. Затем граф, согласившись с пунктом об исключении восточных государств из действия договора, счел необходимым дополнить оказание помощи Англией в случае войны России с Польшей. Будучи убежденным в том, что исключение Польши в договоре между Великобританией и Россией вряд ли удовлетворит русский двор, Рондо просил госсекретаря изыскать средства, чтобы «обойти это затруднение»⁴⁸. Наконец, русских министров интересовало, какое количество судов король признает соответствующим условленным 800 орудиям. Завершая свое послание, Рондо заключал, что эти пункты, на его взгляд, грозят встретить наибольшие затруднения при переговорах. Потому он желал получить соответствующие инструкции, которые помогли бы ему заключить желаемый договор в непродолжительное время.

Спустя две недели граф Остерман сообщил послу, что проект оборонительного союза рассматривался в Тайном совете Ее Величества, который высказал отдельные замечания. Существенные затруднения к заключению трактата, на взгляд Рондо, сводились к следующему. Во-первых, русский двор желал, чтобы король обязался помогать России против поляков, если они нападут на русские владения, а поскольку эскадра военных кораблей такой помощи оказать не может, посол полагал, что потребуются помощь сухопутных войск, либо их замена деньгами. Во-вторых, продолжал Рондо, русские желают знать, куда могут быть употреблены их войска, кроме Англии, Фландрии или Германии. Кроме того, российская сторона считает нужным выяснить, каким путем эти войска должны быть отправлены: если сухим путем, то необходимо загодя получить согласие монархов, через владения которых предстоит следовать.

⁴⁸ Там же. С. 444.

Если войска должны переправляться по морю, то кто возьмет на себя расходы по обратной отправке, «когда в них минует надобность, или когда в них окажется нужда на родине для защиты собственной территории их государя»⁴⁹. Русский двор, полагал Рондо, по-видимому, признает себя не в силах перевезти морем 15 тыс. чел. без помощи англичан и, сверх того, желал бы возложить на Великобританию заботы о продовольствии этих войск. Наконец, третье, на чем настаивал граф Остерман, заключалось в том, что Россия не считает разумным возлагать на себя обязательства помогать Англии в случае ее «распри с Испанией, Португалией или в индейских колониях» точно так же, как англичане не желают помогать русским в сражениях против татар, турок и персов. Учитывая вышесказанное, посол приходил к выводу, что оказание помощи Россией в случае, если война с Испанией вызовет нападение на британцев со стороны Франции, должно быть ясно оговорено во избежание возможных недоразумений.

Вскоре лорд Гаррингтон направил Рондо зашифрованную депешу. В ней он сетовал на затруднения, возникшие при русском дворе после всех уверений относительно договора; на медлительность, которую русские министры, ссылаясь на более важные дела, проявляют в рассмотрении проекта. «Если бы, однако, они действительно серьезно помышляли о трактате, ничто не могло бы казаться им более важным, чем предложенный союз», — утверждал госсекретарь⁵⁰.

Через месяц лорд Гаррингтон прислал послу новую депешу, в которой сообщал о подготовленном новом проекте оборонительного союза, составленном по приказанию короля после получения замечаний и пожеланий, высказанных русским двором. 25 мая 1739 г. госсекретарь переслал в Петербург документ, в котором подробно (постатейно) излагалась позиция Великобритании по замечаниям к договору⁵¹.

⁴⁹ Там же. С. 453.

⁵⁰ Там же. С. 463.

⁵¹ Подробнее об этом см.: Лабутина Т.Л. Стратегия и тактика британской дипломатии на переговорах о союзном договоре с Россией 1741 г. // ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 2 с. 51–65

21 июня 1739 г. Рондо сообщал Гаррингтону, что все еще не может сказать «ничего положительного» об успехе проекта союзного договора. Из разговора, который у него состоялся с герцогом курляндским и графом Остерманом, посол заключал, что оба они благоприятно настроены и пока никаких возражений на проект не делают. Все это вселяло надежду в Рондо, что он сможет заключить трактат, согласно желаниям короля.

Спустя месяц Гаррингтон пришел к заключению, что русский двор откладывает свой ответ на проект оборонительного союза и потому советовал послу не подписывать вообще никакого договора, не получив предварительно дальнейших указаний от Его Величества. Это были последние инструкции по поводу союзного договора, полученные Рондо от госсекретаря. 5 октября 1739 г. Клавдий Рондо скончался. Продолжить переговоры о заключении оборонительного договора выпало на долю уже другого посла Великобритании — Эдварда Финча.

Длительная эпопея с подготовкой и подписанием российско-британского оборонительного договора завершилась в 1741 г., однако его претворение в жизнь замедлилось из-за дворцового переворота, в результате которого к власти пришла дочь Петра I — Елизавета Петровна. Хотя английский король ратифицировал союзный договор, Россия сделать это отказалась из-за нежелания Англии оказать ей помощь в начавшейся в августе 1742 г. войны со Швецией. По условиям договора, стороны обязались в случае нападения на одну из них оказать военную помощь друг другу. Англия должна была выставить 12 кораблей, вооруженных 700 пушками, Россия — 10 тыс. пехоты и 2 тыс. конницы. Союзный договор исключал оказание помощи России в случае ее войны с Турцией, Ираном, или крымскими татарами. Россия, в свою очередь, отказывала Великобритании в помощи в случае ее войны с Испанией, Португалией и на территории Италии. Отдельной статьей был продлен на 20 лет Торговый договор 1734 г. Действие союзного договора распространялось

первоначально также на 20 лет.⁵² Между тем, в 1742 г. российско-британские переговоры возобновились и завершились подписанием в Москве договора, воспроизводившего условия предыдущего трактата, и его ратификацией российской стороной. Новый договор был заключен на 15 лет. Его продлением британской дипломатии пришлось заняться уже в правление Екатерины II⁵³.

Как мы могли убедиться, подготовка союзного договора Великобритании и России велась в условиях продолжительных и ожесточенных споров сторон. Британская дипломатия, прежде всего, в лице Рондо и лорда Гаррингтона, приложила немало усилий, чтобы добиться максимальной выгоды при его заключении. Выдержку, хладнокровие и умение лавировать в сложных ситуациях проявила и российская сторона. Между тем, британское правительство так и не выполнило одно из главных условий союзного договора, отказавшись выслать эскадру кораблей в Балтийское море, когда Россия в 1742 г. вступила в войну со Швецией. Таким образом, договор, являвшийся камнем преткновения в дипломатической дуэли сторон, не был реализован на практике, оставшись, по сути дела, лишь на бумаге.

Кто знает, быть может дипломатическая миссия Клавдия Рондо не оказалось столь удачной, если бы не его умение собирать секретную информацию о первых лицах при дворе Анны Иоанновны, включая саму императрицу; о внутренней и внешней политике правительства, а также о состоянии вооруженных сил России. Примечательно, что выполнения этого задания требовал от своего резидента король Георг II. «Во время своего пребывания при дворе Ее Величества, — писал монарх, — вы постараетесь ... осведомиться о намерениях и планах ее касательно всех дел: какие ею заключены трактаты, о чем ведутся ею переговоры с другими монархами и государствами, — и вообще о всех делах, могущих касаться

⁵² Соколов А.Б. Навстречу друг другу. Россия и Англия в XVI-XVIII вв. Указ. соч. С.229.

⁵³ Лабутина Т.Л. Британские дипломаты и Екатерина II. Диалог и противостояние. СПб., 2019. С. 73–139.

наших интересов или как бы то ни было влиять на ход наших дел ... При возвращении вашем в Великобританию надеемся получить от вас полный и совершенный письменный отчет обо всех наблюдениях, которые вам удастся сделать ... о способностях и наклонностях русских министров, об их стремлениях, взаимных отношениях, несогласиях... и вообще обо всем, что касается русского правительства и русских дел...»⁵⁴.

Особое внимание Рондо, как того и требовал от него король, уделял в первую очередь царствующим особам и их приближенным, министрам и придворным, а также событиям, которые происходили при дворе. Между тем, сбор подобной информация был не безопасен для дипломата. Как писал Рондо госсекретарю, «при господствующем при здешнем дворе произволу и варварству, попадись случайно мое письмо в руки российских министров, я подвергся бы большой опасности. Тем не менее, раз Его Величеству угодно знать секретную жизнь здешнего двора, постараюсь передать все, что узнаю о ней, и нарисовать возможно верно характер лиц, стоящих у кормила правления»⁵⁵. И действительно, в ряде депеш, а также в своей «Записке» Рондо представил подробные характеристики главных министров и высокопоставленных чиновников Анны Иоанновны (вице-канцлера А.И. Остермана, канцлера графа Г.И. Головкина, князя А.М. Черкасского, генерал-фельдмаршала князя М.М. Голицына, генерала П.И. Ягужинского, князя В.В. Долгорукого, дипломата князя В.Л. Долгорукого⁵⁶).

Обращает на себя внимание тот факт, что дипломат, давая оценки министрам и придворным, стремился выяснить, каким образом можно привлечь кого-либо из них на свою сторону для продвижения английских интересов. Таким проверенным способом ему представлялся подкуп должностных лиц. В депеше госсекретарю от 12 января 1730 г. Рондо откровенно признавал: «среди русских из ста человек не найдется одного, которого бы нельзя было купить, потому небольшая сумма,

⁵⁴ СИРИО. Т. 66. Указ. соч. С. 362–363.

⁵⁵ СИРИО. Т. 80. СПб., 1892. С. 104.

⁵⁶ Записка о некоторых вельможах русского двора в 1730 году // Чтения московского общества истории и древностей. Кн. II. СПб., 1861. С.1–19.

употребленная с толком, может... склонить русских к слепому исполнению всех желаний короля английского»⁵⁷. Отметим, что подкуп высокопоставленных должностных лиц не ограничивался одними денежными суммами. К примеру, зная о чрезвычайном интересе императрицы и ряда ее министров к английским лошадям, Рондо решил похлопотать, чтобы король согласился прислать несколько лошадей им в подарок. Он не сомневался, что такой подарок будет принят русским двором «с особенным удовольствием». Поскольку для вывоза из Англии племенных лошадей требовалось королевское разрешение, Рондо обращался с этой просьбой к Георгу II, и был рад, что «Его Величество с полной готовностью согласен дать его, когда бы оно ни потребовалось»⁵⁸.

Особое место в своих депешах дипломат, естественно, отводил Э.И. Бирону, занимавшему главное место в управлении Россией при Анне Иоанновне. Неудивительно, что посланник старался заручиться поддержкой фаворита императрицы. Наблюдая за усилением позиций Бирона при дворе, где он «полновластен», а значит «любезность по отношению к нему может оказать большие услуги», Рондо предлагал королю высказать герцогу курляндскому «милостивый привет», что будет ему «чрезвычайно приятно», и может способствовать «любезному отношению» к торгующим в России английским подданным⁵⁹.

Руководство внешнеполитического ведомства Великобритании было довольно поступающей от посланника информацией. Лорд Гаррингтон в январе 1737 г. писал Рондо: «Сведения и вообще некоторые подробности о секретной жизни двора далеко не лишены интереса, так как дают возможность судить о настоящем положении и условиях его, а также о характере лиц, его составляющих»⁶⁰.

Больше всего официальный Лондон интересовала информация о состоянии вооруженных сил Российской империи.

⁵⁷ СИРИО. Т. 66. С. 124.

⁵⁸ Там же. С. 342–343.

⁵⁹ СИРИО. Т. 80. С. 203–204.

⁶⁰ Там же. С. 98.

Неудивительно, что в своих депешах посланник отводил ей значительное место. Уже с первых шагов своего пребывания в Москве Рондо задался целью известить госсекретаря о российском флоте. «Буду прилагать всяческое старание сообщать вашему превосходительству возможно точные известия», — писал он госсекретарю и далее продолжал: «Списка русского флота мне получить еще не удалось; надеюсь, однако, получить его вскоре»⁶¹. Впрочем, даже беглое знакомство с флотом заставило Рондо признать, что Россия, как бы она не разорена, «пока еще в состоянии защищаться против соседей»⁶².

Прошло несколько месяцев прежде, чем Рондо направил в Лондон подробный список русских галер, который достался ему «с большим трудом». На взгляд дипломата, это были единственные суда, внушающие Швеции опасения в случае войны с Россией. В том же донесении Рондо отмечал, что, судя по тому, что на верфях «в постройке постоянно находится множество галер», правительство намерено поддерживать галерный флот⁶³.

Свою информацию Рондо дополнял конкретными сведениями о военных кораблях русского флота (название корабля, число орудий, когда и где построен, куплен в Англии и в каком году, взят у шведов при военных действиях и в каком году, кем построен). Особо он подчеркивал, что ряд кораблей находятся в очень плохом состоянии. Практически все суда были построены английскими мастерами, либо закуплены в Англии. Рондо обращал внимание на то, что многие военные корабли, построенные в Архангельске и других местах, «утрачены или разломаны».

Надо отметить, что Рондо внимательно наблюдал за действиями российского правительства, направленными на улучшение состояния флота. 3 февраля 1733 г. он направил в Лондон обстоятельную информацию о деятельности комиссии, учрежденной императрицей «для приведения в порядок

⁶¹ СИРИО. Т. 66. С. 15.

⁶² Там же. С. 19.

⁶³ Там же. С. 35.

русского флота», который после кончины Петра Первого, на взгляд посланника, «находился в крайнем пренебрежении». Несмотря на то, что в Кронштадте красуется более 30 военных кораблей, едва 5–6 из них способны выйти в море, писал он. Учитывая это, государыня решила построить несколько военных кораблей в Петербурге и два — в Архангельске. Корабельный мастер англичанин Козенц, состоящий на русской службе, на днях должен выехать в Архангельск для постройки двух упомянутых кораблей. Впрочем, Рондо не сомневался, что от постройки этих судов толку будет мало, поскольку главные трудности, с которыми сталкивается русский флот, это недостаток в хороших морях. Таковых «едва ли хватит теперь даже на упомянутые пять-шесть кораблей», констатировал посланник⁶⁴.

Не меньше внимания Рондо уделял и состоянию армии. В марте 1733 г. он внимательно следил за передвижением русских войск, готовых выдвинуться в Польшу в случае, «если бы поляки избрали (на вакантный пост польского короля — *Т.Л.*) лицо, неприятное Ее Величеству и ее союзникам». К своей депеше он присоединил также список войск, общая численность которого на тот момент составляла 56.968 чел.⁶⁵ В ответном послании госсекретарь сообщал, что король «принял к сведению» информацию Рондо и просил его быть «внимательным ко всему, что относится до этого обстоятельства. Собрать самые точные справки о каждом решении, о каждом шаге русского двора, не пренебрегая никаким случаем к доставлению... постоянных и правильных донесений»⁶⁶.

Судя по переданной в Лондон информации, Рондо активно собирал разведданные при дворе Анны Иоанновны. Но каким образом ему удавалось это делать? Кто являлся информатором британского дипломата? Как выясняется, самым главным источником для получения секретной информации для Рондо становились министры и придворные

⁶⁴ Там же. С. 550–551.

⁶⁵ Там же. С. 660–662.

⁶⁶ Там же. С. 572–573.

Анны Иоанновны. Так, дипломат очень быстро разобрался в расстановке сил при дворе и пользовался любой возможностью, чтобы войти в доверие к тем сановникам, которые могли поделиться с ним секретной информацией. Чаще всего ими являлись высокопоставленные чиновники, которые были «особенно расположены к англичанам», как, например, П.И. Ягужинский и Голицыны. В депеше госсекретарю от 17 сентября 1730 г. Рондо прямо называл их имена, подчеркивая, что эти люди знают, что «России выгодно жить в дружбе» с Англией⁶⁷. Особенно Рондо заинтересовался Ягужинским после того, как тот занял пост генерал-прокурора. «Теперь Ягужинский первое по власти лицо после Ее Величества, — докладывал посланник госсекретарю 8 октября 1730 г. — Он вправе войти в любую коллегия и пересмотреть в ней все дела; коллегия должна слушаться его приказаний; даже Сенат не может предпринять ничего без его согласия....Надеюсь, что ваше превосходительство с радостью узнаете о его повышении, так как он всегда был особенно расположен к нам»⁶⁸. Восхищаясь Ягужинским, Рондо в то же время сокрушался, что среди министров мало тех, кто симпатизировал англичанам. «Все же особенно досадно то, что среди всех лиц, стоящих у кормила, только Павел Иванович Ягужинский может считаться нашим действительным другом», — докладывал Рондо лорду Гаррингтону.⁶⁹

Не ограничиваясь министрами, Рондо также начал подумывать, как привлечь на свою сторону фаворитов императрицы. «Не могу не высказать убеждения, что, вздумай наш двор... сделать шаг к привлечению фаворитов на свою сторону, мы в состоянии были бы парализовать все старания венского двора, который... действует здесь исключительно подкупом», отмечал Рондо⁷⁰. И вскоре посланник сумел добиться расположения самого могущественного из фаворитов Анны Иоанновны — Э.И. Бирона. «Льщу себя надеждой, —

⁶⁷ СИРИО. Т. 66. С. 234.

⁶⁸ Там же. С. 239–241.

⁶⁹ Там же. С. 273.

⁷⁰ Там же. С. 274.

писал Рондо лорду Гаррингтону, — что вашему превосходительству приятно будет узнать, что я пользуюсь такой милостью графа Бирона, который здесь самая могущественная личность после Ее Величества»⁷¹.

Судя по переписке Рондо с госсекретарем, посланнику действительно удалось войти в доверие к графу, что порадовало его руководство. «Его Величеству очень приятно видеть доверие, оказываемое вам графом Бироном», — извещал посланника госсекретарь и далее советовал: «Продолжайте поддерживать его расположение всеми мерами...»⁷². В ответ Рондо заверял руководство, что «всячески постарается» сохранить дружбу графа, который относится к нему «чрезвычайно милостиво»⁷³. Благодаря подобной «дружбе», Рондо узнал от Бирона подробности такого важного события, как взятие Очакова, а также о переговорах о мире с Турцией в Немирове, о которых герцог сообщил посланнику «конфиденциально»⁷⁴.

О событиях Русско-турецкой войны 1735–1739 гг.⁷⁵ секретной информацией делились с Рондо и другие высокопоставленные лица, в том числе фельдмаршал Миних. Так, он сообщил англичанину о численности российской армии («приблизительно из 250 тысяч регулярного войска»)⁷⁶. После прибытия графа из расположения войск в столицу в декабре 1737 г. «я имел честь видеться с ним, и мы долго разговаривали о настоящем положении дел», — докладывал Рондо госсекретарю⁷⁷. Не только Миних, но и фельдмаршал Леси оказывал Рондо определенные услуги. Он снял «чрезвычайно интересную карту той местности (где предстояло

⁷¹ Там же. С. 482.

⁷² СИРИО. Т. 80. С. 50–51.

⁷³ Там же. С. 64.

⁷⁴ Там же. С. 171, 215.

⁷⁵ Подробнее см.: Лабутина Т.Л. Русско-турецкая война 1735–1739 гг. в освещении британского посла Клавдия Рондо // «Свои» / «Другие» / «Чужие». Из истории взаимодействия и противоборства Запада, Востока и России». СПб, «Алетейя», 2021. С. 139–169.

⁷⁶ СИРИО. Т. 66. С. 448.

⁷⁷ СИРИО. Т. 80. С. 250.

сражение — Т.Л.) и любезно дал мне копию с нее», — информировал посланник госсекретаря⁷⁸.

Информацией о военных действиях делились с посланником и министры. Так, граф Остерман сообщил Рондо о движении турок с целью захвата Очакова, а также добавил, что русский гарнизон, расположенный в крепости, состоит из 8 полков, которые в полном составе образуют десяти тысячный корпус⁷⁹. Вице-канцлер также позволял Рондо снимать копии с документов, предупреждая, чтобы он не упоминал об этом никому⁸⁰.

Донесения Рондо о военных событиях и состоянии армии и флота удовлетворяли правительство Великобритании. Лорд Гаррингтон, направляя письмо Рондо 1 июля 1737 г., сообщал, что король «с удовольствием» читает его известия «обо всем, касающемся мира и войны». А затем инструктировал: «Не стесняйтесь (использовать шифр), когда ведете речь о каком-либо текущем деле: ваши письма, идя издалека, проходят через столько рук!»⁸¹ Следует обратить внимание на то, что Рондо не всегда называл имена своих информаторов. Нередко в его депешах вообще не указывались фамилии: «мне под большим секретом передавали»; «из многих бесед со здешними министрами вижу»; «по некоторым секретным известиям, полученным мною из армии» и т.д.⁸² Надо признать, что посланник дорожил своими информаторами. Так, извещая Гаррингтона о том, что его «тайный друг» сообщил какое-то важное сведение, дипломат просил госсекретаря пользоваться им таким образом, чтобы об информаторе не узнали. «Оно может повлечь за собой гибель моего друга», высказывал свои опасения Рондо⁸³. И Гаррингтон в ответной депеше спешил заверить посланника: «...Можете быть уверены, что сообщением, сделанным вашим тайным другом, мы

⁷⁸ Там же. С. 273.

⁷⁹ Там же. С. 225, 227.

⁸⁰ Там же. С. 322.

⁸¹ Там же. С. 162.

⁸² Там же. С. 325, 227, 352.

⁸³ Там же. С. 300.

воспользуемся так, чтобы отнюдь не повредить ему; можете положиться на то, что и впредь подобные предосторожности будут принимаемы по поводу каждого известия, которое вам удастся добыть тем же путем о делах русского двора»⁸⁴.

Итак, как мы могли убедиться, разведывательная деятельность британского посланника Рондо велась, и довольно успешно, по заданию правительства Великобритании. Свою информацию дипломат получал из различных источников, но самым главным для него становились первые лица в Российском государстве: министры и высокопоставленные чины в армии. Полученная от них секретная информация чаще всего поощрялась материально (деньгами и дорогостоящими подарками). Хотя Рондо в ходе своей миссии в России проявил себя как талантливый дипломат, сумевший добиться заключения важных для развития российско-британских отношений договоров, в то же время своей разведывательной деятельностью, осуществляемой по заданию правительства Великобритании, он подтвердил, что политика британской дипломатии, проводимая по отношению к России в первой трети XVIII века, была далеко недружественной, а шпионаж превращался в постоянный атрибут профессиональной деятельности дипломатов.

Глава 12

ДИПЛОМАТИЯ РУФУСА КИНГА (США И ЕВРОПА, 1790-е гг.)

М.А. Филимонова

Гилберт Стюарт. Портрет Руфуса Кинга (1819–1820)

Руфуса Кинга (1755–1827) можно отнести к «забытым» «отцам-основателям» США. В американской историографии существует лишь одна посвященная ему монография¹. В отечественной американистике исследований о нем нет. В то же время Кинг — один из самых проницательных политиков

⁸⁴ Там же. С. 341.

¹ Ernst R. Rufus King, *American Federalist*. Chapel Hill, 1968.

и дипломатов ранней Америки — бесспорно, заслуживает большего внимания.

Он был американцем в третьем поколении. Его дед приехал в Америку из Кента в самом начале XVIII века. Об отце Руфуса Ричарде известно мало. Он был преуспевающим торговцем лесом в Массачусетсе и в какой-то момент осел в северных районах колонии — тех, что впоследствии составили штат Мэн. Долгое время здесь проходила беспокойная граница английских владений в Северной Америке. Постоянные столкновения с индейцами племени абенаков составляли часть повседневной жизни. Время от времени заключались мирные договоры, но власти Массачусетса не выполняли данные индейцам обещания, и конфликт возобновлялся. Поселенцев это не отпугивало, и они все равно старались строиться по океанскому побережью или в низовьях рек. На побережье еще в 1635 г. возник Скарборо, избранный для жительства Ричардом Кингом. К середине XVIII в. это был уже зажиточный городок, процветавший на торговле скотом и лесом. Гордостью горожан была дюжина лесопилок с водяными колесами.

Ричард Кинг обосновался прочно. Он обзавелся несколькими фермами общей площадью в три тысячи акров. Не бросал и торговлю лесом: для мощного флота Британской империи требовалось много корабельной древесины. Женат он был дважды, и от двух браков у него было восемь детей. Руфус был старшим из них. По-видимому, он был также наиболее одаренным в семье Кингов, поскольку только его родители сочли необходимым отправить в Гарвард. Его братья Уильям и Сайрус довольствовались местными школами (что, впрочем, не помешало им впоследствии сделать политическую карьеру: Уильям Кинг стал первым губернатором Мэна, Сайрус Кинг — конгрессменом).

Руфус Кинг участвовал в Войне за независимость США, был делегатом Конституционного конвента 1787 г., добивался ратификации федеральной Конституции в штате Массачусетс. Был он и сенатором от штата Нью-Йорк, где по-

селился в 1790-х гг. и обзавелся семьей. В складывавшейся двухпартийной системе (федералисты — джефферсоновские республиканцы) он выбрал для себя федералистскую партию и был верен своему выбору до конца жизни².

Сенат, согласно Конституции США (ст. II, разд. 3)³, играет немалую роль во внешней политике. Без него невозможна ратификация международных договоров, назначение дипломатических представителей. Сенатор Кинг тем более увлекся внешнеполитическими вопросами, что они играли особенную роль в США 1790-х гг. в связи с начавшейся Французской революцией. Это событие не вызвало у Кинга восторга. Он изначально не доверял французам и теперь получил для своей враждебности к этой нации новые поводы. Именно Кинг добился согласия Сената на назначение Г. Морриса⁴ послом США во Франции — а между тем Моррис был известен своими роялистскими убеждениями. Французская революция затрагивала США не только в чисто идеологической сфере. В 1792 г. начались революционные войны. В 1793 г. Франция объявила войну Великобритании. США, как союзник первой из этих держав, должны были вступить в войну на ее стороне. Однако реальные силы молодой республики были столь ничтожны, что это было бы для США самоубийством⁵. Так считал президент Дж. Вашингтон⁶. Так думал и Кинг, предостерегая своих соотечественников от «романа с Французской революцией и вступления в войну от избытка чувств»⁷. С его точки зрения,

² См. подробнее: *Филимонова М.А.* Руфус Кинг (1755–1827), политик, дипломат, аболиционист // История и историография зарубежного мира в лицах. Вып. XI. Самара, 2013. С. 61–73.

³ США. Конституционные и законодательные акты / под ред. О.А. Жидкова. М., 1993. С. 30.

⁴ См. о нем: *Филимонова М.А.* Гувернер Моррис (1752–1816). Портрет консерватора на фоне двух революций // Американский ежегодник, 2004. М., 2006. С. 40–67.

⁵ См. подробнее: *Плешков В.Н.* Внешняя политика США в конце XVIII в. Очерки англо-американских отношений. Л., 1984; *Краснов Н.А.* США и Франция: дипломатические отношения, 1775–1801 гг. М., 2000; *Трояновская М.О.* Дискуссии по вопросам внешней политики США (1775–1823). М., 2010.

⁶ *Созрин В.В.* Основатели США: Исторические портреты. М., 1983. С. 19.

⁷ *Life and Correspondence of Rufus King: 6 vols. / ed. Ch.R. King. N.Y., 1894–1900. Vol. 1. P. 444.*

нейтралитет давал Соединенным Штатам преимущества, которых они не могли бы получить, встав на сторону любой из воюющих сверхдержав. Он рассуждал так: «Приятно размышлять о нашем счастливом положении и перспективах мира и процветания, ждущих нас. Ни одна из морских держав не заинтересована в том, чтобы нарушать наш покой, ведь наша дружба ценна для них всех»⁸. Но как же с американо-французским союзным договором и просто с долгом благодарности Франции за ее помощь во время Войны за независимость? Именно на этот аспект упирали джефферсоновцы.

Джефферсон придерживался той точки зрения, что Французская республика, во всяком случае, является более подходящим союзником для США, нежели свергнутая монархия. Соответственно, союзнические обязательства США оставались в силе⁹. Писатель Х.Г. Брекенридж в своей речи, перепечатанной в «National Gazette», восклицал: «Допустим, Франция скажет: “Соединенные Штаты, вашего нейтралитета недостаточно. Мы ждем, чтобы ваше оружие соединилось с нашим, чтобы ваши герои на суше и ваши приватиры на море напали на врага”. Кто из присутствующих здесь не ответил бы: “Да будет так! Ты получишь все это. Наши граждане вооружатся. Они пойдут в атаку; дубы сойдут с гор; суда будут спущены на воду, и как бы ни был тих наш боевой клич, он будет услышан наравне с вашим!”» В воображении Брекенриджа Америка повторяла Франции то, что сказала библейская Руфь Ноэмини: «Не принуждай меня оставить тебя и возвратиться от тебя; но куда ты пойдешь, туда и я пойду, и где ты жить будешь, там и я буду жить; народ твой будет моим народом, и твой Бог — моим Богом; и где ты умрешь, там и я умру и погребена буду; пусть то и то сделает мне Господь, и еще больше сделает; смерть одна разлучит меня с тобою»¹⁰.

⁸ Ibid. Vol. 1. P. 441.

⁹ Томас Джефферсон о демократии / собр. С.К. Падовер. СПб., 1992. С. 250–251; Плешков В.Н. Нейтралитет США 1793 г. в личной переписке Т. Джефферсона // Проблемы источниковедения внешней политики США. М.–Л., 1987. С. 5–19.

¹⁰ National Gazette. July 27, 1793. Библейская цитата из: Руфь 1:16.

Кинг, напротив, доказывал, что союзный договор с Францией в данной ситуации ни к чему не обязывает США. США обязаны вступить в боевые действия на стороне союзника лишь в том случае, если война будет для Франции оборонительной или хотя бы Франция не станет выступать агрессором. А в данном случае войну объявила именно она. Да и вообще невозможно Соединенным Штатам вступить в войну за океаном, когда морские пути под контролем британского флота. Наконец, нейтралитет просто выгоден для американской внешней торговли. Кинг заверял: «Если мы сохраним свой нейтралитет, наши фермеры соберут золотой урожай, а наш флаг, развеваясь на всех морях, обогатит наших торговцев»¹¹.

Здесь оценки Кинга оказались чрезмерно оптимистичными. В первой половине 1790-х гг. особенно проблемными были отношения США с их бывшей метрополией. Великобритания еще долго не расставалась с мечтой о реванше за проигранную Войну за независимость США. Между молодой республикой и древней монархией оставались неурегулированные вопросы. Великобритания настаивала на возвращении конфискованного имущества ее сторонников-лоялистов. Американцы (южане), в свою очередь, сокрушались о своих рабах, освобожденных англичанами во время войны. Традиционные для американской торговли связи с Вест-Индией были нарушены. Американские суда не имели права заходить в порты континентальных владений Британии, а также Ньюфаундленда¹². В фортах на западной границе США все еще оставались английские гарнизоны. Урегулировать все взаимные претензии должен был англо-американский договор Джона Джея (1794 г.).

Кинг был одним из вдохновителей миссии Джея, и именно ему, наряду с президентом Вашингтоном и министром финансов Гамильтоном, Джей поспешил сообщить об успехе своей

¹¹ Life and Correspondence... Vol. 1. P. 448.

¹² См.: *Jefferson Th. The Papers*: 46 vols. / ed. J.P. Boyd, B.V. Oberg. Princeton, N.J., 1950–2022. Vol. 27. P. 567–579.

миссии, как только договор был заключен¹³. Договор ликвидировал напряженность в отношениях между Великобританией и США, которая, как опасались федералисты, могла привести к войне. На 12 лет экономические отношения двух стран устанавливались на основе «взаимной и полной свободы судоходства и торговли». На практике это означало, что Великобритания более чем на десятилетие гарантировала себя от протекционистских тарифов со стороны США. Ее же уступки американцам были менее значительны. Снимался запрет на торговлю с британской Вест-Индией. Однако разрешение касалось лишь судов водоизмещением до 70 тонн; к тому же они могли ввозить патоку, сахар, хлопок, какао и кофе только в США. Кроме маленькой уступки в отношении Вест-Индии, Англия обязывалась вывести войска из западных фортов (и летом 1796 г. это обязательство было выполнено). Подтверждалось право навигации обеих сторон по Миссисипи. Однако Соединенным Штатам запрещалось принимать каперские корабли враждебных Англии стран. Англия сохраняла за собой право захватывать французские товары (включая продовольствие), перевозимые на американских судах. Английская сторона отвергла предложения, запрещавшие использовать в англо-американских конфликтах индейские племена. Дж. Джею не удалось разрешить вопрос о насильственной вербовке американцев в английский флот. Не было в договоре и упоминаний о компенсации за рабов, увезенных англичанами во время Войны за независимость¹⁴.

Для США условия были не самыми благоприятными, так что договор вызвал бурю возмущения. Оппозиционная республиканская (джефферсоновская) партия развернула кам-

¹³ Плешков В.Н. Внешняя политика США... С. 231–233, 249; Трояновская М.О. Формирование основ консерватизма во внешней политике США (на примере договора Джея 1795 г.) // Консервативная традиция в американском обществе. Истоки, эволюция, современное состояние. М., 2006. С. 260–276; Согрин В.В. Энциклопедия истории США. М., 2018. С. 60–61.

¹⁴ Treaties and Other International Acts of the United States of America. 1775–1863: 8 vols. / ed. H. Miller. Washington, 1931–1948. Vol. 2. P. 245–267.

панию в прессе, народ выражал свое негодование, как мог. «Boston Independent Chronicle» доказывала: «Разве нам дозволена свободная торговля? Разве что с англичанами: покупать продукцию их мануфактур у их торговцев, обогащать эту нацию и давать ей средства для продолжения войны с нашими союзниками-французами». Автор уверял, что перспектива войны с Англией — химера, изобретенная федералистами; что Великобритания существует только за счет захватов американских судов и что трехмесячное эмбарго поставило бы англичан на грань голодной смерти. Через полгода Англия была бы вынуждена просить мира у Французской республики¹⁵. Такие аргументы находили отклик в общественном мнении. Только в Филадельфии в июле 1795 г. прошли три антиджеевских митинга.

Кинг комментировал: «Учитывая прошлые поражения наших якобинцев, было лишь естественно ожидать от них очень значительных усилий в данной ситуации... Организовав шумную оппозицию в крупных городах в одно и то же время, они рассчитывали захватить общественное мнение врасплох и завоевать его»¹⁶. Сам он готов был противостоять оппонентам. В 1795–1796 гг. в нью-йоркских газетах появилась серия статей под общим заголовком «Защита» и подписью «Камилл». За псевдонимом скрывались Гамильтон и Кинг. Джей выступал в роли консультанта для обоих соавторов. От него Гамильтон и Кинг узнали многие подробности предыстории договора, которые использовали в своих статьях. Из 38 статей Кинг написал 10, остальные — Гамильтон. В то время, как министр финансов занялся теорией международных отношений, Кинг сосредоточился на

¹⁵ Boston Independent Chronicle. Oct. 26, 1795. Ср. также: Baltimore Telegraphe. Arg. 5, 1796; Плешков В.Н. Политическая борьба вокруг ратификации и утверждения договора Джея (1795–1796 гг.) // Политическое развитие Великобритании и США в XVII–XIX вв. Л., 1985. С. 56–69; Филимонова М.А. Пресса становится властью. Политические дискуссии на страницах периодической печати США в конце XVIII века. М., 2021. С. 117–147.

¹⁶ Цит. по: Ernst R. Rufus King. P. 208.

статьях, касавшихся торговли и мореплавания. Он подчеркивал преимущества, которые США получили от договора Джея: беспрепятственную навигацию по Миссисипи и открытие вест-индских рынков для американских товаров. Кинг посмеивался над оппонентами, прославляющими фри-тредерскую политику Франции и осуждающими английский Навигационный акт. Он напоминал, что у Франции есть свое аналогичное законодательство, защищающее национальное судоходство¹⁷. Так что не стоит отказываться от условий торговли, предложенных договором Джея, в расчете на сомнительную щедрость Конвента¹⁸. В остальных выпусках, написанных Кингом, логика была схожей: договор Джея ни в коем случае не идеален, но это лучше, чем ничего.

В 1796 г. Кинг был назначен посланником США в Лондоне, где пробыл до 1803 г. В годы его пребывания в Лондоне в англо-американских отношениях наметилось потепление. Разумеется, почва была подготовлена договором Джея, но была здесь и личная заслуга Кинга как дипломата. Он оказался в состоянии улаживать разногласия между двумя странами. Сам дипломат так определял свои цели: «Я счел разумным и политичным следовать примирительным курсом. Я и дальше буду его придерживаться и не оставлю попыток добиться самого разумного и приемлемого соглашения как в отношении Вест-Индии, так и в отношении безопасности наших моряков»¹⁹. В последнем случае речь шла о серьезной проблеме, омрачавшей англо-американские отношения: капитаны английских ВМС не стеснялись захватывать американские суда и силой вербовать матросов на свой флот. На торговлю США с Вест-Индией с английской стороны накладывались ограничения по тоннажу судов.

¹⁷ Конвент принял Навигационный акт 21 сентября 1793 г.

¹⁸ Dunlap and Claypoole's Daily Advertiser. Nov. 17, 1795.

¹⁹ R. King to the Secretary of State. Oct. 16, 1796 // Life and Correspondence... Vol. 2. P. 132.

Намеченная Кингом программа оказалась излишне амбициозной. Известно, что и Джею пришлось пойти на значительные уступки в пользу Великобритании, чтобы заключить с ней хотя бы не совсем позорный для США договор²⁰. Кинг оказался не более удачлив, чем Джей. Английская сторона никогда не упускала случая поставить «бунтовщика» на место. Например, после смерти Дж. Вашингтона Кинг демонстративно появлялся на королевских приемах в глубоком трауре. Но ни король, ни королева, ни министры не сказали ему ни слова по этому поводу. Кинг не мог не счесть такое пренебрежение намеренным²¹. Вообще-то упоминание об Американской революции могло вызвать и более резкую реакцию. Кинг рассказывал, как на обеде в Карлтон-хаус (резиденции принца-регента) кто-то упомянул среди великих людей Вашингтона. Принци тут же покинул комнату²². Сам Кинг недружественных жестов себе не позволял. Когда король Георг спасся от покушения, Кинг счел уместным поздравить его со спасением²³.

Прекратить насильственную вербовку американских моряков Кингу не удалось. У английского Адмиралтейства было универсальное оправдание: отличить американцев от англичан было непросто, а их бумаги, в конце концов, могли быть и поддельными. Сами американские федералисты вынуждены были признать наличие проблемы. Гамильтон писал в одном из эссе «Камилла»: «Общее условие против насильственной вербовки наших моряков было бы бессмыслицей, если не издевательством. Согласно международному праву, наше право не подвергаться таковой неоспоримо, и Великобритания отнюдь не претендует на противоположное. Трудность состоит в том, чтобы установить правило, как различать их моряков и наших и путем этого различия обеспечить

²⁰ О ходе переговоров см.: Плешков В.Н. Внешняя политика... С. 231–251.

²¹ R. King to Secretary of State. Febr. 28, 1800 // Life and Correspondence... Vol. 3. P. 202.

²² Ibid. P. 202–203.

²³ R. King to Secretary of State. Oct. 26, 1800 // Ibid. Vol. 3. P. 321.

нашим защиту, не включая в нее англичан на нашей службе. Так случилось, что наши нации говорят на одном языке и во всех мелочах внешности сильно напоминают друг друга»²⁴. Американским дипломатам, в том числе и Кингу, оставалось только заступаться за того или иного незадачливого морячка перед английскими властями.

В итоге перезагрузки в англо-американских отношениях Кинг не добился. Но он все же сумел обеспечить некую стабильность в этой сфере, что уже стоило немало. Характерно, что даже лидер республиканцев Т. Джефферсон, ставший в 1801 г. третьим президентом США и не терпевший оппонентов на важных постах, не мог и думать об отзыве Кинга и вернул его в США лишь по просьбе последнего.

Официально отношения с Францией не входили в круг забот дипломата. Но Французская революция была слишком грандиозным событием, чтобы ее игнорировать. Кинг делал все от него зависящее, чтобы продвигать федералистскую повестку в отношениях с Францией. В отличие от многих своих единомышленников, Кинг действительно старался разобрататься в происходящем во Франции. Его коллега-дипломат Г. Моррис называл «бешеными» всех без разбору французских революционеров и не скрывал своей ненависти к ним, даже будучи послом в Париже. Кинг до подобного непрофессионального поведения не опускался. Он пристально следил за сменяющимися друг друга партиями и пытался оценить, как очередной поворот парижской политики отразится на его стране. Наблюдательность и острый ум Кинга выразились в его понимании французских событий. Так, он отметил, что наполеоновский переворот 18 брюмера 1799 г. не был беспрецедентным. По аналогичной модели уже был организован переворот 18 фрюктидора 1797 г., установивший всевластие Директории. В довершение сходства, реакция французского общества на оба события была спокойной. Кинг подытожил: «Последняя революция в Париже встретила со столь

²⁴ Hamilton A. The Basic Ideas / ed. R.B. Morris. N.Y., 1957. P. 298.

же малым противодействием, как и любая из предшествующих ей. Кажется, она ничем от других не отличается, разве что в ее оправдание не ссылались на раскрытие какого-нибудь роялистского заговора»²⁵.

Разумеется, Кинга не могла не тревожить экспансия Французской республики. Американцы пристально следили за судьбой марионеточных режимов, созданных французами в Европе. Они боялись, что это может стать и их будущим. Федералистская «*Porcupine's Gazette*» пророчествовала: «У них (французов. — М.Ф.) нет намерения вторгнуться в Соединенные Штаты с откровенной целью *поработить их*. О нет, они явятся к нам, как явились к брабантцам и голландцам, явятся под видом “друзей и освободителей”. Одна-единственная искра их “братства” может разжечь пожар в южных штатах, и тогда пламя распространится до самого Коннектикута со скоростью колесницы Аполлона»²⁶.

У Кинга, как и у многих современников, Французская революция вызывала ужас и невольное восхищение. Он писал Гамильтону: «Хотя сейчас дни чудес, все-таки не смеешь верить всему, что слышишь. Марш, уже пройденный Францией, изумил и смутил всех наблюдателей — а нам говорят, что она задумывает и попытается исполнить проекты еще более гигантские, чем уже совершенное ею, — планы, которые изменят лицо Европы и простираются во все концы земли. Может быть, России удастся сберечь свои владения от пожара, распространяющегося по соседним странам»²⁷.

А вот в безопасности Британских островов уверенности не было. В декабре 1797 г. Кинг сообщал госсекретарю Т. Пикерингу о перспективах вторжения в Англию: «Недавняя

²⁵ R. King to Secretary of State. Dec. 2, 1799 // The life and correspondence... Vol. 3. P. 150–151.

²⁶ American Press Opinion. Washington to Coolidge. A Documentary Record of Editorial Leadership and Criticism, 1785–1927 / ed. A. Nevins. Port Washington, 1969. P. 27–28.

²⁷ R. King to A. Hamilton. June 27, 1797 // The life and correspondence... Vol. 2. P. 195.

морская победа и ликвидация французских военных кораблей в Бресте в значительной степени успокоили страх перед вторжением, несмотря на последнее распоряжение Директории о создании армии на океанском берегу. Ею должен командовать Буонапарте, и она должна называться «Английской армией»²⁸.

В декабре стало известно, что армия действительно готовится, хотя командует ею не Бонапарт. Французы начали готовить флот для десанта на Британские острова под командованием Лазара Гоша. В его составе было 17 линейных кораблей, 13 фрегатов, 4 корвета, 6 флейтов. Предполагалась высадка в Ирландии. Кинг беспокоился. Англичане, как ему казалось, проявляли непростительную апатию перед угрозой вторжения. Он мог лишь высказать пожелание: «Да пошлет Господь менее пассивное настроение нашей стране, если ожидаемые переговоры не смогут восстановить гармонию между нами и Францией»²⁹. Однако тревога оказалась ложной. Французский флот не смог выполнить приказ и был рассеян по выходе из Бреста. Ни один француз в Ирландии так и не высадился³⁰.

Несмотря на фиаско Гоша, англичанам вновь пришлось пережить тревогу в 1798 г., когда из Тулона стартовала египетская экспедиция Наполеона Бонапарта. Кинг, как и многие в Британии, полагал, что на самом деле генерал, уже прославившийся победоносной итальянской кампанией, направляется в Ирландию³¹. Он не мог знать о мнении самого Наполеона, а тот считал, что десант на Британские острова слишком рискован, и удар следует нанести на берегах Нила³².

Упомянутые Кингом «ожидаемые переговоры» касались нового американо-французского договора. В 1797 г. пре-

²⁸ R. King to Secretary of State. Nov. 12, 1797 // Ibid. Vol. 2. P. 240.

²⁹ Ibid. P. 241.

³⁰ *Махов С.П., Созаев Э.Б.* Захватить Англию! Забытые тайны непотопляемого Альбиона. Глава 8. URL: https://www.academia.edu/23687147/Захватить_Англию (дата обращения: 13.01.2022).

³¹ R. King to A. Hamilton. July 2, 1798 // Life and Correspondence... Vol. 2. P. 358.

³² *Манфред А.З.* Наполеон Бонапарт. М., 1987. С. 181–182; *Чандлер Д.* Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя. М., 1999. С. 141–146.

зидент Джон Адамс³³ направил в Париж дипломатическую миссию Дж. Маршалла, Ч.К. Пинкни и Э. Джерри для переговоров с Директорией. Их задачей было ликвидировать или хотя бы смягчить имеющиеся противоречия. К тому времени отношения США с Францией резко испортились из-за договора Джея. Уже два посла США — Г. Моррис и Дж. Монро³⁴ — были высланы из Парижа как персоны нон-грата. Кинг долго надеялся на сохранение мира между двумя республиками, несмотря на то, что французские каперы бесцеремонно нападали на американские торговые суда. Кинг писал: «Никто не питает большего отвращения, чем я, к поведению Франции в отношении нашей страны. И все равно я искренне желаю, чтобы между нами сохранялся мир»³⁵.

Но через пару месяцев после этого письма он вынужден был сообщить, что Директория издала распоряжение захватывать все нейтральные суда, хотя бы часть груза которых может быть произведена в Великобритании или ее колониях. Это заставило его еще более мрачно смотреть на перспективы соглашения с Францией. Он опасался полномасштабной войны³⁶. Так что он пристально следил за дипломатической миссией в Париже и пытался влиять на ход переговоров через активную переписку со своим другом Пинкни. Впрочем, он опасался, что переворот 18 фрюктидора (4 сентября 1797 г.), давший Директории полный контроль над законодательной властью Франции, не сулит успеха американской делегации. Ему казалось, что Совет пятисот больше настроен на сотрудничество с США, чем Директория. Он также указывал на судьбу переговоров Франции с Португалией: французские власти

³³ См. о нем: *Фомина Ю.М.* Джон Адамс // Вопросы истории. 2006. № 2. С. 51–74.

³⁴ См. о нем: *Филимонова М.А.* Джеймс Монро // Вопросы истории. 2009. № 3. С. 66–80; *Ратников А.А.* У истоков дипломатии США: миссия Джеймса Монро во Францию, 1794–1796 гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 2. С. 178–182.

³⁵ R. King to Messrs. Pinckney, Marshall, and Gerry. Nov. 24, 1797 // The life and correspondence... Vol. 2. P. 245.

³⁶ R. King to Secretary of State. Jan. 14, 1798 // Ibid. Vol. 2. P. 271–272.

потребовали некоторую сумму денег в качестве предварительного условия переговоров, а в сам договор была включена секретная статья о предоставлении Франции займа³⁷.

Кинг оказался прав в своем предвидении. В случае с США Директория действовала по той же схеме, что и с Португалией. Сообщения от Пинкни были неутешительны. Он осведомлял Кинга о разногласиях между пятью членами Директории: «Нас еще не приняли, и я думаю, что очень вероятно, что нас не примут. Сказано, что Баррас и Невшато за то, чтобы принять нас и попытаться получить от нас деньги путем переговоров — Мерлен и Ребельль думают, что это будет напрасно, и [выступают] за то, чтобы немедленно отправить нас. Ларевельер находится в нерешительности. Но все они, несомненно, враждебны нашему правительству и полны решимости, если возможно, осуществить изменения в нашей администрации и заставить нашего нынешнего президента уйти в отставку»³⁸.

Он также писал о том, что предпринимаются попытки настроить американских дипломатов друг против друга; например, явное предпочтение оказывается Элбриджу Джерри, которого к тому же обхаживают «американские якобинцы» (т.е. джефферсоновцы). Следующее письмо Пинкни было мрачным: «В настоящее время угрожают, что нападения на нашу торговлю продолжатся и что будут посланы фрегаты и военные корабли из Сан-Доминго, чтобы разграбить наши берега». Сам он предполагал, что пришло время потребовать паспорта для отъезда из Парижа и не забавлять мир зрелищем трех послов, тщетно добивающихся приема³⁹. Возмущение американцев вызвала история с «X, Y, Z». Таинственные агенты, которые и обозначались этими буквами в дипломатической переписке, явились от имени Талейрана к американским представителям в Париже. Они заявили, что американцы не будут приняты Директорией, если не пообещают

³⁷ R. King to Secretary of State. Nov. 18, 1797 // Ibid. Vol. 2. P. 243.

³⁸ Charles Cotesworth Pinckney to Rufus King. Dec. 14, 1797 // Ibid. P. 260.

³⁹ Ch.C. Pinckney to R. King. Dec. 27, 1797 // Ibid. P. 266–367.

предоставить Франции крупный заем на льготных условиях, не извинятся за резкие высказывания своего президента и... не дадут самому Талейрану взятку в 250 тыс. долл.⁴⁰

Действительно, американские дипломаты так и не были приняты, в основном потому, что взятку дать отказались. Обстановка накалялась, балансируя на грани полномасштабного военного конфликта. Французские каперы нападали на американские суда, американцы тоже не оставались в долгу. В историю США конфликт 1798–1800 гг. вошел как «квази-война»⁴¹. Кинг возмущался: «Франция для собственного удобства нарушила договоры, которые мы с ней заключали, и наконец мы согласились на их отмену. Теперь они мертвы и их не воскресить. Моя самая заветная надежда — никогда больше не увидеть подобных договоров ни с одной страной!»⁴²

В США были возмущены наглым высокомерием Директории. Вся страна повторяла гордый ответ Пинкни посланцам Талейрана: «Нет, нет! Миллионы на оборону, ни цента на взятки!» Гамильтон был убежден: «Нет никакой опасности того, что мы опозорим себя, то есть каким-либо недостойным подчинением непомерным претензиям “Великого Монстра” (самопровозглашенной “Великой нации”)»⁴³. Его друг и соратник Р. Трауп уверял, что рейтинг президента Адамса растет с каждым днем: «С тех пор, как был создан человек и по-

⁴⁰ Marshall J. The Papers: 5 vols. / ed. H.A. Johnson. Chapel Hill, 1974. Vol. 3. P. 170–173.

⁴¹ См. подробнее: Ушаков В.А. Джон Адамс и франко-американские отношения в 1797–1801 гг. (К вопросу о роли президента в определении внешнеполитического курса США и урегулировании международных кризисов) // Международные отношения: современность и история. Вып. 2. СПб, 1997; Он же. Джон Адамс и «необъявленная война» с Францией (о роли президента в формировании внешней политики США и урегулировании кризисных ситуаций) // США: становление и развитие национальной традиции и национального характера. М., 1999. С. 280–290; Трояновская М.О. Американско-французский конфликт и «квази-война» 1798–1800 гг. // Проблемы американистики. Вып. 11. М., 2001. С. 129–143; Филимонова М.А. «Квази-война» 1798–1800 годов в отражении «Gazette of the United States» // Всеобщая история. Современные исследования. Вып. 21. Брянск, 2012. С. 79–86.

⁴² R. King to Th. Pinckney. Oct. 12, 1798 // Ibid. P. 444.

⁴³ A. Hamilton to R. King. [Mar. 1798] // Hamilton A. The Papers: 27 vols. / ed. H.C. Syrett. N.Y.–L., 1961–1987. Vol. 21. P. 389.

явились правительства, ни один государственный деятель не пользовался таким доверием и привязанностью своих соотечественников, как наш нынешний президент»⁴⁴.

Действительно, федералистские газеты беспрестанно перепечатавали резолюции, принятые на многочисленных митингах в поддержку президента. В одной из речей 4 июля 1798 г. Адамса именовали не иначе как «палладиумом, который искусно и безопасно ведет американский ковчег через бурный океан, ярящийся вокруг... и не сгибается среди шторма»⁴⁵. Повсюду устраивались патриотические банкеты, создавались комитеты бдительности. Весной 1798 г. жители Чарльстона собрали на нужды обороны 100 тыс. долл. Сбор денег проводился также в Нью-Йорке и Филадельфии⁴⁶. 1 января 1799 г. «Gazette of the United States» поздравляла американцев с быстрым созданием флота, с большим числом добровольцев, готовых встать под ружье для отпора французам, а также с тем, что все эти меры заставили «надменную и алчную» Директорию сбавить тон⁴⁷.

Кинг, находясь в Лондоне, был в стороне от воинственных настроений американских политиков. Он не видел марширующих толп на улицах Филадельфии, не слышал восторженных криков, когда пришло известие о победе американского фрегата «Констелейшн» над двумя французскими фрегатами. И все-таки он не мог не поддаться общему настроению. Он писал своему другу Гамильтону: «Настало время, и жалкая картина, которую являют собой страны, где Франция внедрила свои отвратительные принципы, должна предостеречь нас. Нужно отказаться от половинчатых мер и половинчатых

⁴⁴ R. Troup to R. King. June 3, 1798 // *The life and correspondence...* Vol. 2. P. 329.

⁴⁵ *Lathrop J.* An Oration, Pronounced on the 4th Day of July, 1798. Dedham, 1798. P. 13. См. также: *A Selection of the Patriotic Addresses, to the President of the United States.* Boston, 1798.

⁴⁶ *Ray Th.M.* «Not One Cent for Tribute»: The Public Addresses and American Popular Reaction to the XYZ Affair, 1798–1799. // *Journal of the Early Republic.* Vol. 3 (Winter 1983). P. 389–412; *Краснов Н.А.* США и Франция: дипломатические отношения, 1775–1801 гг. М., 2000. С. 326–327.

⁴⁷ *Gazette of the United States.* Jan. 1, 1799.

людей: они не подходят тому времени, в которое мы живем. Народ Америки поддержит свое правительство, если это правительство будет действовать решительно, если оно взывает к гордости, патриотизму и чести нации!»⁴⁸ Американским капитанам он рекомендовал «защищаться изо всех сил против французских крейсеров»⁴⁹.

Он писал Гамильтону, что вялая и чисто оборонительная война не даст США никаких шансов против Франции, и беспокоился, что Конгресс не проявит должной решимости⁵⁰. В качестве дипломата он заверял соотечественников: «Те, кто не смеет подражать нашему примеру, рукоплещут нам и восхищаются нами»⁵¹, намекая на сателлитов Французской республики. С последними Директория обращалась более чем бесцеремонно. Впрочем, у Кинга были предчувствия, что полномасштабного военного конфликта все же не будет. Осенью 1798 г. он предсказывал: «У вас не будет войны! Франция предложит возобновить переговоры на основе, заложенной президентскими инструкциями посланникам»⁵². Опытный дипломат верно оценил обстановку. Для вторжения в США у Франции не было ресурсов. «Квази-война» осталась виртуальной. Переворот 18 брюмера (9 ноября 1799 г.) привел к власти Наполеона и изменил американско-французские отношения. В октябре 1800 г. Кинг официально сообщил о заключении договора о дружбе и торговле между США и Францией (Мортфонтэнской конвенции)⁵³.

1800 год стал переломным и для внутренней политики США. Во время президентских выборов партия федералистов раскололась и никогда уже не оправилась от этого удара. Выбор между республиканскими кандидатами Томасом Джефферсоном и Аароном Бэрром затянулся до марта 1801 г.

⁴⁸ R. King to A. Hamilton. May 12, 1798 // *Hamilton A.* The Papers. Vol. 21. P. 458.

⁴⁹ R. King to J. Maury. Aug. 30, 1798 // *The life and correspondence...* Vol. 2. P. 405.

⁵⁰ R. King to A. Hamilton. Sept. 17, 1798 // *Ibid.* P. 417.

⁵¹ R. King to Secretary of State. Sept. 19, 1798 // *Ibid.* P. 420.

⁵² R. King to A. Hamilton. Sept. 23, 1798 // *Ibid.* P. 424.

⁵³ R. King to Ch. Lee. Oct. 7, 1800 // *Ibid.* Vol. 3. P. 318.

и в итоге принес президентство первому из них⁵⁴. Кинг получал от друзей-федералистов панические письма. Массачусетец Фишер Эймс опасался появления американского Робеспьера и сетовал: «Якобинизм побеждает там, где, возможно, не увеличивается числом, но зато растет его наглость. Феды в таких местах уступают поле боя с меньшим сопротивлением, чем прежде. Так что в рассуждении силы мы и вправду слабы»⁵⁵. Кинг не мог в этой ситуации не беспокоиться за перспективы внутренней политики США, да и за свое собственное положение. Впрочем, для него мало что изменилось. Он просто делал то же, что и при федералистах. Он все предлагал английским властям найти приемлемый компромисс по вопросу о захватах американских моряков и американских товаров⁵⁶. Результатов по-прежнему не было: в условиях почти непрекращающихся войн Великобритания и Франция считали нейтральные суда законной добычей.

Кинг вернулся в США в 1803 г. Его дипломатическая карьера на первый взгляд может показаться менее эффективной, чем у его соотечественников Б. Франклина, Т. Джефферсона, Дж. Джея. Его именем не назван ни один международный договор. Важнейшие проблемы в англо-американских отношениях он не смог разрешить. С другой стороны, его преемникам это тоже не удалось, что в 1812 г. привело к войне между Великобританией и США. Заслуги Кинга состоят в добросовестной, незаметной дипломатической работе. Он смог долгое время поддерживать нейтралитет своей молодой и слабой страны в сложнейшей обстановке европейских войн.

⁵⁴ Трояновская М.О. «Революция 1800 г.»: насколько революционна была дипломатия джефферсоновских республиканцев? // Вестник МГУ. Серия. История. 2014. №3. С. 37–54; Алентьева Т.В. Филимонова М.А. США в новое время: общество, государство и право. Часть 2. 1800–1877. М., 2022. С. 24–25.

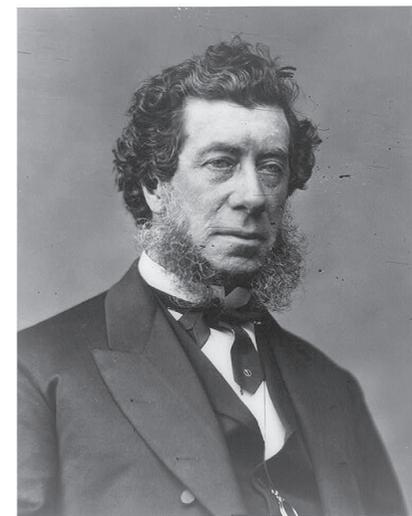
⁵⁵ F. Ames to R. King. Oct. 27, 1801 // Ibid. Vol. 4. P. 3. «Феды» — жаргонное название федералистов.

⁵⁶ R. King to Th. Erskine. Mar. 11, 1801 // Ibid. Vol. 3. P. 401–402; R. King to G. Rose. Mar. 16, 1801 // Ibid. P. 405.

Глава 13

ГАМИЛЬТОН ФИШ — АРХИТЕКТОР МЕЖДУНАРОДНОГО АРБИТРАЖА И АПОЛОГЕТ МИРОЛЮБИВОЙ ДИПЛОМАТИИ

Т.В. Алентьева

Гамильтон Фиш (1808–1893) — известный американский политик и дипломат, занимавший пост губернатора Нью-Йорка (1849–1850), сенатора (1851–1857) и 26-го государственного секретаря (1869–1877). Американские историки считают Фиша главной фигурой в администрации президента Улисса С. Гранта и одним из лучших американских дипломатов. Фиш урегулировал спорные «претензии “Алабамы”» с Великобританией, разработав концепцию международного арбитража¹. Он всегда стремился решать международные вопросы не с позиции силы, а путем переговоров.

¹ The Ten Best Secretaries Of State... // American Heritage. Dec. 1981. Vol. 33. №9 1.

Для восхождения на политический Олимп у Фиша были самые благоприятные условия. Его состоятельные родители имели прочные корни на американской земле. Мать Элизабет Стёйвесант была дочерью Питера Стёйвесанта, прямого потомка генерал-губернатора Нового Амстердама Питера Стёйвесанта. Отец Николас Фиш был ведущим политиком-федералистом и заметной фигурой в Войне за независимость. Своего сына родители назвали в честь друга семьи Александра Гамильтона².

Гамильтон получил прекрасное образование в Колумбийском университете, свободно владел французским языком, что впоследствии помогло ему в дипломатической карьере.

В 1836 г. Гамильтон Фиш женился на Джулии Кин (ее дед Уильям Ливингстон был видным ученым и политиком, участником Войны за независимость, первым губернатором Нью-Джерси). Женитьба оказалась удачной во всех отношениях. Миссис Фиш была известна своей «проницательностью и рассудительностью»³. У пары было трое сыновей и пять дочерей.

В политике Фиш вначале был сторонником партии вигов, а с образованием республиканской партии перешел на ее позиции. В 1857–1860 гг. он с семьей путешествовал по Европе. Находясь во Франции, он изучал европейскую дипломатию и приобрел ценный опыт, который в конечном итоге принес пользу, когда он стал государственным секретарем⁴. После возвращения поддержал Авраама Линкольна на президентских выборах 1860 г. Во время Гражданской войны собирал деньги для военных нужд и помощи семьям нью-йоркских добровольцев. Он входил в президентскую комиссию, занимавшуюся обменом пленными между войсками Союза и Конфедерации. После окончания войны Фиш вернулся к частной адвокатской практике в Нью-Йорке.

Когда в 1868 г. Улисс С. Грант был избран президентом, он назначил Фиша государственным секретарем. В этой должности Гамильтон оставался 8 лет, несмотря на разногласия

² *Corning A.E.* Hamilton Fish. N.Y., 1918. P. 12–15.

³ *Ibid.* P. 20–22.

⁴ *Ibid.* P. 35–48.

с Грантом и его министрами, особенно в вопросах проведения Реконструкции Юга. Периодически он угрожал отставкой, но каждый раз президент упрашивал Фиша остаться, заявляя, что нуждается в его советах. Фиш не симпатизировал политике Гранта по искоренению Ку-клукс-клана, расизма в южных штатах и поощрению равенства афроамериканцев. Фиш жаловался на скуку на заседаниях кабинета Гранта, когда генеральный прокурор А.Т. Акерман рассказывал о зверствах Клана против чернокожих граждан⁵.

Вступив в должность, Фиш сразу же начал серию реформ в госдепартаменте, начав с архивной службы. По его указанию были приведены в порядок 700 томов различных дипломатических документов. Фиш осуществил реформу государственной службы в своем ведомстве, обязав кандидатов на должности сдавать вступительный экзамен. Этой политике иногда мешало то, что президент мог назначить любого человека на должность без необходимости сдавать экзамен. Однако меры Фиша способствовали большей дисциплинированности и ответственности сотрудников госдепартамента⁶.

После окончания Гражданской войны довольно напряженными оставались отношения с Великобританией⁷. В период военных действий Британская империя, формально оставаясь нейтральной страной, признала южную Конфедерацию воюющей стороной и поставляла ей вооружение и различные военные материалы, оказывала финансовую поддержку, продолжала вести контрабандную торговлю хлопком. На английских верфях были построены каперские суда южан «Алабама», «Джорджия», «Шенандоа», «Орето» и другие⁸.

Наиболее ненавистным для американцев стал корабль «Алабама», в 1862–1864 гг. ограбивший и потопивший

⁵ *Chernow R.* Grant. N.Y., 2017. P. 709.

⁶ *Hoogenboom A.* The Presidency of Rutherford B. Hayes. Lawrence, 1988. P. 106.

⁷ См.: *Киселева О.А.* Дело «Алабамы»: попытки урегулирования (1865–1869) // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. № 1(53). 2016. С. 18–24.

⁸ *Campbell Ch.S.* From Revolution to Rapprochement: The US and Great Britain 1783–1900. N.Y., 1974. P. 111.

более 60 американских судов (главным образом, с грузом зерна для Европы). 19 июня 1864 г. он был потоплен в виду французской гавани Шербур американским корветом «Кирсадж». Каперские действия судов Конфедерации нанесли серьезный экономический ущерб торговле и мореплаванию, возмещения которого США начали добиваться сразу после окончания войны. Американские требования получили название «претензий “Алабамы”», и они не ограничивались частными интересами торговцев и судовладельцев⁹. По мнению, американцев, Великобритания должна была возместить весь ущерб от длительной Гражданской войны, поскольку, поддерживая одну из сторон, сама являлась участницей конфликта.

Во время администрации президента Эндрю Джонсона государственный секретарь У.Х. Сьюард¹⁰ попытался урегулировать «претензии “Алабамы”» с помощью договора Джонсона-Кларендона 1869 г., однако сенат отказался его ратифицировать. В нем, по мнению сенаторов, не было зафиксировано признание вины Великобритании за поддержку Конфедерации Юга и нанесение «национального» ущерба США путем расстройств морской торговли, блокады портов и, в конечном итоге, затягивания войны. «Национальный» ущерб был оценен фантастической суммой в 2 млрд. долл.¹¹ Окружение госсекретаря У.Х. Сьюарда настаивало, что вслед за отклонением Великобританией названной суммы следует предъявить ультиматум о территориальной компенсации ущерба¹². 30 марта 1867 г. с Россией был подписан договор о покупке Аляски. Это усилило позиции Соединенных Штатов на Тихом океане, в ущерб Англии. Сьюард считал приобретение Аляски

⁹ The Alabama claims // *The College Courant*. May 29, 1869. Vol. 4. No. 21. P. 327–328.

¹⁰ См. о нем: *Алентьева Т.В.* Путь на Олимп власти США. Политическая карьера Уильяма Генри Сьюарда до Гражданской войны 1861–1865 гг. // Политическое лидерство в истории нового и новейшего времени. Калининград, 2007. С. 39–48.

¹¹ Congressional Globe. 41st Congress. 1st Session. Appendix. P. 25.

¹² *Киселева О.А.* Экспансионистские настроения в США после гражданской войны 1861–1865 г. // Актуальные проблемы науки и образования: опыт и перспективы: в 2 т. Т. 1. Армавир, 2013. С. 124–131.

первым этапом «окружения» всей Британской Северной Америки, которое должно завершиться превращением канадских провинций в штаты Американского союза¹³.

Сьюард твердо верил в «Манифест судьбы», определявший политику экспансии США. Он ожидал, что провинция Британская Колумбия на Западном побережье будет стремиться к присоединению к Американскому союзу, и рассчитывал, что Британия может согласиться на это в обмен на отказ от «претензий “Алабамы”»¹⁴. Его активно поддержали радикальные республиканцы. Их лидер Чарльз Самнер¹⁵, являвшийся председателем сенатского комитета по иностранным делам, выдвинул концепцию «естественных границ», согласно которой Канаде «предначертано оказаться в орбите своего великого соседа»¹⁶. Вскоре другие политики США одобрили план аннексии Британской Колумбии, центральной канадской колонии Ред-Ривер (позже Манитоба) и восточной части Новой Шотландии в обмен на отказ от претензий о возмещении ущерба¹⁷.

Антибритански настроенные американские граждане ирландского происхождения, принадлежавшие к так называемому Братству фениев в первые послевоенные годы совершили несколько вооруженных рейдов на территорию Канады в расчете спровоцировать военный конфликт между Великобританией и США. Теперь уже Канада требовала ком-

¹³ *Болховитинов Н.Н.* Русско-американские отношения и продажа Аляски. 1834–1867. М., 1990; *Dashew D.W.* The Story of an Illusion: The Plan to Trade “Alabama” Claims for Canada // *Civil War History*. Dec. 1969. Vol. 15. No 4. P. 332–348; *Shi D.E.* Seward’s Attempt to Annex British Columbia, 1865–1869 // *Pacific Historical Review*. May 1978. Vol. 47. No 2. P. 217–238.

¹⁴ См.: *Монахов В.М.* Внешнеполитические воззрения У.Г. Сьюарда // Проблемы международных отношений в XIX–XX вв. Л., 1980. С. 130–140.

¹⁵ См. о нем: *Алентьева Т.В.* Чарльз Самнер (1811–1874) — вехи политической биографии // История и историография зарубежного мира в лицах. Вып. IX. Самара, 2009. С. 49–61.

¹⁶ *Sumner Ch.* Works of Charles Sumner. 15 vols. Boston, 1870–1883. Vol. 11. P. 223.

¹⁷ *Dennet T.* Seward’s Far Eastern Policy. // *The American Historical Review*. Vol. 28. Oct. 1922. P. 45–62; *Callahan J.M.* American Foreign Policy in Canadian Relations. N.Y., 1967. P. 308.

пенсации нанесенного ущерба¹⁸. Между США и Канадой возникли пограничные споры о принадлежности ряда островов на северо-западном побережье. Очень острым оставался вопрос о ловле рыбы в прибрежных водах. Несколько американских рыболовецких судов были задержаны канадскими патрульными судами и доставлены в канадские порты. Дискуссионным оставался и вопрос о праве судов обеих сторон на беспрепятственный проход по рекам и озерам вблизи от границы, включая реку Св. Лаврентия¹⁹.

В Конгрессе раздавались призывы запретить канадцам пользоваться пограничными реками, каналами и озерами для торговых и пассажирских перевозок. Сенатор Б. Батлер призывал прекратить всякие отношения с Канадой²⁰. Англофобия достигла небывало высокого уровня, когда Фиш стал государственным секретарем. Радикалы З. Чандлер и Ч. Самнер потребовали, чтобы Великобритания уступила Канаду Соединенным Штатам в качестве оплаты за «претензии “Алабамы”»²¹. Самнер заявлял, что Британия несет ответственность за половину материального ущерба, нанесенного США в период Гражданской войны. Он утверждал, что английская декларация о нейтралитете явилась «главной причиной продолжавшейся гражданской войны». В 1868 г. Самнер объявил, что «Англия нанесла больший ущерб США, чем какая-либо другая цивилизованная держава такой же стране». Этот ущерб, по его мнению, составил «миллионы долларов и тысячи, если не сотни тысяч жизней»²².

Антианглийские настроения отражались в политических карикатурах. На одной из них дева Колумбия обстригает когти

¹⁸ Киселева О.А. Фени и англо-американские отношения в 1865–1871 гг. // Проблемы истории политической борьбы и общественной мысли США. Куйбышев, 1986. С. 22–33.

¹⁹ Киселева О.А. Канадские проблемы в американо-английских отношениях в 1871–1877 гг. // URL: <https://america-xix.ru/library/kiseleva-canadian-problems> (дата обращения: 9.03.2022).

²⁰ Papers Relating to Foreign Relations of the US. 1865–1877. Washington, 1870. P. 424; Congressional Globe. 41st Congress. 3rd Session. P. 88.

²¹ Congressional Globe. 41st Congress. Special Session. 1869. Apr. 19. P. 730.

²² Cook A. The Alabama Claims. Ithaca, L., 1975. P. 93.

лежащему у ее ног британскому льву. На когтях льва написано: «Претензии “Алабамы”»²³. Настойчивость американской дипломатии отразилась в карикатуре Т. Наста. На ней Дядя Сэм с шарманкой, которая воспроизводит одну и ту же мелодию «Претензии “Алабамы”», стоит под окном, из которого выглядывает весьма недовольный этим репертуаром Джон Буль²⁴.

В конце 1870 г. появилась возможность урегулировать «претензии “Алабамы”» при премьер-министре У. Гладстоне. Фиш, желавший улучшить отношения с Великобританией, вместе с президентом Грантом и его сторонниками в Сенате, добился исключения Самнера из сенатского комитета по международным делам. Это позволило возобновить переговоры с Великобританией²⁵.

В начале 1871 г. британское правительство направило Джона Роуза в США, чтобы выяснить, будут ли переговоры по урегулированию спора о северо-западной границе приемлемыми для президента Гранта. Фиш оказал ему самый сердечный прием. Эдвард Торнтон, британский посланник в США, официально предложил назначить совместную комиссию в составе шести членов от Британской империи и шести членов от Соединенных Штатов для разрешения спора. Местом проведения переговоров был предложен Вашингтон. Соединенные Штаты с готовностью согласились при условии, что и другие разногласия, возникшие в результате Гражданской войны, будут среди тем для обсуждения. Британское правительство приняло американские условия.

14 февраля 1871 г. представители Великобритании во главе с графом Робинсоном встретились в Вашингтоне с американскими дипломатами во главе с Фишем. Также Великобританию представлял премьер-министр Канады Джон А. Макдональд. После 37 раундов переговоров 8 мая 1871 г.

²³ Harper's Weekly. Aug. 1. 1868.

²⁴ Harper's Weekly. Febr. 5. 1870.

²⁵ Libby J. Hamilton Fish and the Origins of Anglo-American Solidarity // Mid America. 1994. Vol. 76. № 3. P. 205–226.

был подписан Вашингтонский договор, который стал «вехой международного примирения»²⁶.

Договор включал процесс урегулирования «претензий “Алабамы”». Достигнутое соглашение было признано «беспрецедентным достижением», разрешившим пограничные споры, вопросы взаимной торговли и судоходства. Великобритания выразила сожаление по поводу ущерба, нанесенного «Алабамой»²⁷.

США получили право рыбной ловли в территориальных водах Канады сроком на 10 лет в обмен на аналогичные условия для канадских рыболовов²⁸. Устанавливалось право свободной навигации для торговых судов обеих стран по реке Св. Лаврентия²⁹. Вопрос о западной границе на Тихоокеанском побережье и принадлежности острова Сан-Хуан передавался на арбитраж германскому императору Вильгельму I. Его решение гласило, что остров должен быть передан США³⁰. Сенат ратифицировал договор 24 мая 1871 г.

В соответствии с заключенным договором в Женеве собрался международный арбитражный трибунал. 25 августа 1872 г. на его заседании было принято решение об урегулировании «претензий “Алабамы”», и Великобританию обязали выплатить Соединенным Штатам 15,5 млн долл. золотом за ущерб, причиненный военными кораблями Конфедерации³¹.

²⁶ The Treaty of Washington // Advocate of Peace. Aug. 15. 1871. New Series Vol. 3. No. 32. P. 93; Shippee L. Canadian-American Relations. 1849–1874. N.Y., 1970. P. 377–378.

²⁷ Messamore B.J. Diplomacy or Duplicity? Lord Lisgar, John A. Macdonald, and the Treaty of Washington, 1871 // Journal of Imperial & Commonwealth History. May 2004. Vol. 32. № 2. P. 29–53.

²⁸ Treaty between Her Majesty and U.S.A. Signed at Washington. 8 May 1871. L., 1871. P. 7.

²⁹ Ibid. P. 8–11.

³⁰ Ibid. P. 11. Томас Наст отреагировал на это решение карикатурой, на которой кайзер Вильгельм I передает остров Сан-Хуан дяде Сэму к явному неудовольствию Джона Буля. Harper's Weekly. Nov. 16. 1872.

³¹ Bingham T. The “Alabama” Claims Arbitration // The International and Comparative Law Quarterly. Vol. 54. № 1. Jan. 2005. P. 1–25; Sexton J. The Funded Loan and the “Alabama” Claims // Diplomatic History. Vol. 27. № 4. Sept. 2003. P. 449–478; Решение третейского суда по претензиям Соединенных Штатов Америки к Великобритании, связанным с «делом «Алабамы»» (1872) // Сэмс Р. Крейсерство «Сэмтера» и «Алабамы». СПб., 1878. С. 485–491. — URL: <https://america-xix.ru/library/award-alabama-claims-1872> (дата обращения: 10.03.2022).

Американское общество живо интересовалось проблемой урегулирования «претензий “Алабамы”». Довольно активно эту проблему продвигали карикатуристы. Особенно старались сотрудники «Harper's Weekly». Главным и хорошо узнаваемым персонажем карикатур был сам госсекретарь Гамильтон Фиш, благодаря его пышным бакенбардам³². Художники активно обыгрывали его фамилию, которая переводится с английского как «рыба». На карикатуре Ф. Беллью руководитель внешней политики в виде огромной рыбы с человеческой головой (с его замечательными бакенбардами), спокойно плывет в воде подобно бронированному кораблю, не обращая внимание на яростный обстрел оппозиционной прессы из орудий разного калибра³³. В другой Фиш изображен уже в образе чудовищно разгневанной летучей рыбы с огромной разинутой пастью, угрожающей проглотить несчастного канадского браконьера, осмеливающегося удить рыбу в американских водах. На заднем плане видна озадаченная фигура Джона Буля³⁴.

На карикатуре известного художника Т. Наста, опубликованной 24 февраля 1872 г. Великобритания представлена в виде разъяренного льва в модном сюртуке и лаковых сапожках, в бешенстве пытающегося пробить лбом закрытую дверь здания «международного трибунала». На двери надпись: «Претензии “Алабамы” приняты в женевское отделение». Президент Грант и госсекретарь Фиш сидят в отдельной ложе и спокойно беседуют. Перед Фишем лежит проект требований США. Из-за угла здания выглядывает призрак в белом одеянии с прорезями для глаз. В руках он держит шест с фонарем. На шесте написано — «Английские требования», на стекле горящего фонаря надпись — «Война»³⁵. В этом же номере, на последней странице была еще одна карикатура Т. Наста с названием «Косвенные убытки». С большой выразительностью

³² Vanity Fair. May 18. 1872.

³³ Harper's Weekly. Dec. 13, 1873.

³⁴ Harper's Weekly. Jan. 24. 1873.

³⁵ Harper's Weekly. Febr. 24. 1872.

художник изобразил плачущего британского льва. Слезы градом катятся из его глаз. Рядом, стоя на коленях, утешает несчастный символ британского могущества расстроенный бывший премьер-министр Дизраэли. Он говорит: «Правительству все еще не хватает должного понимания серьезности этого вопроса между Англией и США. Американские требования настолько чрезмерны, как это бывает только после тотального завоевания». Сзади него лежит цилиндр, из которого выглядывает документ с американскими требованиями. На заднем плане изображен удаляющийся сенатор Ч. Самнер. Чтобы зритель не ошибся, что это именно он, из кармана его сюртука выглядывает текст его речи³⁶.

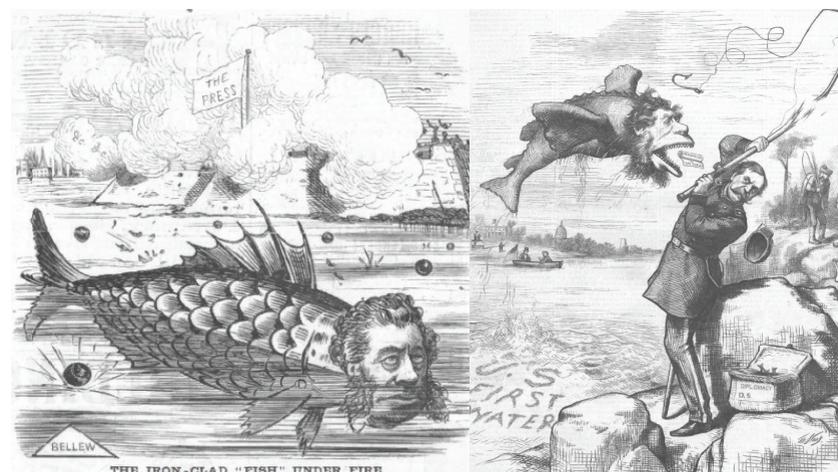
В номере от 9 марта 1872 г. карикатура все того же Т. Наста высмеивает позицию сенаторов Ч. Самнера и К. Шурца, противодействующих миролюбивой политике Г. Фиша³⁷. На этот раз сидящий британский лев выглядит гораздо более грозно. Его пасть широко распахнута, и Самнер, на манер циркового укротителя, наклонил голову прямо в эту пасть. Карикатура называется «Помещая голову в пасть льва». Из кармана его сюртука торчит текст «Требований “Алабамы”», а в руке он держит «свои возражения». С ужасом на этот смертельно опасный трюк взирает К. Шурц. Характерен текст под рисунком, взятый из популярной газеты: «Почему он обратился к этому средству? Это должно было доказать, что наше правительство нарушило свои нейтральные обязательства перед Германией, чтобы поспорить нас с этой державой, нанести ущерб нашему собственному делу в трибунале в Женеве, показав, что мы согрешили против Германии также серьезно, как Англия согрешила перед нами во время Мятежа»³⁸.

Томас Наст явно поддерживал линию президента и его министра. На карикатуре от 6 июля 1872 г. У.С. Грант и Г. Фиш спокойны и сосредоточены. Их отделяет от здания

³⁶ Harper's Weekly. Febr. 24. 1872.

³⁷ Harper's Weekly. Mar. 9. 1872.

³⁸ New York Herald. Febr. 21. 1872. Здесь намек на то, что дипломатия США не особенно активно поддерживала объединение Германии.

Конгресса, не всегда согласного с внешней политикой главы исполнительной власти, белая стена. На ней надпись: «Внимание! Никаких уступок больше. Предоставьте нам мирный арбитраж». При этом Грант наступил на хвост плачущему британскому льву, перед которым бесполезно лежат «британские условия по арбитражу». Из-за стены выглядывает озабоченный Дизраэли. За его спиной виднеется Биг-Бен, и развевается британский флаг³⁹. Англичане считали претензии США чрезмерными⁴⁰.

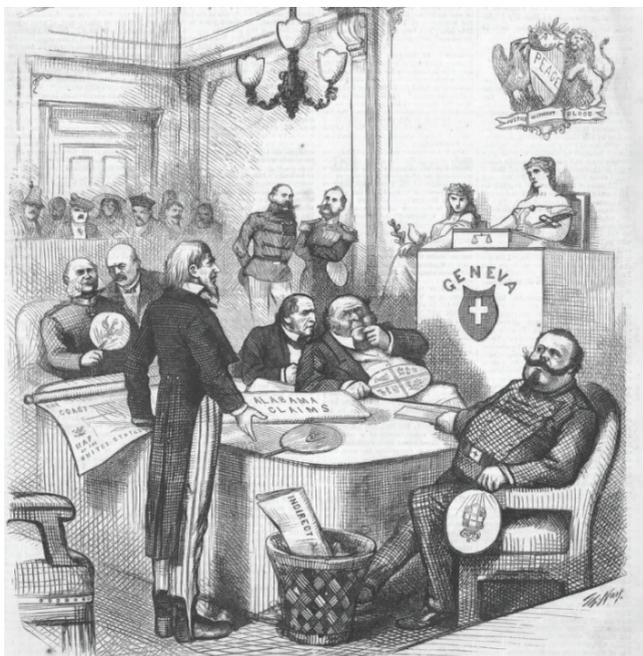
Поскольку события развивались благоприятно для США, карикатуристы видели в этом заслугу именно госсекретаря, олицетворявшего уже всю страну. На карикатуре Т. Наста, посвященной заседанию женевского арбитража, дядя Сэм спокойно и с достоинством предъявляет присутствующим не только «претензии “Алабамы”», но и карту пограничных споров на канадской границе. Английские предложения выброшены в мусорную корзину.

Председательствует на заседании Богиня правосудия, рядом с ней Богиня мира с оливковой ветвью. Над их головами

³⁹ Harper's Weekly. July 6. 1872.

⁴⁰ London Charivari. Jan. 22. 1872.

стилизованный герб, в котором соединены символы Великобритании (лев) и США (орел). Надпись на гербовой ленте — «Мир». За столом переговоров находятся: представитель Италии — король Виктор-Эммануил II собственной персоной⁴¹; озабоченный Джон Буль со своим премьер-министром У. Гладстоном⁴²; германский император Вильгельм I со своим канцлером Бисмарком⁴³. Чтобы еще больше подчеркнуть весомость международного арбитража художник изобразил рядом со столом переговоров австро-венгерского императора Франца-Иосифа I и российского императора Александра II. На трибуне для публики видны представители других

⁴¹ На самом деле Италию представлял политик и дипломат Федерико ди Салерно (1798–1878). Но жанр карикатуры требовал лишь обозначения присутствующих стран. Облик итальянского короля был достаточно выразителен. А чтобы зритель ничего не перепутал, у ног короля художник поместил герб Италии.

⁴² На самом деле Великобританию представлял политик и юрист, баронет Александр Кокберн (1802–1880).

⁴³ Германия официально не участвовала в женеvском арбитраже.

европейских и азиатских стран. Реально присутствовавшие на заседаниях страны на карикатуру не попали. Речь идет о бароне из Бразилии профессоре права Маркосе Антонио де Арайо (1842–1897) и представителе Швейцарии — политике и дипломате Якобе Стампфли (1820–1879). Главным для художника было показать весомость американской дипломатии, которую уважают главы ведущих государств⁴⁴.

Счастливым для США завершение дела с «претензиями «Алабамы»» нашло отражение в других карикатурах Т. На-ста. На одной из них дядя Сэм и Джон Буль готовы протянуть друг другу руки для рукопожатия. Причем Джон Буль держит в руках увесистый мешок с деньгами (на нем стоит цифра 15,5 млн). Надпись гласит: «Давайте протянем друг другу руки над кровавой пропастью»⁴⁵. Гораздо позже появляется карикатура, призванная закрепить идею близких отношений США и Великобритании. На ней, вопреки традиции, США представлены в виде льва, стоящего в горделивой позе, в обычной одежде дяди Сэма (чтобы не было сомнений у зрителя — в левой руке он держит цилиндр с надписью «US»). На правом плече у американского льва винтовка. Перед ним в почтительном поклоне, с непокрытой головой, склонился британский лев (в обычной одежде Джона Буля). Цилиндр он держит в правой руке. На заднем плане простые американцы восторженно приветствуют эту сцену. Под карикатурой надпись: «Сезон львов. Нет больше орла». Британский лев говорит американскому: «Я горжусь нашими взаимоотношениями»⁴⁶. Действительно, благодаря умелой дипломатии Г. Фиша, между США и Великобританией установились добрососедские и дружественные отношения.

Важнейшим направлением внешней политики США, начиная с провозглашения доктрины Монро, была Латинская Америка. Приоритет США в делах западного полушария

⁴⁴ Harper's Weekly. July 27. 1872. P. 577. Это был популярный лозунг к примирению враждующих сторон после Гражданской войны в самих США.

⁴⁵ Harper's Weekly. Oct. 5. 1872. P. 776.

⁴⁶ Harper's Weekly. Aug. 21. 1875. P. 673.

утверждал Г. Фиш: «Соединенные Штаты занимают выдающуюся позицию на Американском континенте, — позицию, дающую им право первого голоса»⁴⁷.

Наиболее отрой, с момента вступления Г. Фиша в должность, оказалась проблема Сан-Доминго. Ранее администрация Э. Джонсона добивалась покупки двух островов Вест-Индии — Сент-Томас и Сент-Джон, рассчитывая их использовать как базы для своих военно-морских сил. Для президента Гранта одним из внешнеполитических интересов было присоединение Сан-Доминго, к Соединенным Штатам. Он полагал, что эта аннексия укрепит позиции США в Вест-Индии⁴⁸. Администрация Гранта рассчитывала на «дипломатию доллара». Расчет был на то, что президент Сан-Доминго Бонавентура Баез находился в очень затруднительном положении. Внутреннее состояние страны было нестабильным, и президент рассчитывал на долларовые инъекции американцев. В Вашингтоне было принято решение арендовать часть Сан-Доминго — Бей-оф-Саман под американскую военно-морскую базу. Г. Фиш не вполне разделял желание Гранта. Он выступал против аннексии латиноамериканских стран, по его мнению, «объединение тех, кто населен латинской расой, стало бы началом многолетних конфликтов и анархии»⁴⁹. Раздражение американского общества вызывал арест доминиканским правительством американского гражданина Дэвиса Хэтча, агента нью-йоркской торговой компании. За то, что он поддерживал свергнутого Баезом президента Хосе Кабрала, Хэтчу грозил смертный приговор⁵⁰.

В апреле 1869 г. Фиш присвоил личному секретарю Гранта Орвиллу Бэбкоку статус «специального агента» для изучения положения дел на острове. Генерал Бэбкок, сорат-

⁴⁷ *Lockey J.B.* Essays in Pan-Americanism. Berkley, 1935. P. 5; *Киселева О.А.* К вопросу о внешнеполитических итогах гражданской войны в США (1861–1865 гг.) // Проблемы истории политической и культурной жизни США. Самара, 1993. С. 36.

⁴⁸ *McFeely W.S.* Grant A Biography. N.Y., 1981. P. 332–333, 337.

⁴⁹ *Calhoun Ch.W.* The Presidency of Ulysses S. Grant. Lawrence, 2017. P. 205–206.

⁵⁰ *Pinkett H.T.* Efforts to Annex Santo Domingo to the United States, 1866–1871 // The Journal of Negro History. Vol. 26, №. 1. Jan., 1941. P. 35.

ник Гранта в годы Гражданской войны, дважды посетил Сан-Доминго⁵¹. Результатом его второго визита явилось предложение заключить договор о присоединении Сан-Доминго к Соединенным Штатам в статусе отдельного штата. В октябре 1869 г. Фиш составил официальный договор, который включал: выплату Соединенными Штатами государственного долга Доминиканской Республики в размере 1,5 млн долл.; передачу залива Самана в аренду Соединенным Штатам за ежегодный платеж в размере 150 тыс. долл. Сан-Доминго в конечном итоге получил бы статус штата⁵². В частной беседе с президентом Грантом Фиш согласился поддержать аннексию Сан-Доминго, если президент направит Конгрессу заявление о непричастности американцев к кубинскому восстанию против Испании⁵³.

В своем послании Конгрессу президент подчеркнул положительные стороны будущей аннексии: «Приобретение Сан-Доминго — это приверженность доктрине Монро. Это — мера национальной защиты, это утверждение нашего контролирующего влияния над важным торговым трафиком ... это наращивание нашего торгового флота, это основание новых рынков для продукции наших ферм и мануфактур. Это также лишит рабство поддержки на Кубе, Пуэрто-Рико и в Бразилии, это поможет разрешению бесконечного конфликта на Кубе»⁵⁴.

Проект Бэбкока вызвал неоднозначную реакцию в Вашингтоне. Была создана специальная комиссия Конгресса, чтобы разобраться в ситуации на месте. Комиссия в апреле 1871 г. отправилась на остров Гаити⁵⁵ на борту «Теннесси», самого крупного американского военного корабля. Это была убедительная демонстрация силы.

⁵¹ 41st Congress. 3rd Session. Senate Executive Document. No 17. P. 79; *Nevins A. Hamilton Fish: The Inner History of the Grant Administration. Vol. 1. N.Y., 1957.* P. 268.

⁵² 41st Congress. 3rd Session. Senate Executive Document. No 17. P. 98–101.

⁵³ *McFeely W.S. Op. cit.* P. 344.

⁵⁴ Messages and Papers of the Presidents. Vo. VII. P. 61–63.

⁵⁵ Сан-Доминго или Доминикана — испанская часть острова Гаити. В 1865 г. испанцы были изгнаны с острова.

Чарльз Самнер, в то время председатель сенатского комитета по международным делам, был против договора, полагая, что остров должен оставаться независимым, поскольку «чернокожие на Сан-Доминго не разделяют англо-американских ценностей». Он утверждал, что готовящаяся аннексия Сан-Доминго является коррупционной сделкой администрации со спекулянтами-торговцами Фабенсом, Казно и другими. Кроме того, военная поддержка режима Баеза против гаитянской агрессии, могла втянуть США в вооруженный конфликт на острове⁵⁶. Да и сам доминиканский режим, по мнению прессы, не пользовался поддержкой народа. Ввиду назревавшего на острове недовольства, грозящего перерасти в восстание, Баез пообещал провести референдум в поддержку своей власти, которую редактор «New York Tribune» Х. Грили объявил фарсом⁵⁷.

10 января 1870 г. Грант представил текст договора в сенат. Фиш полагал, что сенаторы проголосуют за аннексию только в том случае, если будет вычеркнут пункт о предоставлении Сан-Доминго статуса территории. Он предлагал ограничиться протекторатом. Однако президент Грант отказался от этого варианта⁵⁸.

Самнер выступил с яркой речью против аннексии, которую он назвал «Виноградник Навуфея»⁵⁹. В ней он охарактеризовал Баеза, Казно и Фабенса как «политических жокеев», которые соблазнили Бэбкока поддержать их план аннексии. Опираясь на документы он доказал, что Баез пытается сохранить власть с помощью поддержки американского военного флота. Выступая в защиту независимости острова, он подчеркнул: «Их независимость также священна для них, как и наша для нас, она находится под защитой естественных законов, которые

⁵⁶ Congressional Globe. 41st Congress. 3rd Session. Senate Executive Document. No 34. P. 14. Самнер был впоследствии награжден медалью президентом Гаити за его противодействие аннексии Сан-Доминго.

⁵⁷ Pinkett H.T. Op. cit. P. 34.

⁵⁸ Smith J.E. Grant. N.Y., 2001. P. 504–505.

⁵⁹ Библейское выражение. Виноградник Навуфея был его наследством: «Но Навуфей сказал Ахаву: сохрани меня Господь, чтоб я отдал тебе наследство отцов моих» (3Цар.21:3).

мы не можем нарушать безнаказанно»⁶⁰. Эта речь встретила горячее одобрение защитника прав чернокожих У.Л. Гаррисона. В письме Самнеру он подчеркнул: «Я хочу поблагодарить вас за вашу недавнюю речь в Сенате против нежелательного президентского проекта аннексии Сан-Доминго. Мыслями, сердцем и душой я с вами... я рассматриваю его [проект] как корыстную, земельную спекуляцию и грабеж худшего типа»⁶¹.

Сенат после долгого обсуждения, отклонил договор 30 июня 1870 г. Восемнадцать сенаторов голосовали против. Грант, разгневанный отказом Самнера поддержать договор, добился с помощью своих сторонников в Конгрессе лишения его места председателя сенатского комитета по международным делам⁶². Насколько Грант был раздосадован провалом своей инициативы, свидетельствует его вторая инаугурационная речь. В ней он заявил: «В первый год деятельности прошлой администрации было выдвинуто предложение принять Сан-Доминго в качестве территории Союза. Этот вопрос возник не по моей инициативе, предложение поступило от народа Сан-Доминго, и было мной поддержано. Я думаю сейчас, как и тогда. Я считаю, что это предложение, наилучшим образом отвечавшее интересам нашей страны, народа Сан-Доминго и всех заинтересованных сторон, должно было бы быть благожелательно встречено. Однако оно было конституционным путем отвергнуто, и поэтому этот вопрос ни разу мной не поднимался»⁶³.

Другой проблемой, важной для США, было создание межокеанского канала через Панаму. Заинтересованность в этом проекте постоянно проявлял У.С. Грант⁶⁴. Госсекретарь Фиш организовал подписание 26 января 1870 г. в Боготе

⁶⁰ Congressional Globe. 41st Congress. 3rd Session. P. 226–221.

⁶¹ Pinkett H.T. Op. cit. P. 41.

⁶² Иванов Р.Ф. Внешняя политика победившей революции (период Реконструкции) // История внешней политики и дипломатии США. 1775–1877. М., 1994. С. 336–337; Setz D. The Dreadful Decade. N.Y., 1970. P. 267.

⁶³ Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша 1789–2001 гг. / под ред. Э.А. Иваняна. М., 2001. С. 235.

⁶⁴ Grant U.S. Personal Memories: 2 vols. N.Y., 1885–1886. Vol. I. P. 193–198.

договора между США и Колумбией, который установил панамский маршрут для межокеанского канала. Однако сенат Колумбии внес в договор такие поправки, что стратегическое значение строительства межокеанского канала стало неэффективным. В результате сенат Соединенных Штатов отказался его ратифицировать⁶⁵.

Г. Фиш стремился придерживаться миротворческой линии в отношении стран Латинской Америки. По его инициативе США выступили посредником в испано-южноамериканской войне, начавшейся в 1865 г. Конфликт начался с захвата Испанией богатых гуано островов Чинча в ходе одной из серии попыток Испании при Изабелле II восстановить свое влияние на свои бывшие южноамериканские колонии.

11 апреля 1871 г. в Вашингтоне состоялась конференция по мирной торговле под председательством Фиша между Испанией и южноамериканскими республиками Перу, Чили, Эквадором и Боливией, в результате которой между странами было заключено перемирие⁶⁶. Президент Грант дал Фишу все полномочия на переговорах по разрядке между пятью странами. Подписанный договор о перемирии состоял из семи статей; военные действия должны были прекратиться как минимум на три года, и страны должны были разрешить коммерческую торговлю с нейтральными странами⁶⁷.

Особую остроту для США в период президентства У.С. Гранта приобрели кубинские дела. В 1868 г. кубинцы восстали против испанского правления. Настроения американской общественности благоприятствовали кубинским повстанцам. За помощь кубинцам выступали конгрессмены, пресса, представители общественности, участники массовых митингов в поддержку Кубы⁶⁸.

⁶⁵ Crowell J. The United States and a Central American Canal, 1869–1877 // The Hispanic American Historical Review. Vol. 49. № 1. 1969. P. 27–52.

⁶⁶ United States Department of State. Dec. 4. 1871. Foreign relations of the United States. P. 775–777.

⁶⁷ Ibid.

⁶⁸ New York Times. Mar. 26. 1869; Apr. 16. 1869; May 5. 1869; Nov. 30. 1869; Dec. 3. 1869.

Президент Грант готов был признать кубинцев воюющей стороной. Однако, Фиш, желавший в то время урегулировать «претензии “Алабамы”», не одобрял намерения президента, поскольку это подтвердило бы правомерность подобного признания южной Конфедерации в 1861 г. правительством королевы Виктории⁶⁹. Признание кубинских повстанцев, по мнению госсекретаря, поставило бы под угрозу арбитраж с Великобританией. Кроме того, Фиш считал, что война с Испанией нанесет удар по американо-кубинской торговле. В ее результате могут пострадать американские граждане, проживающие на острове.

Руководитель восстания Карлос де Сеспедес обратился к президенту Гранту, чтобы США поддержали повстанцев⁷⁰. 24 марта 1869 г. Х. Лемус, представитель революционного кубинского правительства, прибывший в Вашингтон, обратился с просьбой принять его в качестве такового. Ему было отказано. В неофициальной беседе Фиш заявил ему: «Мы намерены соблюдать полную лояльность по отношению к Испании, и как бы мы не сочувствовали народу, борющемуся за более либеральный образ правления, в какой бы части мира это не происходило, мы не откажемся от своего долга по отношению к другому дружественному правительству и не будем торопиться преждевременно признавать революционное движение, пока оно не обнаружит способности к самостоятельному существованию и какой-то степени прочности»⁷¹.

10 апреля 1869 г. палата представителей Конгресса приняла резолюцию, в которой говорилось о поддержке кубинского народа в его борьбе за независимость, а также об одобрении действий президента, если он сочтет целесообразным признать революционное правительство. Это воодушевило американскую общественность, готовую поддержать кубинских повстанцев. На территории США активизировалась деятельность по доставке оружия и снаряжения повстанцам,

⁶⁹ Chapin J.B. Hamilton Fish and the Lessons of the Ten Year's War // Perspectives on American Diplomacy / ed. by J. David. N.Y., 1976. P. 131–163.

⁷⁰ Фонер Ф. История Кубы и ее отношений с США. 1845–1896. М., 1964. С. 250.

⁷¹ Фонер Ф. Ук. соч. С. 251–252.

набору волонтеров. Этим занимались нью-йоркское общество помощи сражавшейся Кубе⁷².

Учитывая эти настроения, Белый дом решил воспользоваться ситуацией, чтобы надавить на Испанию и заставить ее продать остров США. Соответствующие инструкции получил Дэниэль Сайклс, который в июле 1869 г., должен был прибыть в Мадрид в качестве посла. В инструкциях говорилось о необходимости Испании признать независимость Кубы при обязательстве последней предоставить Мадриду компенсацию (до 100 млн долл.), выплату которой гарантируют США. В случае отказа Испании США сочтут необходимым признать кубинцев воюющей стороной⁷³.

На самом деле это было лишь проверкой позиции Испании в данном вопросе, сами испанские власти были уверены в успешном подавлении восстания. Среди правящих кругов США по-прежнему не было единства. Военный министр Роулинс, умиравший от туберкулеза, сделал последнюю попытку убедить остальных членов кабинета признать независимость Кубы. Роулинс обратился к прессе и изложил причины, по которым Соединенным Штатам необходимо было оказать помощь кубинским повстанцам. Возможно, что им двигала и финансовая заинтересованность. Роулинс принял 28 тыс. долл. в виде кубинских военных облигаций⁷⁴. Американская общественность требовала признания кубинских повстанцев. Грант, учитывая обстоятельства, отдал распоряжение подготовить соответствующую правительственную декларацию. Она не увидела света. Роулинс вскоре умер. Фиш убедил президента в том, что несвоевременное признание кубинской независимости означает войну с Испанией при неблагоприятной международной обстановке⁷⁵.

⁷² Слезкин Л.Ю. Соединенные Штаты и освободительная война на Кубе 1868–1889 гг. // История внешней политики и дипломатии США. 1867–1918. М., 1997. С. 13.

⁷³ Nevins A. Op. cit. Vol. 1. P. 184.

⁷⁴ Smith J.E. Op. cit. P. 491–492.

⁷⁵ Nevins A. Op. cit. Vol. 1. P. 175–178; Priest A. Thinking about Empire: The Administration of Ulysses S. Grant, Spanish Colonialism and the Ten Years' War in Cuba // Journal of American Studies. Vol. 48, No. 2. May 2014. P. 541–558.

В 1873 г. возник серьезный конфликт между США и Испанией. Испанский морской патруль, охранявший побережье Кубы, захватил частное судно «Вирджиния», шедшее под американским флагом. Судно использовалось для доставки оружия и боеприпасов кубинским повстанцам. Капитаном «Вирджинии» был Джозеф Фрай, бывший офицер ВМФ южной Конфедерации. После обстрела «Вирджиния» была вынуждена сдать испанским властям. 103 члена экипажа состояли из кубинских новобранцев-повстанцев и 52 были американскими и британскими гражданами⁷⁶. Испанцы сорвали и растоптали американский флаг и доставили заключенных в Сантьяго. 53 члена экипажа были казнены испанскими властями. Испанцы прекратили расправу только тогда, когда у берегов Кубы появился британский военный корабль⁷⁷.

Когда новости о казнях достигли Соединенных Штатов, президент Грант и госсекретарь Фиш были вынуждены немедленно отреагировать. Многие американцы требовали полномасштабной войны с Испанией. В Конгрессе, на массовых митингах звучали требования принять самые решительные меры по отношению к Испании, чтобы «смыть оскорбление американского флага»⁷⁸. Президент Грант дал указание военно-морскому министру перевести флот на военное положение. Возникла реальная угроза войны с Испанией⁷⁹. Фиш хорошо понимал, что перспектива войны не отвечает интересам США, недавно пережившим кровопролитную гражданскую войну. Кроме того, он учитывал враждебную позицию Англии и Франции, поддерживавших во время войны Конфедерацию, вместе осуществлявших провалившуюся интервенцию в Мексику. Под их контролем находились основные морские пути. Фиш приложил максимум усилий, чтобы разрядить напряжение, возникшее в американо-испанских отношениях.

⁷⁶ Schwarz F.D. 1873 One Hundred And Twenty-Five Years Ago // American Heritage. Oct. 1998. Vol. 49 (6).

⁷⁷ Ibid.

⁷⁸ Rhodes J. History of the United States from the Compromise of 1850 to the Final Restoration of Home Rule at the South in 1877. Vol. 1–7. N.Y., 1906. Vol. 7. P. 96.

⁷⁹ The Cuban Affair // Advocate of Peace. New Series. Vol. 5. № 1. January, 1874. P. 1–2.

Испанцы, не желавшие столкновения с сильной державой, тоже стремились урегулировать конфликт дипломатическим путем. Испания передала сильно поврежденную «Вирджинию» США. Выжившие пленные были освобождены, в том числе 13 американцев. Испанский капитан, отдавший приказ о казнях, был осужден. Испания выплатила 80 тыс. долл. компенсации американским семьям, члены семей которых были казнены в Сантьяго. Г. Фишу удалось урегулировать конфликт с Испанией дипломатическим путем, избежав войны.

В период пребывания в должности государственного секретаря Фишу приходилось заниматься урегулированием «претензий по поводу “Алабамы”», пограничными и иными спорами между Канадой и США, проблемами отношений со странами Латинской Америки. В своей деятельности Фиш внедрил новую концепцию международного арбитража, где споры между странами разрешались путем переговоров, а не военных конфликтов⁸⁰.

В заслугу Фишу как дипломату ставят заключение договора 1875 г. о взаимной торговле с королевством Гавайи. Открыв эти острова для свободной торговли, он способствовал началу процесса их присоединения к Соединенным Штатам. Фиш плодотворно работал с Джеймсом Тернером, первым афроамериканским консулом Америки, над урегулированием военного конфликта в Либерии (Liberian-Grebo war)⁸¹.

Гамильтон Фиш остался в истории как талантливый дипломат. Современники отмечали его спокойное поведение при любых обстоятельствах, честность, лояльность, скромность, а также его мудрость, поскольку он всегда стремился избегать вооруженных столкновений и решать проблемы путем переговоров.

⁸⁰ Он ушел с государственной должности в 1877 г. и вернулся к частной жизни, занимаясь юридической практикой. 7 сентября 1893 г. умер в возрасте 85 лет.

⁸¹ *Kremer G.R. James Milton Turner and the Promise of America: The Public Life of a Post-Civil War Black Leader. Columbia, 1991. P. 82–87.*

Глава 14

СЭР СТРЭТФОРД КАННИНГ И КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ БРИТАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ^{1*}

И.Ю. Смирнова

Англо-русское противостояние, признаваемое «главным звеном международных противоречий на всем протяжении азиатского материка от берега Босфора до Владивостока»², с особой остротой проявилось в период обострения Восточного вопроса в канун Крымской войны, когда одной из главных целей британской внешней политики было противодействие укреплению влияния России на Ближнем Востоке: «Великий враг Англии — Россия, — писал лорд Пальмерстон, — это исходит не из личных чувств, а потому, что ее намерения и цели несовместимы с нашими интересами и безопасностью»³.

Среди единомышленников Пальмерстона в числе первых следует назвать Стрэтфорда Каннинга, известного дипломата, двоюродного брата министра иностранных дел Англии Джорджа Каннинга. Как и лорд Пальмерстон, сэр Стрэтфорд Каннинг поддерживал и реализовывал сформулированный еще в 1807–1809 гг. Дж. Каннингом принцип «неприкосновенности Османской империи как основы английской политики в громадном регионе Ближнего Востока и Юго-Восточной Европы»⁴.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного исследовательского проекта № 20–09–41016.

При написании настоящей главы использовались материалы авторской монографии: Смирнова И.Ю. Россия и Англия в Святой Земле в канун Крымской войны. М.: Изд-во «Индрик», 2015. 395 с.

² *Нарочницкий А.Л.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860–1895. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. С. 207.

³ *Виноградов В.Н.* Британский лев на Босфоре. М., 1991. С. 43.

⁴ Там же. С. 11.

Турки называли Каннинга «великим элчи» (послом), в дипломатической переписке он получил наименование «второго султана», а глава Форин Офис в 1853–1858 гг. лорд Джордж Кларендон именовал его «подлинным султаном». Российские историки дипломатии также единодушно признают незаурядные качества Каннинга-дипломата. Академик Е.В. Тарле называл его «энергичнейшим и умнейшим из дипломатических врагов Николая», В.Н. Виноградов пишет о нем, как «матером политике, почти полвека подвизавшемся в Турции, до тонкостей знавшем обстановку, друге и покровителе великого визиря Решид-паши»⁵.

Для подобных оценок личности и деятельности британского посла имелись весьма веские основания. Не умаляя достоинств Каннинга как энергичного и влиятельнейшего дипломата, признавая его лидерство в восточном кризисе, русские дипломаты видели мотивацию всей его работы на Востоке в личном враждебном отношении к России. Как вспоминал барон Жомини, Каннинг, «на протяжении десяти лет блокировавший наши эксклюзивные позиции в Турции, сделал их уничтожение главным делом своей жизни, посвятив себя этому делу со всем упорством и самоотверженностью, столь характерной для британцев»⁶. Аналогичного мнения придерживались европейские наблюдатели, объяснявшие энергичные выступления сэра Каннинга на стороне Франции «глубокой ревностью к России»⁷.

Вернувшись в Турцию в качестве полномочного министра Великобритании в 1842 г., Каннинг наладил дружеские отношения с молодым султаном Абдул-Меджидом I, вошедшим на престол после смерти Махмуда II. С тех пор его влияние на политику Порты было практически неограниченным. Пони-

⁵ Там же. С. 91.

⁶ [Jomini A.G.] Diplomatic Study on the Crimean War. London: W. H. Allen, 1882. V. 2. P. 209.

⁷ Письмо Вильяма Пальмера к Эдвину Пальмеру от 17 февраля 1852 г. // Bodleian Library University of Oxford. Department of Western Manuscripts, Mss. Eug. Lett. F. 432. P. 40/2.

мая важность религиозной составляющей внешней политики великих держав в таком этноконфессиональном регионе как Ближний Восток, Каннинг в целях продвижения британских интересов активно использовал церковные каналы, используя возможности развитой британской консульской сети, реформированной по его инициативе в середине 1840-х гг.⁸

Этнорелигиозные конфликты. В аугсбургской газете «Allgemeine Zeitung» за 1851 г. появилась любопытная статья, автор которой, имевший возможность наблюдать действия Каннинга на Востоке, дал «тонкий набросок характера сэра Каннинга скорее, как частного лица, нежели представителя Великобритании»⁹. Автор восхищался величественными манерами британского посла, который «единственный из европейских дипломатов уже одним своим импозантным внешним видом внушает уважение турецким вельможам». Там же отмечалась «глубина его мыслей, которая не имеет ничего общего с дипломатическим салоном Перы». Представляет интерес авторская оценка отношения Каннинга к тем, кому требовалось покровительство британского посольства: «Все, кто нуждается в защите, в посредничестве, в расположении британского посла для себя или для других, кто просит его расположения для угнетенных, для преследуемых, кто терпит издевательства, словом, для несчастных, — все они признают в характере сэра Каннинга чувства человеколюбия такие живые, такие настоящие, такие теплые, какими ни один дипломат не может похвалиться»¹⁰.

В статье упоминались события 1844–1845 гг., когда по всей Османской империи во время первого патриаршества Константинопольского Патриарха Германа IV (12 июня 1842–18 апреля 1845) имели место многочисленные

⁸ См. подробнее: Смирнова И.Ю. Курс Каннинга—Пальмерстона: британское миссионерство и дипломатия в канун Крымской войны / Диалог и противостояние Запада и России // ЭНОЖ «История». 2019. Вып. 12 (86).

⁹ Allgemeine Zeitung. [1851] // The National Archives (GB, Kew), FO. 352/33. Part 2/9.

¹⁰ Ibid.

убийства православных греков и других христиан мусульманами, недовольными принятием Гюльханейского хатти-шерифа (1839), формально признававшего равенство всех подданных султана независимо от вероисповедания. Автор приводит факты, напоминавшие о том, как посол, «несмотря на ненависть, в которой поклялся ему Риза-паша, несмотря на неприязнь турецких министров», добивался решений Порты в защиту христиан Турции¹¹.

«Когда английская политика, — говорится в статье, — вовлекла сэра Каннинга в сирийский вопрос, Порты под его давлением вынуждена была принять энергичные меры, чтобы защитить этих христиан от албанских убийц. Она достаточно сурово покарала эти ужасные разбойничьи банды, введя призыв на военную службу, вследствие которой тысячи этих неукротимых бродяг были привезены в Константинополь, связанные, оторванные от родных мест, одетые в тесную одежду, после того, как они получили, согласно Кодексу Низама¹², град ударов палками»¹³.

В той же статье упоминался и другой этнорелигиозный конфликт, во время которого жестокому избиению со стороны курдов подверглись ассирийские несториане в провинции Джуламерк¹⁴, одном из наиболее удаленных вилайетов Османской империи на границе с Персией, где с 1842 г. действовала англиканская духовная миссия в лице английского пастора Баджира и его ассистента Флетчера, командированных к несторианам Халдеи и Курдистана. Во время их пребывания среди несториан курдский предводитель курдов Бедр-Хан-бек разрушил несторианские селения и церкви,

¹¹ Ibid.

¹² Низамы Шамяля — «строй, порядок»; кодекс законодательных установлений по различным вопросам на основе норм шариата. Всего известно 14 низамов имама Шамяля.

¹³ Allgemeine Zeitung. [1851] // The National Archives (GB, Kew), FO. 352/33. Part 2/9.

¹⁴ Джуламерк — бывшее армянское, курдское и айсорское название современной турецкой провинции Хаккяри на границе Турции и Ирака.

несторианский Патриарх Мар-Шимон был вынужден спастись бегством. От полного истребления несториан спасло присутствие англиканских миссионеров, обратившихся за помощью к британским дипломатам.

Благодаря вмешательству сэра Каннинга Бедр-Хан-Бек был пойман и сослан на Кипр, несторианам было позволено вернуться в их прежние жилища, Патриарх был восстановлен в своем сане, большинство детей несториан, которые были похищены и силой обращены в магометанство, были выпущены на свободу¹⁵. На аудиенции, состоявшейся 23 марта 1844 г., султан заверил Каннинга: «Отныне христианство не будет поругаемо в моих владениях и христиане никоим образом не будут преследоваться по религиозным мотивам»¹⁶. С тех пор «несториане не переставали обращаться к Англии с воззваниями о помощи»¹⁷.

Каннинг и Англо-прусская епископия в Иерусалиме. К одному из важнейших направлений британской дипломатии на Ближнем Востоке относилось дипломатическое покровительство протестантским миссионерам на Христианском Востоке, поддержка учрежденной в 1841 г. англо-прусской епископии в Иерусалиме, а после 1850 г. и протекторат над британскими подданными и протестантами в Османской империи.

Учреждение епископии явилось результатом преимущественно британской политики на Востоке, хотя современники возлагали ответственность за этот шаг на прусского монарха Фридриха-Вильгельма IV¹⁸, который летом

¹⁵ Allgemeine Zeitung. [1851] // FO. 352/33. Part 2/9.

¹⁶ FO 352/28. Part A.

¹⁷ АВПРИ. Ф. 289. Генеральное консульство в Тавризе. Оп. 570/1. Ед. хр. 934. Л. 203–204.

¹⁸ Хитрово В.Н. Православие в Святой Земле // Хитрово В.Н. Православие в Святой Земле. Т. 1. Изд-во Олега Абышко: СПб., 2011. С. 130–149; Tibawi A.L. British Interests in Palestine. 1800–1901. A Study of Religious and Educational Enterprise. Lnd, 1961. С. 31; Whiller R. Palmer's Pilgrimage. The life of William Palmer of Magdalen. Oxford-Wien: Peter Lang, 2006. P. 156. Williams G. The Orthodox Church of East in the eighteenth century. London, Oxford, Cambridge. 1868. P. xliv.

1841 г. командировал в Лондон Х. К. Бунзена¹⁹ для обсуждения возможности создания в Палестине епископии, которая, «сохраняя независимость от Евангелической Церкви Германии, объединилась бы с Англиканской Церковью в Иерусалиме»²⁰. Однако концепция религиозного присутствия Великобритании в Святой Земле в основных чертах оформилась еще в 1838 г., когда британский консул в Иерусалиме Янг назвал группы населения, которые рассматривались им в качестве перспективных объектов британских усилий: «Первая — это *евреи*, которым Бог изначально дал во владение эту землю, и вторая — это *протестанты-христиане*, Его законные потомки. И тем и другим Великобритания представляется естественным покровителем»²¹.

8 октября 1838 г. зять лорда Пальмерстона лорд Эшли, впоследствии граф Шефтсбери²², которому принадлежала инициатива в создании британской духовной миссии в Святой Земле, записал в своем дневнике: «Можем ли мы не устанавливать протестантский епископат в Иерусалиме и не дать ему юрисдикцию над всем Левантом, Мальтой и какими-либо капелланствами, возможно, на берегу Африки?»²³

Проект иерусалимского бишоприка с энтузиазмом поддержал король Пруссии, который был не менее англичан заинтересован в создании совместной епископии в Иерусалиме, исходя, с одной стороны, из религиозных убеждений, а с другой — из политических интересов Пруссии. Фридрих-Вильгельм питал надежды на восстановление протестантско-

¹⁹ Бунзен Христиан-Карл-Иозиас (1791–1860), дипломат, протестантский историк, теолог, писатель. Автор проекта англо-прусской епископии в Иерусалиме, получившего одобрение обоих правительств. Вышел в отставку после того, как его попытки вовлечь Пруссию в союз западных держав против России потерпели неудачу.

²⁰ *Whiller R. Palmer's Pilgrimage. The life of William Palmer of Magdalen. Oxford-Wien: Peter Lang, 2006. P. 156.*

²¹ *Tibawi A.L. British Interests in Palestine. 1800–1901. A Study of Religious and Educational Enterprise. Lnd, 1961. P. 37.*

²² Эшли-Купер Энтони, 7-й граф Шефтсбери (1801–1885), британский политик, общественный деятель и филантроп. Активный деятель Лондонского общества по распространению христианства среди евреев.

²³ *Tibawi A.L. British Interests in Palestine. Lnd, 1961. P. 36.*

го церковного единства — «соединение обеих протестантских общин, англиканской и евангелической, воедино, по крайней мере, в центре христианского мира — в Иерусалиме»²⁴. В то же время Пруссия, действуя в фарватере британской политики, получала шанс обрести собственную нишу в Святой Земле. В 1841 г. эта мысль была реализована на практике учреждением в Иерусалиме англо-прусской англикано-лютеранской епископии.

Каннинг и епископ Михаил Соломон Александр. 7 ноября состоялось посвящение в епископы Михаила Соломона Александра, которому предстояло «возглавить английское духовенство и конгрегацию в Сирии, Халдее, Египте и Абиссинии и другие такие протестантские объединения, которые могут образоваться в будущем под его епископской заботой и быть приняты в общение с его Церковью, направлять усилия в этих странах для обращения иудеев и установить дружеские отношения с епископатами древних Церквей Востока»²⁵. На торжественной церемонии, состоявшейся в капелле Ламбетского дворца, присутствовали Бунзен, Шефтсбери, Гладстон, а также вновь назначенный послом в Константинополь Стрэтфорд Каннинг. Однако на первых порах Каннингу не удавалось оказывать миссионерам необходимую поддержку из-за протестов в дипломатических кругах Константинополя, вызванных учреждением иерусалимской епископии.

Британский консул в Иерусалиме Джеймс Финн вспоминал, что помимо противостояния иерусалимской епископии различных партий в Великобритании и Пруссии, имело место противостояние Австрии и Франции. Меттерних, раздраженный мерами британского правительства, представил Порте официальный протест, а французские дипломаты своими интригами в Константинополе восстановили против

²⁴ *Хитрово В.Н. Православие в Святой Земле. С. 136.*

²⁵ Выдержки из статьи «Епископия Объединенной Церкви Англии и Ирландии в Иерусалиме». Пер. с англ. / Таймс. 17 ноября 1841 г. // АВП РИ. Ф. 161 (СПб. ГА) Ил-9. Оп. 46. Д. 26. Л. 81.

епископии министров Порты, усмотревших в будущей протестантской общине повод для потенциального вмешательства западных держав²⁶.

О том же много лет спустя писал министр иностранных дел лорд Абердин: «Проект [епископии] вызвал множество опасений и столкнулся с значительной оппозицией со стороны Порты. Чтобы устранить эту оппозицию, Стрэтфорд Каннинг был уполномочен уверить турецкое правительство, что епископ Александер приехал в Сирию под строгим запретом от церковного начальства вмешиваться в религиозные отношения мусульманских или христианских субъектов Порты и предпринимать какие-либо попытки присоединять к Англиканской Церкви кого-нибудь из них»²⁷.

В результате первый протестантский епископ не мог рассчитывать на безоговорочную дипломатическую поддержку ни в Иерусалиме, ни в Константинополе. Тем не менее британский посланник принимал на себя поддержание церковных инициатив, которые не могли быть реализованы без его участия. И прежде всего к таким проектам относится строительство протестантской церкви в Иерусалиме.

Переговоры с Портой по поводу разрешения на строительство церкви Лондонское еврейское общество во главе с Шефтсбери и Николайсоном вело с 1835 г. С учреждением в Иерусалиме протестантской епископии этот вопрос приобрел особую актуальность, и устройство церкви стало важнейшей задачей Александера. 28 февраля 1842 г., несмотря на отсутствие официального разрешения от Порты, он осуществил закладку первого камня в основание будущего храма. Однако иерусалимский губернатор Иззет-паша усмотрел в постройке новой церкви нарушение мусульманского права и «повелел остановить возведение церкви до получения

²⁶ Tibawi A.L. *British Interests in Palestine. Lnd, 1961. P. 47.*

²⁷ Письмо лорда Абердина к С. Оксону, епископу Оксфордскому. Лондон, Даунинг стрит, 6 января 1854 г. // *Williams G. The Orthodox Church of East in the eighteenth century. London, Oxford, Cambridge. 1868. P. lxiv.*

соответствующих указаний из Константинополя»²⁸. Строительство церкви было прервано и начался длительный процесс переписки и переговоров между представителями Великобритании, Пруссии и Турции по поводу издания фирмана о возобновлении работ по возведению церкви. Он длился без малого три года — фактически на протяжении всего служения епископа Александера в Иерусалиме.

Как разъяснил епископу британский генконсул в Бейруте Роуз, Иззет-паша «действовал в соответствии с фирманом из Константинополя, объявлявшим землю, на которой строится церковь, “вакуфом” — мусульманской религиозной собственностью, на этом основании требовал вернуть ее»²⁹. Для возобновления работ требовался фирман, получение которого представляло для британских дипломатов нелегкую задачу. Считая положение достаточно серьезным, Роуз писал в Форин-Офис: «Если в Иерусалиме дела будут идти так, как идут ныне, влияние правительства Ее Величества в этой стране и в особенности в этом городе заметно понизится, и, если не удастся получить фирман с разрешением на постройку церкви, положение епископа Александра окажется незавидным и досадным как для него самого, так и для правительства Ее Величества»³⁰.

Тревожные сообщения из Бейрута и Иерусалима, дебаты в британском парламенте, вызвавшие оживленный общественный интерес к вопросу о строительстве церкви, не были оставлены без внимания, и 20 марта 1843 г. лорд Абердин направил инструкцию сэру Каннингу, в которой среди прочего поручал «просить турецкого министра отдать иерусалимскому паше такие указания, которые бы уполномочили его разрешить возобновление и беспрепятственное продолжение стройки»³¹.

²⁸ Цит. по: *Crombie K. How Christ Church Jerusalem Came to be Built 1834–1849. Chronology & Notes Based on Original Sources. 2008.*

²⁹ Rose to Aberdeen, 26 January 1843 / *The National Archives (GB, Kew). FO. 78/535 (No 9).*

³⁰ *Ibid.*

³¹ Aberdeen to Canning, 20 March 1843, FO 78/513 (No 41).

Каннинг взял дело о строительстве церкви под свой контроль, и в конце концов, несмотря на изрядные сложности в Константинополе с получением разрешения на строительство протестантской церкви, добился необходимого фирмана. 25 августа 1845 г., во время аудиенции сэра Стрэтфорда Каннинга у султана, Абдул-Меджиб информировал посла о своей согласии на выдачу фирмана для завершения протестантской церкви в Иерусалиме и связанных с ней строений. «Во всех словах султана во время этой аудиенции, — сообщал посол лорду Абердину, — было заметно проявление уважения к британской короне и нации, ... и доверие политике правительства Ее Величества в отношении этой империи»³².

2 сентября Каннинг получил от Порты перевод фирмана, а 4 октября лорд Абердин уведомил Шефтсбери о том, что в ответ на представленную в марте петицию послом Ее Величества в Константинополе получен императорский фирман, разрешающий возведение церкви на территории британской консульской резиденции в Иерусалиме³³. Правителю Сайды и губернатору Иерусалима предписывалось не противодействовать исполнению фирмана и внимательно следить, «чтобы ни один человек не предпринимал каких-либо действий против возведения вышеозначенного места поклонения»³⁴.

9 декабря 1845 г. посланники из Константинополя прибыли в Иерусалим с донесением о приказании султана иерусалимскому паше «немедленно устранить все препятствия для возобновления начатого строительства английской протестантской церкви и других зданий». Их прибытие совпало по времени с траурной процессией и прощанием с епископом Александром, что историк и архивист английской епископии Кельвин Кромби назвал «одним из горьких парадоксов

³² Canning to Aberdeen, 25 August 1845, FO 78/600 (No199).

³³ Aberdeen to Lord Ashley, 4 October 1845 // *Crombie K. How Christ Church Jerusalem Came to be Built 1834–1849. Chronology & Notes Based on Original Sources.* 2008. P. 369.

³⁴ Sultan of Turkey to British Government, 10 September 1845 // *Ibid.* P. 370.

истории»³⁵. Епископ Михаил Соломон Александр скоропостижно скончался в ночь с 22 на 23 ноября 1845 г. в нескольких часах езды от Каира.

Новая протестантская церковь, получившая наименование «Церковь Христа» вместо первоначально предполагаемого названия «Апостольская англиканская церковь», была освящена 21 января 1849 г.

Каннинг и Самуил Гобат. Прошло почти десятилетие, прежде чем Каннингу удалось добиться официального признания протестантов в Османской империи в качестве религиозного сообщества, что произошло при преемнике епископа М.С. Александра — епископе Самуиле Гобате, назначенного прусским правительством и прибывшего в Иерусалим 30 декабря 1846 г.³⁶ Новый епископ, который был также вице-президентом Лондонского общества по распространению христианства среди евреев и в течение двадцати лет возглавлял Лондонское библейское общество в Египте и Месопотамии, отличался миссионерской ревностью и решительностью. Выбор Гобата В.Н. Хитрово называет «крайне удачным», имея в виду его продолжительное знакомство с Востоком, неиссякаемую миссионерскую активность и исключительную работоспособность. В миссионерском отношении он чувствовал себя ответственным не только за весь регион Ближнего Востока, но и Центральной Азии и имел в виду самую широкую деятельность своих миссионеров.

Столкнувшись по приезду в Иерусалим с недоброжелательным отношением нового губернатора Иерусалима, от которого во многом зависело не только личное положение епископа, но и успех протестантской миссии, Гобат обратился за поддержкой к британскому послу в Константинополе. Претензии епископа состояли в том, что губернатор

³⁵ *Crombie K. How Christ Church Jerusalem Came to be Built 1834–1849.* 2008. P. 97.

³⁶ Согласно проекту Бунзена об учреждении в Иерусалиме протестантской епископской кафедры, ее поочередно должны были занимать представители Англии и Пруссии.

отклоняет его ходатайства в защиту протестантов, не оказывает ему того уважения, какое выражали его предшественники, что на официальный визит Гобата к губернатору не последовало обратного визита, что учитель-миссионер, которого один из шейхов пригласил для обучения арабских мальчиков, заключен в тюрьму и что школа останется без учителя, если Гобат не даст за него гарантии³⁷.

Каннинг не замедлил использовать все рычаги влияния в Константинополе, и вскоре в Иерусалим на имя губернатора были доставлены грамоты, которыми Самуил Гобат официально признавался «английским протестантским епископом в Иерусалиме». Великий визирь Решид-паша, представляя Гобата иерусалимскому губернатору, призывал местные власти, «вследствии мирных и дружественных отношений между британским правительством и имперским правительством» Порты, «соблюдать необходимые формальности для выражения ему уважения и оказывать всю необходимую помощь, если таковая потребуется, в соответствии с настоящим официальным распоряжением»³⁸. Те же требования предъявил к губернатору и министр иностранных дел Аали-паша, занявший пост после назначения Решид-паши великим визирем.

Обращая внимание, что епископ «не имеет права официального вмешательства или оказания защиты относительно протестантов, являвшихся субъектами Порты», министр выражал уверенность, что при необходимости гражданские власти Иерусалима «будут действовать с должным вниманием»³⁹. Таким образом, в 1847 г. Самуил Гобат, в отличие от Александера, был официально признан Портой «духовной главой протестантов», и такого же признания первые лица османской империи потребовали от иерусалимских властей.

³⁷ Отношение министра иностранных дел Мехмеда Эмина Аали-паши к губернатору Иерусалима. Константинополь, 1847 г. // Lambeth Palace Library. Papers of J.E.M.F. MS. 2338. P. 7.

³⁸ Обращение Решид-паши. Константинополь, 1847 г. // Ibid. P. 6.

³⁹ Отношение министра иностранных дел Мехмеда Эмина Аали-паши к губернатору Иерусалима. Константинополь, 1847 г. // Ibid. P. 7.

Это был очередной прорыв британской дипломатии — бывшего базельского миссионера, кандидатура которого была выдвинута прусской стороной, в Константинополе воспринимают как английского епископа, возглавляемую им миссию признают под протекторатом британского посольства, а сам Гобат, для большей надежности и эффективности, обращается не к прусским, а к британским дипломатам. При Гобате прозелитизм, считавшийся при Александре запрещенным приемом, стал сознательной обыденной практикой, или, как отмечал первый капеллан иерусалимской епископии Дж. Вильямс, из тех зол, которые лишь изредка случались во время миссии епископа Александера, они превратились в принцип действия по отношению к древним Патриархатам Востока⁴⁰.

А.Н. Муравьев, посетивший Восток в 1849/1850 г., в записке о состоянии Православной Церкви на Востоке поделился впечатлениями о работе британских представителей на Востоке во главе с Самуилом Гобатом: «Между тем не дремлют новые противники — англичане, равно страшные и православным и римлянам, как мне о том отзывался блюститель латинский Святой Земли⁴¹. Они в то же время имеют консула и епископа в Иерусалиме, следственно действуют и со стороны гражданской и духовной. Церковь их всех великолепнее на Сионе, ..., и консул вместе с епископом стараются как можно более умножить народность английскую в Святой Земле, вмешиваясь, даже весьма нагло, во все дела»⁴².

Не удивительно, что уже в начале 1850 г., то есть задолго до того, как был издан фирман о протестантских подданных султана, Муравьев, говоря о возрастающем влиянии Англии в Святой Земле, не исключал и того, что наступит час, когда

⁴⁰ Williams G., Willis R. The Holy city: Historical, topographical, and antiquarian notices of Jerusalem. Vol. 1–2. London., Cambridge, 1849. V. 1. P. 614.

⁴¹ Речь идет о Латинском Патриархе в Иерусалиме Джузеппе Валерге, назначенном в 1847 г.

⁴² Муравьев А.Н. Записка о состоянии Православной Церкви на Востоке. М., 1914. С. 28.

«можно будет видеть Иерусалим и все святые места в руках англичан»⁴³. И почвой для горьких, но, как показал опыт Подмандатной Палестины, вполне реальных прогнозов, послужило наблюдение за совместной работой протестантской епископии и британского консульства.

И епископ Гобат и консул Дж. Финн в своих действиях всецело опирались на поддержку посла в Константинополе сэра Каннинга, который использовал свое влияние на великого визиря Решид-пашу и турецких министров, чтобы добиться значительных уступок Великобритании не только в военно-экономическом, но и в религиозном отношении.

Поощрение «англиканского миссионерства» среди православной паствы Восточных Церквей вело к ослаблению влияния Патриархов за счет перехода в протестантизм членов общин, на которых в дальнейшем могли опираться британские представители в целях расширения политического, коммерческого, религиозного присутствия в регионе.

Каннинг и Афон. Пристальное внимание Каннинга к конфессиональным вопросам распространялось не только на Сирию и Палестину, но и на другие вилайеты Османской империи, о чем, в частности, свидетельствует его посещение Афона осенью 1850 г.⁴⁴ Путешествие Каннинга на Афон и острова Эгейского моря было продиктовано соображениями служебной необходимости. Как писал дипломат адмиралу Паркеру незадолго до отправления из Константинополя, он собирался «посетить некоторые места, которые давно хотел взять под личное наблюдение в целях общественной службы» и «рассчитывал, с определенной уверенностью, на достижение своей цели»⁴⁵.

⁴³ Там же. С. 29, 30.

⁴⁴ См. подробнее: *Смирнова И.Ю.* Поездка британского посла в Константинополь Стрэтфорда Каннинга на Афон (1850 г.) в документах Архива внешней политики Российской империи // *Отечественные архивы.* 2013. № 4. С. 53–60.

⁴⁵ Письмо сэра Стрэтфорда Каннинга к адмиралу В. Паркеру. Константинополь, 24 сентября / 5 октября 1850 г. // FO 352/33A.

В другом письме к адмиралу от 4/16 октября 1850 г. задачи «морской прогулки» были прописаны более детально: «Цели этой поездки, — писал посол — состояли в посещении несколько мест, где обитают британские (ионические) семьи, занимающиеся торговлей и нуждающиеся в защите, не предоставленной им до сих пор в форме консульского представительства. Кроме того, я собирался связаться с монастырями на горе Афон, являющейся одной из твердынь русского влияния в этой стране. Есть основания полагать, что там недавно проводилась подготовка к приведению в движение какой-то активной интриги»⁴⁶. Таким образом, намерение Каннинга лично убедиться в основательности «афонских слухов», было связано в первую очередь с обеспокоенностью активизацией российского присутствия на Афоне.

Внимание, которое начал проявлять дипломатический и синодальный Петербург к Святой Горе в канун Крымской войны, не могло не насторожить британских дипломатов, опасавшихся влияния России на Афон в связи с ростом русского монашества. В понимании Каннинга, Афон с его многонациональным населением и сложными межэтническими отношениями, как и святые места Палестины, обладал необходимым ресурсом, который можно использовать в качестве инструмента влияния в политическом противостоянии держав на Христианском Востоке.

Как выяснил российский посланник в Константинополе В.П. Титов, «афонская» миссия Каннинга заключалась в том, чтобы лично убедиться в достоверности информации «о военных боеприпасах и значительных запасах оружия, которые монахи скрытно собрали за стенами монастырей»⁴⁷. Подобные подозрения, по мнению Титова, и вынудили Каннинга отправиться в «прогулочный» вояж к берегам Афона. Впрочем,

⁴⁶ Письмо сэра Стрэтфорда Каннинга к адмиралу В. Паркеру. Дарданеллы, 4/16 октября 1850 г. // *Ibid.*

⁴⁷ Донесение В.П. Титова графу К.В. Нессельроде. Бюкдере, 14/26 октября 1850 г. // АВП РИ. Ф. 161. СПб. Гл. Арх., II–9. Оп. 46. Ед. хр. 32. Л. 206.

посланник полагал, что «в этой ситуации визит сэра Стрэтфорда мог лишь быть благотворным, способствуя рассеиванию несправедливых и абсурдных подозрений»⁴⁸.

Кроме того, при посещении Афона Каннинг, как и другие британские дипломаты, использовал право британского покровительства греческим монахам с Ионических островов, находившихся под протекторатом Великобритании. Дипломатическая поддержка ионических греков являлась одной из главных «зацепок» британских послов для оправдания их вмешательства в дела Православного Афона⁴⁹.

Фирман 1850 г. о признании протестантов в Османской империи. Кульминацией влияния сэра Каннинга на этнорелигиозную ситуацию в ближневосточном регионе стало издание в ноябре 1850 г. фирмана, которым, турецкое правительство признало, наконец, за протестантами те же права, которыми пользовались остальные туземные христианские общины Османской империи. По примеру православных сообществ, главы которых несли ответственность перед Портой за свою паству, официальным представителем протестантов перед турецким правительством был назначен епископ Самуил Гобат.

Согласно высочайшему султанскому указу, в обязанности епископа входило предоставление сведений о всех изменениях в составе протестантской общины. Помимо прочего, великому визирю предписывалось, «ни на йоту не позволять, чтобы их (протестантов) беспокоили, в частности и в целом, и пускать в оборот все внимание и настойчивость, чтобы поддерживать их в спокойствии и безопасности». В случае же необходимости, «им было позволено сделать доклад Высочайшей Порте о положении их дел посредством Агента»⁵⁰.

⁴⁸ Там же. Л. 3.

⁴⁹ См. подробнее: *Смирнова И.Ю.* «Афонский вопрос» в контексте европейской дипломатии (2-я четверть XIX в.) // К 200-летию Национального Возрождения греков. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2022. — Нах. в печ.

⁵⁰ Письмо султана Абдул Меджида к великому визирю Решид-паше. Константинополь, ноябрь 1850 г. // Lambeth Palace Library. Papers of J.E.M.F. MS. 2338.

Отдавая долг почти десятилетним усилиям сэра Каннинга в Константинополе, представители Пруссии называли издание фирмана «самой блистательной победой, которой добился британский посол»: «Невозможно, чтобы Порта отменила религиозный закон», — говорили тогда некоторые корреспонденты, прежде всего турецкие, чем немецкие. И тем не менее, Порта уступила! Нужны ли еще доказательства того, что Порту можно заставить пойти на любые уступки, энергично требуемые крупной европейской державой?»⁵¹

Изданием фирмана официально узаконивались права протестантских общин, наравне с другими конфессиями, чем открывался прямой путь к прозелитизму среди православного населения. Долгожданный фирман 1850 г. позволял Гобату и его миссионерам обещать всем перешедшим в протестантизм (не только православным, но и католикам) покровительство британского консульства. Несмотря на противодействие со стороны православных и католических общин и, соответственно со стороны российских и французских дипломатов, Гобат был убежден, что «в этой стране дверь для проповеди Евангелия местным жителям открыта»⁵².

Деятельность Гобата получила признание протестантских миссионеров, справедливо воспринявших учреждение епископской кафедры в Иерусалиме как «еще один центр протестантского влияния»⁵³. Центральную роль в продвижении англо-американского церковного и политического влияния американские миссионеры отводили сэру Стрэтфорду Каннингу⁵⁴, в чем с ними были согласны и российские церковные дипломаты того времени: «Уступая энергичным настояниям английского посольства в Константинополе, — писал прот.

⁵¹ Allgemeine Zeitung. [1851] // FO. 352/33. Part 2/9.

⁵² Extracts from an encyclic of bishop Samuel Gobat, printed in the Jewish Intelligence of January, 1852 // Lambeth Palace Library. Papers of J.E.M.F. MS. 2338. P. 28.

⁵³ Адрес американских миссионеров на имя посла Великобритании сэра Стрэтфорда Каннинга. Константинополь, 27 мая 1852 г. // The National Archives (GB, Kew). FO 352/35. S1401. P. 27.

⁵⁴ Ibid.

Ф.И. Титов, — поддержанным прусским правительством, Порта скоро вынуждена была ... дать протестантской общине в Турции, в частности, в Сирии и Палестине все права самостоятельной духовной общины, ... и — что всего важнее — беспрепятственно обращать в протестантство райю, т.е. всех немусульманских подданных султана»⁵⁵.

В канун Крымской войны. При обострении военно-политической и церковно-дипломатической ситуации на Ближнем Востоке в преддверии Крымской войны концепция Каннинга, рассчитанная на охлаждение и последующий разрыв русско-греческих церковных отношений, приобрела особую актуальность. В начале 1850-х гг. в фокусе британской дипломатии оказался, казалось бы, сугубо церковный вопрос — о различиях в обрядах Русской и Восточной Церквей при принятии в православие из инославных конфессий. Полемика, поднятая англиканским диаконом из Магдалин-Колледжа в Оксфорде Уильямом Пальмером, была взята на вооружение сэром Каннингом, стремившегося убедить Константинопольский Синод в «отклонении» Российской Церкви от греческого православия, в расчете, что церковный раскол между Россией и Константинополем мог бы способствовать падению авторитета России на Православном Востоке⁵⁶.

По словам советника российского консульства в Афинах В.С. Неклюдова, накануне и во время Крымской войны все действия британской дипломатии были направлены на то, чтобы «явить пред иноверными столь жадно ими желаемый соблазн распрей и разногласия меж сынами одной и той же ненавистной им Церкви»⁵⁷. Замысел Каннинга состоял в том, чтобы различия в обрядах Российской и Греческой Церквей

⁵⁵ *Татищев С.С.* Внешняя политика императора Николая Первого СПб. 1887. С. 575.

⁵⁶ См. подробнее: *Смирнова И. Ю.* Полемика о «присоединении инославных» и ее церковно-дипломатическое значение в канун Крымской войны (1850–1852) // *Евразия: духовные традиции народов.* 2012. № 4. С. 108–131.

⁵⁷ Записка В.С. Неклюдова. [1858/59] // НИОР РГБ. Ф. 188. К. 11. Ед. хр. 5. Л. 94об.

представить как догматические расхождения. Как отмечал Неклюдов, «великобританский представитель в Константинополе основывал на сем факте свои настоятельные убеждения Вселенскому Патриарху к разъединению Греко-Восточной Церкви с Российскойю, оказавшеюся будто бы неверною преданиям православия»⁵⁸.

Успехи британской дипломатии подавали Каннингу надежду и в дальнейшем осуществлять вмешательство в церковные дела Востока, в расчете на константинопольских фанариотов⁵⁹ — органичных союзников султанской власти.

Летом 1852 г. «великий посол» сэр Стрэтфорд Каннинг, на протяжении десяти лет державший в своих руках нити управления многочисленным штатом консулов и консульских агентов, возвратился в Англию, полагая, что «Большая игра в улучшения на сегодня полностью закончена», и главная цель его пребывания на Востоке себя исчерпала⁶⁰. Вряд ли устраивала его и позиция Патриарха Анфима IV, который, по свидетельству барона Жомини, «с твердостью отклонил» настояния Каннинга признать неверность Российской Церкви догматам православия⁶¹. Вскоре после отбытия посла, Патриарх оставил Константинопольскую кафедру.

Незадолго до отъезда Каннинга из Константинополя протестантские миссионеры преподнесли ему адрес от 27 мая 1852 г., в котором выражали «глубочайшее и неподдельное сожаление» по поводу предстоящего отъезда посла, на протяжении двух десятилетий обеспечивавшего дипломатическую поддержку их деятельности перед турецкими властями. В послании говорилось, что за двадцать лет, проведенных ими на Востоке, «благодаря огромным заслугам» сэра Каннинга,

⁵⁸ Там же. Л. 95–95об.

⁵⁹ От названия 'Фанар' — квартала Стамбула, где находилась резиденция Патриарха.

⁶⁰ Цит. по: *Миусский И.А.* Чарльз Стрэтфорд Каннинг (1786–1880) // *Миусский И.А.* Сто великих дипломатов. М., 2002. С. 231.

⁶¹ [*Jomini A.G.*]. *Diplomatic Study on the Crimean War.* London: W. H. Allen, 1882. V. 1. P. 451.

«во многих областях можно наблюдать ощутимый прогресс», и в первую очередь «в отношении свободы вероисповедания». Помимо свидетельства о «многих изменениях к лучшему» в религиозном отношении и явном прогрессе в области образования, нравственного воспитания и книгоиздательства, в американском адресе упоминались нововведения, достигнутые при непосредственном участии британской дипломатии в социальной и гражданской сфере. Несмотря на то, что порой случались «шаги назад и досадные промедления, характерные для радикальных реформ всех времен», в заслугу Каннингу вменялось то, что «зависимые и притесняемые немусульманские общины пребывают сейчас в мире и покое»⁶².

Уверяя, что последствия работы «великого посла» со временем «будут все очевиднее и превзойдут даже самые смелые ожидания», миссионеры выражали глубокое сожаление в связи с отбытием Каннинга, хотя и не исключали возможность его возвращения⁶³.

Не прошло и года, как в апреле 1853 г. Каннинг, уже с титулом лорда де Редклиффа, возвратился в Константинополь, где с присущей ему дипломатической маневренностью направлял переговоры между Портой, Францией и Россией по нужному ему руслу. Не упускал британский посол и возможности контролировать церковную политику Константинопольского престола посредством своего влияния на пробритански настроенных Патриархов. Так, в 1857 г., когда встал вопрос о смещении нерешительного и слабого Вселенского Патриарха Кирилла VII⁶⁴, в предвыборную борьбу вновь был готов вступить бывший Патриарх Анфим VI⁶⁵, известный тем при

⁶² Адрес американских миссионеров на имя посла Великобритании сэра Стрэтфорда Каннинга. Константинополь, 27 мая 1852 г. // The National Archives (GB, Kew). FO 352/35. S1401. P. 27.

⁶³ Ibid.

⁶⁴ Кирилл VII (Константин) (3 октября 1855 — 13 июля 1860).

⁶⁵ Патриарх Анфим VI (Иоаннидис; 1782–1877), Патриарх Константинопольский (трижды занимал константинопольскую кафедру: 4.12.1845–18.10.1848; 24.09.1853–21.09.1855; 5.09.1871–30.09.1873). Во время его последнего патриаршества в Константинополе на большом Поместном Соборе была принята Болгарская схизма.

разрыве дипломатических отношений между Россией и Портой он подписал адрес с выражением подчинения и преданности султану, в котором позволил себе «отозваться о России, что Греческая Церковь не нуждается в ее помощи», за что получил репутацию предателя в собственном клире и пастве⁶⁶.

О духовной атмосфере в Константинополе в период предвыборной кампании сохранилось свидетельство архимандрита Феофана (Говорова), в то время настоятеля церкви при российском посольстве, который писал 9 марта 1857 г.: «Давно уже ходит молва о смене Патриарха. Ищет прежний Анфим. Редклиф с визирем готовы содействовать ему. Члены Синода, может быть, и не прочь бы переменить Патриарха [Кирилла] — доброго, но робкого, как говорят, и недалекого. Только предвидя, что, заведши речь о смене его, они должны будут принять Анфима — нелюбимого и ослабившегося взяточничеством, — положили всеми силами стоять за настоящего Патриарха»⁶⁷.

«Доверенным человеком лорда Редклиффа и отъявленным доброжелателем Англии» называл Анфима VI и российский посланник в Константинополе А.П. Бутенев, сообщавший в МИД, что «он действует подкупом на турецких министров и, обогатившись не совсем законными средствами, может более чем другие способствовать к достижению патриаршего сана»⁶⁸.

Из донесения посланника известно, что первое совместное служение сохранившего за собой кафедру Константинопольского Патриарха Кирилла и русского епископа Кирилла (Наумова), назначенного начальником возобновленной

⁶⁶ [Jomini A.G.] Diplomatic Study on the Crimean War. London: W. H. Allen, 1882. V. 1. P. 450–451.

⁶⁷ Письмо архимандрита Феофана (Говорова) к архиепископу Иннокентию. Константинополь, 9 марта 1857 г. // Труды Киевской духовной академии. 1895, май. С. 57.

⁶⁸ Записка российского посланника в Константинополе А.П. Бутенева в МИД. Константинополь, январь, 1858 г. // Институт Рукописей Национальной Библиотеки Украины им В.И. Вернадского. Ф. III. Ед. хр. 6316. Л. 11–110б.

в Иерусалиме Русской Духовной Миссии, на Рождество Христово 1857 г., было воспринято как свидетельство того, что «Россия великодушно простила грекам их грех». По словам Бутенева, «Патриарх [Кирилл] считает себя счастливым, что в его управление изгладилось злое впечатление от дерзкой выходки Патриарха Анфима, и что этим наглядным символом единства обеих Церквей обличились хитрые козни врагов Православия, которые постепенно нашептывали грекам, что русское богослужение и Русская Церковь далеко уклонились от хваленого нами единства»⁶⁹.

Из приведенного обзора очевидна антиправославная и антироссийская направленность работы представителей Великобритании, нацеленных на подчинение британскому влиянию церковной политики Константинопольского престола, для чего использовался весь арсенал дипломатических средств — подкуп, интриги, поиск каналов влияния на великого визиря, министров Порты, Патриарха и иерархию. Воздействие на ход предвыборной кампании при избрании на Патриарший престол, влияние на православную иерархию Константинопольского Патриархата, как главного в системе Восточных Поместных Церквей, нагнетание общественного мнения о якобы «неправославии» Русской Церкви, умножение сомнений в единомыслии с тем, чтобы «посеять семена раскола» (о чем в православных греческих и российских кругах писали еще за десять-пятнадцать лет до Крымской войны) — все это составляло существенное звено работы британских дипломатов и позволяет говорить о том, что конфессиональный фактор служил неотъемлемым инструментом внешнеполитической стратегии Великобритании на Ближнем Востоке.

Глава 15

ЛОРД ПАЛЬМЕРСТОН ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (СЮЖЕТ ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКО-БРИТАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ XIX ВЕКА)

М.В. Жолудов

Лорд Пальмерстон (1784–1865) был одним из наиболее крупных британских государственных деятелей и дипломатов XIX в. Этот человек оставил яркий след в истории. На протяжении сорока восьми лет он занимал различные министерские посты, чего в Великобритании не удавалось сделать никому ни до него, ни после. Начав государственную карьеру с должности младшего лорда Адмиралтейства в 1807 г., он завершил ее со своей смертью, находясь на посту премьер-министра в 1865 г. Пальмерстон был министром иностранных дел (1830–1834, 1835–1841, 1846–1851), премьер-министром Великобритании (1855–1858, 1859–1865), имея возможность, таким образом, непосредственно влиять на формирование британского внешнеполитического курса на протяжении четверти века. Дипломатия воистину стала призванием его жизни. Даже находясь в оппозиции или занимая пост министра внутренних дел (1852–1855), он не переставал интересоваться проблемами внешней политики страны. Годы активной государственной деятельности лорда, совпавшие с периодом экономического и политического преобладания Великобритании в мире, вошли в анналы британской внешней политики под названием «пальмерстоновской эры». Отношения с Россией были ключевой проблемой на протяжении всего периода политической активности Пальмерстона. Геополитические интересы Великобритании и России, двух великих мировых держав, за это время неоднократно перекрещивались в различных дипломатических

⁶⁹ Там же. Л. 13–130б.

и военных кризисах, что вынуждало лорда определять свою личную позицию по отношению к России.

Генри Джон Темпл (в будущем — лорд Пальмерстон) родился 20 октября 1784 г. в Вестминстере в аристократической семье Генри Пальмерстона, виконта и ирландского пэра. Юный Пальмерстон получил блестящее образование в частной привилегированной школе Харроу и в университетах Эдинбурга и Кембриджа. Он рано потерял отца и мать, умерших соответственно в 1802 и 1805 гг. После смерти отца Генри Джон унаследовал его титул лорда и третьего виконта Пальмерстона, а также внушительное состояние.

Политическая карьера Пальмерстона началась в мае 1807 г., когда после трех неудачных попыток в других местах он был избран депутатом парламента от партии тори в городе Ньюпорт, расположенном на острове Уайт. К тому времени он уже получил свой первый государственный пост младшего лорда Адмиралтейства. Кстати, Пальмерстон удалось в течение 58 лет оставаться членом парламента, и по этому показателю в британской парламентской истории он уступает лишь Гладстону и Черчиллю.

В октябре 1809 г., формируя торийское правительство, лорд Персиваль предложил ему пост канцлера казначейства (в то время эта должность была менее значима, чем сейчас, но все же давала место в правительстве. — М.Ж.). Пальмерстон отказался от этого заманчивого предложения, согласившись, однако, стать военным министром без места в правительстве. Эту должность он и занимал в течение последующих восемнадцати лет, что было, по мнению многих современников, пределом бюрократических амбиций лорда.

Однако в 1827 г. после ухода лорда Ливерпуля с поста премьер-министра на британском политическом Олимпе случились серьезные изменения, которые значительно продвинули вперед карьеру лорда Пальмерстона. Сохраняя должность военного министра, он был введен в торийские правительственные кабинеты — сначала Каннинга (1827), затем — Годерича (1827–1828) и Веллингтона (1828–1830). В это время

он сближается с группировкой «либеральных тори», возглавляемой будущим премьер-министром Джорджем Каннингом и отличавшейся более широкими либеральными взглядами по целому ряду проблем внутренней и внешней британской политики, чем основная (консервативная) часть партии тори. В 1828 г. из-за нежелания премьер-министра герцога Веллингтона обсуждать проблему частичного перераспределения парламентских мест Пальмерстон вместе с другими «либеральными тори» (еще их называли каннингитами, то есть последователями Дж. Каннинга) в знак протеста вышел из торийского правительства. После этого начинается естественное сближение Пальмерстона с партией вигов.

В феврале 1830 г., было отмечено первое серьезное внешнеполитическое выступление Пальмерстона в британском парламенте. Парламентская речь лорда была связана с резким обострением Восточного вопроса из-за русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Пальмерстон обвинил торийское правительство герцога Веллингтона в пассивности по отношению к действиям России. По его мнению, Великобритания должна была смелее вмешаться в русско-турецкий конфликт, что могло бы спасти Турцию от поражения. Пальмерстон заявил, что турецкое поражение и заключение выгодного для России Адрианопольского мира создавали опасность появления русских войск в Турции и расширения русской границы в южном направлении, что явно не соответствовало британским интересам¹. Очевидно, что уже тогда Пальмерстон рассматривал Россию как главного соперника Великобритании на Ближнем Востоке, явно опасаясь усиления российского влияния в этом регионе. Однако непосредственным разрешением Восточного вопроса он занялся лишь через несколько лет.

Речь Пальмерстона была замечена и вызвала положительный резонанс среди британской общественности, что, в свою очередь, пробудило у него вкус к занятию внешнеполитическими проблемами. С тех пор дипломатия стала его

¹ Opinions and Policy of the right honourable viscount Palmerston. L., 1852. P. 131.

любимым делом. К тому же лорд обладал неплохими способностями к изучению иностранных языков, блестяще говорил на французском и итальянском.

В середине ноября 1830 г. после продолжительного кризиса пал торийский кабинет герцога Веллингтона. 20 ноября было объявлено о создании лидером вигов лордом Греем нового правительства, в котором Пальмерстон получил место министра иностранных дел. В правительственной декларации, изложенной 22 ноября в палате лордов, новый кабинет объявил главными принципами своей деятельности борьбу за избирательную реформу, усмирение народных волнений в стране, сокращение государственных расходов и мир с соседними государствами. С тех пор либерально-популистский лозунг «поддержания мира в Европе» стал основным принципом внешней политики лорда Пальмерстона. Респектабельная газета «Таймс» положительно оценила назначение лорда: «Пальмерстон имеет большой опыт в качестве главы трудного департамента и, как можно судить по его публичным заявлениям, является сторонником либеральной политики в отношениях с зарубежными государствами»². Пальмерстон пришел в Форин оффис в 46-летнем возрасте, имея за плечами двадцатилетний опыт парламентской и государственной деятельности, в очень беспокойное для Европы время. Июльская революция во Франции нанесла мощный удар по Венской системе международных отношений, дав толчок развитию национальных движений в ряде европейских стран. В августе произошла революция в Бельгии, в конце ноября началось восстание в Царстве Польском. Бельгийский и польский вопросы стали стержневыми в европейской политике. Именно этими двумя проблемами в первую очередь пришлось заниматься Пальмерстону, сев в кресло руководителя британской дипломатии. И ему сразу же пришлось столкнуться с позицией России, по-своему видевшей решение бельгийского и польского вопросов.

² Times. 1830. 22 Nov.

В начале 30-х годов XIX в. состояние англо-русских отношений выглядело внешне весьма пристойно, Англия и Россия официально поддерживали дружественные отношения. Об этом свидетельствует послание английского короля Вильгельма IV российскому императору Николаю I от 29 июня 1830 г.: «По поводу моего вступления на трон этого королевства прошу Ваше Императорское Величество быть уверенным в моем постоянном желании развивать и поддерживать дружеские отношения и переписку, которые так счастливо существуют между нашими двумя коронами и которые я, со своей стороны, не хотел бы прекращать, так как они ведут к развитию и процветанию благосостояния Вашей империи»³.

Российские дипломаты в Лондоне в своих донесениях в Петербург дали в целом благожелательные характеристики новому британскому кабинету и его членам. Так, посланник А.А. Матушевич в специальной депеше на имя вице-канцлера Российской империи графа К.В. Нессельроде отмечал, в частности, что «в отношении ораторских талантов, присутствие которых является одним из обязательных условий представительной формы правления, новое правительство — одно из замечательных, какие когда-либо существовали. Оно собрало почти всех из самых красноречивых представителей обеих палат»⁴. Однако такая характеристика вряд ли относилась к Пальмерстону, обладавшим непривлекательным голосом и замедленными манерами при произнесении речей, с которыми он мог выступать лишь после тщательной подготовки. Его политическим оружием было не слово, а перо, которым он мастерски пользовался, составляя грозные дипломатические ноты и протесты.

Российские дипломаты, казалось, были удовлетворены назначением лорда Пальмерстона руководителем Форин оффис. Посол России в Великобритании князь Х.А. Ливен дал ему блестящий отзыв в своем донесении в Петербург: «...это чело-

³ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ) Ф. Канцелярия. 1830. Д. 97. Л. 75.

⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1830. Д. 139. Л. 347.

век достойный и честный в полном смысле слова, искренний, открытый, добросовестнейший исполнитель своего слова; он обладает живым умом, быстрым соображением, здравым рас­судком. И так как он долгое время участвовал в министерстве лорда Ливерпуля, потом Каннинга и даже герцога Веллингтона, то дела ему нисколько не чужды и не затрудняют его. К несчастью, добросовестность далеко не была отличительной чертой прежнего министерства. В этом отношении мы не только ничего не потеряли, но, наверное, выиграли»⁵. Однако вскоре выявились серьезные расхождения в позициях России и Великобритании в отношении европейских дел.

Бельгийская революция привлекла пристальное внимание великих европейских держав. В ноябре 1830 г. Национальный конгресс Бельгии провозгласил независимость страны. Было объявлено об отделении Бельгии от Нидерландского королевства, к которому по решению Венского конгресса она была присоединена насильно, вопреки экономическим и политическим интересам бельгийского народа, его языку и религии. Как поступить с бельгийцами, посмевшими нарушить трактаты Венского конгресса? На этот вопрос должны были ответить и Великобритания, и Россия, являвшиеся гарантами целостности Нидерландского королевства.

2 октября 1830 г. нидерландский король Вильгельм I Оранский, отчаявшись своими силами подавить бельгийскую революцию, обратился с письмом к монархам пяти великих держав Европы (Великобритании, Франции, России, Австрии и Пруссии). Он требовал от них немедленного вооруженного вмешательства с целью разгрома революции в Бельгии. «Я думаю, — писал король, — что не заблуждаюсь, полагая, что вопрос, о котором идет речь, касается не только моих собственных владений, но и всей Европы»⁶. Из пяти европейских правителей лишь один Николай I с готовностью откликнулся на призыв нидерландского короля. В своем ответном

⁵ Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, Т. 11. Трактаты с Англией. 1801–1831. СПб., 1895. С. 444.

⁶ Красный архив. 1941. Т. 1 (104). С. 217.

письме он заявил: «Интересы всех правительств и мир всей Европы затрагиваются событиями в Бельгии. Проникнутый этими убеждениями, я готов выполнить в согласии с моими союзниками взятые на себя обязательства во всем их объеме и в части, касающейся меня, я не колеблюсь ответить на призыв Вашего Величества: уже отдан приказ, чтобы были собраны необходимые войска»⁷. Таким образом, российское правительство было готово к началу открытой интервенции против бельгийской революции.

Царские дипломаты прекрасно понимали, что для успешного выполнения плана интервенции России необходимы союзники. Особое внимание уделялось привлечению Великобритании к антибельгийской акции. К.В. Нессельроде в инструкции русскому посланнику в Нидерландах писал: «Таким образом, посылка помощи королю Нидерландов поставит нас перед решением двойной задачи: помочь ему привести к послушанию его восставших подданных и не допустить, чтобы наша интервенция привела к всеобщей войне. Но для достижения этой цели необходимо сотрудничество Англии...»⁸. Как явствует из его же послания российским представителям в Лондоне от 11 октября 1830 г., Николай I объявил английскому правительству о своей готовности немедленно выставить армию в 60 тысяч человек для того, чтобы вместе с союзными державами поддержать «единство Бельгии с Голландией». Царь очень рассчитывал на участие Великобритании в вооруженной интервенции против Бельгии и полагал, что если на границах Франции появится 20-тысячный корпус «красных мундиров» (т.е. английских войск. — М. Ж.), то это произведет должное впечатление и на французов, и на бельгийцев⁹.

Однако после длительных колебаний английский кабинет все же отказался поддержать инициативу русского царя. 17 октября 1830 г. министр иностранных дел Великобритании лорд

⁷ Там же. С. 230.

⁸ Красный архив. 1941. Т. 1 (104). С. 235.

⁹ Мартенс Ф. Указ соч. Т. 11. С. 430.

Абердин официально уведомил нидерландское правительство о том, что английские войска не будут посланы в Бельгию и что в Лондоне вскоре состоится конференция представителей пяти великих европейских держав с «целью воспрепятствовать тому, чтобы возникшие в Нидерландах беспорядки вызвали нарушение всеобщего европейского мира»¹⁰. Таким образом, России не удалось сколотить антибельгийскую коалицию. Угроза немедленной расправы над восставшей Бельгией, на чем настаивал Николай I, миновала.

Лорд Пальмерстон, сменивший Абердина на посту министра иностранных дел в конце ноября 1830 г., более решительно пошел по пути пересмотра трактатов Венского конгресса в пользу утверждения бельгийской независимости. Этого требовали экономические интересы Великобритании, которой был необходим надежный канал для сбыта своей продукции на континенте. Небольшое, политически слабое и экономически зависимое от Англии бельгийское государство прекрасно подходило бы для этого, к тому же на территории Бельгии находился один из крупнейших морских портов Европы — Антверпен. Общественное мнение Великобритании, с которым уже не могли не считаться ни британский парламент, ни лорд Пальмерстон, было целиком на стороне революционной Бельгии. О серьезности этого фактора Х.А. Ливен писал в депеше Нессельроде в декабре 1830 г.: «Печально высказывать, но опасно скрывать ту истину, что Англия в настоящий момент сделалась беспомощною для энергичного выполнения трактатов (имелись в виду трактаты Венского конгресса. — М. Ж.). Все ее средства зависят от направления общественного мнения»¹¹.

В ноябре 1830 г. в Лондоне открылась конференция представителей пяти великих держав Европы по бельгийскому вопросу. В ее работе приняли участие послы Франции, России, Австрии, Пруссии и министр иностранных дел Велико-

¹⁰ Лозинский С.Г. История Бельгии и Голландии в новое время. СПб., б.г. С. 45.

¹¹ Маргенс Ф. Указ. соч. Т. 11. С. 445.

британии. Конференция должна была обсудить широкий круг вопросов, касающихся дальнейшей судьбы Бельгии.

Пальмерстон стал сразу же играть главную роль на лондонской конференции, чему способствовал ряд благоприятных для него факторов. Во-первых, конференция проходила в британской столице, что было исключительно удобно для лорда. Он мог более оперативно и гибко строить свою политику, используя преимущество «родных стен». Другим же участникам конференции приходилось неделями ждать инструкции своих правительств. Во-вторых, позиции Англии существенно укрепились альянсом с Францией (еще 15 октября 1830 г. был подписан англо-французский протокол по бельгийскому вопросу для координации усилий дипломатов двух стран). Пальмерстон и французский посол, ветеран европейской дипломатии, князь Ш.–М. Талейран выступили единым «либеральным фронтом» против представителей трех абсолютистских государств, которые были не прочь поддержать претензии нидерландского короля. Позиции России были значительно ослаблены начавшимся в конце ноября 1830 г. восстанием в Царстве Польском. Российской дипломатии пришлось признать невозможность возвращения Бельгии в состав Нидерландского королевства. К.В. Нессельроде в депеше Х.А. Ливену от 4 декабря 1830 г. с горечью констатировал тот факт, что «лондонская конференция находится накануне изменения основ политического существования Бельгии»¹².

Воспользовавшись разобщенностью противников и учитывая явную безнадежность позиций нидерландского короля в Бельгии, Пальмерстон сумел навязать лондонской конференции свою политику. 20 декабря 1830 г. конференция признала независимость Бельгии. Протокол от 20 января 1831 г., составленный Пальмерстоном, определил границы нового государства и провозгласил его «вечный нейтралитет».

Другой, более серьезной, проблемой англо-русских отношений в начале 30-х годов XIX в. стала ситуация, возникшая

¹² АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1830. Д. 137. Л. 346.

в результате начала национального восстания в Царстве Польском. Руководство польским движением оказалось в руках представителей верхушки шляхетской аристократии. Руководители восстания, по оценке «Таймс», «клика эгоистичных аристократов, равнодушных к народному делу и заботящихся только о себе»¹³, отказавшись от развертывания подлинно народной войны, сделали ставку на помощь иностранных государств, в первую очередь Англии и Франции. В Париж и Лондон были направлены польские эмиссары с просьбой о помощи. Франция, ослабленная недавней Июльской революцией, не решалась выступить в одиночку. Министр иностранных дел Франции Себастиани прямо признался польскому посланнику князю Леону Сапеге, что его страна ничего не сможет сделать одна и что полякам следовало бы получить от Англии обещание о поддержке восстания. «Без этого Франция не может помочь полякам даже путем дипломатических переговоров», — заявил Себастиани¹⁴. Таким образом, судьба польского восстания во многом зависела от позиции Великобритании.

Казалось, Англия была именно той страной, которая могла бы содействовать успеху польского восстания. Британское правительство лорда Грея неоднократно заявляло о поддержке либеральных движений за рубежом. Британское общество было «либерализировано» размахом агитации за принятие парламентской реформы. Общественное мнение страны было явно на стороне поляков, газеты раздували русофобские настроения.

Однако британский кабинет не спешил оказать поддержку восставшим, заняв выжидательную позицию. Британскому послу в Петербурге лорду Хейтсбери было предписано «сохранять самую большую осторожность по отношению ко всему, что касалось дел Польши»¹⁵. Та же газета «Таймс» вместе с пожеланиями полякам успеха «во имя справедливости, гуманиз-

¹³ Times. 1831. 10 Jan.

¹⁴ Сапега Л. Мемуары князя Леона Сапеге. Пг., 1915. С. 32.

¹⁵ Киняпина Н. С. Внешняя политика России первой половины XIX в. М., 1963. С. 164.

ма и свободы» писала, что Англия не готова, подобно Франции, «призывать к активной помощи в деле, хотя и славном, но, тем не менее, не оправдывающем внешнего вмешательства»¹⁶.

Правда, вскоре под давлением общественного мнения лорд Пальмерстон был вынужден направить лорду Хейтсбери запрос о возможности переговоров с российским правительством по польскому вопросу. Ответ посла начисто отвергал такую возможность. Лорд Хейтсбери докладывал, что царское правительство чрезвычайно чувствительно относится к вопросу об иностранном вмешательстве в дела Польши, причем настолько, что этот вопрос едва ли может стать предметом переговоров, а любой совет будет воспринят как оскорбление. «Любое предложение о посредничестве, — писал он в ответной депеше в Лондон, — исходит оно от Франции или какой-либо державы, будет принято, я уверен, с крайним негодованием и приведет к неутешительному результату»¹⁷.

Выяснив позицию царского правительства, британский кабинет счел возможным принять польских представителей — князя Сапегу и маркиза Александра Велепольского. Премьер-министр лорд Грей и министр иностранных дел лорд Пальмерстон, встречаясь с польскими эмиссарами, заявили, что английское правительство не видит серьезных оснований для вмешательства в дела Царства Польского¹⁸. Таким образом, надежды поляков на действенную помощь Англии не оправдались.

Провал миссий польских эмиссаров был встречен с восторгом российскими дипломатами Лондоне. Так, жена русского посла княгиня Д.Х. Ливен в частном послании лорду Грею открыто восхищалась действиями британского премьера, считая его сторонником России в польском вопросе: «Ваше положение так высоко, что по необходимости величайшая

¹⁶ Times. 1831. 1 Jan.

¹⁷ Great Britain. Foreign Office. Correspondence with the Government of Russia Respecting the Affairs of Poland. 1831–1832. L., 1861. P. 1.

¹⁸ Сапега Л. Указ. соч. С. 136; Спасович В.Д. Жизнь и политика маркиза Велепольского. СПб., 1882. С. 26.

важность придается всем вашим действиям, и вот почему Император, прекрасно осведомленный о действиях польских агентов и здесь, и в других странах, оценил и выразил свою признательность вам за вашу прямую и дружественную политику в отношении его к полякам»¹⁹. Грей в ответном письме княгине, подчеркивая свои дружеские симпатии к России, выражал «искреннее желание», чтобы «были найдены средства окончить это злополучное дело (русско-польский конфликт. — М.Ж.) так, чтобы не восстановить общественное мнение Европы против вас (России. — М.Ж.)»²⁰.

Однако пассивность английского правительства в польском вопросе объяснялась не только «симпатиями» к России. Британская дипломатия в то время была больше обеспокоена сложностью ситуации в постреволюционной Бельгии и не хотела серьезно отвлекаться на польские дела. Бельгийский вопрос представлялся правящим кругам Великобритании более важным и перспективным, нежели польский. Польша не слишком интересовала британскую буржуазию, для которой она являлась ненадежным (по сравнению с развитой Бельгией) торговым партнером. Идея польской независимости была для английских политиков абстрактным принципом, о чем заявил лорд Пальмерстон, выступая в палате общин парламента с внешнеполитической концепцией своего правительства: «Великобритания не вмешивается во внутренние дела стран, где имеют место гонения на либеральные принципы, так как не имеет смысла начинать войну из-за абстрактных принципов»²¹.

Вмешательство Англии в польские дела означало бы для нее непереносимое столкновение с могущественным соперником — Российской империей, обладавшей сильной армией и неплохим флотом. Отношения двух держав и без того были серьезно осложнены борьбой за влияние на Балка-

¹⁹ Александренко В.Н. Из переписки княгини Ливен с графом Греем. 1824–1841. Варшава, 1891. С. 18.

²⁰ Княгиня Ливен и ее переписка с разными лицами // Русская старина. 1903. Т. 115. Кн. 9. С. 692.

²¹ Opinions and Policy... P. 249.

нах и Ближнем Востоке. Дальнейшее обострение ситуации вполне могло привести к началу англо-русской войны. Лорд Пальмерстон крайне скептически относился к требованию радикалов начать войну против России. Располагая сильнейшим в мире военно-морским флотом, Великобритания не имела большой сухопутной армии, тогда как лишь победа англичан на суше могла заставить Россию изменить свою польскую политику, но одержать таковую «владычица морей» была не в состоянии. Поэтому Пальмерстон не скрывал своего мнения: «Мы никогда не направим армию в Польшу, а сожжение русского флота даст тот же эффект, что и сожжение Москвы»²². Английский дипломат явно намекал на бесславный конец похода армии Наполеона в Россию в 1812 г.

В феврале 1831 г. русские войска под командованием фельдмаршала Дибича вступили на территорию Царства Польского. В связи с этим английская пресса усилила антирусскую агитацию. Чтобы успокоить пропольски настроенное общественное мнение страны, английское правительство все же решилось осторожно выступить в защиту конституционных прав Царства Польского. В инструкции лорду Хейтсбери от 22 марта 1831 г. Пальмерстон писал: «Любое изменение, которое повлечет за собой включение Польши в состав Российской империи и уничтожение отдельного управления и конституции, было бы нарушением Венского договора, и тогда Англия и все остальные страны-участницы этого соглашения имели бы бесспорное право протестовать»²³. Британскому послу в Петербурге рекомендовалось тщательно наблюдать за изменениями в решении Россией польского вопроса и энергично протестовать против любой меры, которая не будет соответствовать условиям Венского договора. Необходимость дипломатического вмешательства Пальмерстон объяснял стратегическими интересами Великобритании в Центральной Европе.

²² Bourne K. The Foreign Policy of Victorian England, 1830–1902. Oxford, 1970. P. 33.

²³ Great Britain. Foreign Office. Correspondence with the Government of Russia... P. 2.

Он обращал внимание посла на то, что границы Королевства Польского находятся в «опасной близости» от столиц Австрии и Пруссии. Поэтому окончательное включение Королевства в состав Российской империи могло привести, по мнению Пальмерстона, к усилению русских позиций в Австрии и Пруссии и приданию «политике этих двух держав характера, очень отличающегося от того, каким он мог бы стать, будучи свободным от внешнего влияния»²⁴. Одновременно министр иностранных дел предупреждал своего посла о необходимости воздерживаться от «недружественных дискуссий с русским правительством, с которым правительство Его Величества при нынешних обстоятельствах (имелись в виду заинтересованность Англии в нейтральной позиции России в бельгийском вопросе и осложнение англо-русских отношений на Ближнем Востоке. — М. Ж.) более чем когда-либо желает поддерживать самые тесные дружественные отношения»²⁵.

Попытка английской дипломатии «защитить» поляков была такой мягкой и осторожной, что в Петербурге ее едва заметили. Лорд Хейтсбери, получив упомянутые нами инструкции, имел непродолжительную беседу с вице-канцлером Российской империи графом К.В. Нессельроде, которому изложил претензии британского правительства. Нессельроде, спокойно выслушав посла, заметил, что поляки первыми нарушили Венский договор, низложив русского царя с польского престола, поэтому Россия вправе наказать «непослушных». Он также выразил сожаление по поводу «необдуманных действий» Великобритании и Франции в защиту восставших. А по поводу обеспокоенности Великобритании усилением русских стратегических позиций в Центральной Европе вице-канцлер заверил английского посла в том, что и Австрия, и Пруссия заинтересованы в скорейшем подавлении польского восстания и не возражают против включения польских земель в состав Российской империи²⁶. Таким образом, никаких серьезных

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 3

²⁶ Там же. С. 4.

последствий эта беседа не имела. Слова Нессельроде по существу означали отказ России обсуждать с английскими дипломатами польский вопрос. Позиция России в этом вопросе была прямой и недвусмысленной — никаких уступок польским мятежникам. Пальмерстон же впоследствии ставил себе в заслугу то, что никогда «не скрывал своего мнения от русского правительства, которое, тем не менее, имело другую точку зрения по этому (польскому. — М. Ж.) вопросу»²⁷.

Тем временем в Лондон из Царства Польского поступали тревожные сообщения о неуклонном продвижении царских войск к Варшаве. «Польская трагедия близится к развязке», — мрачно предрекала «Таймс»²⁸. В британской столице все более сочувственно воспринимались вести об упорном сопротивлении поляков. Либеральная пресса не жалела красноречия в защиту польского дела. «Таймс» с возмущением писала о нерешительности европейских правительств, постоянно откладывающих признание польской независимости. Полякам, как говорилось в редакционной статье газеты, приходилось довольствоваться «лишь бесплодными симпатиями свободных наций». «Таймс» признавала, что польское движение в основном опирается на внутренние ресурсы, на патриотический подъем жителей Польши²⁹.

В июле 1831 г. французская дипломатия вновь предприняла попытку склонить Англию к вмешательству в польские дела. Французский посол в Лондоне князь Талейран передал Пальмерстону письмо, в котором излагалось предложение французского короля совместными усилиями двух держав прекратить кровопролитие в Польше и «сохранить политическое существование народа, который показал себя достойным этого благодаря большому мужеству и патриотизму и который имеет гарантии Венского конгресса на сохранение национального суверенитета»³⁰.

²⁷ Opinions and Policy... P. 241.

²⁸ Times. 1831. 7 Mar.

²⁹ Times. 1831. 1 July.

³⁰ Great Britain. Foreign Office. Correspondence with Prince Talleyrand respecting Poland. L., 1831. 1861. P. 2.

Пальмерстон ответил решительным отказом. Однажды потерпев неудачу, он не хотел испытывать судьбу еще раз. К тому же в Лондоне продолжала свою работу конференция послов пяти держав (Англии, Франции, России, Австрии и Пруссии) по бельгийскому вопросу, который интересовал его гораздо больше польского. Поэтому Пальмерстон не собирался лишний раз вызывать недовольство русского царя, позиция которого в бельгийском вопросе его вполне устраивала. Английский дипломат прекрасно видел, что дальнейшее развитие событий в Польше неизбежно приведет к разгрому восстания. Силы противоборствующих сторон были неравными. Против польской повстанческой армии численностью около 55 тысяч человек со 140 орудиями действовала царская армия в 115 тысяч человек и 336 орудий³¹.

В ответном письме Пальмерстон в свойственной ему дипломатичной манере от имени своего монарха отверг французское предложение: «Его Величество, глубоко сожалея о несчастных последствиях губительного соперничества, считает, что не настал еще час, когда он мог бы решиться на поступок, который, будучи примиренческим по форме, тем не менее, может обеспокоить независимую державу (Россию. — М. Ж.), известную ревнивым отношением к своим правам и чрезвычайно чувствительную ко всему, что может задеть ее национальную честь»³². Одновременно он объявил А. Матушевичу, что Англия отныне не признает за собой права вмешиваться в дела Польши, и поэтому отказывается от поддержки французской политики в этом вопросе³³. Оставшись в одиночестве, Франция не осмелилась открыто выступить против России. Надежды поляков на помощь западных держав окончательно рассыпались. Они оказались один на один с военной мощью Российской империи.

Отказавшись от поддержки польского восстания, кабинет лорда Грея тем не менее не торопился с обнародованием свое-

³¹ История Польши: В 3 т. М., 1954. Т. 1. С. 443.

³² Great Britain. Foreign Office. Correspondence with Prince Talleyrand... P. 3.

³³ Мартенс Ф. Указ. соч. С. 448.

го решения. На это существовали весьма серьезные внутривнутриполитические причины. Грей и Пальмерстон прекрасно понимали, что опубликование такого решения вызвало бы широкое недовольство среди различных слоев английского общества и неминуемо привело бы к падению их правительства. Поэтому лорд Пальмерстон тщательно конспирировал деятельность Форин оффис в этом направлении. Дипломатическая переписка по польскому вопросу, например, была опубликована лишь в 1861 г., за четыре года до смерти лорда. Соккрытие документов позволяло Пальмерстону лицемерно заверять британскую общественность в своей приверженности либеральным принципам во внешней политике. Одновременно он продолжал поощрять пропольскую кампанию в прессе. Британские газеты убеждали англичан в том, что успех польского восстания принесет «неоценимые выгоды» европейским странам и что бесспорна целесообразность вмешательства европейских правительств в ход этого восстания на стороне поляков»³⁴.

Царские войска 8 сентября 1831 г. заняли Варшаву. После падения польской столицы восстание продолжалось не менее месяца. В начале октября оно было окончательно подавлено. Николай I жестоко расправился с восставшими: тысячи поляков были осуждены на каторгу, сосланы в Сибирь, отданы в солдаты. Сотни польских семей были переселены в глубинные губернии России. В феврале 1832 г. Николай I подписал так называемый «Органический статут», который заменил ликвидированную конституцию 1815 г. и окончательно уничтожил автономные права и привилегии Царства Польского.

Когда война за независимость была поляками проиграна, английское правительство сочло выгодным для себя вновь выступить в роли «защитника» Польши. Ему было необходимо сохранить «либеральное» лицо и как-то оправдать перед своей страной пассивность в польском вопросе. В депеше лорду Хейтсбери от 23 ноября 1831 г. Пальмерстон позволил себе рекомендовать российскому правительству придерживаться «разумной» политики в отношении поверженной Польши, провести

³⁴ Times. 1831. 20 July.

полную амнистию восставших, за исключением тех, кто повинен в «убийствах», восстановить конституцию Царства Польского, гарантированную Венским конгрессом. Рекомендации английского министра не были приняты официальными кругами в Петербурге. Хотя царским правительством была проведена частичная амнистия, но ее значение свелось к тому, что власти не применили смертной казни. В ответной депеше лорд Хейтсбери сообщил Пальмерстону, что правительство России отказалось признать британскую интерпретацию Венского договора³⁵.

В исследованиях зарубежных историков часто встречаются утверждения об «искренних симпатиях» лорда Пальмерстона к польскому национально-освободительному движению в начале 30-х годов XIX в. При этом приводятся многочисленные ссылки на его выступления в парламенте, частную и официальную переписку. Однако слова Пальмерстона о том, что он «хотел бы видеть Польшу независимой»³⁶, явно не опирались на его реальную политику и оставались лишь тонко рассчитанной интригой и демагогическими рассуждениями. Британская дипломатия относилась к конституционным и национально-освободительным движениям в Европе явно с государственно-прагматических позиций. Пальмерстон однажды выразил свою внешнеполитическую доктрину в следующих словах: «Когда люди спрашивают меня, что называется политикой, единственным ответом может стать следующее: мы намерены делать то, что кажется нам лучшим в каждом отдельно взятом случае, ставя превыше всего Интересы Нашего Государства»³⁷. В случае с польским восстанием 1830–1831 гг. англичанам было выгодно не вмешиваться. Либеральные фразы о необходимости защиты польской независимости являлись не более чем прикрытием истинной позиции Великобритании. В свою очередь российские дипломаты, приняв условия игры, не воспринимали всерьез частые демарши англичан в поддержку польского восстания.

³⁵ Great Britain. Foreign Office. Correspondence with the government of Russia... P. 10.

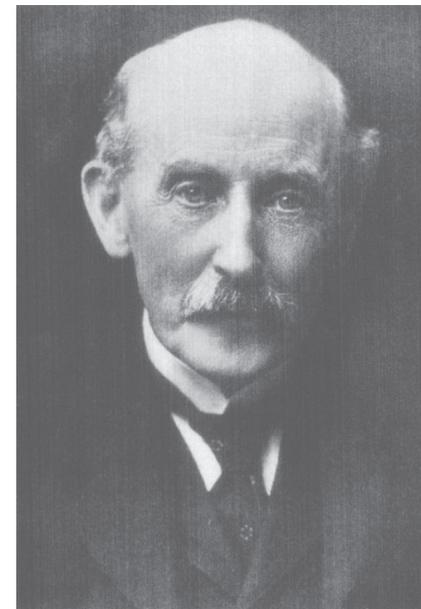
³⁶ Bourne K. Op. cit. P. 219.

³⁷ Temperley H., Penson L. The Foundation of the British Foreign Policy. L., 1938. P. 88.

Глава 16

АРТУР НИКОЛСОН И ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Д.И. Портнягин, Н.А. Портнягина

*Артур Николсон —
посол Великобритании в России в 1906–1910 гг.*

Артур Николсон был послом Великобритании в России с 1906 по 1910 гг. Наиболее трудные времена ему пришлось пережить в годы революции 1905–1907 гг. Во-первых, новый посол должен был освоиться в малознакомой ему стране. Во-вторых, ему приходилось жить и работать в Петербурге в условиях революции, которая привела к появлению новых политических институтов (парламента, партий), политический вес которых в 1906 г. был не вполне понятен британцам. Кроме того, революция сопровождалась невероятным размахом

террора, осложнявшим жизнь не только российских подданных, но и британских дипломатов. В-третьих, А. Николсону необходимо было решить основную задачу британской дипломатии в этот период в России: заключить англо-русское соглашение.

В 1904–1906 гг. британским послом в России был Ч. Гардинг. Он делал всё возможное для сохранения англо-русских отношений, которые ухудшились во время русско-японской войны¹. Именно он дал первые оценки начавшейся в России революции. А. Николсона связывали с Ч. Гардингом, который стал заместителем министра иностранных дел Великобритании Э. Грея, дружеские отношения, что существенно облегчало ему работу². Перед отбытием нового посла в Петербург, в апреле 1906 г. состоялся обед, на котором, кроме А. Николсона, присутствовали видные члены британского правительства Г. Асквит, Э. Грей, Р. Холден и Д. Морли. Они 4 часа обсуждали возможности посла в России, причем А. Николсон был настроен достаточно пессимистично, хотя обещал сделать всё возможное, чтобы решить стоящие перед ним задачи. Присутствующие «обещали ему доверие и поддержку»³. 25 мая 1906 г. А. Николсон покинул Лондон, а 28 мая был уже в Петербурге.

Сын А. Николсона характеризовал своего отца как человека «умного, честного, здравомыслящего, благородного и справедливого», как «истинного англичанина» по темпераменту, полагающего, что его обязанность «делать свою страну более могущественной, более богатой и большей, чем любая другая страна»⁴. В начале своей карьеры А. Николсон ещё верил в блестящую изоляцию Великобритании, однако уже в 1886 г., будучи послом в Персии,

¹ Hughes M. Diplomacy before the Russian Revolution. Britain, Russia and the Old Diplomacy, 1894–1917. N.Y.: St. Martin's Press, 2000. P. 34.

² Nicolson H. Sir Arthur Nicolson. First Lord Carnock. A Study in the Old Diplomacy. L.: Constable & Co Ltd., 1937. P. 206.

³ Nicolson H. Op. cit. P. 206.

⁴ Nicolson H. Op. cit. P. X.

он высказывался за заключение соглашения с Россией как за идеальное решение проблем двух стран в Персии. Тогда эта идея не нашла поддержки⁵. К 1906 г. он окончательно пришёл к осознанию германской угрозы для своей страны и опасности англо-русского соперничества⁶. Теперь решение этой задачи затрудняла как начавшаяся в России революция, так и негативное в отношении царского режима общественное мнение Великобритании⁷. Британские элиты воспринимали Россию как «варварское, авторитарное государство, отрицающее все свободы для своих подданных и использующие наиболее жестокие методы подавления свободы слова и мысли»⁸. Пресса Великобритании резко отреагировала на роспуск I Государственной думы, что вызвало большое раздражение у русских властей. Это значительно осложнило задачу нового посла. 6 августа 1906 г. он записал в дневнике: «Два месяца назад были все надежды, а теперь их очень мало. Когда я заметил Извольскому, что хотел бы знать его общий взгляд на Персию, он посмотрел пусто и ответил, что вообще не имеет никаких взглядов по этому вопросу»⁹. А. Николсон осознавал, что крайне неблагоприятная позиция британской прессы, которая, по его мнению, «совершенно неправильно понимает ситуацию» в отношении роспуска I Думы мешает сближению двух стран. Вместе с тем он понимал также, что ему следует принимать во внимание общественное мнение Англии. Э. Грей и Ч. Гардинг полагали даже, что переговоры по соглашению следует приостановить, однако А. Николсон настоял на их продолжении¹⁰.

⁵ Neilson K. «My Beloved Russians»: Sir Arthur Nicolson and Russia, 1906–1916 // The International History Review. Vol. 9. No. 4. 1987. P. 526–527.

⁶ Nicolson H. Op. cit. P. XI.

⁷ Hughes M. Op. cit. P. 48.

⁸ Nicolson H. Op. cit. P. 207.

⁹ Nicolson's journal as ambassador, St. Petersburg. 6 August 1906 // United Kingdom National Archives. PRO 30/81/13.

¹⁰ Nicolson H. Op. cit. P. 223–224.

Нужно сказать, что британские дипломаты испытывали в это время в России большие трудности. Дипломатический корпус был небольшим. Дипломаты не имели возможности сами добывать информацию о состоянии дел в провинции. Кроме того, собирая сведения о стране, нельзя было вызывать неудовольствие царских министров. Так французский посол М. Бомпар проявлял слишком большой интерес к кадетской партии, повлекший за собой раздражение императора, потребовавшего его удаления¹¹. Поэтому А. Николсон неохотно позволял своим сотрудникам устанавливать дружественные отношения с депутатами Думы¹².

Чтобы решить проблему сбора информации о стране, была перестроена организация консульской службы. Ещё Ч. Гардинг обязал консулов лично предоставлять отчёты об общественно-политической ситуации в России¹³. Несмотря на то, что консулы не были профессиональными дипломатами, они с энтузиазмом откликнулись на запрос Ч. Гардинга. Наиболее подробные доклады присылали генеральный консул в Варшаве А. Мюррей, консул в Москве М. Гров и консул в Риге А. Вудхауз¹⁴. А П. Стивенсу, консулу в Батуми, имевшему опыт получения секретной разведывательной информации для британских властей, уже к 1898 г. удалось создать в Батуми небольшую сеть агентов и информаторов, готовых снабдить Лондон деталями о военном потенциале России¹⁵.

Так как А. Николсон имел очень мало знаний о России, ему пришлось воспользоваться помощью экспертов. Одним из таких экспертов стал корреспондент «Дейли телеграф» Э. Дж. Диллон, доктор восточных языков Лувенского университета, кроме того, имевший докторскую степень сравнительной филологии Харьковского университета. С 1889 г. он писал статьи для британских журналов о России. Вторым

¹¹ Nicolson H. Op. cit. P. 225.

¹² Hughes M. Op. cit. P. 77.

¹³ Hughes M. Op. cit. P. 108.

¹⁴ Hughes M. Op. cit. P. 109.

¹⁵ Hughes M. Op. cit. P. 115.

экспертом, услугами которого пользовался А. Николсон был Б. Парес, один из основоположников британских академических штудий о России. Он имел много друзей среди русских либералов, именно он привез Выборгский манифест в Петербург. Б. Парес снабжал А. Николсона бесценной информацией о различных политических партиях империи¹⁶. Кроме того, А. Николсону очень помог его личный друг, корреспондент газеты «Таймс» Д. М. Уоллес. Первый раз Д. М. Уоллес приехал в Россию ещё в 1870 г., долго жил здесь, прекрасно знал русский язык, русскую историю и литературу, был знаком с Николаем II. О России журналист написал книгу, которая выдержала в Великобритании несколько изданий¹⁷. По приглашению А. Николсона с июля 1906 г. Д. М. Уоллес семь месяцев находился в посольстве, помогая своему другу знакомиться с новой для него страной. Информацию он получал из источников, обычно закрытых для дипломатов, посещая не только С. Ю. Витте, П. А. Столыпина и П. Н. Милюкова, но и представителей крайне консервативных партий, а также собрания социал-демократов¹⁸. Именно Д. М. Уоллес, считавший, что «Россия может быть реформирована только постепенно и сверху»¹⁹, оказал большое влияние на формирование взглядов А. Николсона, который в начале своей деятельности смотрел на политические события, происходившие в стране, скорее глазами русских левых либералов, винивших правительство во всех грехах. Например, вскоре после прибытия в Петербург 31 мая 1906 г. посол записал в дневнике: «Число аграрных беспорядков растёт, и нападения на поезда и банки становятся всё чаще. Говорят, что митинги носят всё более революционный характер и, возможно, они финансируются полицией с целью получить повод для репрессивных мер»²⁰.

¹⁶ Neilson K. Op. cit. P. 530–531.

¹⁷ Wallace D. M. Russia. L.: Cassel and Company, 1905. Vol. I-II.

¹⁸ Nicolson H. Op. cit. P. 212.

¹⁹ Nicolson H. Op. cit. P. 224.

²⁰ Nicolson's journal as ambassador, St. Petersburg. 31 May 1906 // UK NA. PRO 30/81/13.

Однако уже в июле он поддерживал позицию Д. М. Уоллеса, порицавшего радикализм Думы, записав в дневнике: «Уоллес и Стид²¹ объяснили Паресу, что в то время, как император и кабинет остаются в рамках закона, кадеты выходят за них и здесь есть повод для беспокойства»²². Так или иначе первые три месяца, которые новый посол провёл в России, дали ему определённое представление о стране и о том, как с ней вести переговоры. Следует отметить, что для улучшения отношений с русской элитой А. Николсон устраивал регулярные приемы в британском посольстве, ставшие очень популярными в российском обществе, их посещали и великие князья²³.

В период революции было несколько наиболее обсуждаемых проблем в донесениях А. Николсона и его дипломатов в Форин Офис: анализ деятельности правительства, Думы, партий и степень их влияния на политический процесс, роль царя и двора в политической жизни страны, социальные проблемы и прогнозы, связанные с выходом страны из революции. Одними из важнейших вопросов, по которым А. Николсон собирал сведения, были еврейский, рабочий и крестьянский. Революция сопровождалась еврейскими погромами, которые как правило возникали стихийно²⁴. Еврейские группы в Британии при активной поддержке Н. Ротшильда, а также «Общество русской свободы» активно действовали по сплочению британского общества против царского режима, давили на Форин Офис, добиваясь от него более жесткой позиции в отношении России, полагая, что это поможет решить еврейский вопрос²⁵. Ч. Гардинг зло говорил А. Николсону в конце июня 1906 г., что евреи в Лондо-

²¹ Стид — корреспондент газеты «Таймс» в Вене, который в это время находился в Петербурге.

²² Nicolson's journal as ambassador, St. Petersburg. 24 July 1906 // UK NA. PRO 30/81/13.

²³ Nicolson H. Op. cit. P. 246.

²⁴ Степанов С. А. Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М.: Росвузнаука, 1992.

²⁵ Hughes M. Op. cit. P. 48.

не показывают огромную активность в требованиях менее дружественной политики относительно России²⁶. Они настаивали общественное мнение Британии против России и грозили ослабить позиции сторонников заключения соглашения с ней. А. Николсон постоянно обсуждал еврейский вопрос в разговорах с русским премьером. Он сообщал в Форин Офис, что верит в то, что обещания П. А. Столыпина предоставить евреям равные права с другими «не окажутся иллюзорными». Кроме того, для него было совершенно ясно, что «русское правительство, исходя из политических вопросов и из других соображений, в наибольшей степени желает предотвратить антисемитские взрывы». Одной из причин погромов, он называл участие молодых евреев в революции и терроре с целью «улучшить свое нынешнее, без сомнения, печальное положение и устранить несправедливое ограничение, наложенное на них»²⁷. Правда, уже 1 января 1907 г. А. Николсон писал Э. Грею, что в решении еврейского вопроса П. А. Столыпин столкнулся с сильной оппозицией со стороны консерваторов, поэтому нет уверенности, что «он склонен решать его в том же либеральном духе, который он ранее озвучивал»²⁸.

Будущее России, с точки зрения А. Николсона, находилось в руках крестьян. Он полагал, что, если они пойдут за социалистами и анархистами, а в городах восстанут рабочие, катастрофы не избежать²⁹. В незавершённом наброске о внутренней ситуации в России за 1906 г. А. Николсон отмечал желание русских крестьян получить землю, их апатию на выборах в Думу, а также непонимание ими реформ правительства и недоверие к нему³⁰. Посольство тщательно собирало сведения о выступлениях и требованиях рабочих. Уже

²⁶ Hughes M. Op. cit. P. 49.

²⁷ A. Nicolson to Edward Grey. 20 September 1906 // UK NA. FO 371/128 № 32911. P. 1–2.

²⁸ A. Nicolson to Edward Grey. 1 January 1907 // UK NA. FO 371/318 № 571. P. 2.

²⁹ Nicolson H. Op. cit. P. 223.

³⁰ A. Nicolson to Edward Grey. 1 January 1906 // UK NA. FO 371/318 № 571. P. 1.

в августе 1906 г. А. Николсон сообщал Э. Грею, что в России есть признаки того, что рабочие хотели бы отделиться от «крайних партий», что они устали от террора, «в котором упражняются над ними социалистические комитеты и охотно бы вели спокойную жизнь»³¹. Вместе с тем А. Николсон прогнозировал преодоления кризиса в России. Он писал о рассеивании иллюзий того, что «правительство находится на краю распада, и что Дума будет в скорости править и диктовать условия династии и правительству»³².

Одной из серьёзнейших проблем, с которой столкнулся А. Николсон, прибыв в Россию, был террор. Террор, ставший одной из основных форм борьбы революционеров с властью в период революции, буквально захлестнул страну. Так, число террористических актов только в 1907 г., по статистике департамента полиции, составило 3487³³. А. Гейфман приводит данные о 362 политически мотивированных грабежах только в октябре 1906 г. По ее подсчетам с 1905 г. и до середины 1906 г. революционные экспроприации нанесли императорским банкам ущерб более чем в 1 миллион рублей³⁴. Террор стал обыденным фоном жизни российского общества в это время, в террористов играли даже дети. Один из информаторов британского посла, почётный попечитель нескольких русских гимназий, с удивлением рассказывал ему, что мальчики 14–15 лет писали письма, в которых требовали смерти друг друга. А. Николсон справедливо заметил на это, что «в виду того, что много преступлений совершаются молодёжью, подобные угрозы нельзя считать безвредными юношескими глупостями»³⁵. Действительно, по данным А. Гейфман, около 22 % всех террористов-эсеров относились

³¹ A. Nicolson to Edward Grey. 28 August 1906 // UK NA. FO 371/128 № 29732. P.1.

³² A. Nicolson to Edward Grey. 1 January 1907 // UK NA. FO 371/318 № 571. P.1.

³³ Леонов М. И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М.: РОС-СПЭН, 1997. С.129.

³⁴ Гейфман А. Революционный террор в России, 1894- 1917/ Пер. с англ. Е. Дорман. М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. С.32–33.

³⁵ A. Nicolson to Edward Grey. 28 July 1906 // UK NA. FO 371/127 № 26849. P.1.

к возрастной группе от 15 до 19 лет, а 45 % — от 20 до 24. В Белостоке в 1905 г. был создан боевой отряд школьников — членов эсеровской партии. Больше всего несовершеннолетних, молодых людей до 14 лет, встречалось среди анархистов³⁶.

Невероятный размах террора в империи был связан с тем, что значительная часть общественности не осуждала его. Негативное по отношению к террору общественное мнение формировала лишь правая и праволиберальная, октябристская, пресса. Левая и леволиберальная общественность не только не осуждала террор, но пыталась использовать его в борьбе с властью. В партии кадетов было популярно мнение адвоката Н. В. Тесленко, высказанное им на совещании ЦК с представителями губернских комитетов в 1906 г. Он призывал тогда использовать тактику левых для достижения своих политических целей: «теперь наступает момент решительной схватки народа с правительством. С правыми нам соединяться нельзя. Их дефект — фанатическое преклонение перед законностью. Прежде с левыми нельзя было вести переговоров. Теперь они многому научились. Мы не сочувствуем их тактике. А результатами пользуемся и поджигаем»³⁷.

Террор затронул и дипломатов. Их жизни так же, как и жизни российских подданных, подвергались опасности. Поэтому, когда А. Николсон прибыл в страну, он обнаружил, что «британские корреспонденты, члены британской колонии могли говорить только об убийствах, поджогах и грабежах»³⁸. Ему приходилось постоянно решать вопросы защиты британских подданных от угрозы терактов. Так возле квартиры британского Генерального консула в Варшаве А. Мюррея в июле 1906 г. дважды были совершены теракты³⁹.

³⁶ Гейфман А. Указ. соч. С. 240–241.

³⁷ Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. / Т. 1. Протоколы ЦК конституционно-демократической партии. 1905–1911 г. М.: Прогресс-Академия, 1994. С. 111–112.

³⁸ Nicolson H. Op. cit. P. 211.

³⁹ Consul-General Murray to A. Nicolson. 13 July 1906. // UK NA. FO 371/127 № 24889. P. 2–3.

17 сентября 1906 г. А. Мюррей сообщал министру иностранных дел Великобритании Э. Грею, что в связи с ожидаемыми в ближайшее время массовыми убийствами евреев в Варшаве социалисты открыто заявили о намерении убить консула, чтобы «спровоцировать иностранную интервенцию...», причём всеобщая уверенность в том, что это действительно произойдет, была настолько велика, что многие работники дипслужбы покинули город. А. Мюррей, по его признанию, всегда скептически настроенный «относительно беспорядков, о которых заранее говорят», тем не менее, сообщал своему руководству, что в случае осуществления неблагоприятных прогнозов, «дубликаты ключей от консульского сейфа находятся в посольстве в Берлине»⁴⁰. Э. Грей просил в этой связи британского посла информировать об этих намерениях министра иностранных дел России и принять меры по защите генконсульства Его величества⁴¹. А. Мюррей не был убит, а вот итальянский вице-консул М. Доллорсо был убит в Бердянске летом 1907 г. террористами⁴². 9 сентября 1906 г. в Баку было совершено покушение на британского вице-консула Л. Эркорта, бывшего одновременно и исполнительным директором нефтяных компаний в Баку. Он занимал твердую позицию в отношении склонных к насильственным действиям агитаторов, призывающих рабочих продолжать борьбу против предпринимателей⁴³. Угрозы получал и вице-консул Британии в г. Кутаиси в сентябре 1906 г.⁴⁴.

От террора пострадали и многие британские специалисты, работавшие в это время в России. В октябре 1906 г. рабочий, социалист-анархист В. И. Корнеев убил техника Шеридана,

⁴⁰ Consul-General Murray to Sir Edward Grey. Warsaw. 17 September 1906 // UK NA. FO 371/128. № 31666. P.1.

⁴¹ Edward Grey to A. Nicolson. 19 September 1906 // UK NA. FO 371/128 № 31666. P.1.

⁴² A. Nicolson to Edward Grey. Summary of Events in Russia during the Fortnight ending. 19 June 1907 (Bentinck C.H.) // UK NA. FO 371/318. № 20735. P. 4.

⁴³ Vice-Consul Urquhart to Sir A. Nicolson. Baku. 1 August 1906 // UK NA. FO 371/127 № 28259. P. 1–2.

⁴⁴ Joseph Gardner to Principal Secretary of State for Foreign Affairs. Liverpool, 8 October 1906 // UK NA. FO 371/129 № 34152. P.1.

сотрудника «Невской мануфактуры» в Петербурге⁴⁵. После этого инцидента три директора английских фабрик в России нанесли визит британскому послу, сообщив ему о желании многих английских специалистов вернуться домой из-за страха перед террористическими актами. Директора были убеждены, что, если «произойдет еще один фатальный инцидент, весь корпус английских работников покинет Санкт-Петербург», а это приведет к закрытию фабрик и безработице 5 000 рабочих⁴⁶. 16 августа 1906 г. в Юзовке был ранен Уильям Чамберс, помощник главного инженера «Новой русской компании» Гласса, который незадолго до этого дал показания полиции против одного из рабочих-террористов⁴⁷.

В нескольких донесениях А. Николсон подробно информировал Э. Грея о покушении на П. А. Столыпина на Аптекарском острове, которое совершили эсеры-максималисты днём 12 (25) августа 1906 г.⁴⁸. Первое сообщение о теракте в отношении премьер-министра пришло в посольство около 4 часов вечера. В министерстве иностранных дел России посол не смог получить никакой информации по этому поводу, поэтому ему пришлось собирать её самому. С этой целью он послал своего младшего сына Г. Николсона, сотрудника посольства, вместе с егерем посольства к резиденции П. А. Столыпина⁴⁹. Таким образом террор занимал значительное место в донесениях А. Николсона в Форин Офис. Нужно сказать, что ни А. Николсон, ни другие британские дипломаты никогда не оправдывали террор, описывая его как абсолютное зло⁵⁰. После покушения на П. А. Столыпина А. Николсон

⁴⁵ A. Nicolson to Edward Grey. 30 October 1906 // UK NA. FO 371/129. № 36888. P.1.

⁴⁶ A. Nicolson A. to Edward Grey. 2 ноября 1906 // UK NA. FO 371/129. № 37926. P. 1.

⁴⁷ Consul Medhurst to Edward Grey. Rostov on Don. 1 September 1906 // UK NA. FO 371/127. № 30672. P. 1.

⁴⁸ Nicolson A. to Edward Grey. 26 August 1906 // UK NA. FO 371/128. № 29415. P.1; Nicolson A. to Edward Grey. 6 September 1906 // UK NA. FO 371/128. № 31314. P.1.

⁴⁹ Nicolson H. Op. cit. P. 228.

⁵⁰ Портнягина Н. А., Портнягин Д. И. Кадеты и британские дипломатические представители в России: два взгляда на революционный террор в 1905–1907 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 133–140.

пришёл к выводу, что террор являлся, во-первых, средством борьбы революционеров за власть: «Революционеры вообще не заботятся о конституциях, думах или реформах, их единственная цель путём постоянного безжалостного террора и насилия попытаться сделать любое управление невозможным и проложить путь к социалистической республике наиболее прогрессивного типа»⁵¹. Во-вторых, их мстостью власти, которая арестовывала комитеты революционеров, захватывала бомбы и динамит в Петербурге и Москве⁵².

Невероятный размах террора дипломаты связывали с мягкостью власти и приостановкой деятельности военно-полевых судов⁵³. А. Николсон не разделял мнения оппозиционных власти русских газет в отношении того, что в период работы I Думы число политических убийств сократилось⁵⁴. В росте террора в России после роспуска II Государственной думы дипломаты винили и саму нижнюю палату, которая не осудила террор⁵⁵. А. Николсон критиковал тактику партии кадетов в Думе. Он верно заметил, что кадеты не осудили террор, так как боялись порвать с левыми. Вместе с тем посол сомневался в том, что экстремисты пойдут на сотрудничество с кадетами, и что оно будет выгодным для либералов. Но даже если бы подобный альянс состоялся, по его мнению, вряд ли кадеты смогли бы «... в какой-то момент отделить себя от радикалов и оставить поле за собой»⁵⁶. Симпатии дипломатов были на стороне более умеренных партий, которые выступали против насилия и пытались добиться необходимых реформ мирными законными средствами.

⁵¹ Nicolson A. to Edward Grey. 26 August 1906 // UK NA. FO 371/128. № 29415. P. 2.

⁵² Ibid. P. 1–2.

⁵³ A. Nicolson to Edward Grey. Summary of Events in Russia for the Fortnight ended. 6 June 1907. (Claud Russell) // UK NA. FO 371/318 № 18927. P. 1; Council Woodhouse to Sir Edward Grey. Riga. 12 November 1906 // UK NA. FO 371/129. № 38678. P. 1.

⁵⁴ A. Nicolson to Edward Grey. 25 September 1906 // UK NA. FO 371/128 № 32934. P. 1.

⁵⁵ A. Nicolson to Edward Grey. Summary of Events in Russia during the Fortnight ending June 19, 1907 (Bentinck C.H.) // UK NA. FO 371/318. № 20735. P. 4.

⁵⁶ A. Nicolson to Edward Grey. 30 August 1906 // UK NA. FO 371/128 № 29749. P.1.

Британские дипломаты не осуждали правительство за подавление террористических атак⁵⁷. А. Николсон писал министру иностранных дел Великобритании в сентябре 1906 г.: «Решительная политика со стороны правительства необходима. Военно-полевые суды — жестокая необходимость»⁵⁸. Правда, введение военно-полевых судов вызывали у посла и опасения. Он отметил, что быстрота, с которой рассматривают дела военно-полевые суды вызывает «чувство неприятия и отвращения к подобным методам»⁵⁹. Тем не менее революционное насилие воспринималось британским послом враждебно, а решительные действия власти по подавлению террора приветствовались. Такая оценка революционного террора британскими дипломатами способствовала среди прочего сближению Великобритании с правительством П.А. Столыпина и, в конечном итоге, содействовала успешному подписанию англо-русского соглашения 1907 г.

С точки зрения А. Николсона, для авторитарного государства личность императора имела большое значение. В ежегодном докладе по российским делам за 1906 г. он дал характеристику царю и двору. Однако его характеристика императора опиралась не на собственное мнение, для составления которого нужно «близкое личное знакомство», а на собранные им мнения других. Скорее это был анализ возможностей царя, выполняющего «сверхчеловеческую задачу», в той сложной ситуации, в которой он оказался. А. Николсон писал: «Сомнительно, что многие его критики, помещенные в эти обстоятельства, справились бы с трудностями, с которыми столкнулся трон, и при этом были бы способны наделить страну свободой, порядком и спокойствием, которые

⁵⁷ A. Nicolson to Edward Grey. Summary of Events in Russia during the Fortnight ending June 19, 1907 (Bentinck C.H.) // UK NA. FO 371/318. № 20735. P. 4.

⁵⁸ A. Nicolson to Edward Grey. 10 September 1906 // UK NA. FO 371/128 № 31324. P.1

⁵⁹ A. Nicolson to Edward Grey. 14 September 1906. Telegram № 690 // UK NA. FO 371/129 № 36316. P.1.

столь остро нужны». Он полагал также, что «великие князья не имеют того влияния, которое им приписывается»⁶⁰.

Однако больший интерес посла вызывали новые политические институты: парламент и партии. С момента приезда в Россию он старался собрать максимальное количество данных о различных партиях России, о выборах во II Думу, о партийной борьбе в парламенте, чтобы понять какой политический вес имеют эти новые институты. Когда он прибыл в Петербург его симпатии полностью были на стороне Думы и либеральных партий⁶¹. Тем более, что его первый опыт общения с русскими чиновниками оказался негативным. Один из первых своих визитов А. Николсон нанёс премьер-министру И. Л. Горемыкину. В дневнике посол записал, что обнаружил этого «престарелого человека с заспаным лицом и пиккадильскими бакенбардами» «возлежащим на диване, окружённым французскими романами». Британца потрясло, что премьер отзывался о Думе «с величайшим презрением» и уповал исключительно на правительство. «Я ушел с тяжёлым сердцем. Русская бюрократия неисправима», — отметил А. Николсон⁶². Однако, через довольно короткое время посол пересмотрел свои взгляды. По словам сына А. Николсона, его отец уже летом 1906 г. понимал, что Дума слабо влияет на события, происходящие в стране. Напротив, такое влияние, по его мнению, было у правительства и революционеров, поэтому А. Николсон «больше верил в Столыпина, чем в Милюкова», а кадетам желал побыстрее осознать это обстоятельство, чтобы стать «менее тщеславными и бесполезными»⁶³. Он писал Э. Грею осенью 1906 г., что лишь серьёзное изучение кадетами любых реформ, которые правительство представит во II Государственную думу, даст России «перспективы мирной

⁶⁰ A. Nicolson to Edward Grey. 2 января 1907 // UK NA. FO 371/318. № 573 P.1.

⁶¹ Nicolson H. Op. cit. P. 224.

⁶² Nicolson's journal as ambassador, St. Petersburg. 13 June 1906 // UK NA. PRO 30/81/13.

⁶³ Nicolson H. Op. cit. P. 223.

эволюции в сторону какой-либо формы конституционного правления»⁶⁴. А в январе 1907 г. в докладе Э. Грею А. Николсон заметил о кадетях: «...они более доктринёры, чем практики. Они любят дискутировать по абстрактным политическим теориям, а не заниматься решением неотложных дел», хотя он всегда отмечал их прекрасную организацию в городах⁶⁵, да и программа кадетов послу в целом импонировала. Противоречивая информация, получаемая британцами из разных источников, не давала им возможности со всей определённой ответить на вопрос, как будут себя вести кадеты во II Думе. А. Николсон отмечал два возможных варианта развития событий: либо сдвиг партии к крайне левым⁶⁶, либо серьёзное изучение ею любых реформ, которые правительство представит в Государственную думу⁶⁷. При этом посол подчеркивал, что кадеты преувеличивают симпатии британского правительства и британского народа относительно цели и задачи своей партии⁶⁸.

С большей симпатией А. Николсон характеризовал октябристов как «более практичных, чем кадеты» политиков, могущих много сделать для государства. Он полагал, что во II Думе октябристы могли бы сформировать «очень полезную центристскую партию»⁶⁹. Хотя посол понимал, что октябристы не имеют значительного числа последователей в России: «их взгляды слишком конституционные и умеренные, чтобы апеллировать к большей части общества в эти столь беспокойные времена»⁷⁰.

Особый интерес посол проявлял к революционным и монархическим париям. По мнению А. Николсона, «крайние партии и правительство» являлись «двумя великими

⁶⁴ A. Nicolson to E. Grey. 19 November 1906 // UK NA. FO 371/129. № 39560. P. 1.

⁶⁵ A. Nicolson to Edward Grey. 9 January 1907 // UK NA. FO 371/320. № 2247. P. 1.

⁶⁶ Ibid.

⁶⁷ A. Nicolson to E. Grey. 19 November 1906 // UK NA. FO 371/129. № 39560. P. 1.

⁶⁸ A. Nicolson to E. Grey. 4 October 1906 // UK NA. FO 371/128. № 34614. P. 1.

⁶⁹ A. Nicolson to E. Grey. 9 January 1907 // UK NA. FO 371/320. № 2247. P. 2.

⁷⁰ A. Nicolson to E. Grey. 14 October 1906 // UK NA. FO 371/129. № 35092. P. 2.

противостоящими силами, в борьбе которых будет вырабатываться будущее России»⁷¹. О правых сотрудники посольства говорили со всеми информаторами, пытаясь «получить сведения о целях и методах консервативных партий», однако внятных ответов не добились⁷². У А. Николсона сложилось впечатление, что правые партии хорошо организованы, имеют значительные финансы и фонды, однако вряд ли будут способствовать мирному развитию страны, получив в Думе значительное количество мест⁷³. Посол был уверен, что правительство рассматривает возможность провести в Думу собственных кандидатов, которые на выборах будут апеллировать к избирателям на основе правительственной программы реформ⁷⁴. Допускал он и возможность того, что крестьян разочаруют все партии, и они выберут «свою линию»⁷⁵. С точки зрения посла, самой большой проблемой российского общества являлась неспособность консерваторов и умеренных, «хотя и желающих видеть Россию без беспорядков и анархии, убедить самих себя, что они должны объединиться и поддерживать правительство» в его усилиях реформировать страну⁷⁶.

Русский парламент также разочаровал А. Николсона. Его сын позже передал в своей книге оценку Думы, данную его отцом. По мнению А. Николсона, имперская Дума не проявила какой-либо разумности. Большинство её депутатов были почти неграмотны, а интеллектуалы, которые возглавляли несколько партий, рассматривали Думу как трибуну для пропаганды, а не место конструктивной государственной работы, «они делали предложения и произносили речи, которые как они сами знали, не могли быть на практике реализованы или

⁷¹ A. Nicolson to E. Grey. 3 September 1906 // UK NA.FO. 371/128 № 30511. P. 1.

⁷² A. Nicolson to E. Grey. 20 August 1906 // UK NA. FO 371/128. № 29726. P. 1.

⁷³ A. Nicolson to E. Grey. 9 January 1907 // UK NA. FO 371/320. № 2247. P. 3.

⁷⁴ A. Nicolson to E. Grey. 20 August 1906 // UK NA. FO 371/128. № 29726. P. 1.

⁷⁵ Ibid.

⁷⁶ A. Nicolson to E. Grey. 7 September 1906 // UK NA. FO 371/128. № 31315. P. 1.

вообще не соответствовали времени»⁷⁷. Анализируя состав II Думы в начале её работы, А. Николсон верно заметил, что правительство не имеет в Думе своей партии, на которую оно могло бы положиться, что ставит под угрозу «осуществление многочисленных законодательных проектов». Опираясь на британский парламентский опыт, он сделал предположение, что «искусный парламентский тактик мог бы сформировать партию центра, члены которой, не будучи строгими приверженцами правительства, были бы расположены ему помогать в проведении неотложных законодательных мер». Такую партию можно было бы составить, по его мнению, из умеренных правых партий, октябристов и кадетов, изолировав крайне правых и левых. Однако, с точки зрения посла, ни в правительстве, ни вне его нет никого, кто имел бы необходимую квалификацию, влияние и опыт, чтобы достичь этого. А. Николсон писал в Лондон: «в более старых парламентах с традициями, крепкий председатель палаты и кодекс правил процедуры держали бы крайние секции под контролем, и их цели были бы разрушены, но в Думе эти сдерживающие факторы не существуют. Более того, многие полагают, что, прежде чем обсуждать какие-либо законодательные меры, с правительства необходимо спросить, возможно, призвать к ответу в связи с военно-полевыми судами, вмешательством в свободу выборов и другими делами, которые произошли с момента роспуска предыдущей Думы. Если этот курс будет принят, будут происходить длинные и ожесточенные дебаты, но мало будет полезного сделано для прогресса»⁷⁸. По его мнению, неделя подобных дебатов в палате сделает неизбежным её второй роспуск.

В период работы II Думы А. Николсона поражало «превалирующее уныние» российских политиков относительно будущего Думы. Нигде он не смог найти надежд на плодотворную и мирную работу сессии. Посол полагал,

⁷⁷ Nicolson H. Op. cit. P. 220.

⁷⁸ A. Nicolson to Edward Grey. 4 March 1907 // UK NA. FO 371/321. № 6971. P. 1–2.

что основная причина заключается в том, что большинство палаты не намерена помогать правительству в проведении реформ. При этом он отмечал желание практически всех политических сил страны сохранить Думу: правительство желает избежать роспуска ради кредитов за рубежом, крайние партии — ради безопасной пропаганды своих идей, умеренные партии — ради веры в Думу. Любопытно, что посол спрашивал у своих русских собеседников: «возможно ли было бы, чтобы в интересах страны, депутаты изучили предлагаемые правительством законодательные меры»? На что получал неизменный ответ: «пока Столыпин остается во главе, модус вивенди между правительством и палатой невозможен»⁷⁹. Таким образом, преодоление революции в России А. Николсон стал связывать скорее с деятельностью правительства, нежели политических партий и парламента.

Большое влияние на оценку А. Николсоном политической ситуации в России в период революции оказал не только Д. М. Уоллес, но и новый премьер-министр России П. А. Столыпин, с которым посол часто встречался и с которым у него сложились близкие отношения. 2 июля 1906 г. после своего первого визита к П. А. Столыпину, бывшему тогда ещё министром внутренних дел, британский посол отметил в дневнике, что министр произвёл на него хорошее впечатление, прежде всего, спокойной манерой общения. Из состоявшегося разговора посол понял, что личным идеалом П. А. Столыпина была британская конституция. Однако подобную форму, по мнению министра, невозможно было сразу внедрить в России, в которой внезапные и стремительные изменения приведут только к разрушениям⁸⁰. В своём первом ежегодном докладе по российским делам за 1906 г. Э. Грэй А. Николсон характеризовал П. А. Столыпина как «честного, прямо-

⁷⁹ A. Nicolson to E. Grey. 18 March 1907 // UK NA. FO 371/321. № 8606. P. 1.

⁸⁰ Nicolson's journal as ambassador, St. Petersburg. 2 July 1906 // UK NA. PRO 30/81/13.

линейного человека с железными нервами», который «искренне желает в интересах своей страны провести реформы либерального характера»⁸¹. Британскому послу импонировало, что П. А. Столыпин открыто обсуждал с ним многие вопросы, давая исчерпывающие и убедительные комментарии. Первый визит П. А. Столыпину, уже как главе правительства, А. Николсон нанёс 24 июля⁸², в тот же день отправив короткое донесение Э. Грэйю. Их разговор касался исключительно парламента. Новый премьер объяснил послу причины, по которым невозможно было продолжать работу парламента, и заявил, что намерен следовать либеральной линии одновременно с восстановлением порядка. П. А. Столыпин уверил А. Николсона в том, что не только он, но и император, настроенный созвать новую Думу в намеченный день, «решительно против реакционной программы». Кроме того, он сообщил послу о своём намерении «изменить кабинет в либеральном направлении», которое он осуществил бы раньше, если бы не выступление депутатов в Финляндии⁸³.

Вскоре после взрыва на Аптекарском острове П. А. Столыпин пригласил к себе А. Николсона для ознакомления с содержанием готовящегося к опубликованию 24 августа Правительственного сообщения. Результаты беседы с премьером посол изложил в трёх донесениях Э. Грэйю. П. А. Столыпин сообщил послу, что правительство готовится сохранять порядок и не даст себя терроризировать убийствами чиновников. Он познакомил посла с программой реформ, которую подготовило для II Думы его правительство. А. Николсон писал Э. Грэйю: «В целом, это большой и примечательный документ, Столыпин меня уверил, что он честно намеревается выполнить эту программу и желает, чтобы она была свободно обсуждаема на общественных собраниях и в прессе. Однако,

⁸¹ A. Nicolson to Edward Grey. 2 January 1907 UK NA. FO 371/318. № 573. P. 10.

⁸² Даты дипломатической переписки указываются по Григорианскому календарю.

⁸³ A. Nicolson to Edward Grey. 24 July 1906 // UK NA. FO 371/127. № 25319. P. 1.

я опасаясь, что оппозиционная пресса займет скептическую и критическую позицию»⁸⁴.

В беседах с послом, начиная с октября 1906 г., П. А. Столыпин стал проявлять больше оптимизма в оценке политической ситуации в России⁸⁵. При этом, премьер совершенно определённо заявил послу, что, если следующая Дума будет состоять из крайних партий, он без колебания её распустит, так как знает, «что цели социал-демократов и социал-революционеров заключаются в свержении династии и утверждении социалистической республики. Их мало волнуют либеральные реформы и конституция»⁸⁶. Он допускал и третий, и четвёртый роспуск или «другие меры». В донесении А. Николсон заметил, что под «другими мерами» П. А. Столыпин, «вероятно, подразумевал приостановку конституции»⁸⁷.

По мере общения с русским премьером А. Николсон пришёл к выводу, что предлагаемые им реформы помогут справиться с политическим кризисом в России и создать предпосылки для успешного завершения переговоров по соглашению⁸⁸. Интересно, что уже после гибели русского премьера в 1911 г. А. Николсон написал в своём дневнике: «Столыпин был великий человек. Он был, с моей точки зрения, наиболее значительной личностью в Европе. Его задача как министра внутренних дел, а затем премьер-министр, была гигантской. Он должен был иметь дело с ситуацией, которая угрожала существованию империи. У меня всегда были с ним близкие отношения, и я его хорошо знал. Он не был человеком очень высокого уровня интеллекта, но он обладал, что значительно более важно, огромной храбростью, большой решительностью, горячей любовью

⁸⁴ A. Nicolson to Edward Grey. 7 September 1906 // UK NA. FO 371/128. № 30374.

⁸⁵ A. Nicolson to Edward Grey. 22 October 1906 // UK NA. FO 371/129. № 36331. P. 1.

⁸⁶ A. Nicolson to Edward Grey. 7 September 1906 // UK NA. FO 371/128 № 31315.

⁸⁷ A. Nicolson to Edward Grey. 30 November 1906 // UK NA. FO 371/129 № 41275. P. 1.

⁸⁸ Neilson K. Op.cit. P. 534.

к своей стране и самым искренним желанием провести её безопасно через волнения и трудности, которыми она была окружена»⁸⁹.

31 августа 1907 г. переговоры, которые продолжались с некоторыми перерывами 15 месяцев, с июня 1906 г. по август 1907 г., завершились подписанием англо-русского соглашения. В этом была большая заслуга А. Николсона, который вёл их искусно и осторожно, завоевав полное доверие министра иностранных дел А. П. Извольского, которого он характеризовал как «очень либерального в своих взглядах» министра, искренне желающего взаимопонимания с Великобританией⁹⁰. Их успешному завершению способствовало также то, что британская сторона выразила готовность пойти навстречу России в отношении черноморских проливов и Ближнего Востока⁹¹. После подписания соглашения в письме к Э. Грью А. Николсон писал, что его последовательное выполнение существенно улучшит англо-русские отношения, отметив честность ведения переговоров со стороны русской дипломатии⁹². А. Николсон не сомневался в том, что Россия будет верна обязательствам, взятым на себя по соглашению⁹³. По мнению многих британских политиков в результате работы над подписанием соглашения А. Николсон занял место в первых рядах британских дипломатов. Сам А. Николсон писал своей жене сразу после подписания соглашения: «Я сыграл значительную роль в оформлении этого соглашения. Я надеюсь, что оно принесёт действительную пользу стране. Это большая ответственность играть даже небольшую роль в урегулировании столь важных вопросов»⁹⁴.

⁸⁹ Nicolson H. Op.cit. P. 225.

⁹⁰ A. Nicolson to Edward Grey. 2 января 1907 // UK NA. FO 371/318. № 573 P. 10–11.

⁹¹ Nicolson H. Op.cit. P. 250.

⁹² Nicolson H. Op.cit. P. 255.

⁹³ Nicolson H. Op.cit. P. 251.

⁹⁴ Nicolson H. Op.cit. P. 256.

Таким образом, А. Николсон смог достаточно быстро разобраться в сложной политической обстановке в России в период революции. В начале его пребывания в стране он пытался оценивать события в России, исходя из британского опыта. Так он полагал, например, что в русском парламенте политические партии смогут работать вместе с правительством над реформированием страны. Однако ожесточённая партийная борьба, нежелание левых и либеральных партий идти на компромиссы с властью в Думе привели его к мысли о том, что преодоление революции в России следует связывать скорее с деятельностью правительства, нежели политических партий и парламента. Британский посол, имевший либеральные взгляды, весьма высоко оценил политику П.А. Столыпина периода 1906–1907 гг. и смог наладить с ним конструктивные отношения, что, в конечном итоге, способствовало заключению англо-русского соглашения 1907 г.

Глава 17

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ И КИНЕМАТОГРАФ США 1941 — 1943 гг.

С.О. Буранок

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22–28–00099, <https://rscf.ru/project/22-28-00099/>. Война на экране: Голливуд и мифологизация Второй мировой войны в 1941–1945 гг.

Изучение американского кинематографа имеет давние традиции, особенно в темах, касающихся международных отношений. Анализ фильмов позволяет не только более точно понять общественные настроения, но и ключевые детали образов «Другого», которые, в силу своей эмоциональной окрашенности, не всегда могут быть представлены в текстуальных СМИ, фоторепортажах и радиопередачах. Кроме того, при анализе американских фильмов военного времени можно определить их место и роль в информационной политике США; уточнить какие мифы и стереотипы актуализировались режиссерами и сценаристами, а какие — создавались заново; сравнить образ войны, формируемый текстами, с образом войны, формируемым фильмами.

Фильмы о причинах вступления США во Вторую мировую войну имеют несколько особенностей: 1) оперативность появления кинолент. Режиссёры, как и всё общество мгновенно осознали не просто сенсационность события, но и его глобальное, историческое значение. Поэтому, первые материалы появились очень рано — уже конце 1941 — начале 1942 года. 2) большое разнообразие, созданных одновременно или за короткий отрезок времени (1941–1942 гг.) фильмов, позволяет провести анализ эволюции оценок причин войны в контексте международной ситуации. 3) пересечение в одних

работах режиссеров и «ментальной географии», и «воображаемого общества», и образов «Свой\Чужой».

Тема международной ситуации на Дальнем Востоке поднималась в шпионских фильмах («Пересекая Тихий океан», «Чёрные драконы», «Дама из Чунцина», «Тихоокеанское рандеву», «Жестокий Шанхай»), а так же в боевых фильмах («Летающие тигры», «К бою готов», «Остров Уэйк», «Сражение за Мидуэй», «7 декабря», «Чемпионы армии»).

В этих фильмах отражена оценка японо-американских переговоров 1941 (и отношений между США, СССР, Японией в целом), данная президентом Ф.Д. Рузвельтом: все дипломатические действия Японии перед войной это «лживые заверения о мире», с целью усыпления бдительности американцев. Следовательно, кинематограф США 1941–1942 гг. активно визуализировал и мифологизировал эту версию. Вместе с тем, в кинолентах обозначенного периода присутствует демонстрация ещё одной стороны дипломатической подготовки войны: американо-китайских отношения.

Так, в кинолентах «Жестокий Шанхай» и «Дама из Чунцина» демонстрируется процесс падения «старого мира» в Китае и кризис вашингтонских договоров. С точки зрения объяснения причин происходящего фильм проводит популярную с начала 1930-х гг. идею, что Китай сам виноват в подобном состоянии хаоса, войн, нестабильности и конфликтов¹. Используя терминологию одного из ключевых методологов исторической имагологии Э. Саида, можно утверждать, что создатели фильма оказались проводниками идеологии ориентализма, когда восприятие Востока в общественно-политическом дискурсе США характеризуется такими маркерами как «отсталость», «дикость», «варварство», «конфликты», а дополняется это активным продвижением через СМИ идей о неспособность Китая или Маньчжурии к самостоятельному

¹ Youngstown Vindicator. 1931. September 19. P. 1.

управлению, к независимой политике и следованию нормам международного права².

Визуальный образ как Китая, так и Японии строился в фильмах на основе тех же принципов, что и в карикатурах того времени. Особенно показательная работа известного художника Джея Дарлинга от 7 декабря 1941 г.. На рисунке изображен курятник, в центре которого сидит лиса (с подписью «Япония» и для большей убедительности в круглых очках как у императора Хирохито). Япония-лис держит лапой за горло истошно орущего гуся «Китай» и косится (злорадно ухмыляясь) на удивлённого Дядю Сэма, который застыл у входа в курятник с фонарём и ружьём. И самое важное: рядом я Японией лежат курицы и утки с перегрызенным горлом «Индокитай», «Маньчжоу-го» и безымянный убитый цыплёнок. А на насестах в страхе прячутся курицы «Борнео», «Голландская Индия», «Австралия», «Филиппины», «Сиам»³. Именно такой образ международных отношений создают фильмы «Тихоокеанское рандеву» и «Дама из Чунцина», где США воспринимаются единственной страной, способной остановить японскую агрессию.

Подпись под рисунком: «И кто теперь поверит Японии?». В изображении тесно переплетены образы как «воображаемой географии», так и «воображаемого сообщества». Центральной фигурой является, безусловно, лиса, которая единственная кто действует на картине — душил Китай. Все остальные персонажи просто наблюдатели разной степени заинтересованности. Такой замысел мог появиться у Дарлинга из-за информационной ситуации периода 1937–1941 гг., когда новости в прессе с Тихого океана постоянно сообщали о новых захватах Империи восходящего солнца. Идентичным образом визуализировали этот процесс и режиссёры, особенно, периода 1941–1942 гг.

² Said E.W. Orientalism. New York, 1978. P. 31 – 33.

³ Editorial Cartoons of J.N. “Ding” Darling // University of Iowa. Libraries. Special Collections Dept. MSC0170. Id. 411207I.

Образ Японии-лисы предопределил и форму остальных персонажей — напуганные, неспособные к сопротивлению курицы. И что важно — все азиатские государства, народы и территории изображены автором одинаково — лишённые человеческого облика. Даже лиса более антропоморфна, чем птицы-жертвы. Противопоставление образов строится на типичной и традиционной для изображения Японии паре «хищник\жертва». Единственная человеческая фигура — Дядя Сэм. Это достаточно точно соответствует довоенным представлениям американцев об Азии и своей роли в тихоокеанской политике⁴.

Выбор персонажей обусловил место действия: конфликт лисы и куриц происходит в курятине — это одно из наиболее оригинальных изображений Тихого океана в американском обществе. Но благодаря этому акцентируется/я для читателей США важная мысль — хозяин этого «курятника» Дядя Сэм, что в сумме с его человеческим обликом визуализирует популярные идеи о полном превосходстве американцев на Тихом океане. К такому выводу подталкивает читателей и еще одна деталь карикатуры: из всей компании персонажей Дарлинга, только Дядя Сэм вооружен реальным оружием. Скорее всего, на автора оказали воздействия публикации 1940–1941 гг., в которых сравнивалась военная мощь Японии и США, в пользу последней⁵. Но художник сумел отразить и другую тенденцию предвоенных настроений — ружье на рисунке не взведено и, хотя нацелено на Японию, — выстрела не будет. Так Дарлинг показывает неготовность США к войне, что часто обсуждалось среди военных, в Конгрессе и в газетах. Образы использованные Дарлингом получают развитие как в его дальнейших

⁴ National Archives and Records Administration. Record Group 65.2 General Records of the FBI. FBI Report on Japanese Organizations.

⁵ Denlinger, S., Gary Ch.B. War in the Pacific: A Study of Navies, Peoples, and Other Battle Problems. New York, 1936; Bywater H. The Great Pacific War: A History of the American-Japanese Campaign of 1931 — 1933. London, 1925; Bywater H. Sea Power in the Pacific. New York, 1921; Pitkin W. Must we fight Japan? New York, 1921.

работах, так и похожие тенденции обнаружатся у других художников.

Ещё одна характерная деталь рисунка — это концентрация внимания на государстве Маньчжоу-го, на которое Япония не нападала — данное государство появилось в результате агрессии Японии против Маньчжурии — северной части Китая. Но для информационного дискурса США стало традицией в период 1931 — 1941 гг. подчёркивать, что Маньчжурия не является частью Китая, а, следовательно, Япония не нарушает Вашингтонские соглашения. Эта тенденция сохраниться и после объявления войны — президент Рузвельт в «беседе у камина» от 9 декабря 1941 г. ни разу не назовёт Китай, зато будет указывать на пример Маньчжоу-го.

И карикатуры, и фильмы затрагивали проблему предвоенных переговоров. Дарлинг очень наглядно демонстрирует — к чему привела пассивность «Дяди Сэма». Похожим образом в фильме «Остро Уэйк» (1942 г. компании «Paramount Pictures» — один из первых боевых фильмов США, снятых о войне на Тихом океане) отражены последние дипломатические усилия по сохранению мира на Тихом океане. Сам термин «мир» используется в фильме для характеристики международных отношений: на 25-ой минуте показан обед в честь японского посла в США, который «привез послание мира от императора». Слово «мир» дипломат произносит за короткую речь 4 раза и всегда с улыбкой. Здесь визуализирована версия президента Ф.Д. Рузвельта о японо-американских отношениях: важным общим моментом оценок граждан была уверенность в «подлости» японского нападения. Основным аргументом в пользу этой версии американцы приводили тот факт, что Япония атаковала Пёрл-Харбор без объявления войны⁶. Здесь мнение граждан полностью совпало как

⁶ Library of Congress. American Folklife Center. After the Day of Infamy: «Man-on-the-Street» Interviews Following the Attack on Pearl Harbor. LWO 4872, Reel 406, Side B, AFS 6358.

с официальными заявлениями, так и с точкой зрения прессы. Президент Рузвельт в своём обращении к Конгрессу от 8 декабря 1941 г. не менее 7 раз акцентировал на этом внимание слушателей, употребляя следующие выражения: «неспровоцированная и подлая атака», «неожиданное, вероломное нападение», «внезапное и спланированное вторжение» и т.д.⁷. Пресса 7–8 декабря постоянно подчёркивала факт «подлой, предательской атаки». Большинство заголовков говорили о войне и «о внезапном и беспричинном нападении японцев». Это даже не обсуждалось. Это воспринималось как истина: «Японцы сначала бомбят, а потом объявляют США и Британии войну», — писала «Chicago Daily Tribune»⁸. То же повторяли «Los Angeles Times» и «New York Times»: «Атаки предшествовали декларации об объявлении войны»; «Гавайи подверглись нападению без формального объявления войны»⁹.

Американские художники сразу отразили этот момент «японского коварства» и «восточной подлости» в целой серии карикатур (периода декабря 1941 года), где японцы (причем, не зависимо в каком образе они представлены на рисунке — зооморфном или антропоморфном) — всегда улыбаются¹⁰. В фильме «Остров Уэйк» подчеркивается именно этот образ японца — первых военных дней, когда американское общество было наиболее сильно возмущено нападением на США без объявления войны. Режиссёр делает акцент на хитрости (что перекликается опять с образами карикатур 1941 г.), коварстве и двуличие противника, что является еще одной моделью объяснения поражений в первый период войны.

⁷ Addresses and Messages of Franklin D. Roosevelt. Washington, 1942. P. 125 – 126.

⁸ Chicago Daily Tribune. 1941. 8 December. P. 1.

⁹ Los Angeles Times. 1941. 8 December. P. 7; New York Times. 1941. 8 December. P. 1.

¹⁰ Dr. Seuss Political Cartoons. Special Collection & Archives, UC San Diego Library // <http://library.ucsd.edu/speccoll/dswenttowar/index.html#ark:bb85674460>; Pittsburgh Post-Gazette. 1941. December 26. P. 6; Chicago Tribune. 1941. December 12. P. 1; Florence Times. 1941. December 18. P. 4.

Необходимо отметить, что традиционный для американских карикатур образ «Дяди Сэма» используется и в некоторых фильмах. Любопытно его появление в кинокартине «7 декабря» (1943, режиссёр Джон Форд). «Дядю Сэма» играет Уолтер Хьюстон, уже зарекомендовавший себя в исторических и пропагандистских фильмах¹¹. Образ, выбранный для первого актёра, один из самых узнаваемых и популярных в США с середины XIX в. Но Форд помещает в фильме данный образ в совершенно не свойственный тому контекст. Традиционно «Дядя Сэм» призывает американских граждан к борьбе, к преодолению трудностей, к помощи правительства или олицетворяет внешнеполитические победы США. В фильме Форда и Толанда (второй режиссёр) «Дядя Сэм» спит. Причём на столе рядом лежит номер «Honolulu Star». С крупными заголовками: «Приближается война!», «Скоро кризис».

Помещенная в кадре газета не только является текстуальным подтверждением для зрителей угрозы войны, но и показывает происхождение образа спящего «Дяди Сэма» — впервые во Второй Мировой войне он появился на карикатурах декабря 1941¹².

Таким оригинальным, но простым приёмом режиссёр поднимает в фильме вопрос о готовности к нападению. И в свой ответ закладывает целую концепцию: спящим изображён не солдат или матрос, а образ, символизирующий государство — это очень прозрачный намёк на то, что удар по Пёрл-Харбор «проспало» в первую очередь правительство США, а не военные. Появление такой трактовки одного из самых обсуждаемых в США проблем, связанных с Пёрл-Харбор объясняется, скорее всего, не только военными заказами фильма, но и временем, проведённым Фордом среди

¹¹ Weld J. September Song: An Intimate Biography of Walter Huston. New York, 1998. P. 103.

¹² Youngstown Vindicator. 1941. December 28. P. 14; Pittsburgh Post-Gazette. 1941. December 29. P. 6.

офицеров флота — более года с декабря 1941 до лета 1943. За этот период у режиссёра было много возможностей узнать мнения военных об ответственности за Пёрл-Хабор и кадры фильма свидетельствуют, что Форд в большей степени принял и поддержал их точку зрения, а не правительственную, выраженную в отчёте комиссии судьи О. Робертса.

В основной части отчёта данной комиссии («Установленные факты») сообщается: «До нападения США и Японии находились в мире»; «Атака планировалась и готовилась в течение нескольких недель до разрыва дипломатических отношений»¹³. Это прямые заимствования из выступления президента перед Конгрессом. Далее эта практика продолжилась. Так, в «установленном факте № 3» изложение внешнеполитического курса взято из «Беседы у камина» от 9 декабря: «Если бы не политика, проводимая США, война на Тихом океане была бы неизбежна»¹⁴. Но больше всего комиссию интересовал вопрос «кто виноват?» Ответ на него был дан в единственно нужном для Рузвельта ключе: «Японское нападение стало полной неожиданностью для командующих на Гавайях, они не смогли принять должных мер по отражению подобной атаки. Каждый из них не смог понять всей серьёзности обстановки. Эти ошибки способствовали успеху нападения», — констатирует заключение № 18¹⁵. А ранее сообщалось, что Госдепартамент, военно-морское министерство, а также начальник штаба армии и начальник штаба военно-морских сил полностью информировали Киммеля и Шорта о ходе японо-американских переговоров, о возможных атаках, о напряжённой внешнеполитической обстановке, т.е. предоставляли все необходимые данные и предупреждения. Обо всём этом

¹³ Report of Roberts Commission // Pearl Harbor Attack. Pt., 39. Washington, 1946. P. 3.

¹⁴ Ibid. P. 3.

¹⁵ Report of Roberts Commission // Pearl Harbor Attack. Pt., 39. Washington, 1946. P. 21.

комиссия повествует в заключениях № 2–7¹⁶. Следовательно, виноваты, по заключению комиссии, кроме агрессора, только командующие на местах – адмирал Киммель и генерал Шорт.

Из этого становится ясно, что Форд уже в первых кадрах фильма идёт на некоторый пересмотр устоявшейся к 1943 г. версии о виновных в поражении, показывая зрителю — «проспали» не командующие на местах, «проспала» вся Америка, невзирая на многочисленные предупреждения и международную ситуацию (на что прямо обращает внимание в фильме газета, лежащая на столе).

Важно, что в следующих кадрах фильма «7 декабря» режиссёр продолжает развивать данную мысль: на экране демонстрируются солдаты, морские пехотинцы, военные приготовления на Гавайях, а голос диктора сообщает, что в предупреждении от 27 ноября главная угроза виделась в диверсиях и саботаже, но не было слов о возможности нападения на остров¹⁷. Форд, используя кинохронику в следующих эпизодах фильма объясняет этим высокие потери в самолетах при атаке 7 декабря. Тогда же появляется один из первых визуальных образов японца в фильме — простой рабочий, но внимательно следящий за перемещениями американских кораблей в гавани Пёрл-Харбор.

Подобный образ — это отражение общественных настроений и процессов в США, когда после Пёрл-Харбора начался процесс интернирования японцев (и американцев японского происхождения) в США в соответствии с приказом президента 9066¹⁸. Одним из оснований реализации подобного приказа были опасения в возможном проведении актов саботажа и ведении японцами в США шпионской деятельности. Тема «японского вредительства» возникала и на

¹⁶ Ibid. P. 21

¹⁷ Prange G.W. At dawn we slept: the untold story of Pearl Harbor. NY., 1982. P. 401.

¹⁸ Leupp G. Interracial Intimacy in Japan: Western Men and Japanese Women. New York, 2003. P. 215 — 217; Burton J. Confinement and Ethnicity: An Overview of World War II Japanese American Relocation Sites. Seattle, 2002. P. 5 — 11.

кариатурах 1941 — 1943 гг. — в частности, у знаменитого художника Доктора Сьюза¹⁹. В фильме «7 декабря» Форд использует все эти настроения к японцам, чтобы показать одну из причин военной катастрофы — виноват не только «проспавший войну Дядя Сэм», но и японская шпионская сеть на Гавайях.

Завершает первую часть фильма два эпизода из последних мгновений мирной жизни в Пёрл-Харбор: Форд показывает Гавайи «ранним воскресным утром» — тихим и спокойным, где жители занимаются повседневными делами. Характерная особенность визуализации Гавайев — острова показаны как фронт в классических вестернах, мастером которых был Форд: первозданная природа, практически полное отсутствие привычных гражданских построек, но большое количество фортификационных сооружений, казарм и палаток. Подобную схему визуализации места действия фильма (в качестве фронта) можно наблюдать и «Сражении за Мидуэй», и в «Острове Уэйк». В сумме с классической американской музыкой середины XIX в. это помогало восприятию указанных фильмов американскими зрителями, помещая совершенно новые реалии мировой войны в привычный (в социокультурном плане) для них аудио-визуальный контекст Дикого Запада.

Люди в фильме Форда «7 декабря» изображены также в типичных для вестерна образах: это, прежде всего, военные: в первых кадрах, кроме обычной служебной деятельности, военнслужащие слушают проповедь, а дежурный радарной установки (сам экран радара закрыт большим черным квадратом с надписью «цензура») звонит в штаб с сообщением о большом количестве самолётов, приближающихся к Пёрл-Харбор. Здесь историческая действительность снова переплетается у режиссёра с определёнными официальными реакциями на нападение: «стремление

¹⁹ Dr. Seuss Political Cartoons. Special Collection & Archives, UC San Diego Library // <http://library.ucsd.edu/speccoll/dswenttowar/index.html#ark:bb85674460>

американцев к миру» как одну из причин поражения назвал еще президент Ф.Д. Рузвельт в выступлениях от 8 и 9 декабря 1941 — и именно из-за этого президент назвал нападение «Днём позора»²⁰. В первых военных карикатурах США образ «надежды на мир» обыгрывался художниками Джейм Дарлингом, Киром Хангерфордом — показывая в своих работах «двуличность японцев», которые «прикрывали подготовку к войне мирными переговорами»²¹. Форд в фильме подходит к категории «мир» не с дипломатической стороны, а бытовой, напоминая зрителям (всего лишь с помощью нескольких маркеров) основные моменты прошлой мирной жизни.

Можно заключить, что тема международных отношений на Дальнем Востоке достаточно активно эксплуатировалась в американских фильмах 1941–1943 гг. и визуализация данных отношений имеет следующие особенности:

Во-первых, в фильмах присутствует целый комплекс конкретных структурно-содержательных элементов, формирующих кинообразы войны в США и влияющие на корректировку американской Я-концепции в XX–XXI вв.: образ «героического поражения», восприятия Тихого океана как нового фронта, демонизация образа японцев, разделение мира на «довоенный» и «военный» с границей между ними в виде Перл-Харбор, изображение войны как работы, актуализация исторического прошлого для подъёма патриотических чувств граждан, создание мифологизированных представлений о союзниках (Великобритания, СССР, Китай) Как правило, исследователи концентрируются на обрз врага и концепции «хорошей войны».

Во-вторых, большую роль в фильмах 1941–1943 гг. играют исторические метафоры и образы. Причём, как

²⁰ Addresses and Messages of Franklin D. Roosevelt. Washington, 1942. P. 125; The Franklin Delano Roosevelt Library. Recorded Speeches and Utterances of Franklin D. Roosevelt, 1920–1945. Reel 71–10:4.

²¹ Youngstown Vindicator. 1941. December 28. P. 14; Pittsburgh Post-Gazette. 1941. December 29. P. 6.

правило, те же самые, что наблюдаются в американских карикатурах предвоенного периода. Следовательно, карикатуры служили базой и источником вдохновения для многих визуальных образов в фильмах, особенно связанных с противником.

В-третьих, формирование образа международных отношений на Дальнем Востоке в американских фильмах несёт важные элементы ориенталистского подхода: Китай и Япония — это и «воображаемые сообщества», и «воображаемая география». «Иной» азиатский мир противопоставляется американскому миру и в контексте военного времени это противостояние приобретает в фильмах манихейские черты.

Глава 18

ПОВЕРЕННЫЙ В ДЕЛАХ СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА ВЕЛИКОБРИТАНИИ И СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ ФРЭНК РОБЕРТС О СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ (1945–1947 гг.)¹

Д.И. Портнягин

Большинство историков, занимающихся изучением холодной войны, главное внимание уделяют противостоянию СССР и США, что вполне объяснимо и справедливо. Однако совершенно не верно недооценивать роль Великобритании в процессе превращения главных союзников по антигитлеровской коалиции в непримиримых антагонистов. Как отмечается в «Кембриджской истории холодной войны», в 1945 г. «Британия была активной мировой державой», в которой «поиски возможностей сохранить образ и реальность великодержавности посредством лидерства, влияния и «стремления прыгнуть выше своего роста» были частью менталитета британских планировщиков, военных и политиков»². Одним из важнейших аспектов решения проблемы сохранения привилегированного статуса Великобритании было определение позиции страны в отношении политики СССР.

В этой связи существенное значение приобретает рассмотрение взглядов тех самых «планировщиков» и кадровых дипломатов, под влиянием которых в немалой степени формировались представления британских политиков, определявших внешнеполитический курс страны в первые послевоенные годы. Не вдаваясь в подробности давно идущей

¹ Впервые статья была опубликована автором в журнале «Клио» 2015, №3, с.234–240.

² Deighton A. Britain and the Cold War, 1945–1955. In: M.P. Leffler, O.A. Westad (Eds.), The Cambridge history of the Cold War. Volume 1. Origins. Cambridge: Cambridge University Press, 2011, pp.112–114.

дискуссии о том, насколько самостоятельна была политика министра иностранных дел в лейбористском кабинете Эрнста Бевина, согласимся с утверждением, что «полагать будто бы вся политика министра иностранных дел была делом рук самого Бевина также наивно, как и утверждать, что он являлся заложником своих чиновников»³. Фактом является то, что о Э. Бевине лестно отзывались как представители консервативной оппозиции, так и кадровые дипломаты, что в контексте нашей темы более важно. Предшественник Э. Бевина на посту министра иностранных дел консерватор Э. Иден вспоминал, что в период совместной работы в коалиционном правительстве в годы Второй мировой войны он «был ближе к нему, чем к любому другому члену его партии, и дружба между нами продолжалась до его смерти. Период 1945–1950 гг. в британской внешней политике определялся его личностью и это была большая удача для нашей страны и для Европы»⁴.

В качестве примера оценки личных и деловых качеств Э. Бевина представителями дипломатической службы приведем высказывания Айвона Киркпатрика, который в конце 1940-х-начале 1950-х гг. занимал старшие административные посты в Форин офис, включая должность постоянного заместителя министра иностранных дел. Отмечая особенности ведения дел Э. Бевином А. Киркпатрик замечал, что «во всех отношениях он был великим человеком, который сам занимался только важнейшими вопросами», не мешая работать влезая во все детали. «Говорили, что Бевин полностью попал в руки чиновников Форин офис. Это совершенная неправда. ... он никогда не позволял заставить себя сделать что-либо против своей воли»⁵. Очевидно, что основная причина того, что министр иностранных дел столь хорошо уживался

³ Adamthwaite A. Britain and the World, 1945–1949: the View from the Foreign Office. In: J. Becker, F. Knipping (Eds.), Power in Europe? Great Britain, France, Italy, and Germany in a Postwar World, 1945–1950. Berlin: Walter de Gruyter, 1986, p.10.

⁴ Eden A. Full Circle. The memoirs of Sir Anthony Eden. L.: Cassel, 1960, pp.4–5.

⁵ Kirkpatrick I. The Inner Circle. The Memoirs of Ivone Kirkpatrick. L.: Macmillan & Co Ltd., 1959, pp. 202–204.

с постоянными служащими Форин офис коренилась в принципиальной схожести взглядов по ключевым вопросам международных отношений.

Учитывая важность советского направления для политики Великобритании как по соображениям послевоенного мирного урегулирования, так и по внутривластным причинам из-за возросшей популярности СССР среди значительной части британского общества, представляется интересным рассмотреть доминирующие в британских дипломатических кругах взгляды на СССР и его цели на международной арене, а также в какой степени эти воззрения влияли на политическое руководство страны. У многих членов лейбористского правительства, прежде всего премьер-министра Клементы Эттли и Э. Бевина, негативное отношение к СССР сформировалось еще в межвоенный период. Как отмечал самый известный биограф министра иностранных дел Алан Буллок «ещё до войны Бевин, как и большинство лидеров лейбористской партии пришли к выводу относительно режима, установленного Сталиным — это диктатура левых, которая также враждебна свободе, как и любая диктатура правых... Бевин считал, что это (сталинизм-Д.П.) отрицание всего, за что стоит лейбористская партия и извращение социализма»⁶. Отношение Э. Бевина к СССР после Второй мировой войны стремительно менялось от недолгих надежд на сохранение взаимодействия в рамках Большой тройки периода антигитлеровской коалиции к безусловной поддержке США в начавшейся холодной войне. Для ответа на вопрос в какой степени эта эволюция объяснялась влиянием на Э. Бевина кадровых дипломатов, обратимся к рассмотрению донесений в Лондон Фрэнка Робертса, который в 1945–1947 гг. занимал должности посланника и поверенного в делах Великобритании в СССР.

⁶ Bullock A. Ernest Bevin, foreign secretary, 1945–1951. Oxford: Oxford University Press, 1985, pp.105–106.

*Фрэнк Робертс —
поверенный в делах Соединенного королевства Великобритании
и Северной Ирландии в СССР 1945–1947 гг.*

Получив новое назначение в конце 1944 г., Ф. Робертс до своего прибытия в Москву принял участие в составе британской делегации в Ялтинской конференции. После более чем двухлетнего пребывания в посольстве в Москве, Ф. Робертс вернулся в Лондон, где получил должность главного личного секретаря министра иностранных дел. Однако в СССР он возвращался еще не раз. В 1948 г. в качестве личного представителя Э. Бевина он участвовал в переговорах в Москве с И. Сталиным и В. Молотовым в связи с Берлинским кризисом, а в 1960–1962 гг. он был послом Великобритании в СССР. Следует заметить, что на первый период его работы в Москве пришлась смена послов. В начале 1946 г. вместо Арчибальда Кларка Керра послом был назначен Морис Петерсон. Эта своего рода «пересменка» привел к тому, что, будучи формально вторым человеком в британском посольстве, Ф. Робертс длительное время фактически его возглавлял. Джон Сэвл приводит высказывание о Ф. Робертсе «красного профессора» Гарольда Ласки, британского политолога и экономиста, а также политического деятеля, который в 1945–1946 гг. был председателем лейбористской партии. Летом 1946 г. Г. Ласки в составе делегации лейбористской партии посетил с двухнедельным визитом СССР и в письме жене охарактеризовал британского посланника как «очень яркого молодого человека. Разительно отличающемся от Мориса Петерсона»⁷. Как отмечалось в некрологе по поводу смерти Ф. Робертса в 1998 г., он «обладал выдающимся интеллектом и был мастером аналитических обобщающих материалов»⁸.

⁷ Saville J. The Politics of Continuity. British foreign policy and the Labour Government 1945–46. L.: Verso, 1993, p.47.

⁸ Ireland G. Obituary: Sir Frank Roberts // Independent, 09 January 1998. Available at: <https://www.independent.co.uk/news/obituaries/obituary-sir-frank-roberts-1137570.html> (Accessed 03 April 2022).

Ф. Робертс оставил мемуары, в которых есть раздел, посвященный его пребыванию в Москве в 1945–1947 гг.⁹, а также обширное интервью, посвященное И. Сталину. Вспоминая о первой личной встрече с советским руководителем, которая состоялась во время банкета в Кремле, данного в честь госсекретаря США Джеймса Бирнса и Э. Бевина, Ф. Робертс описывает трагикомичную ситуацию, возникшую после того, как его представили И. Сталину. Обратив внимание на Ф. Робертса И. Сталин сказал: «Я знаю вас, вы наш враг». Не оценив шутки, Ф. Робертс стал размышлять о том, не отправиться ли ему следующим самолетом в Англию и выпустят ли его вообще из Кремля¹⁰. Несмотря на забавность ситуации, она хорошо иллюстрирует настроения британских дипломатов даже такого высокого ранга.

Первое обстоятельное донесение Ф. Робертса в Форин офис, характеризующее его отношение к СССР приходится на апрель 1945 г., когда в Европе еще продолжались военные действия. В телеграмме Кристоферу Уорнеру, который в 1941–1946 гг. возглавлял Северный департамент министерства иностранных дел, к компетенции которого относился Советский Союз, Ф. Робертс выражал свое разочарование политикой СССР после Ялтинской конференции и уровнем британо-советских отношений. При анализе действий СССР на международной арене, по мнению Ф. Робертса, надо отталкиваться от трех исходных обстоятельств. Во-первых, «кремлевская политика контролируется жесткими, хитрыми и незаслуживающими доверия личностями, составляющими Политбюро». Во-вторых, «весь Советский Союз воспитывался на примерах прошлой национальной славы, связанной с удачливыми представителями силовой политики и «старой дипломатии», такими как Петр Великий, Екатерина Вторая и даже Иван Ужасный (the Terrible -Д.П.). В-третьих,

⁹ Roberts F. Dealing with Dictators. The Destruction and Revival of Europe 1930–70. L.: Weidenfeld & Nicolson, 1991.

¹⁰ Roberts F., Urban G. A Diplomat Remembers Stalin. The World Today, 1990, 46 (12), pp.225–226.

«советское государство все еще управляется ортодоксальными марксистами и есть фундаментальные различия между советской политической философией и тоталитарной практикой, и образом жизни внешнего мира». Из этого автор делает вывод, что «было бы опрометчиво основывать нашу политику на надежде, что в обозримом будущем Советский Союз остепенится до уровня страны, с которой наши отношения могут быть нормальными и простыми»¹¹. Однако впадать в уныние, по мнению Ф. Робертса, также не следует. Соглашаясь с высказыванием И. Майского, в то время заместителя наркома иностранных дел СССР, о том, что между двумя странами нет существенного конфликта интересов, британский дипломат полагал, что избежать прямого столкновения вполне реально, но для этого необходимо показать СССР что «Запад под нашим руководством и с обширными экономическими ресурсами англо-саксонского мира оста-

¹¹ UK National Archives (Kew) (далее — UK NA). FO 371/47882. N 4919/G. Roberts to C.F.A. Warner. 25 April 1945, p.2.

ется сильным и достаточно здоровым для противостояния советскому давлению... Если мы сделаем это, есть хорошие основания надеяться, что русские, не отказываясь от своих марксистских теорий и долгосрочных амбиций, решат, что их ближайшим интересам соответствует сохранение их нынешних отношений с нами и американцами, одновременно концентрируясь на восстановлении собственной экономики и укреплении своей новой зоны влияния в странах недавно освобожденных или захваченных Красной армией»¹². Интересное высказывание завершает донесение Ф. Робертса: «Возможно, еще не пришло время поставить наше общественное мнение относительно России на более трезвый лад (время для этого придёт, когда Запад не будет более столь очевидно нуждаться в советской дружбе и военной поддержке в Европе), но уже давно пора прекратить лезть в адрес Советского Союза, которая продолжается последние три года»¹³. Несколько контрастирует с телеграммой Ф. Робертса сообщение посла А. Кларк Керра от 6 сентября 1945 г., которое автор заканчивал благодушной фразой: «В Европе он (СССР — Д.П.) получил безопасность за которую боролся, а после Потсдама вновь убедился в доброй воле и сотрудничестве своих главных союзников в управлении Германией. Он полон славы, а его материальные выгоды никоим образом не могут считаться скудными. Поэтому он вполне может позволить себе расслабиться и подогреть немного кислое вино, которым он потчует своих союзников»¹⁴.

Однако даже видимое спокойствие в отношениях между бывшими союзниками продолжалось недолго. После провала первого заседания СМВД в Лондоне в сентябре 1945 г., последовало резкое ухудшение британо-советских отношений, о чем подробно писал Ф. Робертс в донесении от 31 октября 1945 г. Автор отмечал обострение некоторых внутренних

¹² Ibid., p.3.

¹³ Ibid., p.4.

¹⁴ UK NA. FO 371/47883. N 12165/165/38. A. Clark Kerr to Bevin. 6 September 1945, p.3.

проблем в СССР, в частности связанных с проблемой демобилизации. Тем не менее, «общее впечатление, что, несмотря на множество временных сложностей, советское правительство эффективно справляется с проблемами реконструкции и подходит к ним со свойственной предусмотрительностью и энергией»¹⁵. Главное разочарование советские руководители испытывали на внешнеполитических фронтах. Среди действий, вызвавших наибольшее неудовольствие СССР, Ф. Робертс называл: попытки распространения англо-саксонского влияния в зону, которую советские руководители рассматривали как свою сферу влияния (Румыния, Болгария, Югославия, Австрия, Венгрия), подозрения относительно попыток создания Западного блока. Однако самым серьезным ударом для советского руководства стал провал СМВД в Лондоне. Наибольший интерес представляет резюмирующая часть. «Было бы ошибкой видеть только зловещие мотивы советской политики. Мало сомнений в том, что советские подозрения относительно наших и американских мотивов достаточно искренни. Вероятно, они интерпретируют многие наши действия после Берлинской конференции в худшем свете и их естественный процесс мышления как русских националистов и ортодоксальных марксистов ведет их к приписыванию плохих мотивов своим союзникам и к готовности верить, что капиталистический мир сейчас объединяется чтобы помешать Советскому Союзу получить заслуженную награду за свои победы». «Рассматривая советские намерения и будущее англо-советского альянса, я полагаю, что как бы шумно не вели себя русские и как бы опасны для наших интересов не были многие очевидные их цели, во всех случаях эти цели под контролем Сталина, вероятно, останутся ограниченными. Нет причин сомневаться, что Сталин был искренен, когда недавно заявил, что Советскому Союзу необходимо 50 лет мира для восстановления от опустошений войны и для поднятия экономики до уровня Западного мира... Мы должны также помнить об

¹⁵ UK NA. FO 371/47883. N 15702/165/38. Roberts to Bevin. 31 October 1945, p.1.

убежденности Советов, основанной на русской национальной традиции и марксистском историческом учении и усиленном видением капиталистического мира из России, что Советский Союз в течении 50 или 100 лет неизбежно станет самой могущественной, самой богатой и самым лучшим образом устроенной страной в мире. Это долгосрочная убежденность ... делают маловероятным, что он начнет авантюристическую внешнюю политику в ближайшем будущем или обратится к изоляции. Его желание вернуться к процедуре Большой тройки ... достаточно искренне и, если мы найдем некоторые средства для удовлетворения этого желания без отказа от наших базовых принципов мы можем надеяться пережить нынешний кризис в отношениях с Советским Союзом»¹⁶.

Наиболее полно на этом этапе взгляды Ф. Робертса в отношении СССР, его политики и необходимых контрмер со стороны Запада представлены в трех телеграммах, отправленных в Лондон 14, 17 и 18 марта 1946 г. Предыстория этих документов была такова. 22 февраля 1946 г. Джордж Кеннан, который после отъезда Аверелла Гарримана в январе и до прибытия в марте того же года Уолтера Беделла Смита возглавлял посольство США в Москве, отправил свою известную «Длинную телеграмму» в Вашингтон. С согласия Дж. Кеннана Ф. Робертс оправил резюме этого документа в Лондон, после чего Форин офис высказал пожелание узнать взгляды самого британского поверенного в делах на перспективы британо-советских отношений. В развернутом виде они и были представлены в донесениях Ф. Робертса от середины марта 1946 г., которые в западной историографии иногда именуют «Другая» длинная телеграмма». То, что Дж. Кеннан и Ф. Робертс одновременно возглавляли соответствующие миссии в Москве и находились в дружеских отношениях, привело к спекуляциям на тему «сговора» между двумя дипломатами с целью «открыть глаза» своим ведомствам на СССР. Сам Ф. Робертс в предисловии к статье Шона Гринвуда высказал-

¹⁶ Ibid., p.5.

ся в том смысле, что его сообщения «попали на плодотворную почву» и «внесли свой вклад в более реалистичную оценку сталинского Советского Союза»¹⁷. Не вдаваясь в подробности того, кто на кого оказывал большее влияние, отметим, что сам Ш. Гринвуд приходит к выводу, что «сговора» как такового не было, а Ф. Робертс «был способен сделать собственные выводы и имел экспертов в британском посольстве, способных ему в этом помочь»¹⁸.

Анализ Ф. Робертса начинался с констатации того, что в отношениях между Западом и СССР наступила новая эпоха, в связи с чем вопрос о советской политике и ее конечных целях стоит так же остро, как и во времена провала иностранной интервенции в Россию. Главной причиной роста напряжения между бывшими союзниками, по мнению автора, являлось обладание США ядерным оружием. Это привело к тому, что «за каждым проявлением англо-американской солидарности ... правители Советского Союза видели угрозу англо-американского блока, владеющего этим решающим оружием и способного не только лишить Советский Союз плодов побед Красной Армии, но даже угрожающего безопасности, которую он с таким трудом завоевал». В этой ситуации советское руководство заняло жесткую позицию, предполагающую отказ от каких-либо уступок, что со всей очевидностью проявилось в ходе первой встречи СМВД в сентябре 1945 г. Произошло обострение уже существовавших противоречий по Греции, Ирану, Среднему Востоку, управлению Германией, причем главной мишенью нападков советской пропаганды становится Британия «как слабейшее звено того, что они рассматривали как англо-американская комбинация»¹⁹. Особенностью внешней политики СССР становится возврат к ортодоксальной марксистско-ленинской идеологии, что, как полагал Ф. Ро-

¹⁷ Greenwood S. Frank Roberts and the "Other" Long Telegram: The View from the British Embassy in Moscow, March 1946. *Journal of Contemporary History*, 1990, 25(1), p.103.

¹⁸ *Ibid.*, pp.119–120.

¹⁹ UK NA. FO 371/56763. N 4065/97/38. Roberts to Bevin. 14 March 1946, pp.1–2.

бертс продемонстрировали выступления советских лидеров в ходе избирательной кампании в Верховный Совет СССР. Особое значение британский дипломат уделял выступлению И. Сталина 9 февраля 1946 г., которое в западной историографии часто рассматривают как отправную точку в холодной войне²⁰, стремясь, тем самым, переложить ответственность за ее начало на СССР. В этом выступлении И. Сталин впервые после окончания Второй мировой войны повторил тезис о кризисе капиталистической системы как главной причине глобальных конфликтов и их неизбежности в будущем²¹.

Подробно Ф. Робертс остановился на анализе этой речи в октябре 1947 г. В телеграмме Э. Бевину он писал: «Сталинское предвыборное выступление 9 февраля 1946 г. означает четкую линию раздела между военным и послевоенным периодами ... Фундаментальные вещи содержатся в таких выступлениях как 9 февраля, а не в отдельных ремарках...». Под этим Ф. Робертс подразумевал, как он полагал, основной тезис сталинского предвыборного обращения о противоречиях внутри империалистического лагеря как главного фактора в международных отношениях и опасности капиталистической интервенции против Советского Союза. То, что И. Сталин высказывал это положение и в межвоенный период, например, на XIV и XV партийных съездах, по мнению Ф. Робертса, доказывало его основополагающий характер и свидетельствовало о том, что идеология доминирует во внешней политике СССР²².

Возвращаясь к телеграмме Ф. Робертса от 14 марта 1946 г., отметим, что, обрисовав весьма мрачными красками ситуацию в отношениях между Западом, в особенности Великобританией, и СССР, автор задался вопросом «что лежит за этими проявлениями оппозиции Британии, которая последние 4,5 года постоянно стремилась не только поддержать советские воен-

²⁰ Kocho-Williams A. *Russia's International Relations in the Twentieth Century*. N.Y.: Routledge, 2013, p.88.

²¹ Сталин И. В. *Сочинения*. М.: Писатель, 1997. Т.16. С.5–6.

²² UK NA. FO 371/66434. N11987/2673/38. Roberts to Bevin. *Soviet Post — War Policy. Analysis of Stalin's Statements*. 10 October 1947, pp.1–3.

ные усилия, часто за счет собственных, но также соглашалась с советскими территориальными и другими требованиями...». По мнению Ф. Робертса, причины коренились, во-первых, в том, что «правители России уже осознали, когда лейбористы вернулись к власти ..., что теперь есть прогрессивная сила в мире равной или возможно большей привлекательности, чем их собственная коммунистическая система», а во-вторых, в том «что советские успехи ударили в головы членов Политбюро, и они полагают, что все возможно, и они могут продвигать свои планы по всему миру, не боясь серьезной оппозиции». Резюмируя первую часть своего аналитического обзора, Ф. Робертс делает предположение, что возможно мир столкнулся с «угрозой современного эквивалента религиозных войн XVI века, в котором советский коммунизм будет бороться с западной социал-демократией и американской версией капитализма за доминирование в мире»²³.

Во второй телеграмме, датируемой 17 марта 1946 г., Ф. Робертс попытался проанализировать исторические корни советской внешней политики. Надо отметить, что высказанные здесь соображения не отличались особой оригинальностью. Британский дипломат полагал, и с этим вполне можно согласиться, что есть фундаментальный фактор, уходящий в прошлое ко временам маленького образования под названием «государство московитов», который оказывал постоянное влияние на русскую и советскую внешнюю политику. Это постоянная борьба за безопасность государства, не имеющего естественных границ и окруженного врагами. «Национальная безопасность лежит в основе советской политики, как и в основе политики имперской России». При этом, Ф. Робертс полагал, хотя и был по образованию арабистом, что Россия всегда была более отсталым государством по сравнению с ее соседями. «Даже сегодня Советский Союз, несмотря на свой престиж в мире, более отсталый не только по сравнению с Британией и США, но и по сравнению с большинством

²³ UK NA. FO 371/56763. N 4065/97/38. Roberts to Bevin. 14 March 1946, pp.4–5.

стран в Европе. С этим связано то, что есть у других наций в мире и точно отсутствует у Советского Союза — определенное чувство мирового сообщества». Остановившись на истории англо-русских отношений Ф. Робертс отмечает, что она полна противоречий, но в величайших кризисах страны оказывались в одном лагере. Весьма примечательно замечание автора о двусторонних взаимоотношениях в XIX в.: «Царистская система рассматривалась с тем же отвращением как нынешняя коммунистическая тирания, и Александра I, и Николая I боялись, как сегодня боятся Сталина»²⁴.

Определяя долгосрочные цели политики СССР Ф. Робертс выделял 6 задач, которые будет стремиться решить советское руководство. Во-первых, превратить СССР в самое сильное государство в мире, что предполагает сохранение очень больших вооруженных сил, а также постоянный процесс поиска безопасности, который на практике трудно отличим от советского империализма. Во-вторых, любым способом ослабить капиталистические и социал-демократические страны, в том числе путем поддержки «национально-освободительных движений» в Индии, колониях, на Среднем Востоке, постоянных интриг в Скандинавии, Западной Европе, на Иберийском полуострове и в Греции. В-третьих, СССР всячески будет стремиться к разрушению англо-американского союза. В-четвертых, использовать в своих интересах коммунистические партии и неправительственные международные организации. В-пятых, в качестве главной угрозы коммунизму и Советскому Союзу будут выставляться социал-демократы и все умеренные прогрессивные силы. В-шестых, главные пропагандистские усилия будут брошены на поддержку «так называемых угнетенных колониальных народов и против империалистического доминирования»²⁵.

Наконец, в третьей, заключительной телеграмме от 18 марта 1946 г., Ф. Робертс попытался ответить на наиболее важный, с его точки зрения, вопрос какой должна быть

²⁴ UK NA. FO 371/56763. N 4156/97/38. Roberts to Bevin. 17 March 1946, p.1.

²⁵ Ibid., p.7.

политика Великобритании в отношении СССР. Британский дипломат полагал, что его страна сделала много уступок Советскому Союзу, которые привели лишь к тому, что СССР стал рассматривать свои отношения с Британией как очень приятные и удобные, да к тому же приносящие большие выгоды. Ф. Робертс оговаривается, что подобная позиция воспринимается как должное, возможно в следствии того, что «в глазах русских Советский Союз вынес главную тяжесть войны». Теперь же настало время, когда «надо решать проблему англо-советских отношений таким же образом, как решались главные проблемы во время войны. Это предполагает теснейшую координацию политической стратегии через коллективное изучение каждого аспекта советской политики»²⁶. Отметим, что следствием этого предложения Ф. Робертса стало создание в Форин офис так называемого Русского комитета, который и занимался всесторонним анализом политики СССР, а также выработкой соответствующих рекомендаций.

Перечислим основные меры, которые предлагал Ф. Робертс. Главная долгосрочная цель — это обеспечение политического и экономического здоровья Британии, Содружества и колониальной империи, повышение уровня жизни и устранение причин социальных конфликтов, создание в глазах народов привлекательной альтернативы СССР. Одновременно должна проводится кампания по просвещению британского общества относительно реальных условий жизни в Советском Союзе. Отношения с СССР, как ранее с российской империей, должны строиться исключительно на принципах взаимности, что означает «не давать ничего пока мы не получим взамен конкретное преимущество». Это так же предполагает «твердость в больших и малых делах, при одновременной дружелюбности, учтивости и формальной корректности, что может быть уже не обязательно в отношениях с другими странами в этот демократический век». Необходимо продолжать контакты между народами, прежде всего на уровне

²⁶ UK NA. FO 371/56763. N 4157/97/38. Roberts to Bevin. 18 March 1946, p.1.

культурных обменов. При этом британские граждане, едущие в СССР, должны тщательно отбираться, что «подразумевает определенный уровень контроля, наподобие того, что осуществляет Советский Союз в отношении отправляющихся в Британию». Цель подобного контроля — не допустить ситуации, когда СССР будут посещать только коммунисты и сочувствующие. Наконец, важной составляющей частью этой кампании по «взаимному образованию» должна быть всяческая поддержка обычных средств пропаганды внутри Советского Союза²⁷. Здесь Ф. Робертс имел в виду продолжение издания в СССР еженедельника «Британский союзник», который распространялся в Советском Союзе в период с 1942 по 1949 г., а также скорейшее начало вещания на русском языке Би-би-си. Первая такая программа вышла почти сразу после послания Ф. Робертса — 26 марта 1946 г.

В заключении Ф. Робертс высказывался за скорейшее восстановление нормальных торговых отношений между Британией и СССР, которые, вероятно, станут «главным фактором в наших взаимодействиях». В конечном итоге Ф. Робертс полагал, что для англо-советских отношений «возможно будет наиболее правильным установить их на основе зон влияния, в которые противоположная сторона не вмешивается...». «Связи между Британией и Россией три века небезуспешно строились на основе отдаленного реализма (distant realism) между правительствами. Если мы не будем стремиться к слишком многому, мы сможем по крайней мере избежать постоянного раздражения и разочарования»²⁸.

Оценивая эти три телеграммы как по сути единый документ отметим, что по восприятию советской политики, определению ее истоков, а также в подходе к России-СССР как государству в целом, Ф. Робертс мало чем отличался от других представителей британской и американской дипломатических служб. Для британского поверенного в делах характерен тот же русофобский подход к России-СССР как

²⁷ Ibid., p.2.

²⁸ Ibid., p.3.

государству варварскому, отсталому. Внешняя политика СССР рассматривается как продолжение экспансионистского курса имперской России, но носящей еще более опасный характер из-за присущего советским лидерам идеологического догматизма. Правда при этом Ф. Робертс оговаривается, что «мировая революция больше не является частью ее (Советской России — Д.П.) программы»²⁹. Вся вина за обострение международной обстановки возлагается на СССР, руководство которого, возможно и искренне, но вследствие плохой информированности из-за низкого качества подготовки дипломатической службы, верит в то, что страна окружена врагами и опасается за ее безопасность.

Что отличает донесения Ф. Робертса, так это более сдержанная риторика, в отличие от той же «Длинной телеграммы» Дж. Кеннана, и весьма аккуратные и прагматичные предложения относительно будущей британской политики в отношении СССР, включая развитие взаимовыгодной торговли и некоего раздела сфер влияния. Неслучайно телеграммы Ф. Робертса были благожелательно, но довольно сдержанно встречены в Форин офис. Роберт Ханки, возглавивший к тому времени Северный департамент Форин офис, в телеграмме Ф. Робертсу писал: «Я прочитал с огромным интересом ваши отправления... Ваши взгляды высоко оценены всеми, кто сейчас работает над проблемой определения общего направления советской политики...»³⁰. Интересно сравнить сообщения Ф. Робертса с бумагой, подготовленным в начале апреля 1946 г. К. Уорнером, осуществлявшим к тому времени общее руководство Северным и Южным департаментами Форин офис. Этот документ назывался «Советская кампания против этой страны и наш ответ на нее» и его можно считать наиболее значимым из подготовленных в 1946 г. в стенах Форин офис материалов относительно британо-советских отношений. Не останавливаясь подробно на анализе этого меморандума, заметим, что К. Уорнер позаимствовал некоторые характери-

²⁹ UK NA. FO 371/56763. N 4156/97/38. Roberts to Bevin. 17 March 1946, p.6.

³⁰ UK NA. FO 371/56763. N 785. Hankey to Roberts. 26 April 1946.

стики советской внешней политики, данные Ф. Робертсом, однако, в целом ситуация описывалась в гораздо более мрачных красках, а резюмирующая часть звучала значительно воинственнее: «...Советское правительство решилось на проведение агрессивной политики, основанной на воинственном коммунизме и русском шовинизме. Оно начало наступление против социал-демократии и этой страны. ... Интересы этой страны и действительно демократические принципы, которые мы поддерживаем, находятся под прямой угрозой. Советское правительство одновременно использует военное, экономическое, пропагандистское и политическое оружие, а также коммунистическую «религию». Поэтому мы должны немедленно организовать и координировать наши оборонительные усилия против всего этого, и мы не должны останавливаться перед проведением оборонительно-наступательно политики»³¹.

С точки зрения оценки Ф. Робертсом намерений СССР в различных регионах мира представляет интерес его телеграмма от 28 апреля 1946 г. Исходя из публичных заявлений советских руководителей, он приходит к выводу, что они считали решенной проблему безопасности на западной и восточной границе СССР и видели наибольшую опасность для себя на юге. Это предполагало сохранение давления на Персию и Турцию, а также усиление антибританской кампании в арабском мире. Однако вероятность прямого столкновения с СССР на Среднем Востоке Ф. Робертс оценивал, как незначительную и «чем ближе мы будем держаться к Советскому Союзу и дальше от Суэцкого канала, тем лучше. К счастью, пока мы сможем полагаться на американскую поддержку, проблемы между нами и русскими вероятно останутся испытанием на стойкость, но без угрозы открытых конфликтов»³². В связи с этим любопытно упоминание Ф. Робертсом публичной лекции Е. Тарле, которого он называл «ухо Сталина».

³¹ UK NA. FO 371/56832. N 5625/G. Telegram № 1565. Roberts. From Moscow to Foreign Office, p.99.

³² UK NA. FO 371/56832. N 5625/G. Telegram № 1565. Roberts. From Moscow to Foreign Office, pp.2–5.

Анализируя это выступление британский дипломат пришел к выводу, что советское руководство видело реальную угрозу своей безопасности из-за ситуации в Иране: «как бы нелепо это ни казалось для нас, сам я полагаю, что русские с их секьюритифобией, действительно так считают»³³.

Следующий ряд важных сообщений Ф. Робертса относится ко второй половине 1946 г. В начале июля к нему обратился К. Уорнер с просьбой прокомментировать сведения, дошедшие до него от некоего члена лейбористской партии, уверявшего, что он хорошо знает образ мышления видных «москвитских» коммунистов вроде Г. Димитрова. Суть этих слухов сводилась к тому, что «русские приняли как неизбежное будущую войну между СССР и США, и они готовы вступить в нее даже несмотря на возможность поражения, поскольку уверены, что даже в этом случае война против капитализма послужит делу мирового коммунизма»³⁴. Ответ Ф. Робертса отличается весьма реалистичной оценкой вероятных действий советской стороны. Вполне соглашаясь с тем, что руководители СССР верят в неизбежность столкновения в будущем коммунизма и капитализма, любые предположения о начале русскими войны, в которой они допускают возможность поражения, Ф. Робертс называл «ерундой» и утверждал, что «правители этой страны сейчас думают о себе прежде всего, как о русских, а русские традиционно не желали начинать большие войны». Реальной угрозой войны может стать только в том случае, если Кремль просчитается в оценке решимости США и Великобритании отстаивать те или иные свои интересы в какой-либо части света³⁵.

В конце августа — начале сентября Ф. Робертс направил целую серию интересных сообщений в Лондон, наиболее важным из которых является донесение Э. Бевину от 4 сентября.

³³ UK NA. FO 371/56832. N 5625/G. 22/49/46. Telegram № 6028. Roberts to Hankey. 15 April 1946, pp.1–2.

³⁴ UK NA. FO 371/56834. N 10049/605/38. Warner to Roberts. 1 July 1946.

³⁵ UK NA. FO 371/56834. N 10049/22/91/46. Roberts to Warner. 30 July 1946, pp.2–3.

Оценивая ход работы Парижской мирной конференции и действий советских представителей в ООН, Ф. Робертс пришел к выводу, что действия СССР приобретали все более конфронтационный характер. Поведение Советского Союза «становится все более проблемным в отношении Персии, Греции и арабского мира. Советская хватка усиливается в отношении стран, входящих в его орбиту, а в отношении двух главных европейских вопросов — по Германии и Триесту — мы дальше, чем когда-либо от согласованного и приемлемого решения». Показательно, что тон телеграммы был значительно более жестким по сравнению с мартовскими сообщениями. Ф. Робертс полагал, что поведение Советского Союза «не может быть объяснено и с ним нельзя иметь дело методами нормальными среди других государств, а менее всего подходит умиротворение». Он также теперь считал, что «любая попытка достичь соглашения о сферах влияния, например, в Персии или на Балканах, опасна, поскольку наш опыт предыдущих соглашений ... наводит на мысль, что русские доберутся до границ своей сферы, а затем пойдут дальше для сокращения нашей»³⁶.

В заключении Ф. Робертс приходит к выводу, что британской стороне необходимо принять как должное существование двух миров и осознать, что «мы не можем быть друзьями». Однако отсутствие дружбы не означает неизбежность враждебности. «Эти два мира могут жить вместе, хотя трения обязательно будут там, где встречаются их границы. Поэтому, мы должны обеспечить чтобы ... точки трений были как можно дальше от наших жизненных интересов. ... будет лучше продолжить спорить об относительно отдаленных вопросах, вроде Польши, Болгарии и Азербайджана, чем отказываться от интересов в этих местах и обнаружить русских ... концентрирующих свое внимание на вопросах жизненно важных для нас, например, Франции, Италии, Персидском заливе или Суэцком канале»³⁷.

³⁶ UK NA. FO 371/56835. N 11644. Telegram №684. Roberts to Bevin. 4 September 1946, pp.1–4.

³⁷ Ibid., pp.4–5.

Примечателен анализ донесения Ф. Робертса данный Томасом Браймлоу, который в 1942–1945 гг. работал в британском посольстве в Москве, и считался в Форин офис специалистом по СССР. Во многом соглашаясь со своим коллегой, Т. Браймлоу полагал, что «говорить о возможности жить бок о бок без активной враждебности ... значит быть слишком оптимистичным». С его точки зрения, необходимо принять срочные меры для противостояния советской угрозе, в том числе разработать логичную доктрину, противостоящую советскому коммунизму, а также готовить специалистов для ведения антикоммунистической пропаганды³⁸. К концу 1946 г. подобные взгляды стали доминирующими в британском министерстве иностранных дел.

На протяжении 1947 г. Ф. Робертс отправил в Лондон еще несколько обстоятельных донесений, характеризующих отдельные аспекты советской внешней политики. Отметим, прежде всего, телеграмму Э. Бевиноу от 12 августа, озаглавленную «Советская экономическая политика в Восточной Европе». Обращая внимание на усилия СССР по интеграции собственной экономики с экономикой своих союзников, Ф. Робертс полагал, что тем самым преследовались две цели — экономический подъем и политическая консолидация вокруг коммунистов в странах Восточной Европы. Весьма любопытно сравнение Ф. Робертса советской интеграционной модели с германской, реализовывавшееся до Первой мировой войны. Если германский вариант предусматривал объединение собственной промышленности с сельскохозяйственной и сырьевой системой восточноевропейцев, то реализация планов СССР должна была привести ко все большей индустриализации самих стран Восточной Европы. В долгосрочной перспективе советская политика могла оказаться более привлекательной для них, чем германская³⁹.

³⁸ UK NA. FO 371/56835. N11298. Minutes. T. Brimelow. 9 September 1946.

³⁹ UK NA. FO 371/66433. N 9534/2673/38. Roberts to Bevin. Soviet Economic Policy in Eastern Europe. 12 August 1947, pp.1–3.

Наконец, остановимся на телеграмме Ф. Робертса от 15 сентября 1947 г., в которой он анализировал статью ведущего журналиста газеты «Правда» А. Леонтьева, опубликованную в журнале «Новое время». Обращая внимание министра иностранных дел на эту статью, Ф. Робертс исходил из того, что хотя она носила пропагандистский характер, но с его точки зрения, во многом отражала реальные взгляды советского руководства. Британский дипломат полагал, что несмотря на «самоуверенность Кремля и более или менее постоянное поношение американского капитализма, британской социал-демократии и, конечно, всех аспектов западной жизни, есть не менее постоянный и ... в настоящее время искренний акцент на мирные намерения Советского Союза». Ф. Робертс очень верно отмечал, что главная задача для СССР в первые послевоенные годы сводилась к экономическому восстановлению. «Любой, кто отъедет несколько километров от Москвы или пройдет по улицам Москвы, увидит какая гигантская задача по реконструкции все еще стоит перед Советским Союзом и осознает, что любой советский правитель для успеха режима, не говоря уже о благе своего народа, в сердце определенно должен хотеть многих лет мира»⁴⁰.

Примечательны комментарии к этой телеграмме руководителей Северного департамента Р. Ханки и К. Уорнера. Первый из них отмечал, что анализ Ф. Робертса весьма любопытен, но далеко не совсем можно было согласиться. «Мистер Робертс полагает, что акцент на мирные намерения Советского Союза очевиден. Однако становится все труднее поверить в это ввиду крайне агрессивной советской тактики в ООН и где бы то ни было еще. Советы научили нас всех слишком ясно, что они приписывают другим намерения, которые имеют сами, и я не думаю, что мы должны им более доверять»⁴¹. К. Уорнер был менее категоричен в данном случае и отметил, что следовало различать возможную советскую военную агрессию и

⁴⁰ UK NA. FO 371/66434. N 11115/2673/38. Roberts to Bevin. The Soviet Union in War and Peace. Article by A. Leontiev in "New Times", № 36. 15 September 1947, pp.2–3.

⁴¹ UK NA. FO 371/66434. N 11115. Minutes. R. Hankey. 30 September 1947.

политическую агрессию советского правительства. Последняя, по мнению К. Уорнера, являлась следствием большевистской доктрины и была присуща советской внешней политике с момента окончания Второй мировой войны. Поэтому он не видел оснований сомневаться в верности вывода Ф. Робертса о том, что СССР нуждается в мире и стремится к нему⁴².

В заключении отметим, что отношение Ф. Робертса к политике СССР за время его нахождения в британском посольстве в Москве в 1945–1947 гг. претерпело некоторую эволюцию, которая затронула главным образом риторику автора. По мере развития холодной войны выражения Ф. Робертса становятся жестче, а призывы к контрмерам более решительными. Неизменной оставалась изначально негативная оценка советского режима, да и всей российской истории, а также весьма односторонний подход к оценке его действий на международной арене, при котором вся ответственность за обострение послевоенной ситуации в мире возлагалась на СССР. Что отличало Ф. Робертса от многих коллег по министерству иностранных дел, так это стремление найти некий *modus vivendi* в сложившейся ситуации, избегая по возможности не нужных обострений. Он постоянно подчеркивал стремление СССР к сохранению мира, прежде всего по экономическим соображениям. На определенном этапе такой прагматичный подход, по-видимому, находил понимание у Э. Бевина, о чем свидетельствует назначение Ф. Робертса на должность главного личного секретаря министра иностранных дел в 1947 г. Другое дело, что в самом Форин офис преобладала более нетерпимая и агрессивная позиция в отношении СССР, олицетворением которой стали К. Уорнер и А. Киркпатрик. В конечном итоге и сам Э. Бевин согласился с тем, что Советский Союз должен стать объектом более решительной оборонительно-наступательной политики, предлагавшейся эти высшими должностными лицами Форин офис.

⁴² UK NA. FO 371/66434. N 11115. Minutes. Ch. Warner. 6 October 1947.

Глава 19

КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА ВЕЛИКОБРИТАНИИ И СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ И РОССИЙСКО-БРИТАНСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI вв.¹

Р.Р.Валеева-Хакимова

Современный этап развития международных отношений характеризуется возрастанием взаимозависимости государств на фоне процесса информатизации и глобализации. В трансформирующихся условиях в качестве одного из приоритетных направлений в проводимой государствами внешней политике рассматривается «мягкая сила», в особенности культурная дипломатия как один из ключевых ее инструментов, которая позволяет актерам добиваться поставленных целей и задач, не прибегая к методам навязывания и принуждения. Великобритания считается одним из главных передовиков в области культурной дипломатии. Под культурной дипломатией мы подразумеваем «комплекс мероприятий, основанных на обмене идеями, ценностями и традициями, с целью как укрепления двусторонних отношений, так и продвижения национальных интересов страны»². Культуру можно считать «мягким» инструментом международных отношений, в противовес «тяжелым» — строгим законам, договорам, международным организациям и военной мощи. По мнению профессора Гарвардского Университета Джозефа Най, «тяжелая сила» призвана «принуждать»,

¹ Основные положения исследования впервые изложены автором в ее статье: «Общие тенденции британской культурной дипломатии и российско-британские культурные связи в 1992–2010 гг.» // История. — 2018. — Т.9. — Вып.1 (65). URL: <https://history.jes.su/s207987840002050-4-1>.

² Валеева-Хакимова Р.Р. Общие тенденции британской культурной дипломатии и российско-британские культурные связи в 1992–2010 гг. // История. 2018. Т. 9. Вып.1 (65). URL: <https://history.jes.su/s207987840002050-4-1>.

в то время как «мягкая сила» — «привлекать и убеждать»³. Соединенное Королевство имеет большой успех в реализации культурной дипломатии, на протяжении последних лет прочно занимая лидирующие позиции в глобальных рейтингах «мягкой силы» и индексах подсчета эффективности ее реализации: 2 место после Франции в индексе The Soft Power 30 международной компании Portland⁴ и 2 место после США в глобальном индексе «мягкой силы» от Brand Finance⁵.

Порой, культура может быть более эффективной, чем методы политического давления. Знаменитый американский политик, адвокат Джеймс Уильям Фулбрайт сказал: «На протяжении истории осознаешь, что понимание людьми твоих мыслей защищает лучше, чем любая подводная лодка»⁶. Слова этого автора еще раз подчеркивают, что культура иногда может быть более действенной, чем методы военного, экономического или политического характера.

Основой британской «культурной дипломатии» является осознание того, что «с культурными расхождениями лучше всего справляются с помощью строительства культурных мостов»⁷. Как считают некоторые аналитики, Великобритания потеряла верховенство в политике, производстве, спорте, но является одной из основных мировых лидеров в плане культуры⁸.

Интересным представляется для нас Обзор общественной политики Великобритании (Carter Public Diplomacy Review, 2006 г.)⁹ В нем дается следующее определение государствен-

³ Bound K., Briggs R., Holden J. and Jones S. Cultural Diplomacy. London: Demos, 2007. P.23.

⁴ Overall Ranking 2019. URL: <https://softpower30.com/> (accessed 14.04.2022)

⁵ Global Soft Power Index 2022. URL: <https://brandirectory.com/softpower/> (accessed 14.04.2022)

⁶ Bound K., Briggs R., Holden J. and Jones S. Cultural Diplomacy. London: Demos, 2007. P. 15.

⁷ Ibid. P.19.

⁸ Ibid.

⁹ The Carter Public Diplomacy Review // Foreign and Commonwealth Office Website. 2005. December. URL: <http://www.fco.gov.uk/resources/en/pdf/public-diplomacy-review> (accessed 7.10.2014).

ной политики: «деятельность, направленная на информирование и привлечение индивидов и организаций за рубежом с целью улучшения понимания и влияния Соединенного Королевства посредством правительственной поддержки и в соответствии с долгосрочными целями»¹⁰. Этот документ обозначил сдвиг от понимания необходимости просто изменения *восприятия* до влияния на изменение *поведения* людей, особенно за рубежом, в соответствии с внешнеполитическими приоритетами правительства Великобритании. Большая роль в общественной дипломатии отводится культуре, не просто влияющей на восприятие людьми одной культуры традиций и идей другой, но и сближающей людей, порождающей стремление идти навстречу друг другу, обмениваться положительным опытом, общаться, выстраивать общее понимание тех или иных событий и доверительные отношения.

В конце XX — начале XXI вв. британской стороной организуются масштабные мероприятия по привлечению внимания к британской культуре и языку. К примеру, проводятся различные конкурсы с целью пробуждения и усиления интереса к культуре, истории, литературе Великобритании, призами в которых становятся поездки в страну и дальнейшее погружение в культурную среду. В Великобритании хорошо развита сеть лингвистических заведений для людей, стремящихся изучить английский язык, развивается туризм — меры, которые помимо экономической выгоды имеют целью также дальнейшую популяризацию британской истории, языка и культуры, предоставление возможности людям встречаться, общаться, проводить время вместе, находить точки соприкосновения, формировать общие интересы. Организуются выставки британских художников, скульпторов, театральные гастроли, фестивали британского кинематографа и многое другое. В дело популяризации

¹⁰ The Carter Public Diplomacy Review // Foreign and Commonwealth Office Website. 2005. December. URL: <http://www.fco.gov.uk/resources/en/pdf/public-diplomacy-review> (accessed 7.10.2014).

британской культуры и ценностей и привлечения интереса к Великобритании вносит свой вклад и деятельность теле-радиокомпаний BBC World Services. Кроме того, развитие сети Интернет позволяет массовому культурному обмену и взаимодействию распространяться широко и выходить за пределы национальных границ, создавая миллионы возможностей для культурного общения, в социальных сетях и мессенджерах, нахождения общих точек соприкосновения, схожих взглядов и интересов. Массовая поп-культура, строящаяся, в основном, на англо-саксонских ценностях, являлась еще одним связующим звеном между людьми из разных стран, в том числе Великобритании и России, в рассматриваемый период.

Можно выделить следующие особенности культурной дипломатии Великобритании:

- 1). независимость институтов культуры от политических;
- 2). культурная дипломатия — важная и неотъемлемая часть общественной дипломатии.

В этом отличие британской модели культурной дипломатии от, скажем, французской, в которой официальные мероприятия культурного характера финансируются совместно Министерством культуры и Министерством Европы и иностранных дел Франции: 131 отдел по культурному сотрудничеству в посольствах, 22 французских исследовательских института за рубежом, 98 французских культурных институтов, 832 языковых школ «Alliance Française», 540 учебных заведений, обучающихся по французской программе в 138 странах, 162 французские археологические миссии в 78 странах, 310 отделений Campus France — организации, занимающейся продвижением французского высшего образования, в 134 странах¹¹. К тому

¹¹ Le réseau de coopération et d'action culturelle et ses métiers // Site du ministère de l'Europe et des Affaires étrangères. 2021. Janvier. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/les-metiers-de-la-diplomatie/un-reseau-diplomatique-essentiel-a-la-politique-etrangere-de-la-france/le-reseau-de-cooperation-et-d-action-culturelle-et-ses-metiers/#:~:text=125%20instituts%20dont%20%3A,%C3%A0%20des%20instituts%20fran%C3%A7ais%20locaux> (accedé le 14 Avril 2022).

же, в 2006 г. во Франции был создан новый орган «Cultures France», преобразованный в 2011 г. в «Institut Français», с целью объединить разрозненные дипломатические мероприятия в сфере культуры под одним крылом.

Правительство Великобритании, понимая ценность культуры и ее потенциал в международных отношениях, тем не менее, действует в соответствии с принципом «держаться на расстоянии вытянутой руки», во избежание политической инструментализации культуры». Основой поддержания этого принципа является деятельность Британского Совета, координирующего культурный обмен за рубежом с целью не привлечения дипмиссий. Великобритания гордится своей моделью, а ее культурные институты отстаивают свою независимость. Однако, по мнению авторов доклада «Cultural Diplomacy» аналитического центра «Demos» существуют определенные преимущества тесного стратегического сотрудничества органов правительства и культуры, повышающие скоординированность действий и увеличивающие эффективность и плодотворность культурных связей, которое государственным органам стоило бы принять во внимание.

Культурная дипломатия в Соединенном Королевстве считается важной и неотъемлемой частью общественной дипломатии. В соответствии с Carter Review, в 2006 г. при Министерстве иностранных дел и по делам Содружества Соединенного Королевства была создана группа по культурной дипломатии в рамках структуры по общественной (народной) дипломатии, что, по мнению авторов доклада «Cultural Diplomacy» аналитического центра «Demos», предоставило институтам культуры платформу для участия в выработке единой стратегии государства и стало связующим звеном между ними и МИД¹². В 2009 г. Группа была преобразована в Форум по стратегическим коммуникациям и общественной дипломатии, заседания которой стали проходить два раза

¹² Bound K., Briggs R., Holden J. and Jones S. Cultural Diplomacy. London: Demos, 2007. P.62–64.

в год под председательством Министра иностранных дел. Передача председательства от начальника департамента по общественной дипломатии на уровень Министра свидетельствует об увеличении роли и места общественной дипломатии в работе Министерства.

В определении культурной дипломатии, данным британским правительством в трехгодичном обзоре деятельности Британского совета, говорится, что культурная дипломатия — это «продвижение культуры и ценностей для обеспечения национальных интересов»¹³. По мнению Т. Риверы, необходимо отличать культурные отношения от культурной дипломатии, в которой обмен ценностями, знаниями, достижениями искусства, музыки и других аспектов культуры происходит сквозь призму представления правительством национальных интересов и политической поддержки. Да, культурная дипломатия «использует культурный контент в своих программах, но применяет подход «заступничества» для поддержки политических целей и продвижения национальных интересов»¹⁴.

Одним из инструментов налаживания культурных связей с другими странами для Великобритании являются культурные институты, такие как существующий с 1934 г. Британский Совет — организация, содействующая распространению и популяризации в других странах британской культуры, образования и английского языка. С точки зрения Лондона культурные институты являются «неофициальными послами Соединенного Королевства», «ценным мостом между дипломатией, международными отношениями и общественным мнением»¹⁵. Насчитывается более 200 отделений Британско-

¹³ Triennial Review of the British Council (Foreign & Commonwealth Office, July 22, 2014) // FCO. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/335494/140722_PDF_of_British_Council_Triennial_Review_with_Annexes_FINAL.pdf (accessed 10.04.2022)

¹⁴ Rivera T. Distinguishing Cultural Relations from Cultural Diplomacy: The British Council's Relationship with Her Majesty's Government. Los Angeles: Figueroa Press, 2015. P.11.

¹⁵ Bound K., Briggs R., Holden J. and Jones S. Cultural Diplomacy. London: Demos, 2007. P.40.

го Совета в 100 странах мира. Тем не менее, в связи с пандемией коронавируса и сокращением доходов от языковых курсов и других платных программ, Британский Совет был вынужден объявить о закрытии грантовых программ в 12 странах мира, включая Афганистан, Австралию, США, Бельгию, Канаду, Чили, Намибию и др, а в 9 государствах занятия будут проводиться дистанционно из соседних стран¹⁶. И это несмотря на 149 млн фунтов стерлингов в виде грантов в 2021 г. и 189 млн в 2022 г., что на 26% больше, чем в предыдущем¹⁷. Министр по делам Азии Министерства иностранных дел, по делам Содружества и развития Н. Адамс заявил: «Мы предоставили Британскому совету кредит Covid на сумму 145 млн фунтов стерлингов и предоставляем кредит на сумму 100 млн фунтов стерлингов, чтобы помочь ему в реструктуризации»¹⁸.

Кроме того, к основным институтам культурной дипломатии Великобритании относится Департамент по цифровизации, культуре, медиа и спорту (Department for Digital, Culture, Media&Sport), который является проводником государственной политики в области культуры, цифровизации, спорта и телерадиовещания в Великобритании, активно сотрудничающий с 46 агентствами и общественными институтами, включая Британский музей, Британскую библиотеку, Культурный Совет Англии, Мемориальный Фонд национального наследия и др¹⁹. Ключевой целью своей деятельности данный департамент ставит защиту и продвижение культурного и художественного наследия, помощь бизнесу и сообществам в развитии, инвестициях в инновации и привлечении

¹⁶ Harris G. British Council—the UK's international organisation for cultural relations—winds down in 20 countries // Arts Newspaper. 2021. 13 September. URL: <https://www.theartnewspaper.com/2021/09/13/british-councilthe-uks-international-organisation-for-cultural-relationswinds-down-in-20-countries> (accessed 14.04.2022).

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Department for Digital, Culture, Media and Sport. URL: <https://www.gov.uk/government/organisations#department-for-digital-culture-media-sport> (accessed 15.04.2022).

туристического потока в Великобританию²⁰. Необходимо отметить, что культура, наряду со спортом и туризмом, является вопросом, после деволуции переданным в ведение соответствующим департаментам в правительствах Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии с профильными ведомствами в каждой части Соединенного Королевства.

Основная финансовая поддержка культуры со стороны государства осуществляется через Совет по культуре (Arts Council). Система управления и финансирования этого органа строится по принципу «вытянутой руки». С одной стороны, Совет по культуре действует от имени государства и получает средства для поддержки организаций культуры от Департамента по цифровизации, культуре, медиа и спорту в Англии и соответствующих департаментов в автономиях; с другой, это самостоятельная и независимая организация (около трети Совета формируется из представителей художественной среды), и правительство не вмешивается в ее работу. Данное учреждение проводит свою культурную политику путем предоставления субсидий организациям. При этом основное внимание уделяется двум ключевым аспектам — развитию новых художественных форм и развитию новых аудиторий.

Также к институтам культурной дипломатии Великобритании относятся музеи, театры, временные выставки и гастроли которых являются своеобразной демонстрацией, прожекцией британской культуры и своего рода инструментом определенного влияния на мировую культуру и мировоззрение. Британский музей совместными международными программами охватывает около 56 партнеров в 17 странах мира. Королевская Опера, Королевский Балет и Королевский Оркестр ежегодно гастролируют в государствах Европы, Азии, Австралии и США.

В Соединенном Королевстве придается большое значение музеям как проводникам британской культуры. Посещение

²⁰ What we do // Department for Digital, Culture, Media and Sport. URL: <https://www.gov.uk/government/organisations/department-for-digital-culture-media-sport> (accessed 15.04.2022).

таких музеев, как Национальная галерея, Британский музей, музей Виктории и Альберта, музей естественной истории являются общедоступными и бесплатными. Согласно проведенным исследованиям, высокий уровень развития музеев способствует увеличению туристического потока, повышению репутации страны и вносит вклад в построение гражданского общества. Кроме того, организация трейнингов для работников учреждений культуры играет на руку западным институтам, закладывая основы профессиональных и дружеских знакомств между молодыми специалистами — будущим поколением руководителей, таким образом, цементируя продолжение институциональных отношений²¹.

В соответствии с выделенными знаменитыми американскими консультантами по культурному развитию Д. Адамсом и А. Голдбардом шестью основными направлениями культурной политики, можно отметить следующие векторы британской культурной дипломатии²²:

- Сохранение наследия (музейные коллекции, исторические здания, живопись, музыка, навыки ремесел и фольклор и др.);
- Распространение культурного продукта. Средства направляются на финансирование спектаклей, гастролей, субсидий билетов, трансляций, издательскую деятельность, сеть распространения или специальные акции, направленные на расширение аудитории;
- Творчество;
- Образование;
- Исследование (предполагает проверку соответствия проводимой культурной политики поставленным целям и задачам);
- Подготовка персонала.

²¹ Bound K., Briggs R., Holden J. and Jones S. Cultural Diplomacy. London: Demos, 2007. P.50–51.

²² Востряков Л.Е. Культурная политика: концепции, понятия, модели. URL: <http://www.cpolicy.ru/analytics/80.html> (дата обращения: 29.09.2016).

В культурной политике Лондона в отношении Москвы в конце XX — начале XXI вв. основными направлениями являлись сотрудничество в области распространения культурного продукта двух стран, сохранение, распространение и знакомство жителей с наследием друг друга, поощрение творческого потенциала с организацией соответствующих конкурсов, проведение выставок, гастролей театров, ансамблей, перевод и издание произведений британских и российских авторов для ознакомления с литературой двух народов, организация трейнингов, мастер-классов, семинаров для работников учреждений культуры и искусства и, the last but not the least, мероприятия образовательного характера с целью популяризации английского языка и культуры. Активное участие в развитии межкультурного диалога и реализации целей британской культурной дипломатии принимают члены королевской семьи, не раз приезжавшие с визитами в Россию²³. А двоюродного брата Королевы Елизаветы II принца Майкла Кентского в средствах массовой информации называют «неофициальным послом» Великобритании в России ввиду его активной культурной деятельности и связей в бизнес-кругах.²⁴

Культурная политика Великобритании находится на высоком уровне, но, чтобы не потерять свои позиции, Лондону необходимо разрабатывать новые стратегии развития «культурной дипломатии», в том числе и в отношении России, с которой в настоящий момент Великобритания переживает период охлаждения и в этом случае культурное сотрудничество может, на наш взгляд, сыграть свою положительную роль.

Развитие культурных связей между странами является, с одной стороны, отражением уровня развития политических отношений. В то же время в периоды охлаждения двусторон-

²³ Подробнее см. в Валева-Хакимова Р.Р. МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ РОССИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ (НА ПРИМЕРЕ МЕРОПРИЯТИЙ С УЧАСТИЕМ КОРОЛЕВСКОЙ СЕМЬИ) // Итоги правления Терезы Мэй = Theresa May's Governance — Summing Up : [сб. ст.] / [отв. ред. Е.В. Ананьева]. М. : ИЕ РАН, 2019. С.137–145.

²⁴ Русские связи «принца напрокат» // Радио Свобода. 2021. 12 мая. URL: <https://www.svoboda.org/a/31249310.html> (accessed 15 May 2021).

него политического диалога, культурное сотрудничество помогает поддерживать взаимодействие между странами, сохранять и поддерживать любовь и уважение граждан двух стран к культуре друг друга.

Поддержание культурных связей между двумя государствами может в дальнейшем способствовать и потеплению политических отношений при благоприятной конъюнктуре. Возможен вариант, когда страны могут сигнализировать о стремлении к улучшению отношений посредством подъема уровня как экономического, так и культурного взаимодействия. После этого первого шага при соответствующих желаниях и намерениях, руководство сторон переходит к налаживанию и политического диалога.

Так, например, в эпоху перестройки одним из жестов, символизировавших дух примирения, стало согласие Королевы в 1990г. временно передать два яйца Фаберже из личной коллекции для выставки сокровищ Фаберже в Оружейной палате Кремля. Эти экспонаты принадлежали Николаю II, дальнему родственнику Елизаветы II, из-за убийства семьи которого и его лично, британский монарх на протяжении многих лет отказывалась поддерживать связи и приезжать в СССР. Участие экспонатов Королевы на выставке в Москве засвидетельствовало на самом высшем уровне потепление в двусторонних отношениях, как бы подчеркнув, что вышеупомянутое событие начала XX в. «не будучи забытым, сегодня принадлежит истории», а современное развитие британо-российских отношений является важным для Великобритании²⁵.

Взаимоотношения Великобритании и России в культурной сфере в рассматриваемый период строились на основе Соглашения о сотрудничестве в области образования, науки и культуры от 1994г. Кроме того, в 1994г. был подписан протокол, в котором конкретизировано сотрудничество в области культуры между нашими странами.

²⁵ Flamboyant Faberge continues to tantalise; Collector's File.(Features) // The Sunday Times. 1994. 27 March. p.7.

Рассмотрим корреляцию между политическими и культурными отношениями двух стран в конце XX — начале XXI вв. В период правительства Д. Мэджора культурное сотрудничество развивалось по нарастающей. Как в России, так и в Великобритании было проведено множество мероприятий культурного характера. Приведем некоторые из них. Ряд важных культурных мероприятий был приурочен и проведен в рамках государственного визита в Россию Королевы Великобритании Елизаветы II с 17 по 20 октября 1994г. Так, состоялись гастроли в Россию Нового Шекспировского Театра, выступившего с постановкой мюзикла композитора Т. Хэтча «Умник» на сцене московского Театра оперетты²⁶. 18 октября был ознаменован участием Королевы в выставке «Великобритания в России», устроенной в Малом театре. В Русском музее была организована выставка британской скульптуры «Изменяющийся мир. 50 лет скульптуры из коллекции Британского Совета», на которой было представлено 37 работ британских скульпторов, начиная от Г. Мур и Б. Хепуорд, почитаемых как первых реформаторов традиций классической английской скульптуры в 20-е гг., их последователей Б. Медуоза, Э. Каро, Д. Митчелла, до мастеров 70–90-х гг. Т. Хеда, Р. Дикона, А. Капура, Р. Лонга и др.²⁷

Небольшая стагнация в политических связях, наметившаяся в 1997–1999 г. при Т. Блэре и Б.Е. Ельцине, не отразилась на культурном диалоге. С приходом к власти В.В. Путина в 2000 г. отмечается всплеск в политических отношениях, которые переживают лучший период за всю историю современной России. Это нашло свое отражение и в увеличении культурного взаимодействия. 2003 — 2007гг. — период постепенного охлаждения британо-российских отношений, кульминацией которого

²⁶ Должанский Р. Гастроли английского театра. Москвичам объяснили, как стать мэром // Газета «Коммерсантъ». № 197 (665). 1994г. 18 октября. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/92685>. (дата обращения: 30.09.2016).

²⁷ Долинина К. Британская скульптура в русском музее // Газета «Коммерсантъ». № 200 (668). 1994. URL: <http://kommersant.ru/doc/93034> (дата обращения: 29.09.2016).

стало дело Литвиненко в 2006г. Однако, уровень культурного сотрудничества, в целом, на данном этапе не снижается.

При Г. Брауне двусторонние отношения делятся на два этапа:

1 этап. 2007 — 2008гг. характеризуются дальнейшим ухудшением отношений, отсутствием контактов на высшем уровне, аггравацией дипломатического противостояния;

2 этап. 2008 — 2010гг. диалог постепенно улучшается, контакты активизируются как на высшем уровне, так и на уровне министерств иностранных дел.

На первом этапе намечаются определенные проблемы и в сфере культурного сотрудничества. Одной из них можно назвать ситуацию с закрытием региональных отделений Британского Совета в России в 2008 г. Как известно, первое отделение Британского Совета было создано в 1992 г. в Москве. Впоследствии было открыто 16 отделений, но постепенно их осталось 3 — в Москве, Санкт-Петербурге и Екатеринбурге. Начавшееся в связи с Делом Литвиненко охлаждение политических отношений между Великобританией и Россией отразилось и на культурном сотрудничестве и в начале 2008г. была прекращена деятельность Британского Совета в Санкт-Петербурге и Екатеринбурге. Официальным поводом послужило отсутствие должного юридического разрешения для функционирования центрального офиса и отделений британского образовательного и культурного учреждения на территории РФ и подозрения в разведывательной деятельности сотрудников совета.

Министр иностранных дел России С.В. Лавров не скрывал, что решение по Британскому совету имеет политическую подоплеку, связано с обострением российско-британских отношений и является следствием дела Литвиненко²⁸. Историю с Британским советом можно назвать «лакмусовой бумажкой» в обострении межгосударственных отношений.

²⁸ Интервью Министра иностранных дел России С.В.Лаврова газете «Время новостей». 2007. 26 декабря. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/2fee282eb6df40e643256999005e6e8c/3bd1boadf25add4fc32573bd0025ec24?OpenDocument (дата обращения: 15.03.2016).

Невзирая на имеющиеся проблемы как в политической, так и в культурной сфере, как в деле Британского Совета или имевшего место инцидента с перенесением даты проведения Второго Международного фестиваля военной культуры «Кремлевская Зоря» с сентября 2008г. на май 2009г., в связи с запретом МИД Великобритании приехать в Москву 40 британским волынщикам, в знак осуждения действий России в Грузии, культурные связи продолжали развиваться²⁹.

В период с 26 января по 18 апреля 2008г. в Лондоне прошла выставка «Из России: французские и русские шедевры живописи 1870–1925 годов»³⁰. В период с 5 сентября по 16 ноября 2008г. в Москве при сотрудничестве Музеев Московского Кремля и лондонского Музея Виктории и Альберта состоялась выставка «Два века британской моды», где было представлено около 80 образцов британской одежды XVIII и XIX веков. Выставку посетили более 65 тыс. человек³¹. В ноябре 2008г. в Пушкинском музее в сотрудничестве с музеем Тэйт открылась выставка работ английского художника Уильяма Тернера, не выставившегося в России с 1975г.³²

В 2005–2009 гг. в Лондоне проводился фестиваль российской культуры «Русская зима». На смену ему в 2009 г. пришел фестиваль «Русская масленица».

В России с 1999 г. проводились фестивали нового британского кино. В 2016 г. фестиваль британского кино помимо Москвы проходил еще в 20-ти городах России.

С 2006 в Лондоне проводился фестиваль российского кино, в 2011 г. организованы российско-британский кинофорум и русский киноклуб в одном из кинотеатров Лондо-

²⁹ Ширияева Н. Фестиваль «Кремлевская Зоря» перенесен на май 2009 г. // РИА Новости. 2008. 12 сентября. URL: <http://www.rian.ru/culture/20080912/151223418.html> (дата обращения: 11.03.2016).

³⁰ Росохранкультура разрешит вывезти российские картины в Лондон // РИА Новости. 2008. 1 января. URL: <http://www.rian.ru/culture/20080101/95061496.html> (дата обращения: 12.03.2016).

³¹ Halpin T. Art world defies diplomatic chill to create good impression in Russia // The Times. 2008. 18 November. URL: http://entertainment.timesonline.co.uk/tol/arts_and_entertainment/visual_arts/article5176025.ece (accessed 14.03.2016).

³² Ibid

на. С целью популяризации современной российской литературы с 2008 г. проходил фестиваль «SLOVO» в Лондоне и других городах Великобритании.

Вопросы культурного сотрудничества между странами обсуждались и во время визита в Россию Министра иностранных дел и по делам Содружества Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии Д.Милибэнда 1–2 ноября 2009г. По словам Главы британского внешнеполитического ведомства, «растущие культурные и деловые связи являлись свидетельством важности отношений между Британией и Россией» Он выразил удовлетворение развитием программ в области культуры, «продолжающих хорошие традиции»³³.

В целом, отношения в области культуры между Великобританией и Россией в 1992–2010 гг. являли собой пример особой «культурной дипломатии», положительно влиявшей на дело улучшения двусторонних отношений и смягчавшей острые противоречия, возникшие в российско-британских отношениях в связи с Делом Литвиненко.

Можно выделить четкое взаимовлияние между культурными и политическими отношениями: этапы активации взаимодействия в области культуры как основы и продолжения политического диалога, поддержания определенного уровня культурного сотрудничества в периоды охлаждения отношений, также как и снижение культурного компонента, порой саботаж некоторых запланированных мероприятий культурного характера ввиду политических разногласий.

Похолодание в российско-британских политических отношениях, достаточно негативная информационная среда, связанная с «делом Литвиненко» и «делом Скрипалей», а также накопившиеся противоречия способствовали приостановке

³³ Press conference with Russian Foreign Minister. David Miliband held a joint press conference with Foreign Minister Lavrov in 2 November during his visit to Moscow // Foreign and Commonwealth Office. 2009. 2 November. URL: <http://www.fco.gov.uk/en/news/latest-news/?view=Speech&id=21116805%20> (accessed 12.03.2016).

практически всего спектра двусторонних отношений и не могли не сказаться на культурном сотрудничестве.

Известные расхождения позиций сторон по воссоединению Крыма с Россией («аннексией» в британском политическом дискурсе), конфликта на юго-востоке Украины и в Сирии, ограничительные меры и санкции со стороны официального Лондона снизили уровень культурного взаимодействия. Ввиду опасений по поводу визовой поддержки, ареста имущества, российская сторона ограничила количество музейных выставок и концертов в Великобритании³⁴. Из заявленных 500 мероприятий в рамках перекрёстного Года культуры (2014 г.) состоялось 250, по данным Британского Совета, и 100, согласно сведениям Посольства РФ в Великобритании³⁵.

Тем не менее, примечательно, что в 2014 г. несмотря на заявление представителя МИД РФ об отказе от поддержки мероприятий в рамках Года культуры, как на уровне правительства, так и на уровне отдельных официальных лиц, в Британском Совете отметили, что политические разногласия не должны влиять на культурные связи и продолжили проведение мероприятий³⁶. Это явилось проявлением независимого характера британских институтов культуры и его положительных аспектов в деле налаживания связей между людьми и укрепления культурного сотрудничества.

Кроме того, в 2016 г. состоялась серия мероприятий в рамках Года языка и литературы в России и Великобритании, в 2017 г. — науки и образования г. и в 2019 г. — в рамках Года музыки.

В рамках Года языка и литературы состоялось более 100 мероприятий, таких как юбилейные гастроли Большого теа-

³⁴ Поважная Г.И. О перекрёстном Гode языка и культуры. Правительство Т. Мэй — год у власти. Досрочные выборы 2017 г. Отв. ред. Е.В. Ананьева. М., 2017. С. 133.

³⁵ Попова А. «Искусство — ключ к пониманию культуры другой страны». РБК Daily. 11.12.2013. С. 11.

³⁶ СМИ: Британия прекратила поддерживать перекрёстный год культуры с РФ // РИА Новости. 2014. 28 июля. URL: <http://ria.ru/world/20140728/1017769448.html> (дата обращения: 18.02.2016).

тра, перекрёстные выставки Третьяковской и Национальной галереи Лондона, выступление знаменитого скрипача В. Репина в Royal Festival Hall, открытие памятников классикам русской литературы: И. Бродскому — в Кильском университете и М. Шолохову — в графстве Чешир. Проведены литературоведческие конференции, круглые столы и фестивали в различных университетах Великобритании по творчеству Ф.М. Достоевского, А.С. Пушкина, а в России — посвящённые 400-летию со дня смерти У. Шекспира³⁷.

В 2016 г. состоялся визит Святейшего Патриарха Кирилла, посвящённый 300-летию православия на Британских островах, прошли встречи с Королевой Елизаветой II и архиепископом Кентерберийским Дж. Уэлби.

В 2017 г. в рамках перекрёстного Года науки и образования состоялось около 100 мероприятий: конференции, круглые столы в разных городах РФ и Великобритании; российско-британские семинары для молодых учёных; выставка советской космонавтики в Музее науки (Лондон); выделены научно-исследовательские гранты; организованы британские программы на Международной книжной ярмарке, фестивале новой культуры, музыки и технологий Synthposium, фестивале кино о науке и технологиях и др.

В рамках Года музыки состоялось более 200 мероприятий с участием 500 музыкальных коллективов из Великобритании³⁸. Интересно, что большинство мероприятий Года музыки включало британские мероприятия по всей России и лишь шоукейс инициативы RUSH с участием четырех российских коллективов — Shortparis, Chkbns, Fogh Depot, Lucidvox — в рамках фестиваля The Great Escape в Брайтоне в мае 2019 г. и участие 3 российских музыкантов в программе

³⁷ Официальный сайт посольства России в Великобритании. 17.07.2017. Russo-British bilateral relations. URL: <https://www.russemb.org.uk/ruuk> (дата обращения: 21.12.2021).

³⁸ UK-Russia Year of Music 2019–20 // British Embassy in Moscow, British Council. URL: https://www.britishcouncil.ru/sites/default/files/uk-russia_year_of_music_2019-20_final.pdf (accessed 15.04.2022).

резиденций британских и российских музыкантов с поездкой в Великобританию для погружения в британскую культурную и музыкальную среду³⁹. Это говорит об активности культурной дипломатии Великобритании и является поводом для российских лиц, ответственных за проведение российской культурной дипломатии, задуматься об изучении опыта британской культурной дипломатии для применения при выработке российских концепций развития культурной дипломатии и ее активизации.

С началом спецоперации на Украине Соединенное Королевство объявило о санкциях, первой приостановило воздушное сообщение с РФ, приняло решение о конфискации имущества российских олигархов, проживающих в Великобритании. Многие британские предприятия, включая Shell и BP, прекратили свою деятельность на территории РФ. В данных условиях как никогда прежде важно обратиться к истории взаимодействия Москвы и Лондона, культурному сотрудничеству двух стран поскольку в условиях ухудшения политических и торгово-экономических отношений поддержание диалога в сфере культуры может стать тем фундаментом, на основе которого можно будет выстраивать восстановление двустороннего диалога. Поддержание сотрудничества в области культуры, позволит смягчить кризис, снова накопить положительных опыт взаимодействия, укрепить доверие и взаимопонимание. Использование этого опыта можно будет впоследствии, при более благоприятной конъюнктуре, распространить и на политическую сферу.

³⁹ Открытие Года музыки Великобритании и России 2019 // Музыкальное образование. 2019. 13 марта. URL: <https://muzobozrenie.ru/otkrytie-goda-muzyki-velikobritanii-i-rossii-2019/> (дата обращения: 12.04.2022)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Алентьева Татьяна Викторовна — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, руководитель Центра изучения США. Курского государственного университета, г. Курск. E-mail: alenttv@mail.ru

Буранок Сергей Олегович — доктор исторических наук, профессор Самарского государственного социально-педагогического университета, г. Самара. E-mail: witch-king-1@mail.ru

Валеева-Хакимова Римма Рафаэлевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Института международных отношений, старший научный сотрудник, зав. НОЦ «Ресурсный центр “Всемирное культурное наследие”» Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань. E-mail: RiRValeeva@kpfu.ru

Гелла Тамара Николаевна — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории и регионоведения исторического факультета ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева», г. Орёл. E-mail: gellat@mail.ru

Жолудов Михаил Валентинович — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, г. Рязань. E-mail: mikhailzhol@yandex.ru

Иванов Николай Серафимович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, г. Москва. E-mail: nik3334@yandex.ru

Киселев Александр Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Волгоградского государственного университета, г. Волгоград. E-mail: alkiselev@mail.ru

Лабутина Татьяна Леонидовна — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории межкультурных коммуникаций стран Запада и Востока, г. Москва. E-mail: tlabutina2007@yandex.ru

Орлов Александр Анатольевич — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики Московского педагогического государственного университета, г. Москва. E-mail:

Портнягин Дмитрий Игоревич — кандидат исторических наук, доцент факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. Email: d.portnyagin@spbu.ru

Портнягина Наталья Александровна — кандидат исторических наук, доцент, независимый исследователь, г. Санкт-Петербург. Email: nar.spb@mail.ru

Сергеев Евгений Юрьевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения РГГУ и исторического факультета ГАУГН, г. Москва. E-mail: Eugene.sergeev59@gmail.com

Смирнова Ирина Юрьевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, г. Москва. E-mail: irinasmirnowa@mail.ru

Соколов Александр Станиславович — доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой Истории, философии и права Рязанского государственного радиотехнического университета им. В.Ф. Уткина, г. Рязань. E-mail: falcon140770@yandex.ru

Третьякова Марина Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, обществознания и права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета Арзамасского филиала, г. Арзамас. E-mail: marinatretyakova@mail.ru

Троицкая Лариса Михайловна — кандидат исторических наук старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, г. Москва. Email: larisa_troitskaia@mail.ru

Филимонова Мария Александровна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник научной лаборатории «Центр изучения США» Курского государственного университета, г. Курск. E-mail: mar-filimonova@yandex.ru

Хрулева Ирина Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва. E-mail: irinakhruleva@mail.ru

Чикалова Ирина Ромуальдовна — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории и методики преподавания истории Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка; ведущий научный сотрудник Института истории НАН Беларуси, г. Минск. E-mail: irina_chikalova@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

Часть I. Российские дипломаты

Глава 1.

А.А. Киселев. Первый русский посланник в Англии: была ли успешной миссия Осипа Непеи (1556–1557 гг.)? 19

Глава 2.

Л.М. Троицкая. Роль русского дипломата А.Г. Евстафьева в развитии межкультурных связей России с США и Европой (первая половина XIX в.) 41

Глава 3

Н.С. Иванов. Дипломат-славянофил Александр Семенович Ионин 59

Глава 4

Т.Н. Гелла. Колониальная и имперская политика Великобритании в донесениях российских дипломатов в 80-е гг XIX в. 87

Глава 5

И.Р. Чикалова. «Неофициальный агент русского правительства» в Лондоне Ольга Алексеевна Новикова (1840–1925) 111

Глава 6

А.А. Орлов, С.Л. Турилова. Иван Яковлевич Коростовец — российский дипломат, учёный, литератор 130

Глава 7

Е.Ю. Сергеев. Дипломатическая дуэль Чичерина и Ллойд Джорджа на Генуэзской конференции . . . 175

Глава 8

*А.С. Соколов. Г.Я. Сокольников (1888–1939):
гражданин, политик и дипломат* 195

Глава 9

*И.Ю. Хрулева. «Вооружение и стратегическое сырье,
жизненно необходимые для продолжения
победоносной борьбы с нашими общими врагами»
(переговоры главы советской военной миссии в США
А.К. Репина в Вашингтоне в феврале 1942 г.)* 218

Часть II. Западные дипломаты**Глава 10**

*М.В. Третьякова. Исполнители дипломатических
поручений Венеции XVI — начала XVIII в.:
байло при дворе турецкого султана* 235

Глава 11

*Т.Л. Лабутина. Дипломатическая и разведывательная
деятельность британского посланника Клавдия
Рондо в России в правление Анны Иоанновны* 254

Глава 12

*М.А. Филимонова. Дипломатия Руфуса Кинга
(США и Европа, 1790-е гг.)* 285

Глава 13

*Т.В. Алентьева. Гамильтон Фиш — архитектор
международного Арбитража и апологет
миролюбивой дипломатии* 303

Глава 14

*И.Ю. Смирнова. Сэр Стрэтфорд Каннинг
и конфессиональный аспект британской
дипломатии на Ближнем Востоке** 325

Глава 15

*М.В. Жолудов. Лорд Пальмерстон против
Российской Империи (сюжет из истории*

*российско-британских
отношений XIX века)* 347

Глава 16

*Д.И. Портнягин, Н.А. Портнягина.
Артур Николсон и первая русская революция* 365

Глава 17

*С.О. Буранок. Международные отношения
на Дальнем Востоке и кинематограф США
1941–1943 гг.* 387

Глава 18

*Д.И. Портнягин. Поверенный в делах
Соединенного Королевства Великобритании
и Северной Ирландии Фрэнк Робертс
о советской внешней политике (1945–1947 гг.)* 399

Глава 19

*Р.Р. Валеева-Хакимова. Культурная дипломатия
Соединенного Королевства Великобритании
и Северной Ирландии и российско-британские
культурные связи в конце XX — начале XXI вв.* 421